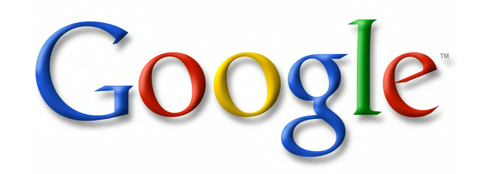
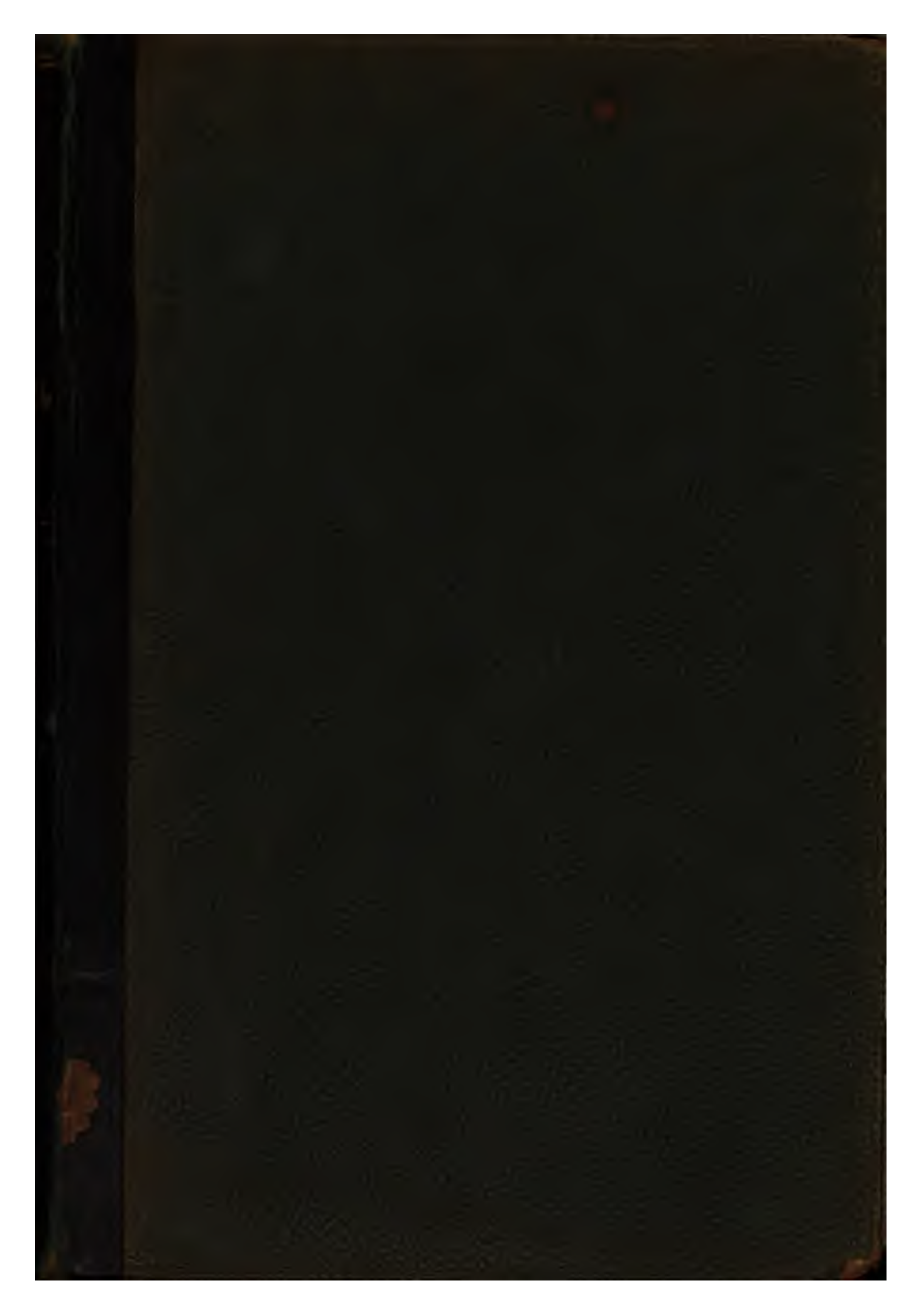

EX LIBR
Dr. H. Climenko

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Май.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

ЗАПИСКИ ОТЩЕПЕНЦА.

Was ein Häckchen werden wille,
Das krümt sich schon bei Zeiten.
(Нѣмецкая поговорка).

II.

Въ скульптурномъ отдѣлѣ парижской выставки 1878 г. были двѣ замѣчательныя статуи. Одна изъ нихъ, находящаяся теперь въ Тюльерійскомъ саду, какъ разъ противъ величественныхъ развалинъ бывшаго дворца Бурбоновъ и Бонапартовъ, называется: «Клятва Спартака». Къ крѣпкому пню пригвожденъ за правую руку и ногу сильный мускулистый старикъ - рабъ, отецъ Спартака (вождя возставшихъ въ 70 г. до рожд. Хр. римскихъ рабовъ). Лѣвая нога согнута въ болѣзненномъ сокращеніи и упирается въ пень; все же туловище, большая, откинутая назадъ голова и лѣвая рука опускаются на лѣвую сторону,—не то въ предсмертныхъ корчахъ, не то въ нѣжномъ склоненіи къ сыну, юношѣ-подростку. Въ лицѣ пригвожденнаго выраженье мукъ смерти и глубокой любви къ сыну смѣшаны съ мастерскимъ искуствомъ. Спартакъ, юноша лѣтъ 16-ти, стоитъ выпрямившись во весь ростъ; голова его опущена на грудь, въ выразительномъ лицѣ бездна злобы и роковой рѣшимости; правая рука судорожно сжимаетъ кинжалъ, а лѣвая поддерживаетъ руку умирающаго отца. У ногъ группы, нѣсколько въ сторонѣ, лежатъ тяжелые кандалы—эмблема рабства. Вся фигура Спартака дышетъ энергіей, отвагой и силой. Этотъ моментъ—позорная и страдальческая смерть отца—воз-

* См. „Восходъ“ кн. 3.

буждаетъ въ головѣ юноши мысли о грозной мести и, нѣтъ сомнѣнія, онъ отомститъ. Вся группа заключаетъ въ себѣ цѣлую историческую трагедію.

Другая статуя носитъ надпись: «Che Linse! 1746», а въ поясненіи сказано: «Баллила, мальчикъ изъ народа, первый кидаетъ съ крикомъ камень, съ чего въ Генуѣ началось возмущенье 1746 года». «Che Linse!» на генуэзкомъ жаргонѣ означаетъ: разнесемъ его! Фигура мальчика сдѣлана съ замѣчательной живостью и полна движенія и неподдѣльнаго воодушевленія. Баллила, какъ видно, забѣжалъ впереди всѣхъ и, держа въ правой рукѣ камень съ мостовой, обращается къ находящейся позади его толпѣ со своимъ воодушевляющимъ крикомъ. Красивое, полудѣтское личико его выражаетъ беззавѣтную отвагу и дѣтскій задоръ. Молодое, хрупкое тѣло, обнаженное сверху широко распахнувшейся рубашкой, а снизу засученными, какъ у рыбаковъ, выше колѣнъ, панталонами, чрезвычайно симпатично и миловидно. Контрастъ нѣжнаго тѣла мальчика съ патетическимъ, фанатическимъ выраженіемъ его личика полонъ той прелести, которая встрѣчается у всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи юношей - героевъ, какъ-то: Барра, удалаго барабанщика войнъ революціи, Іоанна Предтечи, какъ онъ изображенъ въ статуяхъ Люксамбурга, Давида съ головой Голіафа и многихъ другихъ.

Эти двѣ статуи напоминаютъ мнѣ былое и давнее и особенно двухъ другихъ юношей, двухъ братьевъ. Жили эти два брата на окраинѣ родного нашего Подвздошина, по той сторонѣ вонючей рѣчки Гнилушки, на грязненкой, грязненькой уличкѣ. По обѣимъ сторонамъ этой улички тянулись заборы, болѣе или менѣе старые, болѣе или менѣе гнилые. Мѣстами вмѣсто забора была простая изгородь изъ палокъ, кривыхъ и поломанныхъ, и между этими палками нерѣдко протискивалась огромная, жирная и нелѣпая свинья, съ наслажденіемъ топтавшаяся въ глубокой уличной грязи и неугомонно хрюкавшая и визжавшая. Приблизительно около середины этой улицы стоялъ деревяный домъ на небольшомъ дворѣ, а нетвердыя, еле-держащіяся ступеньки лѣстницы вели въ скромную квартиру, состоявшую изъ нѣсколькихъ, довольно обшир-

ныхъ комнатъ. Налѣво находилась парадная гостиная, убранная съ тѣмъ сомнительнымъ вкусомъ, по которому можно узнать провинціальную гостиную третьяго разряда: преобладаютъ желтые и зеленые цвѣта, а весь ансамбль — мебель, зеркала, тощія вазочки для цвѣтовъ — испачканъ мухами и покрытъ слоями пыли. Изъ гостиной отверстіе безъ двери ведетъ въ спальную, находящуюся въ темнотѣ. Изъ-за тонкой перегородки торчатъ лишь углы и концы великановъ - перинъ, синихъ и замасленныхъ. Обыкновенно въ этихъ помѣщеніяхъ вы застаете женскій полъ, и желто-блѣдный цвѣтъ лица и безкровныя губы достаточно краснорѣчиво говорятъ о недостаточномъ питаніи воздухомъ, которому дѣйствительно трудно было бы проникнуть сквозь вѣчно законопаченныя окна съ заплеснѣвшими стеклами и неуклюжими, грязными занавѣсями. Въ этой комнатѣ мнѣ пришлось побывать врядъ ли больше одного раза. За то гораздо чаще я бывалъ въ комнатѣ направо. Это была вовсе неуютная, запачканная, какъ классъ послѣ уроковъ, чернильными и другими пятнами, комната. Все украшеніе ея состояло изъ большой классной доски, изъ двухъ-трехъ стульевъ, одного дряннаго столика; деревянная, топорно отдѣланная постель едва прикрыта была тряпичнымъ одѣяломъ, подъ которымъ сверхъ досокъ лежали старый полушубокъ и груда просто негодной ветоши, въ которой, при тщательномъ разсмотрѣніи, можно было различить два невыразимо засаленныхъ пиджака и безобразные остатки какой-то дѣдовской шубы. Вся эта ветошь отчасти дѣлала ложе мягкимъ, отчасти подпирала кожаную подушку, блестящую отъ сала. Надъ самой постелью висѣло съ потолка самое характерное убранство этой комнаты—трапеція въ видѣ толстой палки, привѣшенной на двухъ веревкахъ. Обитатели этой комнаты—упомянутые два брата—упражнялись на этой трапеціи вставая и ложась и въ теченіи дня, когда уставали отъ книжныхъ занятій.

Отецъ ихъ былъ провалившійся акцизникъ, занимавшійся учительствомъ — чистописаніе и нѣмецкій языкъ—и продажей лотерейныхъ билетовъ. Ему не повезло на поприщѣ откупа, при которомъ онъ занималъ должность бухгалтера, и недовольный грубостью откупной среды, неспособный ко всѣмъ подво-

хамъ, бывшимъ въ употребленіи въ ней, онъ бросилъ это поприще и сталъ учительствовать. Нѣмецкій языкъ ему былъ извѣстенъ, ибо какому болѣе или менѣе образованному еврею онъ не знакомъ! ему же онъ былъ доступнѣе, чѣмъ кому-нибудь другому, такъ какъ онъ прибылъ къ намъ съ польско-прусской границы. Больше всего онъ отличался своимъ безукоризненнымъ почеркомъ и въ этомъ отношеніи соперничалъ даже съ несомнѣнно искуснымъ во всѣхъ самыхъ курчавыхъ и извилистыхъ узорахъ еврейской каллиграфіи, чахоточнымъ ребъ Боазомъ Карпилликеромъ. Одного учительства было недостаточно для поддержки большой семьи, и бѣдный ех-акцизникъ нашелъ себѣ постороннее занятіе въ видѣ продажи лотерейныхъ билетовъ.

Странно, какъ мало вязалась эта, повидимому чисто корыстная и разсчитанная на корыстолюбивые инстинкты людей торговля съ педагогическими занятіями и нравственной физіономіей этого человѣка. Маленькій, черненькій, подвижной, вѣчно озабоченный, со сморщеннымъ, зеленовато-желтымъ (геморроидальнымъ!—подвижность, живость и геморрой! Объясни, Вирховъ, это противорѣчіе!) лицомъ, онъ не имѣлъ въ себѣ ничего лавочническаго, купеческаго. Такія противорѣчія часто встрѣчаются между евреями и могутъ быть объяснены лишь двойственнымъ положеніемъ ихъ вообще. Его разговоръ начинался съ жалобъ на горькую его судьбу, на неблагодарность людей, отъ которой онъ таки пострадалъ немало. Рѣчь его была нѣсколько сентиментальна и напыщена, но по временамъ прорывался искренній и простой вздохъ, внушавшій дѣйствительную жалость.

Затѣмъ разговоръ переходилъ на нѣмецкое образованіе, на нѣмецкихъ классиковъ; его черненькіе глазки при этомъ искрились, онъ увлекался и приходилъ въ экстазъ, расписывая всѣ прелести «Турандота» Шиллера и всѣ возвышенности «Натана Мудраго» и «Федона» Мендельсона. Заключалась его бесѣда какимъ-нибудь добродушнымъ, либеральнымъ и чисто-нѣмецкимъ анекдотомъ, въ родѣ слѣдующаго. Нѣкій нѣмецъ говаривалъ, что онъ въ Бога не вѣритъ, въ церковъ не ходитъ и передъ королемъ головы не обнажаетъ. На изумленный

вопросъ его пораженныхъ слушателей, онъ отвѣчалъ: въ Бога не вѣрю, ибо въ лучшую погоду беру съ собой зонтикъ, не довѣряя Богу, чтобы онъ въ самую лучшую погоду не могъ послать дождь и непогодицу; въ церковь не имѣю привычки ходить, а—ѣзжу; передъ королемъ не обнажаю головы, ибо, хотя и снимаю шляпу, но остаюсь въ ермолкѣ, которою обыкновенно прикрыта моя плѣшь.

Да, этотъ господинъ лотерейныхъ билетовъ не выдумалъ бы, еслибъ ихъ не выдумалъ безъ него и не торговалъ бы ими, еслибъ его не гнела такая злая судьба. Идеализмъ его выказался всего рѣзче въ его отношеніи къ своимъ дѣтямъ. У него было три сына. Чуть подросъ старшій, какъ онъ его отдалъ въ гимназію. Это былъ первый гимназистъ-еврей во всемъ Подвздошинскомъ краѣ. Онъ былъ характеренъ для той эпохи и мы ознакомимся съ нимъ ближе. Прежде всего онъ не былъ, какъ обыкновенно бываютъ поступающія въ учебныя заведенія дѣти изъ невѣжественной среды, делегатомъ отъ темной толпы въ тѣсный кругъ избранниковъ интеллигенціи, а лишь посланнымъ отъ опредѣленнаго круга людей піонеромъ, съ заранѣе установленной программой занятій и статутомъ дѣйствій; и, по предписанію его общины, онъ не долженъ былъ оставаться и впослѣдствіи внѣ ея, среди какого-то неизвѣстнаго общества. Онъ обязанъ былъ вернуться съ запасомъ свѣдѣній, добытыхъ на пользу и во славу пославшаго его круга. Этотъ кругъ, эту общину называли и называютъ еще «государствомъ въ государствѣ», кагаломъ; мы же называемъ это — гетто и каждый поступокъ еврея и судимъ съ этой точки зрѣнія.

Какъ такой піонеръ *со своимъ* уставомъ, *своимъ* mandat impératif, онъ заключалъ лишь компромиссъ съ новой средой, въ которой онъ очутился, но не шелъ и не могъ идти дальше. Уже приготовленіе въ гимназію шло при помощи компромисса. Гимназическіе предметы не вытѣсняли еврейской науки; послѣднимъ даже отдавалось предпочтеніе и большая часть времени. Эти двойныя занятія плохо отзывались на здоровьѣ юноши, и онъ поступилъ въ гимназію заморенный и болѣзненный, а гимназія не поправила его здоровья. Строгая классная дисциплина и обременительное ученіе давили на мозгъ, грудь

и душу юноши и постепенно раздавливали его. За то онъ оставался искреннимъ евреемъ. Аккуратно онъ являлся въ синагогу и набожно молился, при чемъ пряталъ искусно свой красный околышъ на шапкѣ и красный воротникъ мундира; но врядъ-ли было много такихъ, которые стояли съ такой набожностью какъ онъ «восемнадцать молитвъ» и читали псалмы. По поводу ученическихъ работъ въ субботу онъ выдержалъ упорную борьбу съ начальствомъ и остался побѣдителемъ. Этотъ чахоточный мученикъ акцизниковскаго компромисса съ наукой былъ гордостью своего отца. По окончаніи курса гимназіи, отецъ его отправилъ въ Петербургъ въ технологическій институтъ. Тамъ онъ попалъ въ другія условія: обстоятельства и обстановка тамъ были совсѣмъ иныя: ужъ погуливалъ и вліялъ шмендеферникъ. Тамъ онъ скоро умеръ; одни говорили—отъ чахотки, другіе—отъ сифилиса. Надо полагать, его измученный мозгъ не перенесъ быстраго перехода отъ компромисса и половинчатости къ безоглядному, прямому поведенію, а истощенная грудь не выдержала петербургскихъ тумановъ.

Безвременная смерть старшаго сына, главной надежды отца, сильно потрясла нашего бѣднаго акцизника въ отставкѣ, вообще впечатлительнаго. Оставшимся двумъ сыновьямъ онъ рѣшилъ дать нѣсколько иное воспитаніе, нѣсколько болѣе свободное въ религіозномъ отношеніи. Но и тутъ онъ пересолилъ въ другомъ направленіи. Ихъ воспитаніе рано перестало быть еврейскимъ, и ихъ вообще рано засадили за науку. Отецъ спѣшилъ наверстать на двухъ оставшихся сыновьяхъ унесенныя старшимъ сыномъ въ гробъ надежды. Богато одаренные природой мальчики дѣйствительно быстро развивались и дѣлали блестящіе успѣхи. Способные и трудолюбивые, они представляли два типа еврейскихъ юношей. Старшій, живой и умный, былъ чрезвычайно подвиженъ, ловокъ и общителенъ. Его веселый смѣхъ, его громкій говоръ наполнялъ домъ, въ которомъ онъ находился. Онъ имѣлъ склонность къ математикѣ и къ естественнымъ наукамъ и не было преподавателя, который бы увлекательнѣе его преподавалъ элементарную математику, космографію и физику. Остроумный, беззаботный и добродуш-

ный, онъ былъ прекраснымъ товарищемъ и вѣрнымъ другомъ. Какъ онъ умѣлъ увлекательно заниматься! Надъ любимыми книгами и предметами онъ проводилъ дни и ночи. Разъ, по причинѣ смертнаго случая въ семействѣ, онъ сидѣлъ шиве (7 дней траура) и за это время онъ продѣлалъ раза три весь задачникъ Больмана. На смугломъ, черноглазомъ лицѣ выдавался прекрасный, высокій и выпуклый лобъ и крупный орлиный носъ; тонко очерченный ротъ, изящный подбородокъ, небольшія уши, продолговатый, но закругленный и умѣренной величины черепъ, покрытый густыми, тонкими и черными, какъ смоль, волосами, дополняли эту характерную, интересную голову, профиль которой имѣлъ сильное сходство съ римскимъ. Голова сидѣла на длинноватой и худой шеѣ, прикрѣпленной къ небольшому, но симетричному и весьма подвижному тѣлу. Въ цѣломъ, это была восточная фигура, но расовая и изящная. Въ энергичныхъ движеніяхъ оказывались сила и самоувѣренность, въ живомъ взглядѣ—и умъ и выдающіяся способности. Другаго типа былъ его братъ. Красивая, круглая его головка, обыкновенно опущенная, мягкія, нѣжныя и правильныя черты лица съ безконечно задумчивыми и симпатичными глазами производили впечатлѣніе чего-то женственнаго и дѣтскаго. Длинные каптановые вьющіеся волосы, по сторонамъ лица придавали его фигурѣ германскій отпечатокъ, и въ немъ не было почти ничего еврейскаго. Онъ имѣлъ природный художественный талантъ и еще мальчикомъ лѣпилъ изъ глины и рисовалъ умѣло и осмысленно. Четырнадцати лѣтъ онъ превосходно нарисовалъ улицу, въ которой стоялъ ихъ домъ, съ заборами, со свиньей и съ непроходимой грязью — прекрасный жанръ-пейзажъ современнаго реалиста импрессіониста. Слабый задумчивый и тихій—онъ мало говорилъ и въ обществѣ сидѣлъ въ какомъ нибудь углу и наблюдалъ. За братомъ онъ всюду ходилъ, и тотъ ободрялъ его, ухаживалъ за нимъ и покровительствовалъ ему, какъ старшій и въ силу своей предпріимчивости и самоувѣренности.

И они подверглись несообразностямъ подвздошинской педагогіи. Чисто хедерское рвеніе пичкать дѣтей до одуренія мудростью, торой, толкало акцизника на самые неразумные

пріемы воспитанія, и онъ лѣзъ изъ кожи, чтобы его мальчики были приняты раньше законнаго возраста въ гимназію и чтобы они были переводимы, не смотря на свою незрѣлость, преимущественно физическую, изъ класса въ классъ. Такъ, онъ добился таки, помощью назойливаго приставанія къ начальству, что его дѣти кончили гимназію раньше 17-ти-лѣтняго возраста, заморенные и слабосильные. Не будь счастливаго поворота въ ихъ гимназической жизни, о каковомъ поворотѣ будетъ рѣчь впереди, ихъ натуры и организмы врядъ ли вынесли бы эту незрѣлую работу мозга. Но отецъ ихъ не понималъ этого, онъ былъ еще слишкомъ пропитанъ хедерными и синагогальными идеалами и взглядами и вносилъ эти идеалы и представленія въ воспитаніе своихъ дѣтей. Но что такое эти исконныя и заповѣдныя основы еврейскаго быта: *хедеръ*, *ребе*, *талмудъ и синагога*? На всѣ эти дѣятели еврейскаго воспитанія сыпались потоки упрековъ и нападокъ. Желательно было бы безпристрастно оцѣнить эти орудія нашего воспитанія и, осудивъ ихъ недостатки, отдать справедливость и ихъ качествамъ.

Синагога—это не только религіозный, но и умственный и культурный центръ еврейскаго населенія. Юдофобы называли ее политическимъ центромъ. Это настолько вѣрно, насколько эти злобные противники наши не умѣютъ, или не хотятъ признать разницу между политикой и культурой. Политика, конечно, относится къ вѣдомству полиціи, и ее можно отдать въ цензуру или сыскивать, за ней можно надзирать, слѣдить; но культура вѣдѣнію полиціи не подлежитъ, подъ цензуру не дается и про нее можно—mutatis mutandis—сказать: Chassez la *culture* par la porte, elle reviendra par la fenêtre. Эта культура есть независимость мысли и сужденія, свобода совѣсти не въ видѣ закона, а въ качествѣ личной свободы дѣйствій, поступковъ и отношеній сообразно съ своей собственной совѣстью; это наконецъ—свобода сравненія и обобщенія фактовъ дѣйствительности, выводовъ изъ жизни и образованія своего собственнаго сужденія независимо отъ существующаго, или въ связи съ нимъ. Вотъ такой культурный центръ есть и синагога. Тамъ послѣ молитвъ предаются разговорамъ и сужденіямъ, тамъ общественныя и иныя новости подвергаются такъ или иначе

разбору и критикѣ. Находящійся въ синагогѣ и при ней людъ, о которомъ мы еще упомянемъ ниже, есть умственный пролетаріатъ, и имъ руководятъ преимущественно духовные (отъ слова духъ, душа, а не отъ душить) интересы. Тутъ устанавливается общественное мнѣніе о каждомъ изъ членовъ прихода, тутъ оцѣнивается всякій поступокъ, разбирается и опредѣляется каждый новый общественный дѣятель, будь то раввинъ, магидъ или исправникъ, квартальный или же совсѣмъ шабесгой *.

И какъ у насъ, евреевъ, все построено на ассоціаціонномъ принципѣ (не даромъ насъ упрекаютъ въ «кагалѣ» и въ «хазакѣ», а тутъ дѣло просто въ ассоціаціи!), то и въ синагогѣ юношество съ измальства воспитывается въ духѣ сходокъ, соединеній и ассоціацій. Первая ассоціація синагогальнаго характера—это «Хевре Шасъ», нѣчто въ родѣ библейскаго общества, пирохіальнаго братства съ цѣлью поддержки синагогальной библіотеки. Наше юношество ревностно дѣйствовало въ такихъ обществахъ. Мы вносили аккуратно свои гроши, составляли каталоги, покупали новыя книги, отдавали въ переплетъ порванныя и т. д. Рутина, пріобрѣтенная въ этихъ маленькихъ дѣлишкахъ, послужила намъ на пользу, когда рамки нашей дѣятельности расширились, когда періодъ талмуда и хедера прошелъ.

И такъ, синагога имѣетъ, кромѣ религіознаго, еще и культурное значеніе, и пока у евреевъ не будетъ иныхъ культурныхъ центровъ—библіотекъ, клубовъ, театровъ—синагога будетъ замѣнять имъ таковые.

Что такое хедеръ? Это клерикальное заведеніе для возрощенія дѣтей Израиля въ страхѣ божіемъ и преданіяхъ отцовъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера тамъ преподается вся энциклопедія еврейской религіи и теологической литературы. Въ этихъ наукахъ пропасть поэзіи, здравой нравственности, жи-

---

* Неуклюжее существо христіанскаго вѣроисповѣданія, въ *магеркѣ* и *свитѣ* (по бѣлорусски — круглая бѣлая войлочная шапка и кафтанъ изъ той же матеріи), которое является по пятницамъ послѣ вечерней молитвы, а по субботамъ передъ заключительной шабашной молитвой, и въ первомъ случаѣ косолапо и съ тупымъ видомъ тушитъ свѣчи, а во второмъ зажигаетъ лампады.

зненнаго опыта и мудрости. Слѣдуетъ энергично протестовать противъ абсолютно невѣрнаго положенія, будто въ этой теологіи все «безнравственно и антиобщественно». Еврейская теологія въ той же, ровно въ той же мѣрѣ нравственна, какъ и другія теологіи; по степени же поэтичности она, очевидно, должна превосходить остальныя религіи, ибо она старѣе многихъ изъ нихъ, и ея литература, насколько даже я—не теологъ и не спеціалистъ и по еврейской литературѣ—могу судить, гораздо богаче и обширнѣе другихъ.

Но надо признаться, что эти хорошіе элементы окружены и завалены такимъ множествомъ ненужнаго, утомительнаго, суевѣрнаго и прямо невѣрнаго, что разобраться въ полезномъ и безполезномъ довольно трудно и что дѣтскія и юношескія головки, которыхъ начиняютъ всей этой неимовѣрной массой разнокалиберныхъ свѣдѣній, часто выходятъ искалѣченными на всю жизнь. Виновна тутъ еще и система ученія и преподаванія. Она безтолкова, нелѣпа и гибельна. Одно хорошо: это то, что въ этихъ полузакрытыхъ заведеніяхъ дѣти не такъ отрываются отъ жизни, какъ въ другихъ современныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти хедеры обыкновенно помѣщаются на частныхъ квартирахъ и, при откровенности мѣщанской жизни, послѣдняя проходитъ мимо глазъ учащихся со всей ея непосредственностью и неокрашенностью, и даетъ имъ запасъ наблюденій и жизненныхъ познаній, недоступныхъ питомцамъ домашняго воспитанія и закрытыхъ учебныхъ заведеній. Эта неисключительность и открытость хедеровъ дѣлаетъ ихъ доступными вліяніямъ окружающей среды, и реформа ихъ поэтому возможна лишь съ перемѣной среды.

Послѣдній элементъ еврейскаго воспитанія, это—ребе, меламедъ. Сущности этого дьячка, стоящаго внѣ всякой духовной іерархіи, и руководителя юношества, я не берусь оправдывать. Она дика и не складна. Ребе, какъ извѣстно, нигдѣ не долженъ учиться и не обязанъ давать никакихъ гарантій въ какихъ либо систематическихъ свѣдѣніяхъ и педагогическомъ умѣньи. Достаточно, если онъ извѣстенъ въ своемъ околоткѣ или городѣ за бойкаго талмудиста и гебраиста. Но личности ребе различны, и на столько же могутъ быть изувѣрами и слѣ-

пыми орудіями тьмы и невѣжества, какъ и людьми гуманнѣйшихъ міровоззрѣній и чистѣйшихъ взглядовъ. Передъ нами прошли три типа меламедовъ. Тутъ былъ заурядный меламедъ—ремень—кремень. Онъ ясно и опредѣленно понималъ свою задачу—вбивать въ наши головы весь запасъ премудрости, имѣвшійся въ его распоряженіи. И онъ это дѣлалъ съ упорной и грубой настойчивостью, смягчаемой развѣ изрѣдка анекдотами и бонмо іешиботнаго происхожденія, въ родѣ: «Знаете, что такое ת י ק ו—блейбтъ а каше? Т, і, к, в, значитъ: *Ты, еврей, купи водки!*»—Билъ онъ насъ нещадно, мучилъ насъ «раше и тейсвесомъ» неумолимо и въ головѣ у насъ отъ него осталось мало пріятныхъ воспоминаній или какихъ либо полезныхъ свѣдѣній. Это ребе эпохи перваго патріарха. Таково, очевидно, было значеніе большинства меламедовъ для развитія юношества. Не то ужъ былъ слѣдующій типъ. Такой же твердый, какъ и предъидущій въ знаніяхъ и въ религіозныхъ правилахъ, онъ соединялъ съ еврейскимъ міровоззрѣніемъ и знаніемъ нѣкоторое европейское образованіе и стремленіе къ свѣту и гуманности. Этотъ высокій, тонкій, граціозно-сложенный человѣкъ съ красивой черной бородой, тонкими чертами лица и выразительными, глубокими глазами, былъ ревностный поборникъ прогресса и зналъ весьма недурно русскую, нѣмецкую и французскую литературу. Самый сильный отпечатокъ на немъ оставила нѣмецкая литература и оттого-то, да еще по причинѣ его автодидактизма, онъ былъ такимъ педантомъ—единственный недостатокъ этого симпатичнаго человѣка. Изъ класса меламедовъ онъ былъ самый яркій представитель акцизниковскаго типа. Эта странная смѣсь Вольтера и Тейсвеса, Руссо и Хай-Одома могла уживаться мирно только въ ту эпоху середки на половину. И проповѣдуя намъ съ пафосомъ Руссо, Гете и Шиллера, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ занимался безконечнымъ писаніемъ прошеній ко всякаго рода начальствамъ и высокопоставленнымъ лицамъ. Когда его сынъ и дочь подросли, онъ ихъ отдалъ въ учебныя заведенія, и тогда канцеляріи этихъ заведеній, а также петербургское бюро общества распространенія образованія между евреями переполнялись предлинными его просьбами объ освобожденіи отъ платы за ученіе и о пособіяхъ, и о разныхъ дру-

гихъ жалобахъ, претензіяхъ и желаніяхъ, по поводу которыхъ онъ просилъ помощи, совѣта и участія. Ему, бѣднягѣ, дѣйствительно нечѣмъ было платить, но онъ писалъ больше, чѣмъ нужно было, и чѣмъ допускали соображенія по Гете и Руссо. Какъ истый сынъ этой эпохи, онъ былъ поло-и галло-филомъ. Онъ не зналъ по польски и не имѣлъ никакихъ сношеній съ поляками. Но онъ былъ прежде всего галлофиломъ, а лишь потомъ и потому—уже полофиломъ. Нескончаемые споры вели мы съ нимъ во время польскаго возстанія. Мы были на сторонѣ русскихъ; онъ же былъ бонапартистомъ и ожидалъ помощи для поляковъ отъ наполеоновской Франціи. Его надежды не сбылись, и мы, истые русскіе патріоты, торжествовали.

Почему и какъ мы были патріотами, о семъ ниже. Теперь перейдемъ къ третьему типу, къ современному.

Онъ появился въ нашей мѣстности въ качествѣ странствующаго талмудиста, родъ fahrender Schüler. Не знаю, по какимъ интимнымъ причинамъ въ Германіи появились fahrende Schüler, но наши странствующіе талмудисты обыкновенно имѣютъ своей точкой отправленія разладъ въ семьѣ, несогласіе съ подругой жизни. Никогда и нигдѣ подобный разладъ не мѣшалъ людямъ быть философами, мыслителями и выдающимися двигателями человѣчества. Каждому Сократу какъ будто даже полагается своя Ксантиппа, и если Сократъ можетъ показаться слишкомъ устарѣвшимъ примѣромъ, то не трудно привести изъ современности случай хоть бы Диккенса. И вотъ, въ качествѣ «поруша» появился и нашъ пріятель. Появился, конечно, въ синагогѣ; гдѣ же иначе и появляться? Въ синагогѣ я его въ первый разъ и увидѣлъ, и сразу отмѣтилъ его высокую, стройную фигуру, его мягкій, пристальный и задумчивый взоръ, рѣзкія крупныя черты его смуглаго лица, его необычно большой носъ съ горбомъ, истинно философскій носъ нѣмецкаго Denker; его скромныя, изящныя, хотя твердыя и нѣсколько угловатыя движенія, его негромкій нервнофистульный и мелодичный голосъ, наконецъ сильную растительность: черную какъ смоль, длинную бороду, начинавшуюся на скулахъ, и особенно волосатую голову съ прядями жесткихъ, оттопыренныхъ волосъ. На лобъ падала одна прядь, острая и плотная, и

это придавало лицу выраженіе энергіи. Нельзя было не выдѣлять эту пластичную фигуру подъ низкимъ потолкомъ хейдеръшейни, гдѣ ютился людъ ешиботный, поруши и разная бетмидрашная челядь. Среди этой душной и пропитанной всевозможными и непріятными запахами атмосферы, среди этой баснословной и пронизывающей все грязи, между блѣдными, истощенными и безжизненными лицами синагогальнаго люда, его характерная и интересная фигура выдавалась. Его звали—жмудяниномъ и про него скоро заговорили въ синагогѣ и затѣмъ и въ городѣ. Онъ не хотѣлъ долго оставаться въ синагогѣ и искалъ независимости и подходящаго поля дѣятельности. И то, и другое выискалось: онъ поступилъ въ качествѣ ребе въ богатый и современный домъ. Оказалось, что онъ не только талмудистъ и гебраистъ, какимъ онъ былъ извѣстенъ синагогѣ, но и неповерхностный знатокъ европейской литературы и нѣмецкой философіи. Въ педагогіи было, очевидно, его призваніе и онъ замѣчательно хорошо популязировалъ, сильно привязывалъ къ себѣ дѣтей и юношей своимъ теплымъ и задушевнымъ отношеніемъ и прекрасно вліялъ чистотой и высотой своей мысли. Но тяжелый крестъ выпалъ на его долю въ этотъ періодъ. Мы вышли уже изъ талмудическаго періода, стали просто тяготиться талмудомъ; наша мысль лежала въ другихъ предметахъ: въ ассимиляціи, въ общечеловѣческихъ вопросахъ. А онъ, этотъ несчастный могиканецъ меламедства, долженъ былъ водить насъ по дебрямъ талмуда и библіи. И наше, молодое брало все больше и больше верхъ, и онъ отступалъ, отступалъ отъ позиціи къ позиціи. Сперва мы бросили талмудъ. Эти громадные, обыкновенно засаленные фоліанты насъ нервно раздражали, и мы, засаживаемые за повтореніе и разучиваніе уроковъ, сначала тоскливо и безсмысленно смотрѣли на листъ, ничего не читая и ничего не понимая, затѣмъ устремлялись мыслями далеко отъ «бейце шенейлдо» или «мукце» и даже не замѣчали, какъ несчастный ребе подходилъ близко и, увидѣвъ нашъ разсѣянный и уносящійся далеко взоръ, не очень нѣжно встряхивалъ насъ. Но эти понуканія ни къ чему не вели, и ребе вмѣстѣ съ отчаявающимися родителями пришлось оставить позицію. Талмудъ замѣнили тогда мишне,

ничный нѣмецъ—кличка евреевъ, живущихъ на прусско-русской границѣ), развязностью съ дамами, не преминулъ обратить вниманіе этой франтихи на пятна. Дама—еврейская дѣвица—обернулась, увидѣла свое платье запачканнымъ ѣдкимъ веществомъ и, ни минуты не медля, схватила жмудянина за руку и закричала на всю улицу: «Караулъ, грабятъ!... Это ты меня облилъ!...» На эти крики откуда ни возьмись двое городовыхъ и схватили жмудянина; тутъ же какой-то чиновникъ также выступаетъ свидѣтелемъ, утверждая, что онъ видѣлъ самъ, какъ жмудянинъ обливалъ платье еврейки. Въ одинъ мигъ нашъ пріятель былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, ошеломленъ и направленъ въ полицію. По дорогѣ въ полицію жмудянинъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ пузырекъ съ какой-то жидкостью, вынулъ его и попытался незамѣтно выбросить. Движенье это не ускользнуло отъ вниманья полицейскихъ и чиновника-свидѣтеля; они бросились поднимать полуразбитую бутылочку и понесли ее въ качествѣ вещественнаго доказательства.

Событіе это взволновало полицію и городъ. Полиція давно разыскивала кого нибудь, на кого взвалить безчисленные случаи обливанья дамскаго платья ѣдкими веществами, происходившіе въ теченіе двухъ лѣтъ. Про эти таинственныя поврежденія ходили самые разнообразные слухи. Одни говорили, что это поляки мстятъ тѣмъ барынямъ, что не носятъ траура; другіе говорили, что это просто шайка, нанятая портными, нуждающимися въ работѣ. Наконецъ, полиція считала, что нашла главнаго виновника всѣхъ этихъ злоумышленій.

Еврейское общество, болѣе или менѣе знавшее жмудянина за тонкаго талмудиста и вообще за образованнаго и благовоспитаннаго человѣка, никакъ не могло понять, какимъ образомъ онъ могъ попасть въ такую исторію. Стали сильно хлопотать о заключенномъ. Но никакія хлопоты не могли не только освободить, но и облегчить участь арестанта. Начальство придавало этому случаю важность необычайную; жмудянина держали въ строгомъ секретѣ, ему давали плохо ѣсть, и допрашивать его явился разъ самъ губернаторъ. Мы, друзья жмудянина, волновались не менѣе всѣхъ; мы бѣгали куда могли по

начальству. Но каково было наше изумленіе, когда одному изъ насъ слѣдователь, ведшій это дѣло, заявилъ: «Да знаете ли вы, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло? Вѣдь это государственный преступникъ! Онъ состоялъ въ связи съ Alliance Israèlite въ Парижѣ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ жондомъ народовымъ. Онъ былъ заграницей!...» Дѣйствительно, жмудянинъ былъ какъ-то нѣсколько дней въ Кенигсбергѣ, гдѣ, какъ извѣстно, ни жонда ни Alliancè не существуетъ. Такъ жмудянинъ просидѣлъ недѣль шесть. Прошла первая горячка у начальства, и его выпустили на поруки подъ залогъ денегъ. Тогда мы узнали суть дѣла. Дѣвица, пострадавшая отъ мнимаго покушенія жмудянина, была сама легкаго поведенія и состояла въ интимной связи съ полиціймейстеромъ, чиновникъ - свидѣтель былъ просто полицейскій служитель. Бутылочка съ жидкостью содержала лекарство противъ геморроя, взятое по рецепту одного мѣстнаго врача. Словомъ—тутъ была западня, разставленная самой полиціей.

Такая наглость насъ окончательно взорвала. Мы рѣшили разслѣдовать личность и дѣла полиціймейстера. То, что обнаружилось, было неожиданнаго и возмутительнаго свойства. Этотъ помпадуръ служилъ раньше въ жандармахъ, но былъ изгнанъ изъ этой службы за истязаніе двухъ евреевъ и одного мужика, каковое истязаніе кончилось смертью двухъ евреевъ. Въ Подвздошинѣ онъ былъ правой рукой губернатора и заправлялъ такимъ образомъ всей губерніей. Въ городѣ творились огромныхъ размѣровъ хищенія. Полиціймейстеръ находился въ связи со всѣми мошенниками и ворами и, очевидно, былъ главою цѣлой организованной шайки, въ сравненіи съ которой шайка Курицкеса и харьковскихъ карманщиковъ—ничтожества. Онъ лучше всѣхъ зналъ, кто обливалъ и къ чему обливали платья, и устроенный имъ съ жмудяниномъ скандалъ имѣлъ лишь цѣлью найти козла отпущенія для его собственныхъ безчисленныхъ грѣховъ. Намъ открылась вся зіяющая пропасть житейскихъ безобразій и авторитетной наглости.

Мы содрогнулись... и стали писать корреспонденціи во всѣ доступныя для насъ газеты. Это было наше первое общественное предпріятіе, и оно имѣло неожиданный успѣхъ. Не знаю

уже, вслѣдствіе ли именно нашихъ корреспонденцій или по другимъ причинамъ, но на полиціймейстера обрушилась изъ Петербурга внезапная и безпощадная ревизія. Раскрытыя этой ревизіей дѣла подтвердили все то, что мы знали. Всѣ дѣла полиціи были въ невѣроятномъ запущеніи и безпорядкѣ, а кругомъ творились вопіющія несправедливости и совершался безпрерывный грабежъ. Такъ, между прочимъ, огромная каменная казарма сгорѣла среди бѣла дня и у всѣхъ на глазахъ, въ двухъ шагахъ отъ пожарной команды, до тла. Мало того, все желѣзо, оставшееся отъ этого сгорѣвшаго зданія, цѣнностью въ нѣсколько тысячъ рублей, въ одну лунную ночь унесено было неизвѣстно кѣмъ. Ревизія обнаружила, что это желѣзо было украдено и продано при участіи полиціймейстера. Чаша этого живодера переполнилась, и его отрѣшили отъ должности, лишивъ всѣхъ чиновъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, мы имѣли нравственное удовлетвореніе видѣть нашего врага — грозу города — нищимъ и униженнымъ, пробивающимся милостыней. Его пріютила бывшая содержательница дома терпимости.

Дѣло жмудянина, однако, шло своимъ порядкомъ; пролежало годъ въ одной палатѣ, перешло затѣмъ въ другую; секретари брали, судьи брали, предсѣдатели получали и года два спустя, въ моемъ и жмудянина присутствіи, какая-то фигура въ вицмундирѣ прочитала съ напускной важностью резолюцію — признать подсудимаго виновнымъ и подвергнуть его 25 рублевому штрафу и надзору полиціи на два года... Нельзя сказать, чтобы это былъ судъ скорый, но за то же и милостивый...

Въ это время въ Подвздошинѣ обстоятельства стали измѣняться. Изъ Богомъ хранимаго захолустья, основныя свѣдѣнія по космографіи котораго сводились къ положенью о свернутомъ китѣ, на которомъ покоится земля и гдѣ существовала «царсеръ левоне» (чарейская луна) *, Подвздошинъ превратился въ городъ съ нѣкоторыми раціональными свѣдѣніями о вели-

---

* Чареи, уѣздн. городъ въ западн. краѣ. Дочь чарейскаго «рандара», невѣста, заводитъ при первомъ свиданіи со своимъ иногороднымъ женихомъ разговоръ: «А у васъ есть *а царсеръ Леване?*»

чинахъ, числахъ и наконецъ о мірѣ семъ и о всемъ существующемъ.

Крымскій дѣятель, тогдашній представитель средняго класса, буржуазіи въ городѣ, не держалъ насъ въ такихъ ежовыхъ рукавицахъ, въ какихъ его держали его родители. Не могу сказать, чтобы онъ вовсе не ворчалъ на наши нововведенія и затѣи; нѣтъ, онъ частенько таки покрикивалъ, а иногда даже постегивалъ тѣмъ извѣстнымъ ремешкомъ, который имѣется у каждаго уважающаго себя отца семейства, но онъ ужъ имѣлъ нѣкоторое представленіе о прогрессѣ; конечно, оно было двойственное, туманное, можно сказать исковерканное, приблизительно въ родѣ того, которое имѣютъ либералъ - консервативы нѣмецкаго парламента.

Затѣвали же мы всякія общественныя предпріятія. Дѣло жмудянина возбудило въ насъ интересъ къ журналистикѣ. Тогдашніе русско-еврейскіе органы—«Разсвѣтъ», «День», обратили на себя наше вниманіе; Гаммабитъ насъ очаровывалъ своими «письмами», Оршанскій возбуждалъ насъ передовыми статьями. Мы проникались непримиримой враждой къ кіевскому Шульгину и презирали до глубины души Брафмана. Но не одними восхищеніями и презрѣніями мы питались; насъ толкало на живое, производительное дѣло. Успѣхъ на почвѣ корреспонденцій ободрилъ насъ на созданіе своей, домашней, кружковой газетки. Рукописный журналъ этотъ назывался «Die Prisme» органъ сатирико - юмористическій — издававшійся на древнееврейскомъ и жаргонѣ. Мы критиковали общественную жизнь и дѣятелей, писали эпиграммы, басни, упражнялись въ лирикѣ. Отъ критики мы перешли къ практикѣ. Мы стали вглядываться въ общественныя учрежденія и заведенія. «Талмудъ-торы» насъ заинтересовали, какъ центры умственнаго пролетаріата; мы изыскивали способы проникать въ эти заведенія и сходиться съ питомцами ихъ. Это было нелегко, ибо начальство этихъ заведеній было предубѣждено противъ насъ и не давало намъ приходить въ соприкосновеніе съ ними. Но намъ помогали образованные и вліятельные люди, между которыми мы пользовались извѣстной популярностью. И мы проникли въ среду дѣтей массы и просвѣщали ихъ. Съ

нашей стороны не нужно было, впрочемъ, много усилій, чтобы встрѣтить среди этого юношества отзывчивыхъ слушателей. Въ то время въ массѣ какъ-бы самозозраждались люди интеллигенціи и характера. Недаромъ это время прозвали «горячимъ». Словно крылатый сѣятель невидимо пронесся по всей поверхности нашей части земнаго шара и бросилъ по вѣтру пригоршни дорогихъ, сочныхъ сѣмянъ, попадавшихъ во всѣ заброcанные углы и мѣстечки и эти сѣмена попали на добрую почву, и стали выростать изъ нихъ сильныя и прекрасныя растенія. Такъ горизонтъ нашъ расширялся и мы стали искать знаній и примѣненія знанія къ жизни, т. е. борьбы. Первое, на что мы бросились по части знаній, были языки; русскій, нѣмецкій, французскій и даже англійскій были предметами нашего изученія. Нѣкоторые пошли дальше и, почуявъ въ себѣ недюжинныя способности, налегли на восточные языки. Жмудянинъ принялся за арабскій и успѣлъ прекрасно; оказались другіе, для которыхъ по части лингвистики не было ничего недоступнаго. Кромѣ грамматикъ насъ интересовали изданія Verein für Jüdiche Literatur und Geschichte. Мы читали вмѣстѣ, учились сообща и другъ у друга. Кружковая жизнь насъ втягивала все больше и больше. Разъ мы даже намѣревались поставить пьесу какого-то нѣмецкаго еврея: «Das Haus Ehrlich», сентиментальную драму въ 5 актахъ и 10 картинахъ, но къ счастію, недостатокъ дамъ помѣшалъ намъ. Такова была переходная эпоха къ отщепенству, эпоха жмудянина. Мы стояли еще совершенно на еврейской почвѣ. У насъ проснулись инстинкты и стремленія къ знанію, добру и общественнымъ вопросамъ. Вмѣстѣ съ интересомъ къ послѣднимъ развивались у насъ все въ большемъ размѣрѣ непріязненныя отношенія къ окружающей средѣ и ея авторитетамъ; мы стали *отщепаться. Характернѣе всего то, что элементы знанія пришли къ намъ послѣ еврейскихъ источниковъ, преимущественно изъ нѣмецко-еврейскихъ*. Обрусѣли же мы позже. Пусть примутъ это во вниманье завзятые руссофилы изъ евреевъ.

Гершонъ Баданесъ.

(Продолженіе будетъ).

БЫТОПИСАТЕЛИ «ГЕТТО»

(Literarische Phisiognomien von W. Goldbaum. Wien, 1884).

IV *.

Отъ Мозенталя нѣмецкій критикъ переходитъ къ Карлу Францозу, котораго онъ характеризуетъ какъ изобразителя гетто галиційскаго. Извѣстно, что разсказы Францоза носятъ общее заглавіе: „Барновскіе евреи"; но здѣсь подъ Барновомъ — городомъ, въ дѣйствительности не существующимъ, подразумѣвается грязный городокъ Шортковъ въ восточной Галиціи — мѣсторожденіе автора, кажется, сына одного еврейскаго врача.

Къ этому гнѣзду мелко-суетливой жизни бѣднаго еврейскаго класса Францозъ относится совершенно своеобразно. Въ этихъ жалкихъ улицахъ онъ открылъ уже имъ собственнаго Галилея и слѣды Шиллера; всѣ современныя вѣянія проникаютъ, по его мнѣнію, въ это галиційское гетто и незамѣтно кидаютъ въ эту почву сѣмяна, которыя, созрѣвая подъ скуднымъ солнцемъ, приносятъ потомъ удивительные плоды. Авторъ „Литературныхъ Физіономій" сравниваетъ его съ отыскивателями черепокожихъ животныхъ въ венеціанскихъ лагунахъ, которые не боятся пачкать свои руки и глубоко копаются ими въ грязи, чтобы добыть тамъ годящійся для продажи товаръ; на пальцахъ у него остается то кусочекъ Польши, то клочекъ Румыніи, то осколокъ Болгаріи; онъ извлекаетъ пользу изъ всего, отчищаетъ грязь здѣсь, заштопываетъ про-

---

* См. „Восходъ", кн. 4.

рѣхи тамъ—и затѣмъ подноситъ найденное читателямъ въ видѣ „полуазіатской“ мозаики, рекомендуя себя самаго, какъ культурнаго миссіонера, который отправился съ цѣлью отыскать невѣдомый міръ и потомъ поставить отысканное передъ изумленными западными глазами. Такимъ образомъ галиційская улица попадаетъ въ „полуазіатскую“ обстановку, и Мошка Парискій является представителемъ культурнаго слоя, который собственно не есть никакой слой, потому что черпаетъ условія своего существованія не изъ самого себя, но изъ соприкосновенія съ другими національными слоями.

Признавая въ Францозѣ очень большое повѣствовательное дарованіе, нѣмецкій критикъ сожалѣетъ о его „роковомъ заблужденіи“, состоящемъ въ томъ, что онъ считаетъ себя призваннымъ освѣтить европейскій востокъ на всемъ его громадномъ протяженіи. Это, по мнѣнію критика, по временамъ удается ему, но въ большинствѣ случаевъ „онъ только сжигаетъ бенгальскіе огни“; особенно галиційская улица является у него въ сентиментальномъ освѣщеніи, которое рѣзко противорѣчитъ дѣйствительности.

Этотъ основной взглядъ свой на даровитаго автора „Барновскихъ Евреевъ“ г. Гольдбаумъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ.

На Мозенталѣ—говоритъ онъ—можно было видѣть, что еврей, по всей своей натурѣ, не нуждается ни въ какомъ культурномъ просвѣтителѣ по заказу; до этой культуры онъ доходитъ самъ собою, потому что побуждается къ тому „борьбою за существованіе“. Дѣло только въ томъ, что̀ происходитъ вокругъ него и какъ относятся къ нему туземныя населенія, въ средѣ которыхъ ему приходится жить. Во Франціи, гдѣ прежде, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ, рушилась окружавшая еврея китайская стѣна, онъ быстро сдѣлался французомъ; въ Германіи, гдѣ эмансипація евреевъ шла со свойственною нѣмецкому народу осторожностью и разсудительностью, они превратились въ нѣмцевъ медленно, но тѣмъ солиднѣе оказалось это превращеніе; между поляками, русинами, валахами и болгарами ассимиляція достается еврею тяжело, потому что тамъ онъ является представителемъ болѣе

высокаго соціальнаго уровня, и для того, чтобы слиться во едино съ этими національностями, ему приходится не подниматься, а спускаться. Не будучи въ состояніи вырваться изъ той душной атмосферы, въ которую заперла его судьба, онъ самъ засѣлъ глубоко въ предразсудкахъ и невѣжествѣ, въ грязи и грубости—и поэтому для писателя представляетъ собою только страдательный, но никогда не дѣйствующій, субъектъ. Его дѣятельность заключается только въ томъ, что онъ хитро эксплоатируетъ лѣниваго поляка, тупаго русина, распутнаго валаха; внѣ этого онъ держится своихъ религіозныхъ традицій съ упорствомъ, которое близко подходитъ къ апатичному равнодушію и почти не позволяетъ ему чувствовать, что его топчутъ ногами. Чѣмъ сильнѣе ненависть, встрѣчаемая имъ въ иновѣрцахъ, тѣмъ фанатичнѣе защищается онъ своимъ комерческимъ оружіемъ, тѣмъ лучше чувствуетъ онъ себя въ своемъ мученичествѣ, тѣмъ больше гордится своею способностью сопротивленія.

Если, такимъ образомъ, польскій еврей есть существо далеко не симпатичное, то, съ другой стороны, онъ обладаетъ умственною изворотливостью, которая составляетъ ужасъ здраваго человѣческаго смысла: окольныя дороги и увертки, къ которымъ заставляетъ его прибѣгать практическая жизнь, сдѣлались у него и въ области мышленія второю натурой. Онъ безжалостно разъединилъ мораль съ религіею, и діалектика его помогаетъ ему обходить первую, не оскорбляя послѣдней. Злостно клевещетъ тотъ, кто утверждаетъ, что талмудъ позволяетъ своимъ послѣдователямъ эксплоатировать своихъ единовѣрцевъ съ выгодой для себя; но талмудъ не можетъ не допускать произвольныхъ толкованій своего смысла, и если этими толкованіями приписываются ему вещи, обезображивающія нравственныя предписанія его, то обвинять надо не его, а польскаго раввина, для котораго гуманность —понятіе, равнозначащее съ закоснѣлою обрядностью, съ фанатическимъ соблюденіемъ внѣшнихъ сторонъ религіи. „Добрый еврей“ (der gute Jude) и его хассидимъ—позорный продуктъ польской улицы, и недалеко отъ Шорткова, въ Садагурѣ, живетъ потомокъ той

династія „настоящихъ евреевъ“, которая уже больше сотни лѣтъ кормится сектаторскими нелѣпостями и предразсудками.

Съ такимъ матеріаломъ—а онъ составляетъ въ этой мѣстности громадное большинство—немного подѣлаешь. Стараніе обращать уродовъ въ красавцевъ—стараніе безплодное. Карлъ Францозъ взялся за эту работу, и такъ какъ нѣтъ такого человѣческаго существа, въ которомъ — какъ бы ни ничтожно, пусто и извращенно оно ни было— нельзя отыскать слѣды хоть какого-нибудь душевнаго благородства, то и польскій еврей, вмѣстѣ съ русинами, поляками, валахами и болгарами, вышелъ изъ его рукъ въ просвѣтленномъ видѣ. Францозъ снова извлекъ образъ и подобіе божіе изъ грязи и болота. Если онъ при этомъ стоналъ и проклиналъ, когда грязь, по которой ему приходилось пробираться, становилась слишкомъ глубока и густа, то обвинять его за то нельзя. „Спасителямъ“ всегда приходилось пачкаться о всевозможныя нечистоты, и притомъ же вѣра въ культурную миссію стоитъ того, чтобы платить за нее страданіями обонянія и вкуса.

Оставляя однако въ сторонѣ всякіе намеки и аллегоріи, надо сказать, что „барновскіе евреи“ совсѣмъ не такъ дурны, какъ ихъ репутація, и сквозь нѣмецкіе очки они представляются единственнымъ пригоднымъ для культурной обработки матеріаломъ на славянскомъ востокѣ. Прежде всего—они обладаютъ громаднымъ стремленіемъ учиться. Галиційскія, румынскія и буковинскія еврейки нерѣдко добиваются той или другой ученой степени, все равно на какомъ факультетѣ. Отъ Францоза не ускользнуло это явленіе, и онъ трижды воспроизвелъ его въ одномъ и томъ же семействѣ, избравъ притомъ для этого трехъ дѣвушекъ. И Шиллеръ тоже проникъ въ отдаленнѣйшій уголъ восточной Галиціи, гдѣ еврейскіе beaux-esprits—тайкомъ или на виду у всѣхъ—читаютъ его, упиваются имъ, поклоняются ему... Нашелъ тамъ мѣсто и Галилей. Правовѣрный еврей убѣжденъ, какъ извѣстно, что солнце вертится вокругъ земли—на томъ основаніи, что солнце, какъ разсказывается въ библіи, вдругъ остановило свой ходъ по повелѣнію Божьему. Но было бы ошибочно думать, что въ галиційскомъ гетто

нѣтъ смѣлыхъ и отважныхъ мыслителей, которые, вопреки раввину и талмуду, стоятъ на сторонѣ Коперника и Галилея. Францозъ создалъ такого „барновскаго Галилея“. И понятно, что тутъ же предъ нами изобиліе мучениковъ вѣры, жертвъ грубаго и жестокаго закона, фанатическаго преслѣдованія, кровавыхъ предразсудковъ... Какъ трогательна, напримѣръ, судьба „моего дяди Бернгарда!“ Какое сильное впечатлѣніе производятъ бѣдствія „Принужденныхъ!“

Карлъ Францозъ поэтому правъ, видя въ „барновскихъ евреяхъ“ распространителей культуры, которые приносятъ востоку то, чему они выучились на западѣ. Но Францозъ любитъ гиперболу. На изображеніе обыкновенной еврейки, жаждущей знанья и стремящейся пріобрѣсти степень доктора, онъ употребляетъ прекраснѣйшія краски своей палитры, всю силу своего поэтическаго одушевленія; надъ „дядей Бернгардомъ“ плачетъ его перо; доктору Тульпельблау, поклоннику Шиллера, горячо симпатизируетъ его сердце. Но тѣмъ суровѣе обвиняетъ онъ и клеймитъ поляка, галиційскаго русскаго, румына; тѣмъ безпощаднѣе выставляетъ ихъ къ позорному столбу передъ лицемъ всей Европы... Въ этомъ отношеніи онъ часто доходитъ даже до односторонности, до несправедливаго пристрастія, до полнаго отсутствія той объективности, которая есть существеннѣйшее условіе всякаго культурно-историческаго изображенія.

Свою краткую характеристику Францоза авторъ „Литературныхъ Физіономій“ заканчиваетъ такъ:

„Карлъ-Эмиль Францозъ молодъ, и молодою славой увѣнчано его чело. Славянское гетто имѣетъ полное основаніе относиться къ нему съ любовью и благодарностью, потому что оно имѣетъ въ немъ рыцаря, отправившагося на западъ для того, чтобы тамъ завоевывать сочувствіе къ своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, страдающимъ на родинѣ подъ гнетомъ озлобленнаго варварства и отданнымъ на произволъ самымъ грубымъ инстинктамъ невѣжественнаго туземнаго населенія. Тенденція вполнѣ похвальная, и носитель ея полонъ пламеннаго рвенія. Но тенденція то же, что губка: она вытираетъ

должны быть оправдываемы. Это, конечно дѣлаетъ честь его гуманному чувству, но въ концѣ концовъ приводитъ къ ошибочному результату. Посмотрите, напримѣръ, ближе на его „Илау", который изъ необыкновеннаго ребенка-талмудиста превращается въ всеотрицающаго университетскаго профессора, и притомъ еще—профессора естественныхъ наукъ. Этотъ „Илау", въ обществѣ называющійся Бенаіа, есть собственно двойной Уріель Акоста, потому что не только лембергскіе евреи преслѣдуютъ его смертельною ненавистью съ тѣхъ поръ, какъ онъ отдѣлился отъ нихъ, но и христіанскія мѣстныя власти давятъ опаснаго нововодителя, вслѣдствіе того, что онъ поселяетъ въ университетской молодежи либеральный образъ мыслей. Превосходно изображено авторомъ, какъ этотъ бѣднякъ, благодаря наблюденію надъ простымъ древеснымъ листомъ, удаляется отъ талмуда и дѣлается поклонникомъ природы. Но если такая метаморфоза мальчика Бенаіи весьма и весьма сомнительна при существованіи хорошо извѣстнаго факта, что въ гетто меньше всего можно найти активную склонность къ наблюденію природы, то еще сомнительнѣе, чтобы „Илау", для изученія анатоміи на скелетѣ, могъ ночью вырыть изъ могилы трупъ только что повѣшеннаго человѣка и тайно перенести его къ себѣ въ комнату. Я готовъ держать пари, что изъ тысячи евреевъ едва-ли нашелся бы одинъ, который въ такой степени преодолѣлъ бы въ себѣ свойственное всему еврейскому народу отвращеніе къ соприкосновенію съ трупами, лишь бы доставить себѣ возможность изучать анатомію, какъ это сдѣлалъ Бенаіа. Но допустивъ даже, что „Илау" фигура возможная—правдивою въ общемъ смыслѣ ее признать никакъ нельзя. Онъ представляетъ только лично себя, не типиченъ вообще, не можетъ служить типомъ даже тѣхъ, большею частью падавшихъ на полъ-дорогѣ мучениковъ образованія, которые, отряхнувъ съ ногъ своихъ старый прахъ гетто, гнались за идеаломъ, осуществленіе котораго суждено было увидѣть только ихъ потомкамъ".

Критикъ признаетъ, правда, что Захеръ-Мазохъ населяетъ свое гетто не только безукоризненно-добродѣтельными людьми, что между

ними попадаются и личности совершенно противоположнаго свойства, напр. красавица Пеннина въ повѣсти „Гошанна-Раба“; но, по его мнѣнію, противовѣсіе въ этомъ случаѣ недостаточное. На гетто, полагаетъ онъ, было бы безпристрастнѣе смотрѣть съ той точки зрѣнія, что если тысячелѣтній гнетъ разрушилъ не мало благородныхъ качествъ еврейскаго народа, то онъ породилъ и много неблагородныхъ, кидающихъ мрачныя пятна на общую картину, обезображивающихъ ее притомъ въ глазахъ не только враговъ еврейства, но и друзей его.

„Отъ такого наблюдателя, какъ Захеръ-Мазохъ,—продолжаетъ критикъ—не могли ускользнуть надлежащія стороны предмета; только онъ не справляется съ ними надлежащимъ образомъ. Что насильственная односторонность и исключительность занятія талмудомъ между прочимъ порождаютъ ханжей-фанатиковъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на испанскихъ инквизиторовъ—это очень хорошо замѣчено нашимъ авторомъ; но его болѣе занимаетъ другой результатъ этихъ занятій, состоящій въ томъ, что адепты „великой книги“ становятся совершенно чуждыми дѣйствительной жизни и непрактическими людьми, которые позволяютъ своимъ женамъ грубо обращаться съ ними, водить ихъ за носъ, иногда даже нарушать супружескую вѣрность. Польскій дворянинъ въ этихъ случаяхъ почти всегда становится лисицей, срывающей виноградъ. Когда же талмудистъ не есть жертва коварства своей жены, то онъ является у автора олицетвореніемъ трогательной наивности, для котораго жизнь существуетъ повидимому только съ одной цѣлью—служитъ комментаріемъ для талмуда. Исторія „Пинчева и Минчева“ прелестно разсказана, но я нахожу ее черезъ чуръ сентиментальной.

„И такимъ образомъ мнѣ кажется, что та же самая твердая и сознательная рука, которая дѣлаетъ образъ русина до осязательности пластичнымъ, а поляка — по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ — совершенно вѣрнымъ дѣйствительности, дрожитъ немного, когда, руководимая больше чувствомъ, чѣмъ холоднымъ разсудкомъ, рисуетъ съ натуры коренныхъ обитателей галиційскаго гетто. Это не

мѣшаетъ мнѣ согласиться, что, напр., Хайка, болѣзненная и худенькая героиня разсказа „Гошанна-Раба“, которая, каждый разъ, какъ жестокая судьба кидаетъ ее на полъ, снова прыгаетъ вверхъ съ эластичностью резиноваго мяча — есть вполнѣ удавшійся типъ женщины гетто, ибо несомнѣнно, что еврейская женщина въ громадномъ большинствѣ случаевъ обнаруживаетъ способность сопротивленія и умѣнье совладать съ внѣшними обстоятельствами жизни—свойства, которымъ еврейство больше чѣмъ чему либо другому обязано своею историческою прочностью и устойчивостью....

„Захеръ-Мазохъ не имѣетъ претензіи открывать новый міръ въ качествѣ культурно-историческаго Колумба. Онъ, по крайней мѣрѣ въ разсказахъ, заимствованныхъ изъ жизни гетто, просто художникъ, рисующій съ натуры всюду, гдѣ предметъ наблюденія приходится ему по вкусу. Что при этомъ линіи рисунка нерѣдко принимаютъ не надлежащее направленіе—понятно; но надо отдать ему справедливость въ томъ, что онъ не рисуетъ каррикатуръ съ холоднымъ разсчетомъ на ихъ дѣйствіе“.

Дѣлая въ окончательномъ выводѣ сравненіе *христіанина* Мазоха съ *евреями* Компертомъ, Бернштейномъ, Мозенталемъ и Францозомъ, авторъ „Литературныхъ Физіономій“ находитъ, что Захеръ-Мазохъ „болѣе вѣренъ дѣйствительности, чѣмъ Мозенталь, но менѣе, чѣмъ Бернштейнъ; смотритъ болѣе благосклонно, чѣмъ Францозъ, но менѣе, чѣмъ Компертъ“. Если съ этимъ мнѣніемъ можно въ сущности согласиться, то ни въ какомъ случаѣ нельзя признать справедливымъ увѣренія критика, что „разсказывать Захеръ-Мазохъ умѣетъ также прекрасно, какъ всѣ остальные поэты гетто, а что касается до пейзажной рамки его расказовъ, то въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ ихъ всѣхъ“. Мы полагаемъ, напротивъ, что именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи—да и вообще по художественности—Мазохъ далеко уступаетъ, напримѣръ, Карлъ Францозу *.

* Кромѣ того Захеръ Мазохъ дѣлаетъ страшно грубыя ошибки при изображеніи религіозныхъ формъ, обрядовъ и т. п. Онъ жестоко путаетъ, и къ нему

Свою характеристику Мазоха авторъ заключаетъ слѣдующею довольно удачною параллелью: „Компертъ, Бернштейнъ, Мозенталь вызываютъ изъ гетто, первый съ мольбою, второй тономъ упрека, третій какъ вѣжливый проситель: позвольте намъ, вы, остальные люди, сдѣлаться равными вамъ! Захеръ-Мазохъ входитъ въ гетто и говоритъ съ участіемъ: Не печальтесь, бѣдные; за стѣнами вашего гетто есть много людей, заслуживающихъ меньше, чѣмъ вы, называться образами и подобіями божіими, и день свободы долженъ скоро заняться и для васъ“.

Петръ Вейнбергъ.

въ этомъ отношеніи какъ нельзя вѣрнѣе можно примѣнить поговорку: „Слышалъ звонъ, да не знаетъ откуда онъ“. *Ред.*

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМАГО ЕВРЕЙСТВА

Статья вторая.

IV.

Въ предыдущей статьѣ * мы установили: 1) опредѣленіе еврейскаго вопроса по существу, и 2) общій синтезъ, вытекающій изъ фактовъ прошлаго и настоящаго еврейскаго народа.

По первому пункту, мы пришли къ заключенію, что еврейскій вопросъ, по существу своему, есть вопросъ о вѣротерпимости; что экономической своей стороною онъ входитъ въ общерусскій экономическій вопросъ и, слѣдовательно, съ этой стороны спеціальнаго рѣшенія имѣть не можетъ; что, наконецъ, *собственно-еврейскій* вопросъ сводится, главнѣйшимъ образомъ, къ вопросу объ уравненіи евреевъ въ гражданскихъ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, съ коимъ евреи совершенно уравнены въ гражданскихъ обязанностяхъ.

Изъ всей совокупности фактовъ исторической и современной жизни евреевъ мы вывели обобщеніе: что степень культурности и общецивилизованности евреевъ была всегда прямо пропорціональна степени гражданской ихъ эмансипаціи и обратно пропорціональна степени ихъ гражданскаго обособленія и правовыхъ ограниченій. Послѣдняя половина этого синтеза доказывается преимущественно фактами средневѣковой исторіи евреевъ; первая—фактами новѣйшей исторіи.

Теперь намъ предстоитъ сдѣлать *спеціальный синтезъ*, т. е.

---

* См. «Восходъ» 1884 г. кн. I.

установить общее логическое заключеніе, вытекающее изъ совокупности фактовъ прошлаго и настоящаго *русскихъ* евреевъ. Для этого надобно прослѣдить, въ крупнѣйшихъ чертахъ, исторію развитія еврейскаго вопроса въ Россіи; разсмотрѣть къ какимъ послѣдствіямъ привело это развитіе,—и на основаніи этого обзора сдѣлать общее заключеніе о состояніи русско-еврейскаго вопроса и о сравнительной цѣлесообразности различныхъ способовъ его рѣшенія. Это мы и попытаемся сдѣлать въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Разсмотримъ вкратцѣ генеалогію русско-еврейскаго вопроса.

Перенесемся мысленно къ той эпохѣ, когда въ общественно-экономической жизни Литвы и Польши евреи стали сколько-нибудь замѣтными дѣятелями, къ эпохѣ простирающейся приблизительно отъ конца XIV до половины XVI ст. Литва, только что вышедшая изъ пеленокъ язычества, но не разставшаяся еще съ добрыми патріархальными традиціями; Польша, въ которой еще были свѣжи гуманныя традиціи временъ Пястовъ, въ которой іезуитство и феодальное панство еще не свили себѣ прочнаго гнѣзда,—вотъ поприще, на которомъ впервые подвизались предки нынѣшнихъ русскихъ евреевъ. Чѣмъ-же тогда были литовско-польскіе евреи? Свидѣтельства наиболѣе авторитетныхъ историковъ, равно какъ новѣйшія архивныя изысканія даютъ довольно опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ *. Это была немногочисленная масса людей, стоявшихъ въ культурномъ отношеніи немногимъ выше полукультурныхъ литовцевъ, но еще неусвоившихъ той печальной спеціально-еврейской «культуры», которая въ то мрачное время была удѣломъ евреевъ западно-европейскихъ и впослѣдствіи сообщилась и ихъ литовскимъ еди-

* См. извѣстные труды *Чацкаго* («Разсужденіе о евреяхъ»), проф. *Леонтовича* („Историческое изслѣдованіе о правахъ литовскихъ евреевъ“, проф. *Гумпловича* („Польское законодательство о евреяхъ“) и др. Въ особенности важенъ и богатъ фактами новѣйшій трудъ *С. А. Бершадскаго*: „Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія отъ Витовта до люблинской уніи: 1388—1569 г. (С.-П.-Б. 1883 г.). Въ основаніе этого труда легли обнародованные тѣмъ же авторомъ „Матеріалы и документы къ исторіи литовскихъ евреевъ отъ 1384 по 1569 г.“ („Русско-еврейскій Архивъ“. 1882 г., два тома).

біе ужасно-бѣдственное; не менѣе ужасно было культурно-нравственное состояніе евреевъ-посредниковъ... Этотъ-то порядокъ вещей и прорылъ ту глубокую пропасть между *народомъ* и евреями, которую не могли наполнить ни пролитыя впослѣдствіи рѣки еврейской крови, ни груды еврейскихъ труповъ. Между евреями и шляхтой пропасть всегда существовала. Паны *презирали* евреевъ, не считая ихъ даже людьми, а просто презрѣннымъ орудіемъ; хлопство же *ненавидѣло* евреевъ, какъ своихъ непосредственныхъ угнетателей. Такимъ образомъ, еврейство осталось нравственно и общественно изолированнымъ,—и оно тѣсно сплотилось, обособилось.

Въ XVI вѣкѣ польско-литовское еврейство принимаетъ обликъ средневѣковаго западно-европейскаго еврейства. Еврейскія общины начинаютъ рѣзко выдѣляться изъ среды христіанскихъ. Словно изъ подъ земли вдругъ выростаетъ «Синодъ четырехъ странъ», этотъ ареопагъ вліятельныхъ раввиновъ. Раввинскія знаменитости выростаютъ точно грибы: въ одномъ XVI столѣтіи, въ Польшѣ и Литвѣ жили и дѣйствовали свѣтила раввинской науки и религіознаго законодательства, извѣстныя подъ прозвищами: Рамо, Рашалъ, Маарамъ, Мааршо et tutti quanti. Замѣчательно, что расцвѣтъ раввинизма въ Рѣчи Посполитой совпадаетъ съ поселеніемъ въ ней іезуитовъ и усиленіемъ католической пропаганды, приведшей въ церковной уніи... Религіозно-духовное обособленіе евреевъ идетъ рядомъ съ обособленіемъ экономическимъ. Рѣзкій экономическій антагонизмъ между панствомъ, крестьянствомъ и еврействомъ усилился, обостряется религіозною борьбою между католичествомъ, православіемъ и іудействомъ... Эта убійственная борьба привела къ 1648 году... Рѣками лилась кровь, а ненависть питалась ею и разрослась до чудовищныхъ размѣровъ. Теперь и евреи имѣли право ненавидѣть.

Украинская рѣзня и другія ужасныя бѣдствія, постигшія евреевъ въ XVIII вѣкѣ, имѣли своимъ послѣдствіемъ не одно только отчужденіе евреевъ отъ христіанъ: они породили возмутительную реакцію и въ духовной жизни евреевъ. Уже въ концѣ 17-го столѣтія возникаетъ среди польскихъ евреевъ сильное мистико-религіозное броженіе, каббала начинаетъ рев-

ностью изучаться въ школахъ наряду съ талмудомъ, появляются различныя секты,—и, наконецъ, плодомъ всего этого движенія является въ XVIII вѣкѣ озорное чудище — *хасидизмъ*. Если раввинизмъ извратилъ *умъ* евреевъ, то мистическій хасидизмъ извратилъ религіозное *чувство* ихъ, до нельзя исказилъ ихъ міросозерцаніе... А общественно-экономическій строй, не смотря на всѣ сильныя потрясенія, продолжалъ существовать по прежнему и еще усложнился массою аномалій. Евреи уже сжились съ этимъ порядкомъ и, по присущей имъ склонности освящать все старое, все «ветхое деньми», считали этотъ порядокъ чуть-ли не отъ вѣка заведеннымъ, самимъ Богомъ завѣщаннымъ. Замкнутость польскихъ евреевъ въ это время (когда въ западной Европѣ евреи уже начали возрождаться къ новой, болѣе цивилизованной жизни) достигла крайней точки своего развитія. Ветхозавѣтный «облачный столбъ» словно опять спустился съ неба, чтобы отдѣлить евреевъ непроницаемою стѣною отъ новыхъ «египтянъ»; но ужъ не было того «огненнаго столба», который нѣкогда шествовалъ передъ сынами израилевыми, освѣщая имъ путь впередъ. Его не было, а былъ сальный копотный огарокъ раввинизма, былъ блуждающій огонекъ хасидизма,—и евреи толкались во тьмѣ кромѣшной, отчужденные, презираемые и презирающіе.

Всѣ эти условія въ совокупности создали тотъ жалкій, безконечно приниженный типъ польско-литовскаго еврея прошлаго столѣтія, который нынѣ все болѣе становится — но, къ сожалѣнію, не совсѣмъ еще сталъ—достояніемъ исторіи. Эта шутовская, грязная внѣшность, почитающаяся однако богоугодной; это полное отсутствіе понятія объ унизительномъ; это забитое, въ себѣ замкнутое созданіе, нисколько не подозрѣвающее, что быть шинкаремъ, брать убійственную лихву, арендовать мужицкій оброкъ—что все это занятія унизительныя и въ извѣстной степени безнравственныя, но зато глубоко убѣжденное, что кушать молочное одновременно съ меснымъ, писать въ субботу, или читать нееврейскія книжки — страшно преступно и «безнравственно»; — да, это хилое существо, въ которомъ дѣйствуетъ совершенно больной, исковерканный казуистикой и мистицизмомъ, умъ; это соединеніе извращенной

религіозности, вертлявости, нечистоплотности съ какимъ то нравственнымъ отупѣніемъ, приниженностью и тайнымъ презрѣніемъ ко всему нееврейскому—вотъ главныя черты еврейскаго типа прошлаго столѣтія въ Польшѣ и Литвѣ *. Прибавьте къ этому общественную организацію евреевъ: кагальное самоуправленіе, раввинскіе ареопаги и судилища, «вязавшіе и рѣшавшіе» судныя дѣла евреевъ и уполномоченные польскимъ правительствомъ присуждать даже къ тѣлеснымъ наказаніямъ,—и вы получите приблизительно точное понятіе о томъ, чѣмъ были евреи и еврейскія общины въ Польшѣ и Литвѣ въ прошломъ столѣтіи...

До такого уродливаго состоянія довелъ евреевъ возмутительно-ненормальный польскій режимъ. Въ теченіе долгихъ вѣковъ, исключительное общественное положеніе евреевъ именно и считалось въ Польшѣ совершенно нормальнымъ, естественнымъ. Въ извращенной шляхтичьей головѣ никакъ не могла укладываться мысль, чтобы «zydzi» могли, съ дѣйствительной пользой, жить общегражданскою жизнью; она никакъ не могла примириться съ мыслью, чтобы евреи не жили замкнутою, грязною и унизительною жизнью, чтобы еврей могъ быть чѣмъ нибудь, кромѣ шинкаря или «рандаря». И вотъ евреямъ отмежевывается опредѣленная, рѣзко очерченная область общественно-экономической дѣятельности, въ этой области предоставляется имъ—не по гуманности, а просто по безпечности и нежеланію возиться съ жидами—значительная автономія. Это вдвойнѣ уродовало еврейскій бытъ: извнѣ евреи были отчуждены, замкнуты, прикрѣплены къ низкимъ промысламъ; внутри они были въ страшныхъ тискахъ всевластнаго кагала, раввинизма и цадикизма. Сама іезуитская инквизиція не выдумала-бы для евреевъ болѣе ужаснаго общественнаго и духовнаго положенія, а послѣднее было тѣмъ гибельнѣе, что сами евреи съ нимъ свыклись и даже стали его считать необходимымъ атрибутомъ своего національнаго и религіознаго *я*...

---

* Достаточно указать на столь искреннюю, дышащую правдой «Автобіографію» Соломона Маймона, («Еврейская Библіотека» Т. I и II.) гдѣ этотъ жизненный типъ изображенъ мастерскою рукою.

Въ такомъ непривлекательномъ видѣ, милліонное польско-литовское еврейство перешло, по распаденіи Польши, въ русское подданство. Какъ же отнеслось къ евреямъ русское правительство?

Извѣстно, какъ смотрѣли на евреевъ въ Россіи до Екатерины II. Это была первобытная, церковная точка зрѣнія. Іоаннъ Грозный не пускалъ евреевъ въ Россію, какъ «приносящихъ отраву душевную»; Елизавета Петровна на ходатайство сената о полезности допущенія въ Россію евреевъ, отвѣтствуетъ: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли»; а въ другомъ своемъ указѣ говоритъ, что «отъ жидовъ не инаго какого плода, но токмо, *яко отъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ*, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно» *. Этотъ взглядъ на евреевъ былъ вполнѣ естественъ въ странѣ, гдѣ въ среднихъ вѣкахъ и вплоть до XVIII вѣка о евреяхъ знали только по церковнымъ книгамъ да по наслышкѣ. Но вотъ въ 1772 году, послѣ перваго раздѣла Польши, къ Россіи присоединенъ весь бѣлорусскій край, гдѣ евреи искони жили въ большомъ количествѣ,— и русскому правительству поневолѣ пришлось признать фактъ вступленія въ русское подданство значительной массы евреевъ.

Еврейскій вопросъ, однако, еще не возникъ тотчасъ по присоединеніи Бѣлоруссіи Дѣло въ томъ, что Екатерина Великая, примирившись съ фактомъ вступленія въ русское подданство стотысячной массы евреевъ, примирилась также и съ ихъ общественнымъ положеніемъ, или, точнѣе, весьма мало имъ интересовалась. Она оставила еврейскій бытъ въ прежнемъ состояніи, оставила кагальную организацію въ полной силѣ и совершенно игнорировала ненормальную экономическую жизнь евреевъ. Указомъ 1776 года, кагалъ оффиціально признается посредникомъ между русскимъ правительствомъ и евреями, назначается фискальнымъ агентомъ и облекается соотвѣтственною властью **. Несмотря на провозглашенное Екатериною начало, что «всякъ, по званію и состоянію, своими

* «Сборникъ законоположеній о евреяхъ» В. Леванды, стр. 18, № 23.
** Ibid. № 31.

долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа» *, издается въ 1794 году законъ о взысканіи съ еврейскаго купечества и мѣщанства установленныхъ податей вдвое больше противу положенныхъ съ тѣхъ же сословій христіанскаго исповѣданія **. Вообще, непослѣдовательность и, больше всего, совершенный индиферентизмъ и невмѣшательство составляютъ отличительныя черты правительственныхъ отношеній къ евреямъ въ царствованіе Екатерины II.

Такія отношенія не могли, однако, долго продолжаться, въ особенности послѣ окончательнаго присоединенія къ Россіи Царства Польскаго въ 1795 году, — послѣ этого крупнѣйшаго акта не только русской, но и еврейской исторіи, акта, введшаго въ русское подданство милліонное еврейское населеніе Польши и Литвы. Кратковременное царствованіе Павла I, безразличное во многихъ отношеніяхъ, прошло какъ-то безъ вниманія мимо этого крупнаго акта и осталось, въ общемъ, безразличнымъ и по отношенію къ еврейскому вопросу. Послѣдній выступилъ на сцену только въ началѣ слѣдующаго царствованія.

Настоящая эра русско-еврейскаго вопроса начинается, собственно, съ 1804 года. Искренне-либеральное правительство первыхъ годовъ царствованія Александра I впервые поняло всю ненормальность общественнаго положенія евреевъ, впервые замѣтило, что вмѣстѣ съ евреями Польша передала Россіи необыкновенный трудный и сложный *еврейскій вопросъ*. Знаменитое «Положеніе о евреяхъ» 1804 года было первою попыткою урегулировать еврейскій бытъ и постепенно рѣшить еврейскій вопросъ. Попытка эта потерпѣла полную неудачу по многимъ причинамъ, но не по недостатку доброй воли со стороны правительства. Главная причина неудачи «Положенія» 1804 года (неудачи, впослѣдствіи оффиціально признанной) заключается въ его теоретичности, въ слишкомъ маломъ знакомствѣ его авторовъ съ условіями еврейской жизни и, нако-

* Ibid. № 39.

** Сборникъ, № 43.

нецъ, въ недостаточной энергіи правительства при практическомъ примѣненіи дѣйствительно разумныхъ сторонъ Положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что статьи Положенія, трактующія о просвѣщеніи евреевъ, продиктованы самымъ искреннимъ доброжелательствомъ, но непрактичность ихъ сейчасъ же бросается въ глаза. Евреямъ, напримѣръ, *дозволяется* обучаться въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ (§ 1 и сл.). «Дозволеніе» было бы умѣстно, еслибъ евреи изъявили хоть какое либо желаніе отдавать дѣтей въ общія учебныя заведенія; но вѣдь это было время, когда еврейство всячески открещивалось и отплевывалось, какъ отъ чумы, не только отъ русскихъ школъ, но и отъ русской грамоты, ознакомленіе съ которой считалось ересью и дико, безпощадно преслѣдовалось во всѣхъ благоустроенныхъ еврейскихъ общинахъ... Тутъ не «дозволеніе» нужно было, а, наоборотъ, даже нѣкоторое принужденіе, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ; да и не общія школы годились для еврейскаго юношества, не понимавшаго ни слова по-русски, а спеціально-еврейскія школы съ преподаваніемъ общихъ предметовъ и русской грамоты. До всего этого додумалось правительство, только ужь гораздо позже, въ сороковыхъ годахъ. Всѣ же 10 статей Положенія 1804 г., касающіяся просвѣщенія евреевъ, не дали Россіи и десяти по русски грамотныхъ евреевъ, такъ какъ воспользоваться правомъ обученія въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, вплоть до 40-хъ годовъ, не являлось охотниковъ среди евреевъ...

Добрыми же намѣреніями проникнуты и работы правительства объ урегулированіи экономическаго быта евреевъ; но онѣ опять таки страдаютъ недостаточностью. Законъ о постепенномъ выселеніи евреевъ изъ селъ и деревень (ст. 34 Положенія), надѣлавшій въ свое время огромный переполохъ, безспорно вызванъ добрымъ желаніемъ отвлечь евреевъ отъ шинкарства, отъ оброчнаго арендаторства и другихъ видовъ эксплуатаціи крестьянства. Но, оставивъ неприкосновенною черту еврейской осѣдлости, правительство само сдѣлало успѣхъ этой мѣры и практически затруднительнымъ, и малополезнымъ. Выселяемымъ изъ деревень евреямъ оставалось переселяться въ города, которые уже тогда были переполнены евреями, занимавшимися мелкой

торговлей и, преимущественно, бѣдствовавшими. Правда, правительство предоставило евреямъ съ выгодой заниматься земледѣліемъ, фабричнымъ и ремесленнымъ трудомъ, и вызвалось поощрять ихъ къ этому разными льготами (ст. 12—25 Положенія), но все это долго еще продолжало оставаться pia desideria, въ особенности развитіе земледѣлія среди евреевъ, въ теченіе столѣтій совершенно отвыкшихъ отъ земледѣльческаго труда и смотрѣвшихъ на него какъ на нѣчно предосудительное...

Подобно чертѣ осѣдлости, и кагалъ оставленъ Положеніемъ in statu quo; только прерогативы раввиновъ (право суда, наказанія, отлученія etc) ограничены, и обязанности ихъ сведены къ чисто-религіознымъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ неудачѣ гуманныхъ предначертаній 1804 года виноваты было не одни органическіе недостатки Положенія, но въ значительной степени и общественно-нравственное состояніе тогдашнихъ русскихъ евреевъ. Возродить къ трудовой, просвѣщенной обще-гражданской жизни массу, которую въ теченіе столѣтій всячески отчуждали, замыкали съ одной стороны кабакомъ и корчмой, а съ другой — синагогой, переродить и исправить къ лучшему такую страшно-косную массу—это требовало и огромной энергіи, и немалаго времени, такъ какъ «народъ въ одинъ день переродиться не можетъ», и тѣмъ болѣе народъ еврейскій послѣ тѣхъ ужасныхъ тисковъ, въ которыхъ его держала и уродовала Рѣчь Посполитая.

Законодательство о евреяхъ во вторую, консервативную половину царствованія Александра I, отличается уже реакціоннымъ характеромъ: дѣлаются безплодныя попытки привлечь евреевъ въ христіанство («Общество израильскихъ христіанъ» etc); законъ о выселеніи евреевъ изъ деревень, раньше пріостановленный, тамъ и сямъ довольно строго примѣняется. По всему замѣтно, что правительство какъ-то пессимистически стало относиться къ вопросу объ улучшеніи быта евреевъ, что оно махнуло рукой на прежнія просвѣтительныя начинанія и въ ихъ неуспѣхѣ видѣло признакъ ихъ нецѣлесообразности.

Это репресивное направленіе двстигло крайней точки своего

развитія въ последующее царствованіе императора Николая I. Нерѣшительность и непослѣдовательность Александровскаго законодательства уступили мѣсто энергичности, неуклонности въ преслѣдованіи ясно намѣченныхъ цѣлей. Императоръ Николай Павловичъ рѣшился во что бы ни стало преобразовать, исправить евреевъ. Для этой цѣли принимались безпрестанно то чрезчуръ суровыя, одностороннія мѣры, то не столь суровыя, благожелательныя. Далеко не все, но кое-что было достигнуто за этотъ періодъ; и положительные результаты чаще всего достигались именно несуровыми, просвѣтительными мѣрами, между тѣмъ какъ одностороннія репрессаліи давали результаты совершенно отрицательные.

Успѣху большой части законодательныхъ мѣръ Николаевскаго царствованія мѣшала постоянная, плохо скрытая тенденція привлечь евреевъ къ православію. Правительство, повидимому, прониклось твердымъ убѣжденіемъ, что только *религіозною* ассимиляціей можно разъ навсегда покончить съ еврейскимъ вопросомъ, забывая, что такое разсѣченіе гордіева узла испробовано было многими и многими въ теченіе долгихъ вѣковъ—и ни разу не увѣнчалось ни малѣйшимъ успѣхомъ. Первая половина царствованія Николая I вся ярко окрашена этой тенденціей. Въ 1827 году издается указъ о привлеченіи евреевъ впредь къ отбыванію воинской повинности натурою (до тѣхъ поръ эту повинность, какъ извѣстно, евреи отбывали деньгами). Какъ ни страшенъ показался этотъ указъ для непривычныхъ къ военной службѣ тогдашнихъ евреевъ, какой огромный переполохъ ни надѣлалъ онъ среди нихъ,—но въ сущности указъ этотъ былъ актомъ уравнительнымъ, имѣвшимъ цѣлью уравнить евреевъ со всѣмъ населеніемъ въ способѣ отбыванія важнѣйшей гражданской повинности. Казалось-бы поэтому, что никакого *особаго* воинскаго устава для евреевъ не надлежало издавать. Но не такъ вышло на дѣлѣ. Привлекая евреевъ къ личной военной службѣ, правительство еще имѣло заднюю цѣль: воспользоваться этой службой какъ средствомъ привлеченія евреевъ къ православію. И вотъ составляется для евреевъ особый, спартански-строгій воинскій уставъ, посредничество и

отвѣтственность въ дѣлѣ исполненія евреями воинской повинности возлагается на кагалы, и—что важнѣе всего—устанавливается тотъ ужасный режимъ «кантонизма», вербовки въ военную службу малолѣтнихъ евреевъ отъ 12 до 18 лѣтъ, который породилъ столько напраснаго горя, угнетенія, несправедливостей и сдѣлалъ для евреевъ военную службу какимъ-то чудовищнымъ пугаломъ... Правительство было твердо убѣждено—и не скрывало этого,—что ему удастся хоть «малыхъ сихъ» обратить на путь православія; а въ результатѣ получилось безполезное, ни къ чему желательному не приведшее «избіеніе младенцевъ»...

Не менѣе вредными послѣдствіями богаты эти вѣчныя перетасовки еврейскаго населенія, эти безпрерывныя гоненія и переселенія изъ деревень въ города, изъ однихъ городовъ въ другіе,—словомъ всѣ эти встряхивали еврейскаго населенія, на пространствѣ черты осѣдлости, которыми изобилуетъ законодательство о евреяхъ въ царствованіе Николая I. Ни утилитарныя, ни подавно гуманныя соображенія не оправдывали этого страннаго метода леченія больнаго чѣмъ-то въ родѣ форсированной гимнастики... Все это, вмѣстѣ съ безчисленнымъ множествомъ имущественныхъ и промышленныхъ ограниченій, установленныхъ для евреевъ Положеніемъ 1835 года, способствовало совершенному разоренію и обнищанію еврейской массы, и безъ того крайне бѣдствовавшей, не устранивъ, въ то же время, ни одной аномаліи въ ея экономическомъ быту, а наоборотъ, только обостривши эти аномаліи, до нельзя обостривъ борьбу за существованіе.

Важнѣйшимъ имущественнымъ или, точнѣе, податнымъ ограниченіемъ, установленнымъ для евреевъ въ царствованіе Николая, является *коробочный сборъ*. Уставами объ этомъ сборѣ 1839 и 1844 годовъ (послѣдній дѣйствуетъ и понынѣ) коробочный сборъ установленъ двоякій: общій или повсемѣстный, и частный или вспомогательный: первый взимается съ каждаго фунта мяса, евреями потребляемаго, и повсемѣстно строго обязателенъ; второй облагаетъ различные промыслы и доходныя статьи евреевъ и также обязателенъ для еврейскихъ обществъ, за рѣдки-

ми, впрочемъ, исключеніями *. Этотъ спеціальный всеохватывающій налогъ игралъ и играетъ немалую роль въ экономической жизни еврейскаго населенія. Обложеніе тяжкимъ сборомъ такого гигіенически важнаго предмета потребленія, какъ мясо, не могло не способствовать, въ извѣстной степени, физическому вырожденію и безъ того хилаго еврейскаго населенія, преимущественно бѣднаго, не имѣющаго никакой возможности, хоть рѣдко, платить за каждый фунтъ мяса вдвое больше, чѣмъ христіанинъ... Въ 1844 году, къ коробочному сбору, имѣвшему, какъ извѣстно, назначеніе покрывать могущія оказаться недоимки съ евреевъ (какая предосторожность!), расходы на пособія земледѣльцамъ и т. п., — прибавленъ еще одинъ: свѣчной сборъ, предназначенный на расходы по содержанію устроенныхъ тогда еврейскихъ училищъ. О послѣднихъ теперь поведемъ рѣчь.

Однимъ изъ весьма немногихъ плодотворныхъ актовъ Николаевскаго законодательства о евреяхъ слѣдуетъ, безспорно, считать состоявшійся въ 1844 году указъ объ устройствѣ еврейскихъ училищъ съ общеобразовательнымъ курсомъ преподаванія. Можно смѣло сказать, что это былъ даже единственный просвѣтительный актъ нашего законодательства, увѣнчавшійся необыкновеннымъ успѣхомъ. Хотя поздно, но правительство Николая I дошло все-таки до убѣжденія, что ни «дозволеніе» евреямъ посѣщать общія учебныя заведенія, ни странныя попытки привлечь евреевъ къ христіанству не достигнутъ цѣли и останутся совершенно безплодными. Учрежденіе особыхъ для евреевъ общеобразовательныхъ училищъ, какъ элементарныхъ такъ и педагогическихъ (раввинскія училища), произвели въ еврейской жизни и культурѣ болѣе крупный переворотъ, чѣмъ всѣ другіе законодательные акты по еврейскому вопросу, вмѣстѣ взятые. Эти училища создали новое поколѣніе евреевъ, которое столь же далеко по своимъ понятіямъ отъ стараго поколѣнія, какъ далеко образованный европеецъ отъ китайца... Это благодѣтельное дѣйствіе, однако, ярче всего выразилось въ царствованіе Александра II, и мы еще скоро къ этому вернемся.

---

* Уст. о короб. сб., Сборникъ Леванды № 509, § 1—11.

ладающихъ русскимъ элементарнымъ образованіемъ соразмѣрно очень мало.

«Хедеры» еще процвѣтаютъ, благодаря бездѣятельности правительства. Извѣстно, что въ 1855 году правительство установило окончательный срокъ закрытія хедеровъ—черезъ 20 лѣтъ, а именно въ 1875 году. Прошелъ срокъ, правительство ежегодно откладывало рѣшительный шагъ, пока, наконецъ, дѣло совсѣмъ не отложено въ долгій ящикъ «впредь до разсмотрѣнія»... Ниже мы коснемся этого предмета подробнѣе.

Какъ бы однако, ни было, несовершенно, непослѣдовательно и нерѣшительно новѣйшее, относительно гуманное, законодательство о евреяхъ, — послѣдніе, тѣмъ не менѣе, не остались неблагодарными и за тѣ скудныя облегченія, которыя сдѣланы въ ихъ судьбѣ до сихъ поръ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, чѣмъ было русское еврейство, въ умственномъ и культурномъ отношеніи, въ первой половинѣ этого столѣтія, и чѣмъ оно стало теперь! Въ 40-хъ годахъ евреи устраивали всенародные посты и покаянія по поводу слуховъ о намѣреніи правительства устроить школы для обученія ихъ дѣтей русской грамотѣ, а въ 70-хъ годахъ въ этихъ самыхъ школахъ мѣстъ не хватало для вмѣщенія всѣхъ желающихъ учиться. Снилось-ли когда-нибудь надменному польскому пану, гнувшему «презрѣннаго жида» въ бараній рогъ, что этотъ жидъ съумѣетъ показать себя не только въ шинкѣ и синагогѣ, куда онъ былъ насильно загнанъ, но и на всѣхъ поприщахъ общественной и умственной дѣятельности? Снилось-ли что-нибудь подобное и самимъ евреямъ полвѣка тому назадъ? Правда, разсматривая настоящее культурное положеніе евреевъ *независимо*, безъ сравненія съ прошлымъ, мы видимъ въ немъ еще крупныя несовершенства, обусловливаемыя отчасти закономъ постепенной эволюціи, а главнымъ же образомъ непослѣдовательностью и нерѣшительностью нашего законодательства о евреяхъ. Но даже самый неопытный глазъ не можетъ не замѣтить крупной перемѣны въ культурномъ состояніи евреевъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Труднѣйшій шагъ впередъ уже сдѣланъ русскими евреями: великая революція произошла въ ихъ средѣ, много широкихъ брешей пробито въ окружающей ихъ китай-

ской стѣнѣ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ выросло новое поколѣніе евреевъ; оно рѣзко, не безъ трагической борьбы, порвало связь съ старымъ поколѣніямъ, съ «отцами»; оно поняло весь позоръ исключительнаго положенія своего племени; оно просвѣтилось—и почувствовало, что имѣетъ, что хочетъ имѣть отечествомъ страну, въ которой родилось, языкъ и просвѣщеніе которой оно усвоило: оно почувствовало себя частью *русскаго* народа. Сближеніе, *ассимиляція* съ «кореннымъ» населеніемъ; возможное полное гражданское и общественное сліяніе съ нимъ для общей полезной работы—все это сдѣлалось лозунгомъ молодаго еврейскаго поколѣнія. Было время экзальтированнаго воодушевленія этой идеей: это было къ концу 70-хъ годовъ. Все молодое, мыслящее въ русскомъ еврействѣ алкало братства и сліянія; тысячи рукъ были простерты съ братскимъ привѣтствіемъ, съ горячимъ призывомъ къ единенію... Со стороны лучшей части русскаго общества также было замѣтно сочувствіе къ этому призыву... Но вдругъ... буйная, варварская орда пронеслась между этими двумя рядами братски простертыхъ рукъ. Послышался дикій гулъ разрушенія, мучительные стоны вырвались изъ тысячи грудей... Страданіе, гнѣвъ, отчаяніе омрачили лица тѣхъ, кто только-что въ свѣтломъ ликованіи призывалъ къ братскому единенію. Мигомъ отпрянули другъ отъ друга призывавшіе и призываемые; руки опустились, у многихъ даже грозно сжимались...

Наступилъ хаосъ. Это было весною 1881 года...

Мы окончили нашъ бѣглый обзоръ фактовъ русско-еврейской жизни въ прошломъ и настоящемъ. Мы можемъ теперь формулировать принципіальное обобщеніе, отсюда вытекающее. Но есть ли надобность формулировать это обобщеніе, этотъ искомый *специальный синтезъ*? Онъ уже выясненъ: онъ совершенно тождественъ по существу съ вышеустановленнымъ общимъ синтезомъ. Факты русско-еврейской жизни вѣщаютъ намъ то же самое, что и жизненные факты западно-европейскаго еврейства: культурный, гражданскій ростъ еврейства строго обусловливается отношеніемъ къ нему законодательства, степенью гражданской эмансипаціи евреевъ. Выдѣленіе евреевъ изъ всего насе-

ленія въ правовомъ отношеніи вызываетъ съ ихъ стороны обособленіе въ общественной и духовной жизни, крайне вредное для общегосударственныхъ интересовъ. Когда свободная Литва и доуніатская Польша еще не поработили своихъ евреевъ, не закрѣпостили ихъ за торговлею, евреи жили въ довольно тѣсномъ общеніи съ кореннымъ населеніемъ, занимаясь и земледѣліемъ и физическимъ трудомъ, и нисколько не руководясь племенною солидарностью и узкорелигіозными воззрѣніями. Но лишь только польская шляхта вступила во власть и рѣзко разграничила сферу гражданской жизни евреевъ,—послѣдніе и въ свою очередь обособились и соціально и духовно... Несмотря однако на это вѣковое рабство, безправіе и униженіе, евреи въ новѣйшее время, какъ только русское законодательство стало относиться къ нимъ нѣсколько гуманнѣе, проявили въ лицѣ лучшихъ своихъ людей неудержимое стремленіе къ сближенію, къ полной гражданской ассимиляціи со всѣмъ русскимъ населеніемъ. Только временныя, совершенно случайныя событія на мгновенье ослабили это благодѣтельное стремленіе. Еврейскій вопросъ уже назрѣлъ; необходимость окончательнаго его рѣшенія сознана и правительствомъ...

Теперь намъ остается попристальнѣе присмотрѣться къ настоящему положенію евреевъ и еврейскаго вопроса, разсмотрѣть разныя теченія еврейской жизни и различные способы, предлагаемые для рѣшенія еврейскаго вопроса, разобрать и освѣтить наиболѣе существенныя возраженія противъ эмансипаціи евреевъ,—и, наконецъ, указать на наиболѣе безпристрастный и цѣлесообразный путь, который слѣдовало бы выбрать при рѣшеніи столь сложнаго и важнаго вопроса. Это мы сдѣлаемъ въ слѣдующей, заключительной статьѣ.

Экстернусъ.

ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСАДЫ ІЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ *.

(*Продолженіе*).

VIII.

Царевна и Героиня.

Обморокъ Ревекки не имѣлъ никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Онъ былъ вызванъ не столько физической усталостью, сколько тою, такъ сказать, галлюцинаціей сердца, которая охватила ее при исполненіи ею роли Суламиѳи и тѣми усиліями, которыя она дѣлала надъ собой, для того чтобы преодолѣть овладѣвшее ею волненіе. Благодаря заботамъ Дины и Бенъ-Адира, — котораго Дина тщетно старалась удалить съ самаго начала кризиса, — она не замедлила прійти въ себя. И въ этомъ случаѣ въ ней сказалась сила темперамента ея племени; ее можно было бы сравнить съ тѣми красивыми на видъ и въ тоже время сочными растеніями, которыми такъ богата была Іерихонская долина. Потребовалось особое стеченіе обстоятельствъ для того, чтобы вызвать съ ея стороны хотя бы минутное проявленіе слабости. Но на слѣдующее утро слѣды недавней бури окончательно исчезли. Она желала появиться передъ Береникой веселою и улыбающеюся, какъ

---

* См. „Восходъ“, кн. 4.

будто она принимала участіе во вчерашнемъ празднествѣ лишь въ качествѣ безстрастной актрисы или равнодушной зрительницы. Этому обстоятельству она придавала особенно важное значеніе, ибо ее нѣсколько безпокоила ея патріотическая выходка (такъ назвалъ ея дѣдъ вчерашнее поведеніе ея) и она желала, чтобы послѣдняя не оставила по себѣ никакого непріятнаго впечатлѣнія. Она нуждалась въ довѣріи Береники для успѣха своихъ плановъ; ей необходима была полная свобода дѣйствій, которую она могла получить только этой цѣною.

Какъ только Ревекка успѣла вполнѣ собраться съ мыслями и возстановить въ своей памяти все, что случилось, Максимъ Галлъ сталъ безпокоить ее не менѣе, чѣмъ Береника, и даже болѣе, ибо ему уже извѣстны настоящія ея чувства, неизвѣстныя пока царевнѣ; а столь неожиданное для нея самой проявленіе ихъ могло возбудить его подозрѣнія, внушить ему желаніе слѣдить за нею, поручивъ это дѣло какому-либо другому лицу, когда ему нельзя будетъ слѣдить лично, и тѣмъ самымъ сдѣлать для нея невозможнымъ осуществленіе ея завѣтной мысли — оказать помощь своимъ іерусалимскимъ друзьямъ. Отъ ея вниманія не ушло выраженіе лица его во время исполненія ею пѣсни любви, и это выраженіе не было выраженіемъ подозрительнаго и стоящаго на-сторожѣ врага; но въ томъ положеніи, въ которомъ она находилась въ то время, любовь его могла повести къ тѣмъ же результатамъ, какъ и вражда, и даже представить еще больше затрудненій.

И дѣйствительно Ревекка имѣла основаніе безпокоиться относительно Галла и относительно того впечатлѣнія, которое она произвела на него во время происходившаго наканунѣ празднества; но впечатлѣніе имѣло совершенно иныя послѣдствія, чѣмъ какихъ она ожидала.

Читатели, быть можетъ, не забыли того впечатлѣнія, которое произвели на друга и ближайшаго помощника Тита кра-

сота и характеръ Ревекки, и которое еще больше усилилось со временемъ. Съ каждымъ днемъ кинжалъ проникалъ все глубже и глубже въ рану. Это была настоящая, жгучая страсть, овладѣвшая всѣмъ существомъ его. Но это была въ то же время страсть столь же чистая, какъ и глубокая и сильная, не чуждая оттѣнка почтительнаго удивленія. Къ ней вскорѣ присоединилось какое-то нѣжное и сантиментальное чувство. Молодая, восторженная дѣвушка, которую онъ встрѣтилъ на палубѣ «Артемиды», какъ ему показалось, нѣсколько успокоилась съ тѣхъ поръ; и ему пріятно было думать, что совѣты его были не совсѣмъ чужды этой перемѣнѣ, этому новому расположенію ея. Порою даже, размечтавшись о будущемъ счастіи, онъ воображалъ себѣ, какъ онъ возложитъ на этотъ молодой, красивый лобъ брачный вѣнецъ. Несмотря на свое высокое положеніе и на свою опытность, какъ въ военныхъ дѣлахъ, такъ и въ политикѣ, въ характерѣ его осталось много галльскаго. Онъ не привыкъ налагать узду времени на влеченіе своихъ чувствъ. Но на этотъ разъ страсть его была настолько искренна, что ему удалось совладать со своимъ характеромъ; онъ даже радовался тому, что служебныя его обязанности должны были отвлечь его на время отъ такого вліянія, силы котораго онъ опасался. Въ первый разъ, когда онъ увидѣлъ ее, онъ сказалъ самъ себѣ: «она будетъ принадлежать мнѣ, какъ жена или любовница», и рѣшилъ въ душѣ своей, по окончаніи осады, попросить у Іосифа руки его внучки.

Но все это измѣнилось послѣ празднества, устроеннаго Вероникой.

Это странное празднество, при которомъ онъ присутствовалъ, сильно смутило умъ его. Новый свѣтъ, въ которомъ при этомъ случаѣ предстала передъ глазами его Ревекка, дѣйствительно разстроилъ всѣ его планы. Та самая молодая дѣвушка, которая до сихъ поръ держала себя съ такимъ достоинствомъ и сдержанностью, столь горда и столь благород-

ная въ манерахъ и въ рѣчахъ своихъ, вдругъ появилась передъ нимъ, да еще публично, въ полной распущенности тѣлѣсной и душевной, страстной, почти даже безстыдной въ своихъ жестахъ, въ своихъ словахъ, въ своихъ позахъ. Теперь она уже представлялась его воображенію не иначе, какъ въ такомъ положеніи. Весьма понятно, что чувство уваженія и удивленія, съ которымъ онъ до сихъ поръ взиралъ на нее, не замедлило изчезнуть. Онъ видѣлъ передъ собою только легкомысленную, капризную, даже испорченную, дѣвушку, артистку, очень легко относящуюся къ вопросамъ нравственности, быть можетъ куртизанку, способную играть самыя различныя роли, и которая одно время вздумала было разъигрывать передъ нимъ роль героини. Для молодого энтузіаста она сдѣлалась ничѣмъ инымъ, какъ самой обыденной женщиной, знакомой со всѣми тайнами своего пола, со всѣми, самыми опасными, орудіями кокетства, защитой которой являлась только ея опасная красота. И къ этой-то женщинѣ онъ питалъ безграничную страсть, и она-то позволила ему надѣятся. Какая ему отнынѣ была надобность сдерживать свою страсть и отсрочивать осуществленіе своихъ желаній?

На слѣдующій день два неожиданныхъ обстоятельства заставили проявиться наружу тѣ чувства, которыя волновали душу Галла.

Береника пожелала еще разъ поздравить Ревекку по случаю громаднаго успѣха, который та имѣла наканунѣ, и съ этой цѣлью послѣ обѣда отправилась къ ней. Бесѣда коснулась, конечно, вчерашняго празднества и относившихся къ нему подробностей. Между царевной и Титомъ возникъ небольшой споръ по поводу Ревекки. Дѣло шло о томъ, сказался-ли голосъ сердца въ сдѣланномъ Ревеккой выборѣ изъ Пѣсни Пѣсней Соломона, и въ голосѣ, въ искренне-страстномъ тонѣ, которымъ она пропѣла свою пѣснь, не руководила-ли въ данномъ случаѣ женщина артисткой. Титъ утверждалъ, что какъ въ первой изъ пропѣтыхъ пѣсней, такъ и во второй,

въ Ревеккѣ сказалась только артистка; Береника же утверждала противное.

Если пѣснь Деборы,—говорила она,—можно пропѣть безъ участія сердца, то того же отнюдь нельзя сказать относительно пѣсни Суламиѳи. Только любящая женщина можетъ пропѣть ее такъ, какъ пропѣла Ревекка. Впрочемъ, я разъясню это. Я дружна съ Ревеккой и съумѣю вывѣдать у нея эту тайну.

Ревекка жила въ отдѣльномъ павильонѣ, расположенномъ въ громадномъ саду, и который Береника велѣла убрать для самой себя съ тою роскошью и съ такимъ вкусомъ, которые составляли одну изъ ея страстей и являлись въ ней однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ нравиться. Ревекка лежала, растянувшись, на широкихъ мягкихъ коврахъ, когда къ ней вошла царевна. Она была блѣдна и лицо ея носило на себѣ слѣды утомленія; да и во всей ея фигурѣ сказывалась какая-то усталость, какая-то истома, которыя поразили Беренику и еще болѣе укрѣпили ее въ ея предположеніяхъ. При входѣ царевны Ревекка поднялась съ лихорадочною поспѣшностью, вовсе ей не свойственною. Береника обратила вниманіе и на этотъ симптомъ. Эта болѣзненная слабость въ ея глазахъ могла быть послѣдствіемъ только нравственной причины: женщины вообще склонны видѣть въ другихъ женщинахъ свои собственныя недостатки. Береника воскликнула съ непритворнымъ участіемъ, схвативъ горячія руки молодой дѣвушки:

— Ты не хорошо чувствуешь себя, дитя мое; и удовольствіе, которое ты намъ доставила, все же не мѣшаетъ мнѣ сожалѣть о томъ, что я вчера упросила тебя пѣть. Ты блѣдна, какъ мертвецъ... нѣтъ, что̀ я говорю, это сравненіе не пристало къ тебѣ... ты блѣдна, какъ бѣлая лилія въ Кедронской долинѣ, только что смоченная дождемъ.

— Я вчера нѣсколько взволновалась,—отвѣтила Ревекка, улыбаясь; — если дождь, какъ ты такъ благосклонно вырази-

лась, смочилъ лилію, то онъ не промочилъ ее насквозь; но еслибы даже онъ совсѣмъ прибилъ ее къ землѣ, то живительные лучи твоихъ похвалъ не замедлили бы заставить ее подняться. Мнѣ даже кажется, что скорѣе на меня подѣйствовала снисходительность твоя и Тита, чѣмъ усталость. Эхо вашихъ рукоплесканій всю ночь отзывалось въ ушахъ моихъ; сладкій голосъ, прекрасная царевна, безпрерывно звучалъ въ нихъ, и онъ-то и не давалъ мнѣ даже сомкнуть глазъ.

— Я буду очень рада, если это такъ, и мнѣ доставляетъ удовольствіе это твое объясненіе. Только совершенно напрасно ты употребила это гадкое слово—снисходительность: рукоплесканіями нашими руководила олицетворенная справедливость. Ты пѣла такъ, какъ можетъ пѣть только муза Аттики или восхваляемый поэтами соловей; а что касается пляски твоей, то самыя знаменитыя танцовщицы Индіи и Египта недостойны развязать ремень у сандалій твоихъ. Еслибъ Соломонъ могъ воскреснуть, то онъ навѣрное распростерся бы у ногъ твоихъ: ты еще болѣе украсила его, и безъ того уже прекрасную, любовную пѣснь, и прибавила новый цвѣтокъ къ его благоухающему букету.

Ревекка покраснѣла, выслушивая эти комплименты, и ничего не отвѣтила. Ей вообще не нравился льстивый тонъ, царствовавшій при дворѣ Береники. Къ тому же она конфузилась слабости души своей, сказывавшейся на лицѣ ея, а ея гордой природѣ противны были всякія похвалы. Береника, которой извѣстна была эта послѣдняя черта ея характера, не настаивала, тѣмъ болѣе, что она спѣшила обратиться къ главной цѣли своего посѣщенія,

— Я заставила тебя покраснѣть, — сказала она съ выраженіемъ любезнаго сожалѣнія въ голосѣ; — я знаю, что ты любишь болѣе укоры, чѣмъ похвалы. Знаешь-ли ты, Ревекка, что ты въ этомъ отношеніи совершенно не похожа на другихъ людей.

— Нѣтъ, я этого не знала,—смѣясь отвѣтила Ревекка.—

и, быть можетъ, ты и права; но совершенно вѣрно то, что я до того не люблю похвалъ, что иной дѣйствительно можетъ, пожалуй, подумать, будто мнѣ больше нравятся упреки. Для тебя я, однако, дѣлаю исключеніе: съ твоей стороны мнѣ все нравится, какъ похвалы, такъ и упреки.

— Ну, и отлично! Это даетъ мнѣ возможность не стѣсняться; ибо я должна сдѣлать тебѣ упрекъ, мой прекрасный и скрытный другъ.

— Упрекъ? Неужели! Клянусь Юпитеромъ,—какъ имѣетъ обыкновеніе говорить отецъ мой, съ тѣхъ поръ какъ онъ отрекся отъ своей вѣры,—тѣмъ лучше; я предпочитаю уксусъ меду, а такъ преступленіе это не предъумышленное, то оно, безъ сомнѣнія, будетъ вскорѣ прощено мнѣ.

— Не предъумышленное? Да нѣтъ же: вѣдь у тебя есть тайны, а ты заставляешь меня отгадывать ихъ.

— У кого нѣтъ своихъ тайнъ?—сказала Ревекка.—Сердце женщины, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ пророковъ, есть ничто иное, какъ темная бездна.

— Значитъ, ты сознаешься, и все же утверждаешь, что ты не виновата передъ мною?

Ревекка, не понимавшая, къ чему клонитъ царевна, невольно почувствовала нѣкоторое безпокойство, несмотря на то, что тонъ, которымъ говорила Береника, и выраженіе лица ея не имѣли въ себѣ ничего тревожнаго. Однако она старалась овладѣть собою и только легкая краска покрыла ея щеки.

— Ну что, ты сдаешься наконецъ! И прекрасно! Это примиряетъ меня съ тобою. Да, моя прекрасная Муза, мнѣ извѣстно, какой геній вдохновляетъ тебя. И съ чего бы тебѣ отрекаться отъ этого? У насъ, женщинъ, талантъ является не изъ головы, а изъ сердца, и отъ этого онъ не становится меньшимъ; человѣкъ нисколько не теряетъ въ цѣнѣ отъ того, что прошелъ черезъ это горнило. Да, вчера вечеромъ ты выдала себѣ: въ твоемъ сердцѣ живутъ двѣ страсти, которыя разомъ сказались. Я спѣшу заявить тебѣ, что я извиняю одну

зать: онъ имѣетъ уши, и не слышитъ, онъ имѣетъ глаза—и не видитъ. Клянусь Іеговой! это былъ какой-то восторженный Исаія; это былъ Илія, готовый унестись въ небо, это былъ Моисей передъ Неопалимой Купиной; глаза его метали молніи, а въ его сердцѣ, я въ томъ увѣрена, грохоталъ громъ. Для меня сразу же стало ясно, что онъ любитъ тебя; я готова биться объ этомъ объ закладъ любовью Тита противъ Виѳлеемской винной ягоды. Не онъ-ли нашелъ тотъ путь, который ведетъ къ виноградникамъ Суламиѳи?

Положеніе Ревекки становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ: разубѣждать Беренику было не безопасно; сказать, что она любитъ Галла было для нея противно, а въ то же время она не могла компрометировать того дѣла, которому она служила. Наконецъ, это послѣднее соображеніе одержало верхъ.

— Любовь, какъ и духъ, — сказала она съ стыдливой улыбкой,—дуетъ всюду, куда захочетъ. Люблю-ли я Галла? Право, я сама не знаю этого. Но одно я могу сказать положительно, — это то, что я вполнѣ признаю его заслуги и что я не могла бы остаться равнодушной къ чувству, которое питалъ бы ко мнѣ такой человѣкъ, если только онъ дѣйствительно питалъ бы его.

Береника увидѣла въ этихъ словахъ полное признаніе и съ жаромъ облобызала Ревекку.

— Ты прекрасна, какъ Иродовъ дворецъ,—сказала она;— ты такая женщина, какихъ я люблю. Ты съумѣешь соединить любовь съ честолюбіемъ. Максимъ Галлъ черезъ нѣсколько дней будетъ назначенъ правителемъ Іудеи, и ты, если захочешь, можешь сдѣлаться правительницей Іерусалима, гдѣ ты можешь возобновить великолѣпіе Ирода Великаго. Тебѣ будетъ принадлежать слава исцѣпленія ранъ, нанесенныхъ городу войною. Эта мысль преисполняетъ меня радости, и она осуществится, такъ какъ я люблю тебя, а Титъ любитъ меня.

Царевна встала, но Ревекка удержала ее.

— Умоляю тебя, прекрасная царевна,—сказала она,—оставимъ пока эти виды про себя. Не говори никому объ этомъ, даже великому и добросердечному Титу. Тайны женщинъ должны быть заключены въ ларчики изъ чернаго дерева и замуравлены въ святилищѣ.

— Я ни въ чемъ не могу отказать тебѣ. Твои любовныя тайны останутся между нами, какъ и мои военныя тайны. Ты будешь сообщать мнѣ одни, я буду передавать тебѣ другія, ибо я знаю, что ты любопытна. Ты научишь меня искусству завоевывать сердца; я же научу тебя завоевывать города, въ ожиданіи того времени, когда уроки въ этомъ искусствѣ будетъ давать тебѣ Галлъ.

Весь этотъ разговоръ былъ продолжительнымъ мученіемъ для Ревекки. Всѣ ея самыя сокровенныя и самыя дорогія чувства были задѣты: ей пришлось сдѣлать усиліе надъ своимъ сердцемъ, надъ своей гордостью, топтать ногами свою любовь и свою вѣру. Она умѣла скрывать и притворяться, но каждый разъ ей нужно было дѣлать для этого надъ собою величайшія усилія и это причиняло ей невыразимыя страданія. Когда Береника вышла отъ нея, она снова бросилась на коверъ, рыдая, еле переводя духъ, въ полномъ изнеможеніи. Ея руки судорожно сжимались отъ злости и она точно въ припадкѣ истерики кусала коверъ. Въ эту минуту она очень напоминала собою разъяренную тигрицу.

— Лгать, вѣчно лгать! — воскликнула она. — Постоянно наблюдать за тѣмъ, чтобъ изъ твоего сердца не вырвались обуревающія его страсти! Смѣяться, когда хотѣлось бы плакать! Ласкать, когда хотѣлось бы укусить! Что за невиносимое положеніе! И я только въ себѣ самой могу найти необходимыя силы, для того чтобы вынести всю тяжесть этого положенія!

Гордая и благородная молодая дѣвушка, однако, только что начинала свою карьеру. Ее ожидалъ еще впереди длинный рядъ испытаній, которыя не замедлили послѣдовать одно

за другимъ въ ужасающей непрерывности. То, о которомъ мы только что говорили, было лишь прелюдіей къ нимъ. Въ это самое время уже собиралась новая туча, которая и не замедлила разразиться надъ ея головою.

Береникой, когда она раскрывала передъ Ревеккой блестящую перспективу честолюбія и славы, которая открылась бы передъ ней въ случаѣ союза съ Галломъ, отнюдь не руководилась однимъ только капризомъ дружбы или фантазіей царевны. Хотя мысль эта и возникла у нея внезапно и что она вылилась, такъ сказать, среди дружеской бесѣды, тѣмъ не менѣе она была внушена политическимъ соображеніемъ, которое еще болѣе укрѣпило размышленіе. Она нисколько не сомнѣвалась въ успѣхѣ предпріятія Тита противъ Іерусалима; и такъ какъ она равнымъ образомъ не сомнѣвалась въ томъ, что развязка уже близка, то весьма понятно, что мысль ея уже носилась съ тою формою правленія, которая затѣмъ имѣетъ быть введена въ ея отечествѣ и средствами къ тому, чтобы обезпечить за собой возможно большее личное вліяніе. Какъ только мысль о бракѣ между Галломъ и Ревеккой возникла въ ея умѣ, эта мысль представилась ей отличной комбинаціей для осуществленія своихъ плановъ: Титъ управлялъ бы черезъ посредство Галла, а она — черезъ посредство Ревекки. Все это показалось ей такъ просто и такъ удобно, что она не могла устоять противъ искушенія тотчасъ же сообщить свой планъ Галлу, а для этого ей пришлось разсказать ему о своемъ разговорѣ съ Ревеккой и передать ему то, что она обѣщалась хранить въ тайнѣ. Правда, сообщая ему все это, она просила его ничего не разглашать объ этомъ и позаботиться только о томъ, чтобъ извлечь изъ этого пользу для себя. Но при томъ настроеніи, въ которомъ онъ находился въ то время, это оказалось почти невозможнымъ: онъ и безъ того уже былъ опьяненъ, а тутъ онъ хлебнулъ еще и этого крѣпкаго вина, и онъ окончательно охмѣлѣлъ Онъ даже зашатался отъ столь вне-

зално раскрывшейся передъ нимъ блестящей перспективы; душа его преисполнилась самыхъ розовыхъ надеждъ. Ревекка снова появилась передъ нимъ въ томъ яркомъ ореолѣ, которымъ воображеніе его окружило ее еще на «Артемидѣ». Выйдя отъ царевны, онъ пошелъ прогуляться и ему показалось, что онъ окруженъ какою-то радужной атмосферой. . . . .

Но событія не замедлили доказать, что онъ началъ торжествовать слишкомъ рано. . . . .

Марія Рама осталась въ замкѣ Береники, къ которому многое ее привязывало. Галлу извѣстна была исторія ея и та роль, которую она играла въ измѣнѣ Элеазара. Ему извѣстно было также и то, что она являлась орудіемъ политики, преслѣдуемой Титомъ и Береникой. Между тѣмъ, какъ онъ, для того, чтобы нѣсколько разсѣять овладѣвшее имъ опьяненіе счастіемъ и чтобы хорошенько насладиться послѣднимъ, прогуливался по обширнымъ садамъ виллы, онъ встрѣтилъ красивую куртизанку, которую онъ не видѣлъ со вчерашняго дня: она сидѣла подъ тѣнью смоковницы, передъ статуей Венеры, на которую она смотрѣла, улыбаясь. При видѣ ея, его мысли приняли иное направленіе, и образъ Ревекки въ роли Суламиѳи, въ которой она выказала всѣ чары восторженной и страстной куртизанки, снова предсталъ передъ его глазами. Сообщеніе Береники на время возвратило красивой еврейкѣ ея дѣвственный оттѣнокъ, и именно это-то и наполнило его умъ опьяненіемъ счастія. По какой-то странной, впрочемъ весьма легко-объяснимой у страстныхъ натуръ, комбинаціи мыслей, Ревекка въ его воображеніи вдругъ опустилась до уровня Маріи: она превзошла послѣднюю въ роли искусной и безстыдной комедіантки; почему бы ей не сравниться, по крайней мѣрѣ, съ послѣдней въ кокетствѣ и лицемѣріи куртизанки?

Среди сильныхъ душевныхъ бурь всегда выдѣляется нѣчто такое, что̀ становится какъ бы путеводною звѣздой, которою все руководствуется, или какъ бы якоремъ, съ помощью ко-

тораго корабль становится неподвижнымъ, хотя это и не можетъ спасти его отъ того, чтобы разбиться впослѣдствіи о страшные подводные камни. Береника, въ своихъ сообщеніяхъ, сказала Галлу: — «Для того, чтобъ исполнить такъ, какъ это сдѣлала Ревекка, роль невѣсты, опьяненной счастіемъ, съ тѣмъ совершенствомъ, которое вызвало такой всеобщій восторгъ, необходимо, чтобы она носила въ душѣ образъ любимаго человѣка»,—и, исходя отъ этого, она и сочла возможнымъ обнадежить Галла. Но какъ только немного разсѣялся первый чадъ опьяненія, въ сердце Галла снова закралось сомнѣніе. Дѣйствительно-ли именно онъ, Галлъ, внушилъ ей эту страсть? Какое онъ имѣлъ право воображать, что ради него, а не ради кого нибудь другаго, эта могучая душа испускала, такимъ образомъ, всѣ свои благоуханія, расточала всѣ сокровища, которыми одарила ее природа,—для него, котораго она едва знала, для него, чувства котораго она, безъ сомнѣнія, угадала, но котораго она до тѣхъ поръ не удостоивала даже ни одного любовнаго взгляда.

— Да, она любитъ,—говорилъ онъ самъ себѣ;—это несомнѣнно, но только любитъ она не меня; она обманываетъ Беренику и желаетъ провести насъ обоихъ. Я узнаю, кого любитъ она—и горе этому человѣку!

Какъ только эта мысль овладѣла умомъ Галла, она крѣпко засѣла въ его головѣ и онъ уже не могъ отдѣлаться отъ нея. Легковѣріе, съ которымъ онъ повѣрилъ въ свое счастіе послѣ сообщенія Береники, являлось теперь въ глазахъ его тѣмъ большею причиной, чтобы сдѣлаться недовѣрчивымъ и къ ней, и къ самому себѣ, чтобы постараться отдѣлаться отъ своихъ иллюзій и чтобы всѣми возможными путями стремиться къ достиженію дѣйствительности. Встрѣча съ Маріей Рамой показалась ему совершенно неожиданной удачей. Она знала весь Іерусалимъ; она принадлежала къ такому міру, въ который стекались всѣ тайны наиболѣе испорченной части города. Къ тому же она знала Ревекку и семейство ея. Почему бы не

знать и прошлой жизни ея, и того, любила-ли она когда нибудь кого либо и кого именно? Одного слова ея, быть можетъ, было бы достаточно для того, чтобы доказать всю тщетность иллюзій Береники и чтобъ открыть ему самому, что счастіе его покоится лишь на весьма хрупкомъ основаніи.

Съ этими мыслями онъ приблизился къ куртизанкѣ. Марія Рама говорила по-гречески не хуже, чѣмъ по-еврейски, и поэтому онъ обратился къ ней на этомъ языкѣ.

— Марія,—сказалъ онъ ей со всею, свойственной римлянамъ любезностью, — я благодарю боговъ, заставившихъ меня встрѣтить тебя. Вчера мнѣ помѣшали сдѣлать тебѣ всѣ тѣ комплименты, которыхъ ты заслуживала. Если мнѣ дозволено будетъ употребить цвѣтистый языкъ твоей прекрасной страны, то я скажу, что ты настолько же выше всѣхъ другихъ женщинъ, насколько кедръ ливанскій выше звѣробоя, растущаго въ долинахъ. Мнѣ приходилось много путешествовать; я видѣлъ и слышалъ танцовщицъ и игрицъ на флейтахъ въ Римѣ, въ Массиліи, въ Коринѳѣ, въ Аѳинахъ, въ Александріи; но нигдѣ въ цѣломъ мірѣ мнѣ не приходилось видѣть таланта, равнаго твоему. Благодаря тебѣ имя Рама дойдетъ до потомства.

— Хотя я и знаю, что ты льстишь, Максимъ Галлъ, однако твои рѣчи радуютъ меня: еслибы въ твоихъ похвалахъ было бы даже хотя бы только на половину правды, то онѣ все же восхищали бы меня. Такіе цѣнители, какъ ты, вообще рѣдки: не всѣмъ удавалось всюду срывать себѣ лавры. Но если ты позволишь мнѣ, въ свою очередь, говорить съ полной искренностью, то я скажу тебѣ, что твои похвалы были бы болѣе умѣстны, еслибъ они были обращены къ Ревеккѣ, внучкѣ Измаила Іосифа, которой вчера всѣ, и въ томъ числѣ и ты, расточали восторженныя, и притомъ вполнѣ заслуженныя ею, рукоплесканія.

Марія Рама произнесла эти слова съ улыбкой на устахъ, однако не безъ нѣкотораго выраженія скрытой ироніи, обна-

ружившей нѣкоторое чувство зависти, что не укрылось отъ Галла. Онъ убѣдился также изъ этихъ словъ, что его поведеніе во время праздника Береники не осталось незамѣченнымъ ею, и потому онъ счелъ нужнымъ изгладить то непріятное впечатлѣніе, которое послѣднее могло бы произвести на нее.

— Ты ошибаешься, Марія,—сказалъ онъ,—если ты принимаешь мои похвалы не за чистую монету; я высказалъ только буквально то, что я думаю. Я уроженецъ такой страны, въ которой мужчины привыкли говорить съ женщинами такъ же, какъ съ царями, а царямъ они высказываютъ правду.

— Значитъ тебѣ кажется, Максимъ Галлъ, что прекрасная Ревекка стоитъ ниже тѣхъ чрезмѣрныхъ похвалъ, которыя расточаются ей отовсюду?

— Этого я не утверждаю, и эти слова мои могутъ послужить для тебя доказательствомъ моей искренности. Вы обѣ были превыше всякой похвалы. Любовь нашла и въ Ревеккѣ, и въ Маріи Рамо достойныхъ ея выразительницъ. Но только вы обѣ выразили ее различнымъ образомъ, хотя каждая безподобно въ своемъ родѣ. Лилія и роза различаются между собою и цвѣтомъ, и запахомъ; однако, кто же сталъ бы утверждать, что одна изъ нихъ менѣе совершенна, чѣмъ другая. Нѣтъ, можно восхищаться одной, не унижая другой; предметы восхищенія различны, но чувства эти одинаково сильны.

Марія была польщена тѣмъ, что ее поставили на одну доску съ Ревеккой. Неудовольствіе, которое зародилось было у нея въ началѣ разговора, разсѣялось, какъ легкое облачко при дуновеніи вѣтерка.

— Вотъ такія откровенныя и въ то же время любезныя рѣчи нравятся мнѣ,—сказала она, улыбаясь. Ты совершенно правъ, Галлъ, имѣя такое высокое мнѣніе о Ревеккѣ, и мнѣ особенно пріятно то, что ты высказываешь это въ ея отсутствіе. Ревекка настолько же замѣчательная актриса, насколько и замѣчательная красавица. И это, право, тѣмъ болѣе удиви-

тельно, что она нигдѣ не училась великому искусству нравиться мужчинамъ.

Галлъ усѣлся возлѣ куртизанки подъ смоковницей. Находя теперь, что этого вступленія вполнѣ достаточно, онъ рѣшился прямо приступить къ ближайшей своей цѣли.

— Я тебя встрѣтилъ очень кстати,—сказалъ онъ,—и мнѣ нужно воспользоваться этимъ случаемъ. Ты дѣвушка умная, и я желаю предложить на твое разрѣшеніе споръ, который я только что имѣлъ съ Береникой. Тутъ вопросъ идетъ о любви и объ искусствѣ. Я утверждалъ, что для того, чтобъ исполнить роль влюбленной невѣсты, или, вѣрнѣе сказать, молодой супруги, опьяненной первою любовью, необходимо предварительно переиспытать тѣ чувства и восторги, которые выражаешь. Поэтому я утверждалъ, что Ревекка (ибо по поводу ея возникъ споръ) не только любила и чувствовала себя любимой, но что она любила именно такъ, какъ Суламиѳь, и что, говоря языкомъ Соломона, охраняя виноградники, которые были ввѣрены ея охранѣ, она не съумѣла охранить своего собственнаго виноградника. Береника, напротивъ, утверждала, что мое предположеніе ни на чемъ не основано, что талантъ можетъ обойтись и безъ опытности, что силою воображенія можно поставить себя во всевозможныя положенія и что можно изобразить эти положенія, вовсе не побывавъ въ нихъ самому. Такъ, напримѣръ, говорила она, нѣтъ ни малѣйшей необходимости быть самому отцеубійцей, чтобы прекрасно изобразить роль Ореста, и не было бы даже ничего удивительнаго въ томъ, еслибы евнухъ отъ рожденія исполнилъ очень недурно роль жениха Суламиѳи.

Въ то время, пока Галлъ говорилъ, улыбка не разъ появлялась на устахъ Маріи Рамы.

— Царевна умна,—сказала она,—и мнѣ очень нравятся ея сравненія; а такъ какъ она обладаетъ къ тому же еще и громадною опытностью, то я склонна думать, что она права. За евнуха я не могу отвѣчать, такъ какъ мнѣ трудно поставить себя въ его положеніе; но относительно Суламиѳи я могу

смѣло и безбоязненно сказать: наше воображеніе въ особенности если къ нему на помощь прійдетъ сердце, получаетъ иногда удивительную проницательность.

Галлъ сразу почувствовалъ облегченіе; ему показалось, что съ его груди сняли тяжесть.

— Итакъ, ты думаешь,—сказалъ онъ, улыбаясь,—что было бы слишкомъ смѣло, на основаніи превосходнаго исполненія внучкой Измаила роли Суламиеи, сдѣлать заключеніе относительно ея добродѣтели и дѣвственности?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтила куртизанка, которая не была зла по природѣ;—да вотъ хотя бы и я могла разъиграть передъ тобою роль римской матроны, и даже весталки, не хуже всякой другой; а Іеговѣ извѣстно, надѣвала-ли я когда нибудь тунику одной или блюла за священнымъ огнемъ, какъ другая.

— Неужели же думаешь, что Реввека—весталка или цѣломудренная дочь римской матроны?

— О, это совсѣмъ другое дѣло!—воскликнула Марія, громко расхохотавшись.

Галлъ тоже разсмѣялся, но не такъ отъ души.

— Ну, такъ, что-жъ?—прибавилъ онъ,—такъ ты вывела бы заключеніе, что она никогда не любила?

— Это ужъ менѣе всего. При ея годахъ и при томъ оттѣнкѣ страсти, который сказался въ ея игрѣ, я не рѣшилась бы утверждать, что сердце ея до сихъ поръ не заговорило. Я и безъ того ей удивляюсь, а еслибъ это было такъ, то я удивилась бы еще больше. Ей даже пришлось бы воздвигнуть статую, хотя наша религія и не дозволяетъ этого, и открыть ей доступъ въ святилище, что, однако, по нашимъ понятіямъ составляетъ верхъ святотатства.

— Значитъ, ты думаешь, что она любитъ или любила кого нибудь?

— Я ничего не думаю,—смѣясь отвѣтила Марія,—по той простой причинѣ, что для меня это рѣшительно все равно.

— И для меня также,—сказалъ Галлъ;—я только ста-

раюсь собрать авторитетныя мнѣнія для того, чтобъ опровергнуть увѣренія Береники. И къ тому же мнѣ интересно выслушать твое мнѣніе по этимъ вопросамъ.

— А нельзя ли узнать почему?

— Потому, что ты красива и слова твои гармоничны, какъ поцѣлуи. Итакъ, ты полагаешь, что она въ настоящее время любитъ кого нибудь?

— Кто это?—спросила Марія, ожидавшая, очевидно, совершенно иного вопроса.

— Да Реввека.

— Ревекка? Любитъ ли она кого-нибудь въ настоящее время, этого я, клянусь Іеговой, право не знаю, но любила ли она когда-нибудь вообще,—это совершенно иной вопросъ, и я въ этомъ такъ убѣждена, какъ будто я видѣла то своими собственными глазами. Ты—уроженецъ такой страны, въ которой, какъ говорятъ, женщины поздно начинаютъ любить; у васъ тамъ даже, кажется, и солнце не свѣтитъ. Мы же здѣсь живемъ въ такой странѣ, гдѣ когда то былъ рай земной; мы родились подъ древомъ соблазна, и всѣ виноградники кишатъ змѣями. Что касается Реввеки, то я не берусь ничего утверждать. Мнѣ только помнится, что въ прошломъ году я слышала въ Іерусалимѣ, что сердце ея принадлежитъ человѣку, о которомъ дѣдъ ея и слышать не хотѣлъ. Этимъ объяснилось бы многое, а именно, какимъ образомъ она, будучи еще дѣвушкой, могла съ такою правдою исполнить роль, которая для нея пока составляетъ лишь фикцію. Неудовлетворенная любовь все угадываетъ и на все способна; для нея нѣтъ тайны, которой она, при желаніи, не могла бы разгадать. И къ тому же все неизвѣданное и неиспытанное представляетъ для насъ особую притягательную силу; доказательство тому,—наша праматерь Ева. По крайней мѣрѣ, что касается меня, то у меня почти всегда является желаніе обнять именно то, что далеко. Мы, женщины, уже такъ созданы, и Реввека въ этомъ отношеніи, конечно, не составляетъ исключенія. Мы всѣ вылиты по одной формѣ.

— Значитъ, ты полагаешь, что предметъ ея любви — далекъ? — спросилъ Галлъ, сидѣвшій точно на горячихъ угольяхъ.

— Да, насколько позволительно дѣлать предположенія; ибо мы, Галлъ, дѣлаемъ здѣсь лишь одни предположенія.

Галлъ всталъ и удалился отъ куртизанки: онъ узналъ все, что ему хотѣлось узнать.

IX.

Изверженіе волкана.

При всякихъ острыхъ кризисахъ страсти, будь то любовь или честолюбіе, бываютъ мгновенія, когда душа уже не принадлежитъ сама себѣ, когда рѣка, подъ дуновеніемъ сильнаго урагана, разливается, когда воля и разумъ становятся безсильными, будучи затоплены страстью. Пока Максимъ Галлъ, какъ мы уже сказали выше, видѣлъ въ Ревекѣ лишь чистую, гордую и фантастическую молодую дѣвушку, она представлялась ему какимъ-то божествомъ и онъ едва могъ возноситься до нея своими помыслами. Хотя люди, привыкшіе къ военному ремеслу, вообще и не обладаютъ способностью класть въ основу своихъ разсчетовъ вліяніе времени, однако на этотъ разъ Галлъ, избравъ совершенно новую тактику, отложилъ до окончанія осады осуществленіе своихъ надеждъ, и разъ составивъ себѣ извѣстный планъ, рѣшился не отступать отъ него. И казалось, онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на удачу: Ревекка отказалась отъ мысли проникнуть въ Іерусалимъ; сначала онъ приписывалъ это своимъ совѣтамъ, затѣмъ своему вліянію, и наконецъ извѣстной взаимности чувствъ. Но то, что случилось въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ часовъ, пробудило въ душѣ его иныя чувства. Бесѣда его съ Береникой на короткое время возобновила въ немъ первоначальныя его иллюзіи; а то, что онъ только что услышалъ отъ Маріи Рамо, окончательно преисполнило его надеждъ. Уходя отъ куртизанки, онъ находился въ томъ состояніи духа, гдѣ все направляется

на одну идею, гдѣ всѣ мысли вертятся въ какомъ то заколдованномъ кругѣ, изъ котораго они не могутъ выйти.

Въ головѣ Галла крѣпко засѣла мысль, что Ревекка любитъ, и что тотъ, кого она любитъ—не онъ.

— Да, она любитъ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—но она любитъ какъ гетера, какъ проститутка, какъ тѣ голодныя волчицы, которыя бродятъ съ разинутой пастью, съ высунутымъ языкомъ, по залитымъ лучами солнца лѣсамъ этой страны міазмовъ и разврата. И кто тотъ жалкій человѣкъ, которому она отдала любовь свою? Какой нибудь презрѣнный еврей! И это съ такимъ-то гордымъ лицомъ, съ такимъ чистымъ и смѣлымъ взглядомъ! Кто знаетъ, не опустилась ли она даже до того, что удостоила своей любви кого-нибудь изъ тѣхъ разбойниковъ, которые безчинствуютъ въ Іерусалимѣ? Кто знаетъ, не для того ли она теперь дѣлаетъ видъ, будто отказалась отъ своего предпріятія, чтобы вѣрнѣе добиться осуществленія его?

Въ то время, когда Галлъ злобствовалъ, стараясь разгадать мучившую его загадку, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него прошелъ Бенъ-Адиръ, направлявшійся, вмѣстѣ съ Измаиломъ, въ занимаемый Ревеккой павильонъ. Ревнивому Галлу въ эту минуту показалось, что онъ угадалъ тайну Ревекки. При видѣ молодого араба, ему вдругъ припомнилось, что во время происходившаго наканунѣ представленія онъ случайно замѣтилъ его среди толпы и что молодой человѣкъ съ какимъ то страстнымъ выраженіемъ глазъ смотрѣлъ на Ревекку. Но будучи въ то время самъ слишкомъ взволнованъ, онъ не придалъ особаго значенія этому факту. Теперь же, при видѣ его, Галла точно озарилъ блескъ молніи и, подъ вліяніемъ этой мысли, Бенъ-Адиръ совершенно преобразился въ его глазахъ.

— Быть можетъ она любитъ именно этого раба,—подумалъ онъ;—онъ молодъ, красивъ, онъ постоянно находится при ней, онъ исполняетъ всѣ ея желанія. Развѣ не было примѣровъ тому, что и болѣе высокопоставленныя женщины безумно

вался видъ на Іордань и на Мертвое море и даже виденъ былъ Іерусалимъ. Съ этой башни видна была другая, съ которой, въ свою очередь, видны были башни, стоявшія ближе къ римскому лагерю. На этой башнѣ по ночамъ разводился огонь, и она являлась какъ бы маякомъ, на которомъ подавались сигналы, передававшіеся слѣдующими башнями въ лагерь Тита. Но днемъ башня эта была пуста, и Ревекка любила сидѣть на ея вершинѣ. Она видѣла съ нея свой возлюбленный городъ и именно здѣсь она особенно охотно предавалась мечтаніямъ о послѣднемъ. Здѣсь она часто проводила по нѣскольку часовъ, одинокая, погруженная въ глубокую задумчивость и въ воспоминанія, причемъ постоянно на первомъ планѣ выступалъ образъ Симона, носившійся надъ будущимъ, которое представлялось ей то покрытымъ зловѣщими тучами, то освѣщеннымъ яркими лучами солнца.

Галлъ отправился въ павильонъ Измаила и изъявилъ желаніе повидаться съ Ревеккой. Ему сказали, что она вышла вмѣстѣ съ своимъ дѣдомъ и что они направились къ маяку Тита (такъ называлась вышеупомянутая башня). Онъ разспросилъ, какъ пройти къ этой башнѣ, и самъ направился туда. Едва прошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ Измаила, направлявшагося вмѣстѣ съ Іосифомъ Флавіемъ въ сторону Іерихона. Онъ заключилъ изъ этого, что Ревекка осталась одна, и такъ какъ это вполнѣ соотвѣтствовало его желаніямъ, то онъ ускорилъ шагъ. Но когда онъ приблизился къ подножію ея, когда онъ могъ надѣяться увидѣть ее черезъ нѣсколько секундъ, когда наступилъ торжественный, рѣшительный моментъ, отъ котораго, быть можетъ, зависѣла вся его будущность, онъ сталъ колебаться и рѣшимость его исчезла. По его членамъ пробѣжала дрожь, чисто ребяческая дрожь. Этотъ человѣкъ, тысячу разъ выказавшій свою храбрость на полѣ сраженія, невозмутимый и хладнокровный, когда предстояло принять какое-нибудь важное рѣшеніе, дрожалъ какъ лань, до слуха которой вдругъ донесся собачій лай, или какъ

птичка, притаившаяся подъ листьями въ предчувствіи грозы. Онъ сталъ подвигаться почти пошатываясь, какъ бы ступая въ потемкахъ. Его влекла къ башнѣ, на террассу, къ Ревеккѣ, скорѣе любовь, чѣмъ собственная его воля.

Молодая дѣвушка склонилась черезъ перила, облокотившись на нихъ, и блуждая взорами въ обширномъ горизонтѣ, по тому направленію, гдѣ виднѣлись высоты Іерусалима. Она была одѣта въ бѣлое платье, и мантія такого же цвѣта спускалась вдоль ея гибкаго стана. Черные волосы, зачесанные кверху на греческій манеръ, оставляли обнаженнымъ его затылокъ, цвѣта бронзированнаго мрамора. Она до того была поглощена своими мыслями, тѣми далекими образами, которые, безъ сомнѣнія, носились въ это время въ ея воображеніи, что она не слышала стука шаговъ поднимавшагося по лѣстницѣ Галла. Она обратила на нихъ вниманіе лишь тогда, когда послѣдній взошелъ уже на террассу. Обернувшись, она улыбнулась ему, безъ малѣйшаго желанія понравиться ему, а просто по привычкѣ. Но въ этой улыбкѣ было столько наивной прелести, такое выраженіе меланхолической граціи, что Галлъ былъ пораженъ ею и что на мгновеніе онъ какъ-будто освободился изъ-подъ власти своего злого генія. Забывъ о словахъ Маріи Рамо, онъ въ эту минуту помнилъ только слова Береники; впечатлѣнія «Артемиды» одержали верхъ надъ впечатлѣніями Суламиѳи. Молніей блеснула въ немъ искренняя радость; всѣми его чувствами овладѣло какое-то опьяненіе, но опьяненіе пріятное и успокоивающее, которое проникло все его существо, но не взволновало.

Онъ, однако, молчалъ и только глаза его ярко горѣли.

Ревекка тотчасъ же догадалась о томъ, что̀ происходило въ его сердцѣ. Она сказала сама себѣ, что онъ, безъ сомнѣнія, пришелъ съ тѣмъ, чтобъ объясниться ей въ любви своей, что Береника выдала ее. Она предвидѣла бурю и желала отвратить ее. Но присутствіе духа тотчасъ же покинуло ее,

и, въ смущеніи своемъ, она сама проложила брешь своему врагу.

— Увидѣвъ тебя здѣсь, Галлъ,—сказала она,—мнѣ пришло на умъ, что между характеромъ мужчины и характеромъ женщины существуетъ громадная разница: я пришла сюда, чтобы любоваться красотою неба и земли; ты же, безъ всякаго сомнѣнія, пришелъ съ тѣмъ, чтобы думать о войнѣ.

— Ты ошибаешься, Ревекка: я пришелъ сюда съ любовными мыслями.

— Увы!—сказала она ему, взглянувъ на него влажными глазами, — теперь, къ сожалѣнію, не такое время, когда подобныя мысли могли бы приходить на умъ: онѣ заглушаются среди шума оружія.

— Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же, намедни вечеромъ, ты представила намъ болѣе, чѣмъ слова, — цѣлую картину любви? Можно было бы подумать, что ты сама горишь тѣмъ пламенемъ, которое одно присутствіе твое зажигаетъ въ сердцахъ человѣческихъ. Ты какъ будто млѣла и горѣла въ объятіяхъ супруга!

Вся природа варвара разомъ сказалась. Сила его страсти была такъ велика, что пламя ея ярко вспыхнуло при первомъ же дуновеніи. Ревекка покраснѣла, но, разъ убѣдившись въ опасности, она быстро совладѣла съ собою. Она отвѣтила совершенно просто и спокойно:

— Я желала доставить удовольствіе Вереникѣ, а разъ я рѣшилась что-нибудь сдѣлать, я уже не могу дѣлать этого кое-какъ. Неужели можно упрекать флейтщицу за то, что она извлекаетъ изъ неодушевленнаго инструмента звуки, переполняющіе души сладостями жизни?

— Да, но бываютъ такія вольности, которыя хуже преступленій,—которыя являются просто святотатствомъ. Онѣ разоблачаютъ публикѣ самыя сокровенныя тайны.

— У насъ не запрещается плясать и даже пѣть любов-

ныя пѣсни. Я одинаково равнодушно пѣла и о любви, и о войнѣ.

— Неправда, Ревекка,—сказалъ Галлъ, котораго слова ея начали раздражать и опьянять,—ты далеко неравнодушна ни къ той, ни къ другой. Ты любишь! Нельзя такъ выразить любовь, если не чувствуешь ея.

Галлъ произнесъ эти слова рѣзкимъ, высокомѣрнымъ, повелительнымъ, даже надменнымъ тономъ: можно было бы подумать, что онъ считаетъ себя въ правѣ говорить въ качествѣ любовника и повелителя. Ревекка, догадавшись о намѣреніяхъ Галла, рѣшилась было быть спокойной и терпѣливой. Однако, въ эту минуту она почувствовала, что рѣшимость ея начинаетъ слабѣть.

— Ну, такъ что-же!—сказала она.—Развѣ я не властна любить или ненавидѣть, кого я хочу? Я никому не обязана отдавать отчетъ въ моихъ чувствахъ. Я это едва-едва дозволяю тѣмъ, съ кѣмъ я связана узами крови. Жизнь моя протекла вдали отъ тебя. Съ какой стати я предоставила бы тебѣ такое право, въ которомъ я отказываю даже дѣду моему? Насъ не связываютъ рѣшительно никакіе узы.

— Ты ошибаешься, Ревекка, и ты сама отлично знаешь это. Ты знаешь, что съ перваго же дня, въ который я тебя увидѣлъ, я полюбилъ тебя, я отдалъ тебѣ всю мою душу, я весь отдался тебѣ беззавѣтно. Да, ты знаешь, что жизнь моя принадлежитъ тебѣ, что сердце мое стремится къ тому, чтобы соединиться съ твоимъ, и что на свѣтѣ нѣтъ ничего такого, на что бы я не рѣшился, лишь бы обладать тобою. Ты догадалась объ этомъ съ перваго же дня, съ перваго же взгляда, который ты бросила на меня, ты измѣрила силу и глубину моей страсти. Ты знаешь, что если бы я могъ располагать имперіей, подобно Антонію, то я готовъ былъ бы положить ее къ твоимъ ногамъ, какъ онъ положилъ свою имперію къ ногамъ Клеопатры. И если бы ты только пожелала того, то я завоевалъ бы цѣлое королевство, цѣлую имперію,

для того чтобы предложить тебѣ раздѣлить со мною власть надъ нею. Я стяжалъ нѣкоторую славу, — я пожертвую ею ради твоей фантазіи; я люблю Тита, — я измѣнилъ бы ему, если бы ты того пожелала. Дружба, слава, пустяки,—все это ничто иное, какъ дѣтскія игрушки, которыя я готовъ сейчасъ же разломать въ дребезги по одному твоему мановенію.

Ревекка выслушала, не то чтобы равнодушно, но безъ смущенія, и почти безъ всякаго волненія, страстныя рѣчи Галла до тѣхъ поръ, пока онъ не упомянулъ о томъ, что готовъ былъ бы измѣнить Титу. Но въ этихъ послѣднихъ словахъ она, въ своей патріотической иллюзіи, увидѣла лучъ надежды. Въ ея умѣ моментально промелькнула мысль, что недурно было бы сдѣлать изъ ближайшаго помощника Тита орудіе для спасенія Іерусалима. Передъ нею возстала Юдиеь въ своемъ сіяніи кровожаднаго сладострастія. Но мысли ея тотчасъ же снова перенеслись въ Іерусалимъ; ей показалось, будто она видитъ на стѣнахъ священнаго города Симона-бенъ-Гіору, отчаянно борющагося противъ непріятеля, и она сама испугалась своей недавней мысли. Оправившись отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее этимъ видѣніемъ, она постаралась избѣжать прямого отвѣта на пламенное объясненіе Галла и спокойно сказала ему:

— Все то, что ты только что сказалъ мнѣ, можетъ только льстить моей гордости: да и кто, въ самомъ дѣлѣ, могъ бы не гордиться любовью такого человѣка, какъ ты? Но я считаю своимъ долгомъ сказать тебѣ, что всякая даже мысль о любви недоступна моему сердцу съ тѣхъ поръ, какъ мое отечество повержено въ несчастіе. Пусть оно сперва будетъ спасено, а затѣмъ уже я дамъ волю моимъ чувствамъ.

Ревекка, несмотря на все свое спокойствіе и свое самообладаніе, не замѣтила однако же явнаго противорѣчія, заключавшагося между этимъ заявленіемъ и тѣмъ, что она говорила вначалѣ, когда она, оправдывая свое равнодушіе къ нему, увѣряла его, что ей одинаковы чужды и воинственные,

и любовные помыслы. Галлъ, съ тою проницательностью страсти, отъ которой не ускользаетъ ничего такого, что могло бы послужить ей на пользу, замѣтилъ это противорѣчіе и поспѣшилъ ухватиться за него.

— Видишь ли, Ревекка, ты говоришь только устами, а не сердцемъ. Ты думаешь о войнѣ: сейчасъ ты въ этомъ призналась, а нѣсколько минутъ тому назадъ ты отрицала это; и въ то же время ты думаешь и о любви. Да, ты любишь, ибо ты лжешь. Ты ничѣмъ не лучше другихъ, ты, — которую я ставилъ въ моемъ сердцѣ выше существъ безсмертныхъ; и ты, значитъ, тоже пропитана ядомъ змѣй и ехиднъ. Ты, столь красивая и гордая, ты, столь прекрасная тѣломъ и столь возвышенная духомъ,—ты ничѣмъ не возвышаешься надъ уровнемъ всѣхъ остальныхъ женщинъ. Какъ! У тебя даже не хватило мужественной откровенности, чтобъ объявить несчастному, который любитъ тебя, который готовъ отдать за тебя свою жизнь, любишь-ли ты его, или же ты его ненавидишь!

— Я сказала тебѣ, Галлъ, что я не ненавижу тебя. Слово мое столь же чисто и прозрачно, какъ и вода этихъ фонтановъ, плескъ которыхъ достигаетъ нашего слуха, какъ и тотъ золотой свѣтъ, который обливаетъ насъ, оно столь же истинно, какъ и наши священныя книги. Я не могу ненавидѣть человѣка, который не питаетъ ко мнѣ никакого иного чувства, кромѣ любви.

Въ это мгновеніе въ умѣ Галла снова всплыло воспоминаніе о сообщеніи, сдѣланномъ ему Береникой. Заявленіе Ревекки, исключавшее ненависть, не исключавшее однакоже любовь, онъ принялъ за полупризнаніе робкаго сердца, которое не рѣшается сдѣлать полнаго признанія, но которое выдаетъ себя, однакоже, самою робостью своей. Въ его глазахъ блеснулъ лучъ надежды, взглядъ его смягчился, голосъ его принялъ болѣе мягкій оттѣнокъ и онъ воскликнулъ съ выраженіемъ такой искренности, которая не могла бы не тронуть Ревекки, еслибы

сердце, всецѣло отдавшееся одной сильной страсти, не чувствовало себя всегда оскорбленнымъ проявленіемъ другаго чувства:

— О, скажи мнѣ, что ты любишь меня, Ревекка! При томъ мучительномъ состояніи, въ которомъ я нахожусь, для меня недостаточно знать, что ты не ненавидишь меня. Я желаю быть увѣреннымъ въ твоей любви: сомнѣніе, какъ змѣя, гложетъ мое сердце, и этому долженъ быть положенъ конецъ. Да, наконецъ, развѣ я не могу умереть завтра же? Я желаю быть счастливымъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ, я буду счастливъ, если ты скажешь то, о чемъ я прошу тебя всѣми силами моей души. Я предпочитаю умереть сейчасъ же, выслушавъ твой отвѣтъ, чѣмъ жить вѣчно безъ божественнаго сознанія, котораго я молю отъ тебя.

— Не настаивай дальше, Галлъ, и прекратимъ разговоръ, который я не могла бы продолжать не краснѣя.

Слова эти были произнесены голосомъ тихимъ, но сладкимъ. Ревекка встала съ мѣста, и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ лѣстницѣ. Кровь прилила къ головѣ Галла и какъ бы заволокла его зрѣніе. Онъ кинулся къ Ревеккѣ въ ярости, точно безумный, точно опьянѣвшій отъ бѣшенства и отъ любви, съ протянутыми впередъ руками, сжатыми кулаками, съ дрожащими губами.

— Ты не выйдешь отсюда,—произнесъ онъ глухимъ голосомъ,—не сказавъ мнѣ того, что я желаю знать.

Этотъ измѣненный тонъ не испугалъ Ревекки; рѣшеніе ея было принято уже съ самаго начала разговора: она предполагала не отнимать у Галла всякую надежду въ интересахъ своего дѣла и въ видахъ осуществленія своихъ плановъ; но она не желала заходить дальше этого.

— Ты просто безумствуешь,—сказала она ровнымъ, спокойнымъ голосомъ;—ты ошибаешься, если воображаешь, что можешь силою заставить меня высказать то, о чемъ я рѣшилась умолчать. Не удерживай меня здѣсь; я не ненавидѣла тебя,

когда ты пришелъ сюда; но я почувствовала бы къ тебѣ презрѣніе, еслибы ты вздумалъ упорствовать, а отъ презрѣнія до ненависти—только одинъ шагъ.

Но Галлъ уже не въ состояніи былъ спокойно слушать ея. Любовная сцена, такъ сильно подѣйствовавшая на его душу, снова, точно по мановенію волшебнаго жезла, цѣликомъ предстала передъ его распаленнымъ воображеніемъ. Въ этой самой женщинѣ, ради которой онъ не далѣе, какъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, готовъ былъ принести въ жертву все, за одно только слово любви ея, передъ которой онъ готовъ былъ преклониться, повергнуться въ прахъ, какъ передъ божествомъ, еслибъ это слово сорвалось съ ея устъ,—въ этой женщинѣ онъ теперь видѣлъ только упрямую и капризную куртизанку, злоупотреблявшую красотой своей и которую можно было разбить, какъ игрушку. И въ то же время, точно по какой-то злой ироніи судьбы, красота эта еще никогда не являлась передъ глазами его въ такомъ блескѣ, въ какомъ она являлась именно въ это мгновеніе. Одушевленіе борьбы точно окружило ее какимъ-то яркимъ сіяніемъ. Она стояла на залитой свѣтомъ площадкѣ съ сверкавшими отъ волненія и гнѣва глазами; щеки ея пылали, губы дрожали, грудь тяжело вздымалась. Галлъ чувствовалъ, что она всѣмъ своимъ существомъ приковываетъ его къ себѣ, подобно тому, какъ гремучая змѣя приковываетъ своимъ взглядомъ птицу.

Ревекка сдѣлала довольно рѣзкое движеніе, замѣтивъ, что Галлъ въ пароксизмѣ своей страсти приближается къ ней; при этомъ движеніи мантія ея откинулась назадъ и взорамъ Галла представился роскошный бюстъ ея. Галлъ совершенно опьянѣлъ отъ страсти и отъ гнѣва; кровь кинулась ему въ голову и онъ зашатался на ногахъ. Если бы въ эту минуту рухнулъ весь міръ, онъ врядъ-ли замѣтилъ бы это. Увидѣвъ, что Ревекка отступаетъ, онъ кинулся къ ней, обхватилъ ее своими сильными руками, и притянулъ ее къ себѣ такъ близко, что онъ чувствовалъ ея дыханіе и судорожно поцѣловалъ ее въ полу-от-

крытыя губы. Ревекка рванулась, стараясь освободиться изъ его объятій. Въ ней заговорило чувство гордости.

— Галлъ,—воскликнула она дрожащимъ голосомъ,—ты недостоинъ даже состраданія! Я ненавижу и презираю тебя!

— А-а! Ты ненавидишь меня! Наконецъ-то мнѣ удалось заставить тебя высказаться, коварная и лживая душа! Хорошо! Хотя ты и ненавидишь меня, но я тебя люблю и добьюсь отъ тебя всего, чего я желаю. Вѣдь воинъ же я, наконецъ, и я поступлю съ тобою, какъ воинъ. Быть можетъ, тогда ты и полюбишь меня: бывали примѣры тому, что сила пробуждала любовь, точно такъ же, какъ и убивала ее. Въ настоящую минуту ты въ моей власти; никакая сила человѣческая не въ состояніи будетъ вырвать тебя изъ моихъ объятій, въ которыхъ ты почерпнешь любовь даже противъ твоей воли: желаешь-ли ты, или не желаешь, но ты будешь моею. Пусть потухнетъ освѣщающее насъ въ настоящую минуту солнце, если оно не сдѣлается сейчасъ же свидѣтелемъ нашего союза. Если ты не желаешь сдѣлаться женой моей, я сдѣлаю изъ тебя мою наложницу и буду топтать тебя ногами!

Ярость несчастнаго Галла достигла крайнихъ предѣловъ. Этотъ человѣкъ, обладавшій далеко недюжиннымъ умомъ и занимавшій столь высокое положеніе, человѣкъ, который безъ труда могъ бы занять такое же высокое положеніе, какое занялъ Веспасіанъ, человѣкъ ничѣмъ не уступавшій послѣднему, опустился, подъ тяжестью безумной страсти, до уровня дикаго звѣря. Все вокругъ него кружилось и глаза его блестѣли дикимъ и зловѣщимъ блескомъ. Онъ сбросилъ свою каску и отстегнулъ свой мечъ; затѣмъ онъ заперъ дверь, ведшую на террасу, и снова кинулся на Ревекку подобно тому, какъ голодный левъ кидается на проходящую мимо лань, готовый растерзать его.

Ревекка имѣла обыкновеніе носить подъ своей мантіей кинжалъ, подобно всѣмъ еврейскимъ женщинамъ начиная съ эпохи римскихъ войнъ. При этомъ неожиданномъ и грубомъ напа-

деніи первымъ ея движеніемъ было схватиться за это оружіе, чтобы защищаться съ его помощью; но оказалось, что она забыла его въ павильонѣ. Не имѣя возможности ни защищаться, ни бѣжать, потому что Галлъ успѣлъ затворить дверь, она кинулась къ балюстрадѣ башни, твердо рѣшившись скорѣе умереть, чѣмъ отдаться своему обезумѣвшему отъ страсти преслѣдователю.

Галлъ, заперевъ дверь, снова приблизился къ ней, тяжело дыша, и схватилъ ее за кисти рукъ.

— Еще не поздно!—воскликнулъ онъ,—скажи мнѣ, что ты готова сдѣлаться моей женой, и я отпущу тебя.

— Я никогда не выйду,—спокойно произнесла Ревекка, которой опасность возвратила хладнокровіе,—я никогда не выйду за мужъ за человѣка, способнаго на такое покушеніе, какое ты замышляешь. Насъ и безъ того уже отдѣляла бездна, а ты еще болѣе расширилъ ее. Еврейка никогда не выйдетъ за варвара. Ревекка никогда не выйдетъ за человѣка, котораго она презираетъ.

Въ то время, когда она говорила, лицо ея горѣло отъ негодованія, а голосъ замѣтно дрожалъ.

Галлъ снова попытался привлечь ее къ себѣ. Она взглянула ему прямо въ лицо, даже не поведя бровью.

— Не воображай себѣ, Галлъ,—сказала она,—чтобы тебѣ удалось подчинить меня себѣ. А если ты восторжествуешь, то восторжествуешь только надъ трупомъ.

— Но все равно я восторжествую, а воину только этого и нужно. По крайней мѣрѣ левъ утолитъ свою жажду кровью барса.

Терраса, на которой происходила эта сцена, окружена была круглой балюстрадой въ родѣ тѣхъ, которыя возводились на старинныхъ маякахъ, съ амбразурой, открытой по направленію къ Іерусалиму и передъ которой по ночамъ разводился костеръ. Здѣсь балюстрада образовала изъ себя выемку и достаточно было сдѣлать одинъ шагъ, чтобъ упасть съ страшной вышины;

жду на будущее и онъ ринулся въ эту перспективу подобно тому, какъ волны потока, проложивъ себѣ путь черезъ плотину, устремляются въ отверстіе. Онъ смирился, и, въ силу весьма естественной реакціи, зашелъ также далеко въ своей слабости, какъ онъ заходилъ и въ своей ярости.

— Значитъ, ты меня не ненавидишь?—спросилъ онъ ее покорнымъ и робкимъ голосомъ.

— Нѣтъ! Еще нѣсколько минутъ тому назадъ я ненавидѣла и презирала тебя; но въ настоящую минуту я испытываю только чувство жалости къ тебѣ. Какой же ты былъ безумецъ, если ты вообразилъ себѣ, что въ нашихъ еврейскихъ сердцахъ любовь можетъ зародиться въ одинъ день! Мы желаемъ, чтобы насъ завоевали, какъ укрѣпленные города.

— Прости мнѣ, Ревекка; но право же я не настолько виноватъ, какъ тебѣ кажется. Если бы ты только знала, какой бредъ овладѣлъ моими чувствами съ того злосчастнаго вечера, самое воспоминаніе о которомъ я желалъ бы изгладить изъ моей памяти! Да и къ тому же, если я виноватъ, то виноватъ не я одинъ. Твоя поразительная красота, представившаяся мнѣ въ такой обворожительной обстановкѣ, слова Береники, ложь Маріи Рамо....

— Береника говорила съ тобой обо мнѣ! Но на кого же послѣ того положиться, если даже царевны выдаютъ тайны или слабости своихъ друзей! Что касается Маріи Рамо и того, что̀ она могла сказать тебѣ, то я краснѣю при одной мысли о томъ, что ты разспрашивалъ ее обо мнѣ, и я даже не желаю слышать того, что̀ она могла бы отвѣтить на твои вопросы. Я сочла бы, что унизилась до ея уровня, еслибы я удостоила ее чего либо другаго, кромѣ презрительнаго взгляда.

Ревекка произнесла эти послѣднія слова съ выраженіемъ такаго отвращенія и съ такимъ достоинствомъ, что еслибы въ умѣ Галла оставалось еще хотя бы малѣйшее сомнѣніе въ ея непорочности, то это сомнѣніе должно было окончательно исчезнуть. Въ то же время она покинула свое убѣжище и прибли-

зилась съ гордымъ и смѣлымъ взглядомъ къ Галлу, который шатаясь, въ какомъ то изнеможеніи, прислонился къ балюстрадѣ. Гордая осанка молодой дѣвушки, выказанное ею мужество, столь быстро смѣнявшія одно другое волненія, сознаніе розыгранной имъ не особенно красивой и почетной роли, а въ особенности непреодолимая сила овладѣвшей имъ страсти и блеснувшій въ его глазахъ лучъ надежды, — все это совершенно преобразило его. Еслибъ онъ могъ плакать, то онъ, безъ сомнѣнія, оросилъ бы слезами ту нѣжную и красивую руку, которую онъ только что съ такимъ неистовствомъ сжималъ въ своей грубой рукѣ.

Вдругъ раздался звукъ военной трубы: это былъ сигналъ къ отъѣзду въ лагерь, куда Галлъ долженъ былъ провожать Тита. Онъ кинулся къ своему мечу и шлему, лежавшимъ на плитахъ террасы.

— А я совсѣмъ было забылъ о моемъ долгѣ, — сказалъ онъ, — это одно могло бы доказать тебѣ всю безграничность моей страсти, Ревекка. Мнѣ прійдется пробыть нѣсколько дней подъ стѣнами Іерусалима, противъ котораго мы намѣрены повести новую аттаку. Еслибы ты знала, какія мученія причиняетъ мнѣ эта ужасная война, на которую я смотрю, какъ на войну междуусобную, съ тѣхъ поръ какъ я встрѣтилъ тебя на «Артемидѣ».

Эти послѣднія слова въ состояніи были бы возвратить Ревеккѣ все ея самообладаніе, еслибы и безъ того сила ея воли, на мгновеніе было ослабѣвшая, уже давно не одержала снова верхъ въ ея умѣ. Ей показалось, что теперь ей представляется удобный случай узнать о томъ, что произошло въ Іерусалимѣ послѣ удаленія оттуда Бенъ-Адира, и она даже надѣялась, что ей удастся узнать, что замышляется противъ священнаго города. Она вспомнила, что нарочно и осталась въ замкѣ Береники для того, чтобъ узнавать необходимыя для нея тайны. Поэтому она принялась разспрашивать Галла, который находился въ такомъ расположеніи духа, при которомъ

для человѣка не существуетъ секретовъ передъ женщиною, которую онъ любитъ, и такимъ образомъ ей удалось вывѣдать у него планы римлянъ и тѣ событія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже съ бо́льшими подробностями, чѣмъ какія онъ могъ сообщить ей.

Во время сцены, разыгравшейся на Титовой башнѣ и которая едва не стоила жизни Ревеккѣ, послѣдняя выказала истинное геройство въ своемъ презрѣніи къ смерти и въ самоуваженіи; но тѣмъ не менѣе ей пришлось сдѣлать не мало уступокъ, въ ущербъ своему достоинству; она была неискренна, что̀ заставляло ее краснѣть; гордость ея содрагалась при одной мысли, что она подала человѣку надежды, которыя, какъ она сама отлично сознавала, никогда не осуществятся. Но то, что̀ ей удалось вывѣдать у Галла, явилось въ глазахъ ея достаточнымъ эквивалентомъ за всѣ униженія, которыя ей пришлось проглотить, и за тѣ жертвы, которыя ее заставилъ принести патріотизмъ ея.

Разставшись съ Галломъ, Ревекка стала придумывать средства, съ помощью которыхъ можно было бы передать Симону добытыя ею свѣдѣнія и которыя, какъ она была увѣрена, могли бы оказаться для послѣдняго весьма полезными, какъ вдругъ она увидѣла Бенъ-Адира, шедшаго ей на встрѣчу.

— Ревекка,—сказалъ онъ ей,—меня послала къ тебѣ Дина; она говоритъ, что одна изъ женщинъ, сопровождавшихъ Марію Рамо, желаетъ переговорить съ тобой.

— Какая женщина?—спросила Ревекка не безъ нѣкотораго удивленія, не будучи въ состояніи представить себѣ, что̀ могло бы быть общаго между нею и служанкой куртизанки.

— Дина не назвала мнѣ имени этой женщины,—отвѣтилъ Бенъ-Адиръ;—но, повидимому, она имѣетъ сообщить тебѣ важныя новости.

— Такъ она, значитъ, прибыла изъ Іерусалима?

— Этого я не знаю.

Ревекка ускорила шагъ, побуждаемая нетерпѣніемъ и без-

покойствомъ, и въ то же время съ смутной надеждой въ сердцѣ, что ей представится, наконецъ, столь давно желанное средство сноситься съ Іерусалимомъ.

И она не ошиблась въ своихъ разсчетахъ.

Но вмѣшательство подруги Маріи Рамо въ событія, составляющія предметъ нашего разсказа, тѣсно связано съ событіями, часть которыхъ разсказалъ Ревеккѣ Галлъ. Оно найдетъ свое объясненіе и свое мѣсто въ подробномъ изложеніи этихъ событій, которое читатели найдутъ въ слѣдующей главѣ.

Графиня Марія Ратацци.

(*Продолженіе будетъ*).

ОЧЕРКИ САНИТАРНАГО СОСТОЯНІЯ ЕВРЕЙСТВА.

(*Продолженіе*) *.

III.

И такъ мы убѣдились, что евреи представляютъ двѣ весьма выгодныя для нихъ особенности: 1) способность очень легко приспособляться ко всѣмъ мѣстностямъ, странамъ и климатамъ, благодаря чему они встрѣчаются не только во всѣхъ европейскихъ странахъ, но и почти на всемъ земномъ шарѣ и 2) что ихъ смертность выражается относительно невысокимъ %. Нашими устами да медъ пить! Казалось, что послѣ такихъ утѣшительныхъ выводовъ оставалось бы только возрадоваться и ликовать. Каждый отлично знаетъ, что гдѣ смертность не велика, тамъ и болѣзненность незначительна, такъ какъ оба явленія находятся или должны по крайней мѣрѣ находиться между собой въ тѣсной связи. Повидимому, одни евреи составляютъ исключеніе изъ общаго правила и общераспространенное мнѣніе объ ихъ чрезмѣрной болѣзненности, и хилости совершенно справедливо и не можетъ быть поколеблено даже вѣскими таблицами, представленными въ предыдущей главѣ. Мы тогда убѣдились, что относительно незначительный процентъ смертности евреевъ зависитъ отъ невысокой смертности дѣтей до одного года, но за то она представляетъ то неблагопріятное явленіе, что смерть уноситъ много жертвъ изъ среды нашихъ единовѣрцевъ въ періодѣ расцвѣта ихъ жизни, при наступленіи производительнаго возраста. Смертность подростковъ и молодыхъ людей составляетъ тѣмъ болѣе грустное явленіе, что съ ними уносится въ мо-

---

* См. „Восходъ“ кн. 4.

гилу и вся затраченная на нихъ сумма вниманія, заботъ, ухода, нравственныхъ и матеріальныхъ затратъ,—въ лучшемъ случаѣ; въ болѣе худшемъ—остающіяся семьи лишаются подчасъ своего единственнаго кормильца и обречены влачить жалкую и преисполненную лишеній жизнь.

Сопоставляя большую смертность подростковъ и взрослыхъ людей съ относительно меньшею дѣтей, можно прійти къ заключенію, что *физическое здоровье евреевъ очень неудовлетворительно*; *пока они малы, усиленное вниманіе родителей, особо тщательный уходъ въ состояніи парализовать внѣшнія вредныя вліянія, и смертность тогда относительно невысока; съ ростомъ еврея, когда на него затрачивается все меньше и меньше вниманія другихъ лицъ, когда онъ самъ долженъ слѣдить за собой и самостоятельно бороться за существованіе—его организмъ не можетъ представить достаточнаго противудѣйствія вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ и смертность повышается.*

У другихъ народовъ мы подобнаго явленія почти не встрѣчаемъ. Это можно объяснить тѣмъ, что среди нихъ могутъ пережить опасный дѣтскій возрастъ только наиболѣе сильныя дѣти, съ лучшей и болѣе крѣпкой организаціей. Перейдя его, они могутъ гораздо легче противудѣйствовать вреднымъ условіямъ, вызывающимъ болѣзнь и тѣмъ самимъ смерть. *У евреевъ замѣчается нѣчто совершенно противуположное*: хилымъ родителямъ удается сохранить жизнь слабымъ дѣтямъ, которыя у другихъ народовъ, не доставляющихъ своимъ малолѣткамъ подобнаго тщательнаго ухода, не оставались бы въ живыхъ; но еврейскіе родители не въ состояніи вмѣстѣ съ жизнью дать своему потомству и здоровье; отсутствіе послѣдняго и сказывается въ постоянныхъ заболѣваніяхъ и усиленной смертности подростающихъ и взрослыхъ евреевъ. Дѣти, получивъ въ наслѣдство слабое здоровье, въ свою очередь передаютъ сильное предрасположеніе къ болѣзнямъ и своему потомству. Фактъ этотъ очень печаленъ для евреевъ, обусловливая физическое вырожденіе массы, такъ какъ никакое состояніе здоровья никогда не служитъ евреямъ препятствіемъ для вступленія въ бракъ и произведенія болѣзненнаго и хилаго потомства. «Ни одинъ человѣкъ, знакомый съ законами разведенія домашнихъ животныхъ, не будетъ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это обстоятельство (т. е. что слабые члены цивилизованнаго общества распространяютъ свой родъ) крайне неблагопріятно для человѣческой расы», говоритъ знамени-

тый Дарвинъ * и это совершенно справедливо. Евреи по своему слабому тѣлосложенію и здоровью должны были бы давнымъ давно уничтожиться подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, но задерживаютъ этотъ процессъ уничтоженія строгимъ соблюденіемъ нѣкоторыхъ санитарныхъ правилъ и медицинской помощью, къ которой они такъ охотно прибѣгаютъ.

Хилость подростающихъ и взрослыхъ евреевъ выражается очень рѣзко въ маломъ ростѣ и чрезмѣрно узкой груди. Многочисленныя измѣренія и изслѣдованія еврейскихъ новобранцевъ въ Россіи дали въ этомъ отношеніи весьма цѣнный и интересный матерьялъ, сущность котораго мы постараемся представить въ рядѣ таблицъ и цифръ. Но предварительно необходимо въ нѣсколькихъ словахъ опредѣлить значеніе этихъ двухъ факторовъ **.

Ростъ человѣка и вообще какого-либо населенія находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ состояніемъ его здоровья, его благосостояніемъ, мѣстожительствомъ и другими внѣшними условіями жизни. Такъ напр. извѣстно, что жители горъ отличаются болѣе высокимъ ростомъ, чѣмъ жители равнинъ, горожане выше поселянъ и т. д., какъ то доказалъ еще въ 1830 г. знаменитый бельгійскій статистикъ Кетле ***. Точно также извѣстно, что если полное благосостояніе не обусловливаетъ высокаго роста, то неудовлетворительныя экономическія условія и болѣзненное слабое развитіе организма задерживаютъ ростъ, находящійся въ связи съ питаніемъ субъекта. Всѣ условія, нарушающія послѣднее, вмѣстѣ съ тѣмъ являются препятствіемъ и для возрастанія (croissance) организма. Но вообще ростъ, самъ по себѣ, какъ указатель физической силы, имѣетъ значеніе довольно ограниченное, хотя, повторяемъ, задержка его ниже нормальнаго и медленность его почти всегда указываетъ на неблагопріятныя условія питанія,

---

* Происхожденіе человѣка и подборъ etc., Пер. подъ ред. И. М. Сѣченова. Спб. 1871. ч. I; p. 188.

** Докторъ *Blechmann* изъ Курляндіи собралъ въ своей интересной диссертаціи (Ein Beitrag zur Anthropologie d. Juden. Dorpat. 1882) много данныхъ, касающихся роста евреевъ. Отсылая читателя къ самой книгѣ почтеннаго автора, мы ограничиваемся исключительно данными, касающимися русскихъ евреевъ, какъ основанными на громадномъ числѣ измѣреній.

*** *Quetelet*—Sur la taille de l'homme dans les villes et les campagnes, Annales d'hygiène et de medic. legale. 1830. t. III, p. 24. Очень много свѣдѣній по этому вопросу имѣется также и у *G. Morasche*, Traité d'hygiène militaire. Paris. 1874, p. p. 88 и дальше.

вызывающія вмѣстѣ съ тѣмъ и другія разстройства въ организмѣ. У народовъ, сословій и даже у отдѣльныхъ семействъ, матеріальное состояніе которыхъ очень низко, уменьшеніе роста является какъ одинъ изъ признаковъ наступающаго вырожденія. Наоборотъ при улучшеніи питанія замѣчается обратное явленіе.

Гораздо болѣе точнымъ и опредѣленнымъ признакомъ здоровья считается объемъ его грудной клѣтки. Для практическихъ цѣлей оказалось вполнѣ достаточнымъ ограничиться однимъ только опредѣленіемъ отношенія окружности грудной клѣтки къ росту тѣла. Многочисленными измѣреніями въ Западной Европѣ и у насъ, въ Россіи, доказано строгое соотношеніе между этими двумя величинами. Недостаточный объемъ грудной клѣтки зависитъ почти всегда отъ слабой степени развитія грудныхъ органовъ (легкихъ) и указываетъ на предрасположеніе къ разнымъ заболѣваніямъ.

Объемъ грудной клѣтки — понятіе относительное: данная окружность ея, достаточная для человѣка небольшаго, будетъ недостаточна для индивидуума средняго, а тѣмъ паче—высокаго роста: вотъ почему главную роль при опредѣленіи состоянія здоровья играетъ не абсолютная, а относительная ея величина по отношенію къ длинѣ всего тѣла. Наука выставила въ этомъ отношеніи слѣдующія положенія:

1) Окружность грудной клѣтки при пропорціонально развитомъ тѣлѣ увеличивается соотвѣтственно увеличенію роста.

2) Такое пропорціональное увеличеніе замѣчается до достиженія средняго роста (5 футовъ 2—5 дюймовъ—1,52—1,57 метр.) и

3) При дальнѣйшемъ увеличеніи роста выше средняго, отношеніе это измѣняется въ ущербъ окружности груди.

Въ этомъ направленіи произведено множество изслѣдованій—преимущественно молодыхъ людей, подлежащихъ отбыванію воинской повинности. Какъ извѣстно, возрастъ зачисленія въ конскрипты считается однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ въ санитарномъ отношеніи. Въ 20 лѣтъ молодой человѣкъ вступаетъ въ періодъ наиболѣе полнаго развитія своихъ духовныхъ и физическихъ силъ, и контингентъ подлежащихъ призыву является въ настоящемъ смыслѣ сего слова «цвѣтомъ» націи, представляя самую цвѣтущую, здоровую и подающую наилучшія надежды часть ея. По этой молодежи можно съ большимъ правомъ заключить о состояніи здоровья всего населенія.

Такъ какъ военная служба связана со многими лишеніями и предполагаетъ значительную выносливость организма для перенесенія всѣхъ невзгодъ

и затрудненій, часто неизбѣжныхъ въ военномъ дѣлѣ, наконецъ требуетъ подчасъ громаднаго напряженія физическихъ силъ, то законодательство всѣхъ странъ установило извѣстный минимумъ физическаго здоровья новобранца для пріема его на службу. Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ подробно; интересующихся мы отсылаемъ къ другимъ нашимъ статьямъ по этому вопросу *, а ограничимся только тѣмъ, что ни въ одной странѣ, ни въ одномъ государствѣ не предъявляется столь снисходительныхъ требованій конскрипту, какъ именно въ Россіи. Такъ напр. у насъ предѣломъ наименьшаго роста принимается 1.534 метра, тогда какъ для Англіи минимумомъ считается 1.600, для сѣверо-германскихъ государствъ 1.621, для Швеціи—1.608, для Италіи—1.560, для Австріи — 1.553 и даже для малорослыхъ французовъ—1.540 метра.

Еще менѣе требовательно русское законодательство относительно объема грудной клѣтки; оно допускало до настоящаго года, а для евреевъ допускаетъ и теперь окружность груди менѣе половины роста тѣла на цѣлыхъ 1/2 вершка, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ странахъ минимумомъ окружности считается половина длины туловища. Всего нагляднѣе видна наша снисходительность при сравненіи крайнихъ требованій отъ англійскаго и русскаго солдата. Первый долженъ быть росту въ 63 дюйма съ окружностью грудной клѣтки въ 33 дюйма, между тѣмъ нашему вполнѣ достаточно имѣть 60.4 дюйма росту и 29 1/2 дюймовъ окружности груди.

При такихъ скромныхъ требованіяхъ, казалось, трудно ожидать, чтобы евреи не удовлетворяли имъ. Между тѣмъ съ грустью должно признать тотъ печальный фактъ, что физическое состояніе еврейства стоитъ такъ низко, что громадное большинство молодыхъ евреевъ забраковывается, не подходя даже подъ скромные размѣры, предъявляемые русскому новобранцу. Въ этомъ отношеніи имѣется не мало изслѣдованій въ русской литературѣ, и въ ряду наиболѣе интересныхъ первое мѣсто занимаютъ работы доктора Снигирева **, объ одной изъ которыхъ, касающаяся евреевъ привислян-

* Напр. „Военныя жертвы людьми" — Военно-Санитарное Дѣло. 1882 №№ 15—18; см. также во „Врачѣ" мои разборы Отчетовъ Медицинскаго Департамента за 1881 и за настоящій годы. (1883. №№ 9—20).

** О результатахъ освидѣтельствованія и измѣренія груди и роста лицъ, призванныхъ къ военной службѣ въ 1875 г. „Военно-Медиц. Журналъ" августъ и іюнь 1878—1879 гг. и 2-я о томъ же для прибалтійскихъ и малороссійскихъ губерній. Ibid. 1882 г.

скихъ и сѣверо-западныхъ губерній, мы говорили въ «Разсвѣтѣ» *. Приведемъ въ извлеченіи его цифры и здѣсь.

Въ 10 привислянскихъ губерніяхъ въ 1875 году явилось къ призыву 30367 человѣкъ, изъ нихъ евреевъ—4372, цифра весьма внушительная. Средній ростъ всѣхъ національностей въ этомъ краѣ выразился:

Русскихъ.	въ 36.883	вершка.
Литовцевъ	„ 36.882	„
Нѣмцевъ	„ 36.874	„
Поляковъ.	„ 36.600	„
Евреевъ	„ 36.280	„

Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ всѣхъ освидѣтельствованныхъ въ томъ же году было 13.240 человѣкъ, изъ нихъ евреевъ — 1986. *Средній ростъ ихъ 36.262 вершка.* Въ трехъ прибалтійскихъ свидѣтельствовалось 174 еврея. При сравненіи съ другими народностями ростъ ихъ оказался слѣдующій:

Латыши.	37.750
Эстонцы	37.459
Нѣмцы	37.863
Русскіе	37.191
Евреи	36.702

Въ 3-хъ малороссійскихъ губерніяхъ (харьковской, черниговской и полтавской) въ томъ же году свидѣтельствовалось 445 человѣкъ. Результаты найдены слѣдующіе: ростъ

Малороссовъ . . .	37.141
Великороссовъ. . .	37.213
Евреевъ.	36.969

Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что хотя ростъ евреевъ и колеблется въ различныхъ мѣстахъ въ довольно широкихъ предѣлахъ, но во всѣхъ губерніяхъ, о которыхъ приведены данныя г. Снигиревымъ, онъ ниже роста другихъ народностей. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ онъ колебался въ довольно широкихъ размѣрахъ, такъ напр. въ 3-хъ малороссійскихъ наибольшій—41 вершокъ, наименьшій—31 вершокъ; въ прибалтійскихъ — $41^{1}/_{4}$ и 33 вер.

Еще болѣе грустныя явленія представляютъ размѣры окружности ев-

* 1879 г. № 8.

рейской грудной клѣтки, при сравненіи съ другими народностями, что можно видѣть изъ слѣдующихъ таблицъ:

Такъ напр. въ 10 привислянскихъ губерніяхъ окружность груди равна

	Меньше.	Половины роста.	Больше.
a) евреи . . .	59,08%	5,66%	45,22% всѣхъ.
b) поляки. . .	18,80 „	4,72 „	76,47 „
c) литовцы . .	11,70 „	3,52 „	84,77 „
d) нѣмцы . . .	20,61 „	5,75 „	73,62 „
e) русскіе. . .	18,57 „	4,07 „	76,34 „

Другими словами, въ то время, какъ среди другихъ народностей не болѣе одной пятой обладаетъ окружностью грудной клѣтки менѣе половины длины туловища, у евреевъ число таковыхъ равнялось $^3/_5$, т. е. у нихъ такая узкая грудь встрѣчалась въ 3 раза чаще. Характерна для подтвержденія сказаннаго и слѣдующая таблица:

	Средній ростъ.	Окружность груди.		На половину тѣла.
У евреевъ	36,280 вер.	18,039	меньше на	0,101
„ поляковъ. . . .	36,600 „	19,046	больше на	0,746
„ литовцевъ . . .	36,874 „	19,311	„	0,874
„ нѣмцевъ	36,882 „	19,444	„	1,003
„ русскихъ. . . .	36,883 „	19,553	„	1,112

Точно также у евреевъ сѣверо-западныхъ губерній окружность груди оказалась:

менѣе половины роста	у	45,56%	всѣхъ	освидѣтельствованныхъ
равна „	„	5,22	„	„
болѣе „	„	49,16	„	„

Для сравненія величины грудной клѣтки у евреевъ и у другихъ народностей прибалтійскаго края, мы приводимъ слѣдующую таблицу:

	ОКРУЖНОСТЬ ГРУДИ. Половины роста въ %%.			Средняя окружн. въ груди въ вершкахъ.	Разница относит. половины роста.
	Меньше.	Равна.	Больше.		
Евреи (прибалтійскіе)	51,14	5,17	43,62	18,301	— 0,050
„ (малороссійскіе)	58,05	4,72	37,22	18,179	— 0,305
Латыши.	10,15	4,02	85,82	19,211	+ 1,036
Эстонцы.	8,26	2,65	88,51	19,795	+ 1,066
Нѣмцы	36,50	4,44	59,04	19,261	+ 0,330
Русскіе (прибалтійскіе)	13,63	6,81	79,54	19,426	+ 0,863
„ (малороссійскіе)	5,67	3,99	90,33	19,654	+ 1,048
Малороссы	18,04	5,20	76,75	19,275	+ 0,695

И здѣсь мы видимъ, что больше половины евреевъ обладало грудной клѣткой меньше половины длины туловища, въ то время, какъ всѣ остальныя народности представляютъ совершенно обратное явленіе.

Чтобы покончить съ массой чревычайно цѣнныхъ цифръ, собранныхъ г. Снигиревымъ, мы, уклоняясь немного въ сторону, представимъ наглядно ихъ значеніе.

Изъ общаго числа освидѣтельствованныхъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, оказались годными къ строевой службѣ: литовцевъ—75,52%; поляковъ—71,85%; жмудинъ—67,51%; русскихъ—66,20%; бѣлоруссовъ—65,35%; *евреевъ—32,57%*.

Если евреи дали наименьшій % годныхъ къ строевой службѣ, то за то они дали наибольшій совершенно исключенныхъ по болѣзненности. Такъ напр., у литовцевъ таковыхъ было 10,80; у поляковъ — 15,72; у жмудинъ—19,91%, у русскихъ—16,80%; у бѣлоруссовъ—15,56%; *у евреевъ—37,91%*.

Участь всѣхъ призывныхъ евреевъ, всего нагляднѣе рисующая ихъ физическое состояніе, видна изъ слѣдующей таблицы:

Какой мѣстности.	Общее число освидѣтельствованныхъ.	Изъ нихъ годны къ строевой службѣ. (Въ %.)	Годны къ нестроевой.	Зачислено въ ополченіе.	Отсроченъ пріемъ на годъ.	Освобождено по болѣзни.	Отправлено на испытаніе.	Отправлено на излеченіе.
Привислянской . .	4372	20,99	1,41	14,13	29,50	29,73	4,07	0,13
Сѣверо-Западной .	1986	32,57	2,21	5,74	19,91	37,91	1,46	0,15
Малороссійской . .	445	33,70	1,12	3,14	27,00	31,23	3,82	—
Прибалтійской . . .	174	28,73	2,87	2,87	18,39	45,97	1,14	—

Итакъ, мы видимъ, что, не смотря на то, что евреи въ большинствѣ случаевъ составляютъ городской элементъ, ростъ котораго, по Кетле, долженъ быть выше роста сельскихъ жителей, они всѣ чрезвычайно малорослы; обстоятельство, указывающее на какія-то существующія условія задержки питанія. Далѣе, хотя малый ростъ долженъ обусловливать тѣмъ большую относительную величину грудной клѣтки, послѣдняя, напротивъ, отличается ничтожной окружностью, всегда и вездѣ значительно меньше половины длины туловища. Узкая грудь, если не является выразителемъ уже существующаго груднаго страданія, почти всегда указываетъ на особую хилость и предрасположеніе субъекта къ самымъ разнообразнымъ заболѣ-

ній по этому вопросу. Вотъ почему мы ограничимся только поверхностнымъ и бѣглымъ эскизомъ еврейской болѣзненности.

Такъ какъ изученіе болѣзненности какого-либо общества должно имѣть весьма важное практическое значеніе, именно—опредѣленіемъ причинъ ея дать возможность страждущему человѣчеству такъ или иначе уменьшить ее, то мы считаемъ необходимымъ еще разъ вернуться къ опредѣленію понятія *«болѣзнь»*. Въ самомъ началѣ мы говорили, что человѣкъ, человѣческое общество и даже все живущее въ природѣ находится въ постоянной и непрерывной борьбѣ съ нею. Природу необходимо понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ совокупность всего, находящагося внѣ насъ, а равно и всего воплощеннаго въ нашемъ организмѣ, причемъ говоря о борьбѣ съ природой, не нужно представлять послѣднюю какъ нѣчто одухотворенное, постоянно занятое мыслью, какъ-бы напакостить людямъ. Природа дѣйствуетъ слѣпо и безсознательно, но тѣмъ не менѣе въ силу строгой законности. Ни одно явленіе въ ней, какъ бы оно ни было велико или мало, будетъ ли оно касаться движенія свѣтилъ небесныхъ или питанія какого-либо низшаго, даже безформеннаго существа растительнаго или животнаго царства, не можетъ совершаться произвольно, а непремѣнно подчиняется силѣ существующихъ законовъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ подробно; читатель, если заинтересуется этимъ, найдетъ и на русскомъ языкѣ богатую литературу по этому вопросу; скажемъ одно, что съ самаго дня рожденія, человѣческій организмъ долженъ бороться за свое существованіе: онъ нуждается въ пищѣ, питьѣ, воздухѣ, защитѣ отъ непогоды и т. д. Завоеваніе всего этого и есть борьба съ окружающей природой: скатерть-самобранка существуетъ только въ сказкахъ, да и такъ она достается только счастливчикамъ, сумѣвшимъ ее пріобрѣсть борьбой съ неблагопріятными обстоятельствами; жареныя перепелки даже въ Америкѣ перестали летать въ ротъ! Все, даже воздухъ, необходимый намъ для дыханія, мы должны пріобрѣтать съ бою; расширеніемъ грудной клѣтки для введенія его (воздуха), мы должны преодолѣть—въ силу неизмѣнныхъ законовъ природы давленія атмосферы на поверхность нашего тѣла.

Если мы себѣ представимъ борьбу человѣчества съ природой, какъ непрерывную войну, то нужно сознаться, къ нашему стыду, что природа въ большинствѣ случаевъ сильнѣе и побѣждаетъ насъ. Говоримъ «къ стыду», такъ какъ человѣчество обладаетъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній, чтобы знать свои сильныя стороны и, наоборотъ, слабыя—природы, и тѣмъ самымъ имѣетъ полную возможность въ очень многихъ случаяхъ успѣшно

бороться съ ней и увеличивать свои шансы побѣды. Исключительно на нихъ лежитъ теперь позоръ его пораженій. Если люди захотѣли бы воспользоваться малой частью того, что даетъ имъ наука—число раненыхъ и убитыхъ въ этой безпощадной войнѣ, другими словами—число болѣющихъ и умирающихъ было бы низведено до возможнаго минимума. Природа борется съ человѣкомъ своими стихійными силами, человѣкъ—своими знаніями! Кто ими пользуется, тотъ значительно обезпеченъ отъ пораженій. Природа не выбираетъ для своихъ ударовъ отдѣльныхъ личностей, она стрѣляетъ въ массу; кто изъ послѣдней обезпечилъ себя бруствером науки, тотъ имѣетъ возможность не только оставаться невредимымъ, но и наносить пораженія непріятелю: онъ осушаетъ его болота, заражающія своими вредными испареніями воздухъ; цѣлесообразной постройкой домовъ, цѣлесообразнымъ выборомъ платья отъ защищается отъ холода и жара; распредѣленіемъ водъ и лѣсовъ видоизмѣняетъ климатъ, надлежащимъ количествомъ и надлежащаго качества пищей онъ укрѣпляетъ свой организмъ и не поддается малѣйшему вредному вліянію окружающей обстановки. Все это даетъ человѣку наука! Кто не хочетъ или не можетъ ею пользоваться, тотъ погибаетъ въ неравной борьбѣ. Дайте людямъ знанія, дайте имъ извѣстную степень матеріальнаго благосостоянія—и число заболѣвающихъ рѣзко уменьшится!

Евреи въ своей исторической жизни и въ настоящее время не могли и не хотѣли воспользоваться необходимымъ оружіемъ для борьбы съ природой—знаніями, высокимъ уровнемъ экономическаго, нравственнаго и умственнаго благосостоянія и, понятно, болѣютъ! Расовыя, племенныя ихъ особенности играютъ роль настолько, насколько историческія условія такъ или иначе видоизмѣнили ихъ организмъ, ихъ образъ жизни, ихъ бытовую обстановку и соціальный строй.

Раньше, чѣмъ перейти къ еврейской болѣзненности, необходимо напомнить, что даже ученые не были свободны отъ массы предразсудковъ; они предполагали иногда исключительное господство однихъ и полное отсутствіе другихъ болѣзней среди евреевъ. Это часто оказывалось совершенно несправедливымъ. Разница въ степени распространенія болѣзней, если иногда и существовала, то только въ зависимости отъ бытовыхъ условій. Недавно еще о нихъ писалъ знаменитый французскій профессоръ: „Многіе историки упоминаютъ о недоступности евреевъ зараженію чумою во время средневѣковыхъ эпидемій. Тифозная горячка также пощадила ихъ въ 1813 году въ Понтъ-а-Муссонѣ, въ 1824 году въ Лангенсѣ. Что ка-

сается до холерной эпидемiи, то евреи или подвергаются ей почти одни, или одни избѣгаютъ ея. Рамадзини говоритъ, что въ Римѣ они были пощажены эпидемiей перемежающихся лихорадокъ въ 1691 году. Недавнiя изслѣдованiя, произведенныя по повелѣнiю прусскаго правительства, показали, что въ познанскомъ великомъ герцогствѣ еврейское населенiе менѣе другихъ подвержено эндемическому колтуну; а въ послѣднее время Ваврухъ указывалъ на рѣдкость ленточной глисты между евреями въ Германiи. Эйзенманъ доказалъ рѣдкое появленiе крупа между дѣтьми этого племени. Наконецъ, 25 лѣтъ тому назадъ, одно медицинское общество предложило для соисканiя премiи вопросъ: „почему евреи не заболѣваютъ зобомъ?" При такой недоступности для многихъ болѣзней, евреи имѣютъ съ другой стороны особенное предрасположенiе къ нѣкоторымъ болѣзнямъ". (Буденъ, l. c. введенiе, p. XXV). Почти то же онъ повторяетъ и въ другомъ мѣстѣ своей знаменитой книги (l. c. t. 2, p. 128): „въ среднихъ вѣкахъ евреи также постоянно избѣгали чумныхъ эпидемiй и это обстоятельство часто было причиною гоненiй, воздвигавшихся на это племя. Говоря о чумѣ 1346 года, древнiй лѣтописецъ Чуди замѣчаетъ, что *эта болѣзнь щадила евреевъ во всѣхъ земляхъ*. Фракастора упоминаетъ о томъ, что евреи совершенно не подвергались тифозной эпидемiи 1505 г., а Рау замѣтилъ то же самое во время тифозной эпидемiи въ Лангенсѣ. Дагнеръ говоритъ, что евреи въ 1736 году избѣгли эпидемiя кроваваго поноса въ Нимвегенѣ".

Подобные взгляды въ большинствѣ случаевъ, къ невыгодѣ евреевъ, оказываются совершенно невѣрными. Гораздо справедливѣе факты противоположнаго свойства: нѣкоторыя болѣзни распространены между ними сильнѣе, чѣмъ среди другихъ нацiональностей; послѣднее также подмѣчено Буденомъ. Такъ, напр., знаменитыя парши (favus) гораздо рѣже встрѣчаются среди другихъ народностей и составляютъ довольно частое, хотя не въ такой степени, какъ объ этомъ говорили раньше, явленiе между ними. Точно также евреи часто страдаютъ нервными, душевными и грудными болѣзнями. Буденъ прибавляетъ, что «глазныя болѣзни господствуютъ между евреями съ нѣкоторою силою, а Грелла и Фурнари замѣтили, что въ Алжирѣ гидроофтальмiя развивается почти исключительно у жителей, принадлежащихъ къ этому племени». (l. c. t. 2, p. 128). Добросовѣстный разборъ фактовъ выяснилъ, что, въ большинствѣ случаевъ, евреи, въ этомъ отношенiи, какъ нацiональность, не отличаются ничѣмъ особеннымъ, что разница въ ихъ болѣзняхъ съ болѣзнями сосѣдей обу-

словливается рядомъ причинъ, лежащихъ главнымъ образомъ въ ихъ соціальномъ быту и въ ихъ семейной жизни. Кромѣ недостаточно серьезнаго наблюденія со стороны прежнихъ врачей, не малую роль въ приписываніи евреямъ тѣхъ или другихъ болѣзней играла и общая противъ нихъ въ среднія вѣка ненависть. Такъ напр.: ихъ обвиняли въ занесеніи сифилиса изъ Испаніи, откуда они бѣжали въ 1492 году въ Италію, между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что среди «несчастныхъ маранъ» свирѣпствовалъ тогда не сифилисъ, а тифъ * (Почти въ то же самое время Фракасторо, какъ объ этомъ было упомянуто выше, утверждалъ, что евреи отличаются невоспріимчивостью къ тифу—лучшее доказательство малой достовѣрности его сообщенія). Проф. Bäumler **, ссылаясь на Hirsch, также утверждаетъ, что изгнанные изъ Испаніи евреи не страдали сифилисомъ, а занесли, вѣроятно, тифозную болѣзнь и цитируетъ Nauclerus, жившаго въ ту эпоху, который сообщаетъ, что эпидемія, распространившаяся съ прибытіемъ евреевъ въ Италію, похитила многихъ; между тѣмъ morbus gallicus (старинное названіе сифилиса)—только немногихъ (nonnulos); plerosque inutiles fecit.

Укажемъ нѣкоторыя болѣзни, которыя, по Будену, будто бы не существуютъ среди евреевъ. Такъ, напр., онъ цитируетъ Wawruch, почти никогда не наблюдавшаго среди нихъ *солитера*. Bamberger *** говоритъ почти то же и также ссылается на Wawruch, который изъ 206 случаевъ солитера встрѣтилъ его только 3 раза среди евреевъ. Фактъ этотъ до недавняго прошлаго былъ совершенно вѣренъ и объяснялся очень просто тѣмъ, что зародыши солитера чаще всего вводятся въ человѣческій организмъ съ свинымъ мясомъ, въ которомъ они преимущественно и находятся †*, между тѣмъ, до недавняго прошлаго рѣдкіе евреи позволяли себѣ ѣсть свинину, употребленіе которой строго воспрещено Моисеемъ и потому естественно, что они рѣдко вводятъ въ себя зародыши солитера. По всѣмъ вѣроятіямъ, мусульмане и караимы, также избѣгающіе употребленія свинины, тоже не страдаютъ этой болѣзнью. Я думаю, что съ тѣхъ поръ, какъ среди евреевъ появились религіозные вольнодумцы, не отличающіеся

* *Гезеръ*.—Исторія повальныхъ болѣзней, р. 200.

** *Ziemssen*.—Руководство къ частной патологіи и терапіи. 1876 г., т. III, B. I, p. 9.

*** Virchow's Handbuch d. speciellen Pathologie und Therapie. Band VI, Abtheilung I, p. 488.

†* *Уле* и *Вагнеръ*.—Руководство къ общей патологіи. С.-Пбургъ. 1874, р. 166.

благочестіемъ своихъ предковъ, солитеръ между евреями начинаетъ встрѣчаться все чаще и чаще. Мнѣ приходилось практиковать въ мѣстности, гдѣ еврейство составляетъ довольно сплошное населеніе, и имѣть изъ его среды значительное число паціентовъ, и я могу подтвердить, что между ними солитеръ встрѣчается почти столь же часто, какъ и среди христіанъ. Ревнители благочестія могутъ видѣть въ этомъ кару Божію за отступленіе отъ религіи предковъ; сообщу имъ одинъ еще болѣе грустный фактъ для вящшаго вразумленія вольнодумцевъ. Сифилисъ, всегда тщательно обходившій и щадившій еврейское племя и представлявшій для него рѣдкое явленіе, все болѣе и болѣе начинаетъ акклиматизироваться среди евреевъ; въ настоящее время онъ на столько частъ между ними, что въ Варшавѣ существуетъ спеціальная еврейская больница для сифилитиковъ на 50 кроватей, которая вѣчно переполнена; отчетъ медицинскаго департамента за 1878 г. * сообщаетъ, что въ минской губерніи «у евреевъ случаи зараженія (сифилисомъ) съ каждымъ годомъ дѣлаются чаще противъ прежнихъ лѣтъ». Остается только развести руками и воскликнуть: o tempora, o mores!

Мы не безъ умысла привели эти 2 примѣра: они всего лучше разъясняютъ нашу мысль, что отсутствіе какихъ-либо болѣзней у евреевъ слѣдовало искать не въ расовыхъ ихъ свойствахъ, а почти исключительно въ ихъ бытовой обстановкѣ. Всего характернѣе въ этомъ отношеніи распространеніе сифилиса; пока евреи жили исключительно замкнутой жизнью, не сталкивались тѣсно съ окружающими ихъ народностями, пока у нихъ семейныя начала соблюдались въ полной чистотѣ, сифилиса не было. Общеніе съ окружающими народностями, болѣе тѣсная связь съ ними, заставила усвоить ихъ не только выгоды этого положенія, но неизбѣжно и всѣ невыгоды темныхъ сторонъ нашей современной цивилизаціи.

Д-ръ Г. М. Герценштейнъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ и общественной гигіенѣ, 1880, т. I. Отчетъ, р. 90.

МАНІАКЪ.

Небывалый случай изъ жизни молодаго психіатра.

Разсказъ *.

(*Окончаніе ***).

Подробности финала народной сходки исчезли теперь изъ моей памяти. Смутно припоминаю только, что на меня навалилась толпа бѣснующихся людей, что эти незнакомые люди, не причиняя мнѣ особенной боли, сильно держали меня, не давая возможности встать на ноги; что зять мой, особенно же нѣжная сестра, ласками успокаивали меня, а послѣдняя къ тому еще горько плакала, умоляя меня о чемъ-то, чего теперь припомнить не могу, но что этотъ родственный уходъ меня тогда не только не умилялъ, но напротивъ, возмущалъ и, насильственнымъ своимъ характеромъ, приводилъ въ бѣшенство; что я барахтался и боролся съ удерживавшими меня людьми, кажется, не изъ евреевъ, до совершенной потери силъ. Затѣмъ, что было дальше: заснулъ ли я отъ крайняго истощенія, или впалъ въ обморочное состояніе,—не знаю, но голова вдругъ отяжелѣла, какъ налитая свинцомъ, явилась крайняя истома, по позвоночному столбу съ быстротою электрическаго тока начали скользить какія-то холодныя какъ ледъ и колючія какъ иглы струйки, вѣки сомкнулись, и я ничего больше не видѣлъ, не слышалъ и не осязалъ...

---

* По недосмотру метръ-анпажа въ апрѣльской книгѣ „Восхода" пропущена глава этого разсказа, слѣдующая за той, которая помѣщена въ мартовской книжкѣ. Вотъ эта пропущенная глава. *Ред.*

** См. „Восходъ", кн. 2.

Когда я раскрылъ глаза, то немало удивился, глянувъ на окно, находившееся противъ моей узкой желѣзной кровати, на которой я лежалъ совсѣмъ раздѣтый, укрытый тонкимъ шерстянымъ одѣяломъ. Сквозь это окно пробивался слабый, сѣрый свѣтъ туманнаго ранняго утра. Хотя того, что дѣлалось за окномъ—я видѣть не могъ, но самый свѣтъ, своею тусклостью, напоминалъ собою тотъ знакомый сѣрый свѣтъ, какой отражаетъ въ окно раннее, туманное зимнее утро. Я сообразилъ, что между послѣдними событіями и настоящимъ моментомъ лежатъ цѣлые мѣсяцы: нѣкоторая часть лѣта и цѣлая осень. Что же произошло въ продолженіи этого времени? Что со мною было? Гдѣ я все это время находился? Наконецъ, гдѣ я теперь нахожусь? Очевидно, я не въ Іерусалимѣ. Я лежалъ съ виду въ какой-то больничной палатѣ. Во всякомъ случаѣ не въ обыкновенной жилой комнатѣ, судя по толстымъ желѣзнымъ рѣшеткамъ, заслонявшимъ всѣ окна длинной комнаты, въ которой я находился. Далекіе углы этой комнаты еще не ясно очерчивались. Ко мнѣ доносились тяжелое дыханіе и густой храпъ спящихъ тамъ и сямъ людей. Я чувствовалъ жажду и позвалъ на-обумъ кого-бы то ни было.

Черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то слабо скрипнула дверь. Мнѣ изъ дальняго угла отвѣтилъ грубый, грозный голосъ на русскомъ языкѣ:

— Лежать смирно! Не шумѣть! Безъ тебя знаютъ. Въ свое время сами придемъ. Ты, кажись, не въ трактирѣ, чортъ возьми!

Меня поразилъ этотъ повелительный окликъ на иновѣрномъ языкѣ. Въ испугѣ я зарылся подъ одѣяло и замолчалъ. Я почувствовалъ сильный ознобъ и старался согрѣться собственнымъ дыханіемъ. Въ головѣ зароились какія-то отрывочныя, безсвязныя мысли... Мало по малу, онѣ перепутывались и, постепенно расплываясь, куда-то испарялись... Моня сильно клонило ко сну... Я забылся...

Когда я опять очнулся, я увидѣлъ у моего изголовья зятя Соломона. Лицо его было блѣдно, смущенно, грустно. Такимъ точно было это лицо въ тотъ моментъ, когда несмѣтная толпа

начала напирать на эстраду къ концу народной роковой сходки. Въ мозгу что-то сверкнуло... Я вспомнилъ все...

— Что ты на все это скажешь, Соломонъ? Каковы порядки? —спросилъ я.

— Что-жъ, народъ нашъ еще молодъ, не дисциплинированъ.

— Молодъ? Я привыкъ слышать и читать, что нашъ народъ, напротивъ, старше всѣхъ народовъ міра, не только по культурѣ и по идеѣ единобожія, но и по лѣтамъ.

— Что-жъ изъ того? За то...

— За — то, перебилъ я зятя,—за то онъ по наукѣ жизни слишкомъ молодъ? Онъ жить не умѣетъ? Онъ прилично, степенно, съ достоинствомъ держаться не можетъ? Не такъ ли?

— Ну, да, не умѣетъ, не умѣлъ *тамъ*, не умѣетъ и тутъ.

— Такъ зачѣмъ же его сдѣлали «хозяиномъ», коли онъ хозяйничать не научился? запальчиво спросилъ я.

Зять насмѣшливо пожалъ плечами.

— Извини, голубчикъ! Не я малолѣтку «хозяиномъ» сдѣлалъ. Спроси у людей постарше, поумнѣе и повліятельнѣе меня.

Не знаю почему, но этотъ отвѣтъ показался мнѣ особенно оскорбительнымъ, даже наглымъ. Я готовъ былъ броситься на зятя. Много труда и много времени потребовалось на то, чтобы меня хоть отчасти успокоить.

— Милый братъ,—въ заключеніе сказалъ Соломонъ,—прежде всего не волнуйся. Ты нездоровъ, а здоровье важнѣе всего. Повѣрь, все устроится къ лучшему.

Я почувствовалъ колючій холодъ; зубъ на зубъ не попадалъ.

— Вели, Соломонъ, протопить; я совсѣмъ замерзъ.

— Бѣдный! Что дѣлать! Топить некому.

— Ну, хоть бы самоваръ поставили; чаемъ бы погрѣться.

— Въ томъ-то и бѣда, что грѣть самоваръ со вчерашняго вечера некому.

— Прислуги нѣтъ, что ли?

— Гм, прислуга-то есть...

— Въ чемъ же дѣло?

— Вѣдь мы у *себя* дома, въ новой Іудеѣ.

— Тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, тѣмъ хуже.

— Какъ такъ?

— Въ новой Іудеѣ ни одного иновѣрца нѣтъ. Все евреи одни.

— Такъ что-жъ?

— Ты знаешь какой сегодня день?

— Какой?

— Субботній. Кто же изъ евреевъ согласится на такое преступленіе противъ субботняго устава, чтобы зажечь огонь?

— Боже мой! Я совсѣмъ забылъ.

— Многіе тебѣ подобные *тамъ* забыли даже не только о своей религіи, но и о томъ, что они евреи.

— Ты правъ. Дѣйствительно я забылъ... Но вѣдь это абсурдъ... это такъ просто... такъ естественно... живой организмъ требуетъ животной теплоты также настоятельно, какъ кислорода, какъ свѣта...

— Гм, у насъ со вчерашняго вечера и свѣта-то въ Іудеѣ нѣтъ: некому было зажигать. Мы даже ощупью ужинали.

— Какъ! во всей Іудеѣ тьма, холодъ и голодъ?—воскликнулъ я, вытаращивъ глаза на зятя. Мнѣ это показалось такъ комично, что я не могъ удержаться отъ хохота. Я видѣлъ, что Соломонъ самъ едва удерживается отъ смѣха. Но онъ пересилилъ себя и скорчилъ серьезную гримасу.

— А что? — продолжалъ я иронически. — Вы въ потьмахъ ложкой въ ротъ не попадали?

— Ты глупости говоришь, пустяки. Дѣло гораздо серьезнѣе.

— Серьезно ты говоришь? Чѣмъ же?

— Да полно, докторъ! Помнишь ли ты субботніе законы еврея по религіозному кодексу?

— Сознаюсь, нѣтъ.

— То-то! Представь себѣ слѣдующее въ *благоустроенномъ* государствѣ: одни сутки въ недѣлю во всемъ государствѣ воцаряется египетская тьма. Улицы не освѣщаются. Всѣ дома съ захода солнца погружены во мракъ. Во всей странѣ холодно и почти голодно, потому что безъ огня немыслимо приготовить обѣдъ. Наступила суббота, и вся государственная машина оста-

навливается: почтамты закрыты, телеграфы не дѣйствуютъ, желѣзнодорожные поѣзды не двигаются, пароходныя сообщенія пріостановлены, всякія частныя, общественныя и государственныя работы строго воспрещаются. Люди не имѣютъ права передвигаться даже по образу пѣшаго хожденія далѣе извѣстнаго пространства. Земледѣльцы раззоряются при извѣстныхъ неожиданныхъ случайностяхъ, скотоводство гибнетъ...

— Вѣдь мы же не гибли впродолженіи тысячелѣтій, даже живя среди враждебныхъ намъ народовъ...

— Не гибли именно потому, что жили въ гостяхъ...

— Въ *гостяхъ*? Милое выраженіе! Дѣйствительно. Насъ *тамъ* знатно угощали!..—И я улыбнулся съ горечью.

— Не въ томъ дѣло, а въ томъ, что мы такъ пріучили себя къ вѣчному найму чужихъ услугъ, что серьезно и не думали о томъ времени, когда перестанемъ скитаться и будемъ наконецъ у себя дома. Подумаешь, какой абсурдъ! Мы безпрестанно порывались куда-то... къ *себѣ*, но и не думали подготовляться къ роли «хозяина». А вѣдь хозяину больше работы и хлопотъ, чѣмъ слугѣ... О, я это по опыту знаю! Возьму для примѣра хоть мой бакалейный магазинъ... Много развѣ горя моимъ приказчикамъ, что дѣла хозяйскаго магазина идутъ ко всѣмъ чертямъ?... Лишь бы имъ жилось тепло...

Я понялъ жалкую роль «хозяина» неспособнаго, неумѣлаго, вполнѣ зависимаго отъ наемныхъ сотрудниковъ, относящихся къ нему за его неумѣлость съ злорадствомъ, съ презрѣніемъ.

Зять, всегда спокойный, сдержанный, раскраснѣлся, и взволнованный бѣгалъ быстрыми шагами взадъ и впередъ, бесѣдуя со мною на ходу.

— Послушай, братъ!—сказалъ онъ между прочимъ;—ты искренно любишь свою націю—я это знаю, но ты и понятія не имѣешь о тѣхъ желѣзныхъ нравственныхъ цѣпяхъ, какія наложили на еврейство, подъ видомъ религіи разные непрактичные, неразумные теологи. На еврея навьючили столько религіознаго балласта, что подъ его непосильною тяжестью онъ такъ же страшно изнываетъ, какъ подъ тяжестью всѣхъ ограничительныхъ и запретительныхъ законовъ, наложенныхъ на него нетерпимостью и исконною враждою иноплеменниковъ. Истая

догматика мозаизма разумна, житейски практична и вполнѣ соотвѣтствуетъ духу своего времени, но разные отцы синагоги, ярые схоластики смѣшали до такой степени догматику съ культомъ и формальностью, причины со слѣдствіями, дѣло съ бездѣльемъ, суть съ пустою мелочностью, до того опутали жизнь еврея нескончаемою казуистикою, что еврей волей-неволей, или долженъ отрѣшиться разомъ отъ *всего, числясь* евреемъ только оффиціально, или, будучи умнымъ и практичнымъ въ мірскихъ дѣлахъ, въ дѣлахъ религіи и обычая долженъ сдѣлаться заскорузлымъ суевѣромъ-фанатикомъ, долженъ прятаться, какъ улитка въ свою раковину, уклоняясь отъ общенія съ человѣческимъ прогрессомъ и...

— Стой, стой, Соломонъ! Теперь моя очередь сказать тебѣ «не волнуйся». Дѣйствительно, я не теологъ, мало того—я даже въ еврейско-религіозныхъ дѣлахъ круглый невѣжда, но...

— Но что?

— Сколько я слышалъ, всѣ эти тягостныя религіозныя формальности установлены для огражденія великой національной идеи единобожія отъ примѣси... иначе...

— Иначе,—озлобленно прервалъ меня зять,—иначе, храни Господи, еврейство смѣшалось бы въ житейскомъ отношеніи съ другими народностями, научилось бы какъ жить съ людьми, какъ... Въ этомъ смыслѣ отцы-благодѣтели дѣйствительно успѣли!

— Какъ хочешь, а это успѣхъ тоже не малый. Иначе какъ бы еврейство уцѣлѣло въ чистомъ видѣ въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій?

Зять ядовито засмѣялся.

— Знаешь, на что это похоже... я говорю о томъ, что ты, докторъ, называешь *успѣхомъ*. Твои отцы вѣры похожи на того нѣжнаго отца, который, боясь, чтобы его любимый единородный сынъ не заразился безпутствомъ товарищей, подвергъ его продолжительному одиночному заключенію. Высидѣвъ цѣлые годы подъ замкомъ, сынокъ вышелъ одичалымъ, безъязычимъ, трусливымъ и, будучи отъ природы не безъ способностей и добрыхъ чувствъ, прослылъ въ цѣломъ городѣ нелю-

димымъ мизантропомъ, котораго осмѣивали, отъ котораго съ отвращеніемъ и презрѣніемъ сторонились.

— Ну, любезный Соломонъ, ты совсѣмъ зарапортовался. Твой анекдотъ идетъ только къ прошлому времени; теперь же мы ни въ комъ не нуждаемся. Намъ чужое мнѣніе не нужно. Мы у *себя* дома.

— Не нуждаемся! Мы у себя! А жить намъ нужно? а въ хлѣбѣ мы нуждаемся?

— Не понимаю, на что ты намекаешь.

— Куда тебѣ и понимать! Ты мудрецъ, ученый. Ты все голову къ небу задираешь, а того, что подъ ногами дѣлается, не видишь.

— Оставь-ка въ сторонѣ мою ученость да объяснись лучше толкомъ, безъ общихъ сентенцій.

— Я не еврейскій раввинъ, не еврейскій богословъ, я не еврейскій опытный и всезнающій казуистикъ. Но и то нѣчто, что я знаю, достаточно, чтобы тебѣ доказать невозможность народной жизни при тѣхъ неисполнимыхъ обязанностяхъ, которыя наши отцы вѣры наложили на еврейскій народъ.

— Напримѣръ?

— Примѣровъ—безчисленное множество; ихъ искать долго не приходится. Приведу одинъ изъ крупныхъ. Пасхальные законы ты знаешь?

— Немного, и то смутно.

— Не даромъ въ еврействѣ говорятъ,—сказалъ, улыбнувшись, зять,— что самые ярые религіозоманы и патріоты — тѣ изъ евреевъ, которые наименѣе знакомы съ своей религіей.

— Къ дѣлу, Соломонъ.

— Я вообще неучъ. Но кое-что изъ нашей религіи я все-таки знаю, и подражаю во многомъ своему племени. Ну, вотъ пасхальный, кардинальный законъ: кромѣ опрѣсноковъ и вообще всего того, что не киснетъ и не бродитъ, еврею употреблять въ пищу и питье строго на строго воспрещается.

— Тутъ я зла еще никакого не вижу. Это вѣдь въ память того великаго историческаго событія, когда...

— Знаю,—знаю, нетерпѣливо перебилъ меня зять,—не въ томъ дѣло, а въ слѣдующемъ: *Хамецъ* не только ѣсть и пить

воспрещается, но имѣть съѣстное *будничное* вообще въ хозяйствѣ, въ кухнѣ, въ погребѣ, въ амбарѣ, въ закромахъ, въ лавкахъ, даже въ бакалейныхъ магазинахъ...

— На своего конька попалъ,—замѣтилъ я и пуще раздражилъ зятя.

— Тебѣ все смѣшки! Экій ты мальчишка! Ну, вотъ наступаетъ великій праздникъ Пасха, а съ нимъ вмѣстѣ полное раззореніе...

— Будто!

— Да, раззореніе полное. Всѣ будничные непасхальные запасы должны быть по закону истреблены огнемъ. Весь запасъ провіанта, заготовленный для войска, превращается въ пепелъ, всѣ мельницы, крупчатки, всѣ лабазы, всѣ винокурни, пекарни, рестораны, словомъ, всѣ заведенія, устроенныя для питанія народа въ цѣломъ государствѣ, должны закрыться на цѣлую недѣлю, сжегши предварительно всѣ свои милліонные продовольственные запасы. Мыслимо ли это?

— Но вѣдь еврейство жило же въ собственномъ царствѣ, жило потомъ и среди враждебныхъ ему народовъ, жило долгое время, скитаясь въ изгнаніи, и не прибѣгало вѣдь къ такимъ повальнымъ ауто-да-фе?

— Это только доказываетъ тебѣ, ученый докторъ, что въ тѣ далекія времена, когда Израиль жилъ своею политическою самостоятельною жизнью, евреи и понятія не имѣли о подобныхъ невозможныхъ законахъ; что же касается послѣдняго времени, то евреи, опять же по закону, прибѣгали къ фиктивной продажѣ *хамеца*... Покупатель зналъ, что онъ въ *шутку* покупаетъ, продавецъ зналъ, что онъ въ *шутку* продаетъ...

— Законъ и шутки — религія и мистификація! Это болѣе чѣмъ прискорбно...—согласился я.—Но все-таки исходъ изъ затрудненій найденъ, ну и слава Богу.

— Увы, исходъ этотъ, при всей своей кажущейся легкости, теперь не мыслимъ.

— Почему?

— По той же самой причинѣ, по которой у насъ теперь по субботамъ темно, холодно и голодно: потому, что иновѣрцевъ нѣтъ, потому что въ извѣстное время мы имѣемъ руки

только для ѣды, а не для работы, потому что у насъ преобладаетъ одна духовная, а не мірская жизнь, немыслимая при соблюденіи непрактичныхъ, непримѣнимыхъ въ жизни бредней...

— Э, зятюшка! Я и не подозрѣвалъ за тобой такого отчаяннаго вольнодумства.

— Неправда, я не вольнодумецъ, а только простой практикъ. Ну, скажи ты, мыслима ли народная самостоятельная жизнь при такихъ искусственныхъ нравственныхъ оковахъ?

— Странно! — сказалъ я, покачавъ головою, — я привыкъ вѣрить, что нашъ народъ очень уменъ, а еще болѣе практиченъ.

— Да, въ дѣлахъ житейскихъ, но не въ дѣлахъ, касающихся хоть въ отдаленномъ смыслѣ религіи. Тутъ набожный еврей боится разсуждать и слѣпо вѣритъ на слово каждому цадику, хасиду и суевѣру.

— Но если они практичны въ дѣлахъ житейскихъ, какъ ты полагаешь, то, въ ожиданіи прибытія Мессіи и самостоятельной политической жизни на обѣтованной землѣ, они должны бы, кажется, кассировать все то, что идетъ въ разрѣзъ съ этимъ желаннымъ переворотомъ въ жизни израильскаго народа.

— Единичные люди изъ евреевъ еще *тамъ* разсуждали точно также, какъ и ты, и всячески проэктировали религіозныя реформы, то есть устраненія того, что не согласуется ни съ строгой догматикой чистаго іудаизма, ни съ мірскою жизнью человѣка и воскресающаго къ самостоятельной жизни народа.

— Конечно.

— Куда! Ихъ никто и слушать не хотѣлъ. Болѣе смѣлыхъ поклонниковъ религіозной реформы просто заклевали. Черни можно навязать всякій абсурдъ, всякую нелѣпость, но не истину. А если масса взираетъ на всякую реформу, даже по отношенію *выѣденнаго яйца*, какъ на ересь, эпикурейство, оскорбляющее Іегову, то какъ ты осуществишь какую бы то ни было религіозную реформу?

— Все-таки остается неразрѣшимый вопросъ.

— Какой?

— Въ такомъ случаѣ нашей мыслящей интеллигенціи стоило махнуть рукою на невѣжественную чернь и проложить

себѣ дорогу, посредствомъ разумной реформы, не задѣвая догматовъ мозаима, къ практической, частной народной жизни, —сказалъ я.

— Начиная съ того,—замѣтилъ зять—что наша интеллигенція не совсѣмъ вѣрила въ возрожденіе своего раздавленнаго народа, она къ тому еще была до того эгоистична, до того индифферентна къ судьбѣ своей меньшей братіи, что заниматься *такими пустяками* она находила ниже своего достоинства, тѣмъ болѣе, что денежная аристократія, гоняясь за популярностью среди своего народа, не захотѣла раздражать массу.

— Это не объясненіе, любезный Соломонъ. Не ты ли самъ утверждаешь, что денежники самый практичный народъ въ мірѣ? А если такъ, то они первые должны бы стоять за реформу, тѣмъ болѣе, что въ новой Іудеѣ они готовились играть первую скрипку.

— Да, но плохой скрипачъ можетъ играть первую скрипку только въ плохомъ оркестрѣ. Практичные люди сообразили это. Они проповѣдывали, что съ прибытіемъ Мессіи образуется и необходимая реформа сама собой, а хитроумные полуразвитые раввины пѣли въ унисонъ съ ними.

Я разсмѣялся.

— Чему ты смѣешься?

— Да какъ же не смѣяться! Я готовлюсь, положимъ, къ профессурѣ и говорю: «нечего заблаговременно заниматься учебниками и зубрячкой. Получу каѳедру, тогда и займусь этимъ скучнымъ дѣломъ».

— Нѣтъ, этого никто не говорилъ, но увѣряли, что все сдѣлается само собою, по щучьему велѣнію, по Божьему хотѣнію.

— Что галушки сами въ ротъ будутъ валиться?

— Именно. И почему нѣтъ? Вѣдь падала же во время оно манна съ неба и дичь изъ воздушнаго пространства; почему жъ бы не свалиться и реформѣ?

— Соломонъ! Ты уже глумишься. Этого я не позволю.

— Не позволишь! Экъ, подумаешь, тожъ!—Зять принялся хохотать, да такъ обидно хохотать, что меня подбросило на

постели. Я вспрыгнулъ и закрылъ ему ротъ ладонью. Въ моментъ Соломонъ сдѣлался серьезенъ.

— Ну, довольно,—успокоилъ онъ меня.—Ей-ей, больше не буду. Лягъ, братъ, ты раздѣтъ и весь дрожишь.

Онъ меня тихо уложилъ и сталъ укутывать.

— Ты, голубчикъ, не раздражайся только. Тебѣ это вредно. Ты не совсѣмъ здоровъ. Гдѣ это докторъ запропастился! Пора бы уже... Да вотъ онъ, кажется, и идетъ. Тебѣ подъ холодный душъ пора...

При словѣ *душъ*, я весь задрожалъ, вспомнивъ о чемъ-то очень мучительномъ, не разъ уже мною пережитомъ...

— Уходи, Соломонъ, я утомленъ, я спать хочу, торопливо сказалъ я, зарывшись подъ одѣяло, и притворился спящимъ.

Соломонъ, вздохнувъ тяжело, ушелъ. Я издали услышалъ ненавистный мнѣ голосъ, спрашивавшій у зятя.

— Что, онъ спитъ?

— Крѣпко спитъ,—твердо солгалъ Соломонъ.

— Ну, это хорошо. Боже упаси его будить.

Голоса удалились.

О, какъ я возблагодарилъ зятя въ душѣ, что онъ на этотъ разъ избавилъ меня отъ адскихъ мукъ...

Кто терпѣливо дочитаетъ разсказъ до конца, тотъ конечно пойметъ, что онъ не могъ вылиться изъ моей памяти въ строго послѣдовательной формѣ. Да иначе оно и быть не могло. Все, что послѣдовательно,—натурально, а я переживалъ явленія чудесныя, сверхъестественныя, стоящія внѣ всякой человѣческой логики...

Смутно помнится мнѣ цѣлая серія народныхъ сходокъ, одна на другую похожихъ. Всѣ онѣ начинались какъ-бы разрѣшеніемъ какихъ-то важныхъ насущныхъ вопросовъ, но незамѣтно пренія принимали безцѣльно-полемическій характеръ, иногда задѣвали личности ораторовъ, дѣлались страстными, оскорбительными и сворачивали всегда въ сторону отъ предмета дебатовъ: спорили, кричали, кипятились, перебивали другъ друга, а толку не выходило никакого.

Такія безпорядочныя сходки, разумѣется, ничѣмъ дѣльнымъ

окончиться не могли, дѣла народныя не подвигались ни взадъ, ни впередъ. Народные корифеи, такъ сказать, переминались съ ноги на ногу, и обвиняя другъ друга въ эгоизмѣ и тщеславіи, взваливали обыкновенно собственную вину на чужія плечи.

— Развѣ съ такими людьми договоришься до чего нибудь? Нѣтъ, это не народный сеймъ, это толченіе воды, это пустая говорильня,—утверждалъ всякій изъ дебатирующихъ, оставляя оригинальный митингъ не дождавшись закрытія предсѣдательствующимъ народнаго собранія. При чемъ, въ глазахъ болѣе или менѣе мыслящихъ евреевъ сверкала досада, по временамъ злорадство, въ глазахъ индифферентовъ къ народнымъ интересамъ просвѣчивала язвительная иронія; духовныя лица закатывали набожно глаза и нашептывали какія-то молитвы. Ортодоксы и ярые фанатики злобствовали и еле удерживали свои длани отъ осязательнаго вмѣшательства въ споръ, а масса тупо молчала, хлопая вѣками въ какомъ-то недоумѣніи.

Были предлагаемы различныя мѣры къ введенію какихъ нибудь человѣческихъ порядковъ въ новой Іудеѣ. Но ораторовъ до конца никогда не дослушивали, перерывали ежеминутно и наконецъ грубо обрывали. Въ этомъ отношеніи фигурировали различныя группы и единицы.

— Это преступно. Это идетъ въ разрѣзъ съ духомъ нашего святаго талмуда. Противъ этого возстаютъ даже Маймонидъ и Эбенъ-Эдра... Подобныя богопротивныя мѣры могутъ быть предложены только эпикурейцемъ и еретикомъ,—кричали хасиды и подобнымъ крикомъ залѣпляли ротъ кому, по ихъ понятію, слѣдовало.

— Это не дипломатично,—возставали единичные магнаты, полагавшіе, что они въ дипломатіи, Богъ знаетъ, какъ сильны.

— Въ Англіи,—говорили англоманы—это не принято. Еще во времена Кромвеля была сдѣлана попытка этого рода...

— Что намъ до Англіи? За то въ славянскомъ мірѣ наглядно убѣдились въ цѣлесообразности этой мѣры,—говорили славянофилы, вилявшіе всю жизнь куцыми хвостами.

— Мало ли что *тамъ* принято. Тамъ и бить жида и грабить семита принято. Вы нѣчто другое запѣли бы, если бы

все, что *тамъ* принято, было примѣняемо лично къ вамъ, а не къ низшему брату,—огрызались тѣ, которые дѣйствительно страдали *тамъ* вмѣстѣ съ своимъ племенемъ единственно изъ чистой любви къ своимъ братьямъ.

Такія и тому подобныя сцены происходили на сходкахъ. А между тѣмъ народное дѣло не подвигалось ни на шагъ...

Да проститъ меня Іегова! Всѣ эти сходки, всѣ эти ораторы, всѣ эти мелкія столкновенія мелкихъ самолюбій пріѣлись мнѣ до отвращенія. Сначала я печалился за положеніе своего племени, за участь возродившейся Іудеи; я со страхомъ взиралъ на будущую жизнь новорожденной избранницы неба, опасаясь, что подобной неурядицей воспользуются сосѣди-враги и разгромятъ новорожденную еще въ колыбели. Но чрезъ нѣкоторое время, сознавъ свое безсиліе и безсиліе своихъ единомышленниковъ, я махнулъ рукою на все, началъ на все смотрѣть глазами человѣка совершенно посторонняго, ничему не причастнаго. Прошло немного дней, и я совершенно освоился съ ролью простаго наблюдателя, берущаго отъ событія исключительно смѣшную сторону. Я втянулся въ эту роль до того, что уже ничѣмъ не огорчался болѣе; напротивъ, по временамъ я даже хохоталъ истерически какъ бѣшеный, тѣмъ болѣе, что Соломонъ былъ почти во всемъ солидаренъ со мною, когда мы были съ нимъ безъ постороннихъ свидѣтелей, насмѣхался надъ всѣми смѣха достойными умниками еще пуще моего. За то какъ только былъ при насъ хоть одинъ изъ постороннихъ, Соломонъ вдругъ превращался въ инаго человѣка, въ яраго патріота, въ глупо набожнаго еврея, вѣрующаго съ наивностью невѣжи, дикаря или ребенка и телячьи умиляющагося всему тому, что приводило меня въ ярость.

Изо всего, что пережилъ я за все это время, я вынесъ только слѣдующія отрывочныя темныя воспоминанія *.

Отнынѣ я передаю то, что разновременно услышалъ отъ сестры и зятя Соломона.

---

* Тутъ оканчивается пропущенная глава и затѣмъ слѣдуетъ та, которая пропущена въ апрѣльской книжкѣ. Помѣщенная же ниже глава составляетъ конецъ разсказа. *Ред.*

Въ томъ городѣ, гдѣ жили они и куда я пріѣхалъ погостить, съ незапамятныхъ временъ проживалъ, то есть, безцѣльно шлялся, какой-то чудной юродивый, пожилой еврей, прозванный въ городѣ «Todresch der Baal-Toikea» (Тодрешъ-трубачъ). Кличка эта ему дана за то, что, бѣгая торопливо по улицамъ, онъ съ утра до вечера трубилъ въ кулакъ, подражая звукамъ, извлекаемымъ евреями изъ бараньяго рога, въ извѣстные дни года и съ извѣстными странными, въ европейскомъ смыслѣ, модуляціями, въ память тѣхъ традиціонныхъ древне-еврейскихъ военно-трубныхъ призывовъ, которыми, по преданію, управлялось израильское воинство во время политической самостоятельности Іудеи.

Въ сущности этотъ религіозоманъ былъ скорѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ насмѣшки. Меламедское воспитаніе стараго времени, синагогическая жизнь сѣверозападнаго дикаго захолустья, съ примѣсью прирожденнаго предрасположенія, развили въ этомъ человѣкѣ какого-то безумнаго мистика, стоика, еврейскаго Діогена pur sang. Не изъ шалости, не ради забавы трубилъ Тодрешъ себѣ въ кулакъ, не съ безсмысленностью во взорѣ, не съ idіотской улыбкой на губахъ надсаживалъ онъ свою грудь надъ безплодною работою легкихъ; нѣтъ, онъ, по своему изуродованному понятію, дѣлалъ *настоящее святое дѣло*, исполнялъ великую миссію, возложенную на него будто-бы самимъ Іеговой: сзывать избранный народъ ко дню пришествія Мессіи. И онъ усердно трудился. Не смотря на свою геркулесовскую грудь и бычачье сложеніе, онъ каждый день къ заходу солнца едва держался на ногахъ отъ усталости, а потъ градомъ, въ три ручья, катился по его разгорѣвшимся щекамъ. Не онъ первый, не онъ послѣдній приносилъ въ жертву здоровье и жизнь для мнимаго блага человѣчества, по своему крайнему разумѣнію... И какъ всегда это бываетъ, вмѣсто благодарности, онъ повсюду встрѣчалъ одно глумленіе и насмѣшки. Но это его ничуть не смущало; онъ продолжалъ свое святое дѣло: бѣгалъ и—свисталъ себѣ въ кулакъ

Юродиваго всѣ находили забавнымъ, смѣшнымъ, жалкимъ, но честнымъ, добрымъ и смирнымъ дуракомъ. Онъ не надоѣдалъ вѣчнымъ хныканьемъ, или наглымъ вымогательствомъ

подачекъ, какъ это водится у еврейскихъ нищихъ, а питался тѣми крохами, какими угодно было одѣлять его набожнымъ евреямъ, особенно сердобольнымъ еврейкамъ.

Однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ и покровителей юродиваго былъ кладбищенскій сторожъ, старый Эфраимъ. Въ его жалкой землянкѣ бѣдный Тодрешъ во всякое время дня и ночи встрѣчалъ радушный, братскій пріемъ и скудную трапезу. Тамъ онъ находилъ и внимательное ухо для всѣхъ своихъ мистическихъ бредней. Особенное уваженіе и даже сочувствіе оказывала Божьему еврею добрая дочь Эфраима, набожная Дебора.

Мѣстныя власти, по присущей имъ бдительности, не могли, конечно, не обратить своего зоркаго административнаго ока на такого бездомнаго, а главное — безпаспортнаго тунеядца — жида. Администрація не разъ тащила бродягу за густой загривокъ въ мѣстную кутузку; но какого онъ званія, откуда родомъ, гдѣ приписанъ, по какому праву онъ тутъ дышетъ, чѣмъ промышляетъ и вообще кто онъ такой, отъ него добиться не могли. На всѣ подобные, совершенно законные вопросы онъ только продолжалъ трубить въ кулакъ и изрѣдка мычать что-то на еврейскомъ жаргонѣ. Нашлись и такіе администраторы, которые, заподозривъ хитраго жида въ притворствѣ, поощряли его пинками и увѣсистыми зуботычинами. Но и это ни къ чему не повело, кромѣ безцѣльнаго кровопусканія... Вопрошаемый стоически продолжалъ свое дѣло: трубилъ въ кулакъ и знать ничего не хотѣлъ. Пробовали скрутить ему руки на спину, дабы этимъ способомъ разобщить его ротъ съ кулакомъ, но и эта мѣра оказалась недѣйствительною: Тодрешъ умѣлъ обходиться и безъ кулака, складывалъ губы сердечкомъ и опять-таки трубилъ, обходясь безъ своего импровизованнаго инструмента. Одинъ изъ болѣе зоркихъ блюстителей додумался таки наконецъ, что съ этимъ жидомъ надлежитъ поступить, какъ вообще законъ поступаетъ съ бродягами, *не помнящими родства*, а именно: влѣпить тридцать ударовъ розгами и сослать на поселеніе. Но для этого приходилось имѣть дѣло съ новымъ судомъ и съ несносными брехунцами, которые, пожалуй, еще пойдутъ выплясывать по канату «невмѣ-

няемости и неправоспособности». Пойдетъ безконечная передряга, экспертиза, освидѣтельствованіе, испытаніе и прочая чертовщина. И все это изъ-за паршиваго жида. Стоитъ ли! Можно короче устроить дѣло. Придумано и сдѣлано: Тодрешъ былъ отправленъ въ больницу для умалишенныхъ.

Но и тутъ явилось крупное затрудненіе, уже чисто экономическаго свойства (Съ жидами теперь—сказалъ администраторъ—разныхъ экономическихъ неурядицъ не оберешься). Не смотря на то, что Тодрешъ отъявленный дуракъ, а все-таки морить его голодомъ закономъ возбраняется, а у этого колоссальнаго юродиваго, какъ на грѣхъ, аппетитъ чисто волчій. Какъ быть? Кто его кормить станетъ? Судили, рядили и порѣшили «заставить кагалъ платить кормовыя за своего съумашедшаго». Власти нашли мѣру сію очень резонною на томъ основаніи, что *«если вся жидова будетъ съ голоду пухнуть, то развѣ городское христіанство обязано ее кормить?»*

Хитрый однакожъ кагалъ, по своей еврейской замашкѣ обходить законы, нашелъ фортель и на этотъ разъ уклониться отъ исполненія своего гражданскаго долга. «Мы-молъ — отговаривалась еврейская община — не ходатайствовали о лишеніи свободы еврея, смирнаго и тихаго. Мало ли у насъ дураковъ найдется! Развѣ же всѣхъ этихъ дураковъ мы повинны кормить и содержать на свой счетъ? Горожане-евреи Тодреша не боятся; если же онъ властямъ или горожанамъ не-евреямъ почему либо кажется опаснымъ, то пусть они и вносятъ за него кормовыя въ больницу».

Что съ такимъ нахальнымъ кагаломъ дѣлать прикажешь! Власти въ конецъ разгнѣвались и распорядились: «выписать» юродиваго, то есть вытолкать его на всѣ четыре стороны.

Когда больничные сторожа узнали о «семъ мудромъ Соломоновомъ судѣ» полицейскаго управленія, то зѣло возликовали. Это даже дало поводъ одному изъ фельдшеровъ съострить на кагальный счетъ:

— Выпустимъ, братцы, жидамъ чертову дудку. Пущай имъ дудить.

Такимъ образомъ, Тодрешъ былъ выпущенъ изъ больницы и, какъ вполнѣ «легитимированный гражданинъ», продолжалъ

бѣгать и трубить въ свой мохнатый кулакъ; онъ даже еще усерднѣе и энергичнѣе принялся за свою полезную дѣятельность, перерывая ее изрѣдка только для того, чтобы наскоро перекусить чѣмъ Богъ послалъ. Городскихъ зѣвакъ и уличныхъ мальчишекъ это не мало потѣшало, а еврейская община торжествовала побѣду надъ мѣстною администраціей. Все пошло по старому.

Въ послѣднее время, однакожъ, еврейская община начала сильно призадумываться насчетъ кажущейся безвредности юродиваго. Дѣло въ томъ, что религіозоманія Тодреша по временамъ, въ иныя минуты раздраженія, при необычайной силѣ юродиваго, принимала уродливый, совсѣмъ не шуточный характеръ. Стоило кому нибудь въ шутку выразить свой скептицизмъ насчетъ пришествія Мессіи, или какимъ либо инымъ образомъ подтрунить надъ традиціонными грезами юродиваго, и этотъ тихій, повидимому даже робкій Голіаѳъ, приходя въ остервѣненіе и ярость, способенъ былъ на самыя дикія выходки, угрожавшія неосторожнымъ шутникамъ опасностью жизни. Съ этого времени горожане сдѣлались болѣе осторожными съ юродивымъ, начали даже серьезно подумывать о больницѣ для умалишенныхъ и объ исправномъ взносѣ общиной кормовыхъ денегъ за Тодреша, лишь бы обезопасить еврейскихъ жителей отъ возможныхъ послѣдствій. Одинъ только Эфраимъ да дочь его Дебора продолжали не бояться Тодреша, относиться къ нему покровительственно по прежнему, даже благоговѣйно, какъ подобаетъ Божьему праведнику.

Пока въ общинѣ зрѣло окончательное рѣшеніе насчетъ участи юродиваго, случилось въ городѣ необычайное происшествіе. Случилось оно именно въ ту роковую ночь, когда бѣдная Дебора, ни жива, ни мертва, возбужденная до крайности, обезумѣвшая отъ страха и экстаза, почти силою повлекла меня за собою къ старому кладбищу. Это чрезвычайное происшествіе имѣло для моей разшатанной нервной системы чуть не пагубныя послѣдствія...

Не далеко, въ сторонѣ отъ кладбища лежалъ хуторокъ, принадлежавшій въ собственность какому-то зажиточному купцу, имѣвшему въ городѣ значительную торговлю полотнами

и разнымъ шитымъ бѣльемъ низшаго сорта: сорочками, простынями и прочее. Запасные товары этого рода въ большомъ количествѣ хранились въ кладовой усадьбы того хутора, гдѣ и владѣлецъ проживалъ съ семьею въ лѣтніе мѣсяцы. Однажды, поздно ночью, когда все въ усадьбѣ спало мертвымъ сномъ, юродивый назамѣтно пробрался въ усадьбу, отбилъ замокъ кладовой, выкралъ оттуда большую часть бѣлья и перетащилъ все украденное на кладбище. Подъ вліяніемъ какихъ-то необъяснимыхъ здравымъ смысломъ побужденій, Тодрешъ всѣ каменныя плиты и надгробные памятники обвѣшалъ и окуталъ бѣльемъ. Какъ только свѣжій вѣтерокъ заигралъ бѣльемъ и раздулъ его въ какія-то неопредѣленныя живыя человѣческія формы, дикія галлюцинаціи овладѣли разстроеннымъ мозгомъ безумнаго: ему померещилось на дѣлѣ *воскресеніе мертвыхъ*, какъ онъ его всегда себѣ представлялъ. Идея воскресенія срослась съ его существомъ еще съ ранняго дѣтства. Въ этомъ чудѣ онъ теперь *воочію* убѣдился... И такъ, свершилось!.. Мессія пришелъ!.. Всѣ остальныя чудеса освобожденія Израильскаго народа, конечно, не замедлятъ послѣдовать...

Какъ же не оповѣстить своихъ ближайшихъ друзей о такомъ торжественномъ событіи? Тѣхъ праведныхъ братьевъ, которые съ такою слѣпою вѣрою внимали всегда бреднямъ безумнаго и раздѣляли его иллюзіи? Но съ кѣмъ же ему подѣлиться своими радостями, если не съ единственными покровителями? Тодрешъ кинулся въ избу Эфраима, крича не своимъ голосомъ:

— Вставайте, братья! Мессія пришелъ!! Всѣ мертвые воскресли!!! Алилуя!!!

Пока Эфраимъ бросился къ окну, чтобы окинуть бѣглымъ изумленнымъ взглядомъ «свое хозяйство», юродивый сорвалъ съ гвоздя молитвенный мѣшокъ хозяина. Напяливъ на себя молитвенную ризу, онъ дикимъ голосомъ затянулъ подходящій псалмъ, выскочилъ вонъ изъ избы и ринулся туда... въ самую середину мертвецовъ...

Легко себѣ представить, какой сумбуръ поднялся въ разстроенномъ воображеніи стараго духовидца, Эфраима, при видѣ обмундированныхъ въ бѣлые саваны мертвецовъ, повылѣзшихъ

вдругъ изъ своихъ могилъ. Онъ не менѣе Тодреша отдался вполнѣ во власть своихъ галлюцинацій...

— Бѣги, дочь моя!—крикнулъ старикъ Деборѣ,—бѣги, яко лань въ городъ, зови сюда нашихъ братьевъ! Іегова умилосердился надъ своимъ избраннымъ народомъ. Часъ освобожденія Израиля насталъ. Бѣги же!

Съ этими словами полупомѣшанный старикъ бросился за юродивымъ, а бѣдная Дебора, не помня себя отъ страха, бросилась со всѣхъ ногъ, только не въ городъ, а прямо къ моей квартирѣ. Что дальше было съ нею и со мною, читателю уже извѣстно.

Я сказалъ въ началѣ моего разсказа, что подъ маской псиxіатра у меня скрывалась если не положительная психическая анормальность, то во всякомъ случаѣ зачаточная религіозоманія. Видъ и дикія выходки Деборы, представившееся мнѣ обширное кладбище, оживленное какими-то бѣлыми фигурами, озаренное матовыми лучами ночнаго таинственнаго свѣтила, торжественно - монотонное пѣніе псалмовъ,—все это въ конецъ свело меня съ ума, а бѣшеное нападеніе юродиваго Тодреша и сотрясеніе мозга, полученное мною отъ страшнаго удара его желѣзнаго кулака, довершило остальное...

Маніакъ окончательно рехнулся...

Около года я промучился въ желтомъ домѣ... Во все время моей страшной болѣзни я былъ во власти разныхъ мессіанскихъ галлюцинацій, изъ числа которыхъ припоминаю теперь только безпорядочные, непослѣдовательные отрывки.

Роковая, памятная для меня ночь была крайне тревожна для моихъ родныхъ и евреевъ-горожанъ. Мой ночной внезапный побѣгъ изъ дома зятя черезъ окно былъ тотчасъ же замѣченъ и родные бросились за мною въ догонку; горожане же евреи, будучи оповѣщены проѣзжавшимъ мимо кладбища, испугавшимся до смерти, наивно вѣрующимъ евреемъ, сбѣжались вокругъ святого мѣста, окаменѣли и до того растерялись при видѣ необычайнаго зрѣлища, что, дрожа всѣмъ тѣломъ, не рѣшались даже приблизиться къ наружной окраинѣ кладбища, чтобы подать мнѣ помощь.

Одна полиція оказалась, какъ всегда, храброю. Она не испу-

галась даже воскресшихъ мертвецовъ... Какъ только изъ хутора дали знать о кражѣ товара и о томъ, что ворованныя вещи по подозрѣнію скрываются на кладбищѣ, полиція смѣло нагрянула туда и накрыла какъ преступниковъ, такъ и похищенныя вещи. Послѣднія были найдены всѣ сполна, а изъ числа преступниковъ успѣли сцапать только одного, стараго еврея, кладбищенскаго сторожа Эфраима; Тодрешъ же, юродивый, бродяга, при видѣ полиціи успѣлъ скрыться и слѣдъ его простылъ.

Съ несчастнымъ заарестованнымъ Эфраимомъ полиція поступила по закону: составила протоколъ, подсудимаго передала судебному слѣдователю, который, въ предупрежденіе уклоненія отъ суда и слѣдствія, упряталъ старика въ тюрьму. Честный Эфраимъ такого несчастія и позора не вынесъ. На другой же день онъ опасно заболѣлъ, а еще черезъ нѣсколько дней сдѣлался полнымъ кандидатомъ на воскресеніе... Бѣдный старикъ! Онъ даже не похороненъ на «своемъ хозяйствѣ», среди тѣхъ своихъ *милыхъ*, которымъ онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Несчастная Дебора окончательно помѣшалась и сдана въ больницу для умалишенныхъ. Увы! Ея тихое помѣшательство оказалось такого злокачественнаго свойства, что на ея выздоровленіе не осталось никакихъ надеждъ въ будущемъ.

На одного только меня чрезвычайное это происшествіе имѣло благотворное вліяніе. Проболѣвъ долго и перенесши самый опасный кризисъ, я радикально исцѣлился не только физически, но и умственно...

По прежнему я твердо убѣжденъ, что ничто въ природѣ,— ни міры, ни мельчайшіе атомы, не уничтожаются, не исчезаютъ безслѣдно, а разумно метаморфозируются до безконечности, въ силу какой-то мудрой, невѣдомой цѣли; далѣе, я не менѣе твердо убѣжденъ, что Израильскій народъ, стойко отстоявъ свое историческое, хотя и жалкое прозябаніе въ продолженіе тысячелѣтій, терпѣливо и выносливо будетъ отстаивать свое дальнѣйшее племенное существованіе и дальше, до тѣхъ поръ, пока древній Израиль не воскреснетъ, какъ фениксъ, къ новой политически - самостоятельной жизни правоспособнаго, здороваго, сильнаго и разумнаго народнаго организма. Съ этой сто-

роны, горячая вѣра евреевъ въ пришествіе Мессіи естественна и похвальна, теплыя молитвы, возносимыя ими къ своему разгнѣванному Іеговѣ, въ этомъ смыслѣ, умилительны, трогательны, даже поэтичны, но...

Когда мое бѣдное племя въ этихъ молитвахъ жаждетъ уже «въ будущемъ году» быть въ Іерусалимѣ, избавиться отъ «изгнанія» и угнѣздиться самостоятельнымъ народомъ на обѣтованной, «собственной» землѣ,—сердце мое всякій разъ обливается кровью и я невольно съ щемящею горечью задаю себѣ слѣдующіе вопросы:

— Въ будущемъ году? Уже? Въ Іерусалимѣ? Въ качествѣ же кого мы можемъ очутиться тамъ: простаго ли туриста, или народа-собственника, возвратившагося въ свое отечество послѣ долговѣчной ссылки?

Но, благодаря Бога, я уже выздоровѣлъ, наивныя иллюзіи исчезли, душевное мое «раздвоеніе» прошло и я началъ смотрѣть на вещи и явленія трезво и логично, а разсудокъ мнѣ говоритъ совершенно иное...

Онъ говоритъ мнѣ, что для преобразованія моего племени въ зрѣлый, политическій самостоятельный народъ, для того, чтобы оно доросло до правоспособнаго государственнаго организма, требуется не одинъ годъ, а цѣлый безконечный рядъ годовъ иной жизни, болѣе осмысленной, болѣе согласующійся съ духомъ времени, съ настоящими потребностями нарождающагося человѣчества, требуется и *настоятельно* требуется видоизмѣненіе всего обрядоваго религіознаго кодекса въ томъ, въ чемъ онъ не согласуется съ условіями современной жизни, современной дѣятельности разумнаго человѣчества; въ томъ, что идетъ въ разрѣзъ съ духомъ чистаго, разумнаго, догматическаго мозаизма; далѣе, еврейское племя должно избавиться отъ того заносчиваго égalité, которое доставляетъ почетное мѣсто одному только богатству; въ народѣ должна установиться какая нибудь здравая дисциплина, какая нибудь благовоспитанность массъ и единицъ, какая нибудь племенная житейская тактичность; требуется полнѣйшее преобразованіе въ житейскомъ отношеніи, по меньшей мѣрѣ, ея лучшихъ элементовъ. Наконецъ, требуется не одинъ Мессія, а цѣлыя тысячи, сотни ты-

сячъ честныхъ, разумныхъ и безкорыстныхъ евреевъ, истинно любящихъ свой народъ и радѣющихъ о его благѣ не одними словами, но и дѣломъ. Вотъ эти-то святые народные руководители и предназначены Божьимъ промысломъ для исторической подготовки почвы къ пришествію Мессіи и освобожденію Израильскаго народа отъ вѣковой рабской его доли...

Но когда это свершится: черезъ вѣкъ, или тысячелѣтіе? Когда народятся эти настоящіе благодѣтели племени? Когда народъ доростетъ до пониманія своихъ старшихъ, болѣе разумныхъ братьевъ? Какіе міровые, соціальные, религіозные и историческіе перевороты создадутъ потребныя для освобожденія Израиля условія?

Кто знаетъ!

Одно скажу — да проститъ ортодоксальное и хасидское еврейство мое прегрѣшеніе, если, по ихъ узкому понятію, я повиненъ въ скептицизмѣ и ереси—одно скажу—что наше русское еврейство съ его житейскою безтактностью и неумѣніемъ обходиться безъ посторонней помощи, съ его узкимъ эгоизмомъ и волчьей разрозненностью, съ его мелочнымъ тщеславіемъ, съ его національною заносчивостью, съ его неуваженіемъ къ тяжелому физическому труду, съ его изуродованными традиціонными обычаями, съ его тупымъ благоговѣніемъ передъ силою богатства; что наше русско-польское еврейство въ томъ видѣ, въ какомъ оно представилось мнѣ въ бреду моихъ галлюцинацій, не доросло еще до роли освобожденнаго и годнаго къ самостоятельной жизни народа...

Приходится, какъ говорится, ждать у моря погоды... Когда нибудь еврейское племя дождется своей погоды, своего часа...

Въ этомъ я также убѣжденъ, какъ въ существованіи божественнаго промысла.

А впрочемъ, быть можетъ я ошибаюсь, преувеличиваю. Мало ли что пригрезится маніаку въ его дикихъ галлюцинаціяхъ!

Дай Богъ, чтобы я ошибался!

Г. Богровъ.

ИЗЪ МЕМУАРОВЪ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ *.

(*Окончаніе*).

VIII.

Старая Фладеръ умерла скоро послѣ того, но Юппъ безъ сомнѣнія еще живъ, если его съ тѣхъ поръ не повѣсили. Злой мальчишка не измѣнился. Уже на слѣдующій день послѣ вышеупомянутаго свиданія съ нимъ у моего отца, встрѣтилъ я его на улицѣ. Онъ шелъ со своимъ, хорошо извѣстнымъ мнѣ длиннымъ багромъ. Онъ опять ударилъ меня этимъ багромъ, опять швырнулъ въ меня лошадинымъ пометомъ и опять крикнулъ роковое «Гаарю!»—да еще такъ громко и такъ вѣрно подражая голосу Дрекмихеля, что оселъ этого послѣдняго, случайно находившійся въ эту минуту въ сосѣдней улицѣ, подумалъ, что слышитъ зовъ своего хозяина и разразился радостнымъ і—а!

Какъ выше сказано, бабушка Юппа умерла скоро послѣ того, и притомъ съ репутаціею вѣдьмы, каковою она конечно не была, хотя наша Циппель упорно утверждала это.

Циппель было имя одной, не очень еще старой женщины, которая называлась собственно Сибилла, была моею первой нянькой и послѣ того осталась жить въ нашемъ домѣ. Она случайно находилась въ комнатѣ въ то вышеупомянутое утро, когда старуха Фладеръ расточала мнѣ столько похвалъ и восхищалась красотою ребенка. При этихъ словахъ въ Циппель проснулось старое народное повѣрье, что дѣтямъ вредно, когда ихъ хвалятъ такимъ образомъ, что отъ этого ихъ постигаетъ болѣзнь или какое нибудь другое несчастье; и чтобы устранить

* См. „Восходъ“, кн. 4.

бѣду, которая по мнѣнію Циппель угрожала мнѣ, она прибѣгнула къ средству, считающемуся у народа самымъ дѣйствительнымъ и состоящему въ томъ, что на расхваленное дитя надо сплюнуть три раза. И она дѣйствительно немедленно подбѣжала ко мнѣ и поспѣшно плюнула на мою голову три раза.

Но то было только временное оплеваніе, ибо свѣдущіе люди утверждаютъ, что когда пагубная похвала произнесена вѣдьмой, то злыя чары могутъ быть уничтожены тоже никѣмъ инымъ, какъ вѣдьмой. Поэтому Циппель еще въ тотъ же день рѣшилась пойти къ женщинѣ, которая была извѣстна ей за вѣдьму и, какъ я узналъ впослѣдствіи, оказала ей самой нѣсколько услугъ своимъ таинственнымъ и запрещеннымъ искуствомъ. Эта вѣдьма омочила слюною свой палецъ и помазала имъ меня по темени, на которомъ предварительно срѣзала нѣсколько волосъ; помазала она точно также и другія мѣста, причемъ бормотала всякую безсмыслицу, и такимъ образомъ я, можетъ быть, уже въ дѣтствѣ былъ посвященъ въ служители дьявола.

Во всякомъ случаѣ эта женщина, съ которою я съ тѣхъ поръ поддерживалъ знакомство, посвятила меня впослѣдствіи, когда я уже выросъ, въ свое сокровенное искуство.

Правда, самъ я не сдѣлался колдуномъ, но знаю, какъ колдуютъ другіе, и особенно знаю, что̀ совсѣмъ не колдовство.

Ту женщину называли мастершей, а также гохянкой, потому что она была родомъ изъ Гоха, гдѣ жилъ и ея покойный мужъ, занимавшійся гнуснымъ ремесломъ палача, и откуда его звали въ близкія и отдаленныя мѣста для исполненія служебной обязанности. Было извѣстно, что онъ оставилъ своей женѣ много снадобья, и она умѣла эксплуатировать въ свою пользу эту молву.

Лучшую практику ея составляли содержатели пивныхъ лавокъ, которымъ она продавала пальцы мертвыхъ, якобы перешедшіе къ ней по наслѣдству отъ мужа. Это — пальцы повѣшенныхъ воровъ, и они служатъ къ тому, чтобы придавать лучшій вкусъ пиву въ бочкѣ и увеличивать его количество. Просвѣщенные пивоторговцы обыкновенно употребляютъ болѣе раціональныя средства для увеличенія количества пива, но оно отъ этого теряетъ силу.

Большую практику доставляли также мастершѣ молодые люди съ нѣжнымъ сердцемъ, и она снабжала ихъ любовными

напитками, которымъ, въ своемъ шарлатанствѣ латынью, побуждавшемъ ее еще больше латинизировать латинскіе звуки, она давала названіе philtrarium; мужчина, подносившій это питье своей возлюбленной, назывался philtrarius, а дама— philtrariata.

Случалось иногда, что philtrarium не оказывалъ никакаго дѣйствія или даже производилъ противоположное ожидавшемуся. Такъ, напримѣръ, одинъ нелюбимый парень, уговорившій свою суровую красавицу распить съ нимъ бутылку вина, влилъ ей въ стаканъ порцію philtrarium и замѣтилъ въ поведеніи своей philtrariata, какъ только она выпила, странную перемѣну... *.

Мастерша спасла въ этомъ случаѣ репутацію своего искусства утвержденіемъ, что она не поняла несчастнаго филтраріуса и подумала, что онъ хочетъ излечиться отъ своей любви.

Лучше любовныхъ напитковъ были совѣты, которыми она сопровождала раздачу филтраріевъ; она совѣтовала именно всегда имѣть въ карманѣ деньги, такъ какъ деньги — очень здоровая вещь и особенно любящимъ приноситъ счастье. Кто не припомнитъ при этомъ словъ честнаго Яго въ «Отелло», когда онъ говоритъ Родриго: «Take money in your pocket! **.

Съ этою то великою искусницею находилась наша Циппель въ интимномъ знакомствѣ, и если теперь она уже не покупала здѣсь любовныхъ напитковъ, то прибѣгала къ помощи гохянки въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣла отомстить какой нибудь счастливой соперницѣ, бравшей себѣ въ мужья ея собственнаго прежняго возлюбленнаго.

Я поддерживалъ знакомство съ гохянкой, и мнѣ было, помнится, лѣтъ шестнадцать, когда я началъ ходить къ ней чаще, привлекаемый чарами, которыя были сильнѣе всѣхъ ея латински-мудреныхъ philtraria. Она имѣла племянницу, которой тоже не минуло еще шестнадцати лѣтъ, но которая, вдругъ развившись въ высокую, стройную фигуру, казалась гораздо старше. Это внезапное развитіе было причиною и того, что она отличалась крайней худьбой. У ней была та узкая талія, которую мы встрѣчаемъ у квадронокъ въ Вестъ-Индіи, и такъ

* Здѣсь слѣдуетъ пропускъ нѣсколькихъ строкъ, сдѣланныхъ нѣмецкимъ издателемъ мемуаровъ въ видахъ приличія. *Перев.*

** Цитата сдѣлана Гейне невѣрно: у Шекспира сказано: «put money in your purse!» т. е. «положи денегъ въ свой кошелекъ». *Перев.*

какъ она не носила корсета и цѣлой дюжины юбокъ, то платье ея, плотно прилегавшее къ тѣлу, было похоже на влажное одѣяніе статуи. Правда, что никакая мраморная статуя не могла поспорить съ ней въ красотѣ, такъ какъ она была сама жизнь, и каждое движеніе ея обнаруживало ритмы ея тѣла, скажу даже—музыку ея души. Ни у одной изъ дочерей Ніобеи не было болѣе благороднаго лица; цвѣтъ его, какъ и вообще ея кожи, отличался отчасти мѣнявшейся бѣлизною. Большіе, очень темные глаза смотрѣли такъ, какъ будто задали загадку и спокойно ожидали ея разрѣшенія, между тѣмъ какъ ротъ съ его тонкими, высоковздернутыми губами и бѣлыми, какъ мѣлъ, продолговатыми зубами, казалось, говорилъ: «ты слишкомъ глупъ и будешь напрасно ломать надъ этимъ голову.

Волосы у нея были красные, какъ кровь красные, и спадали длинными кудрями на плечи, такъ что она могла связывать ихъ подъ подбородкомъ. Но это придавало ей такой видъ, какъ будто у нея отрѣзали шею, и кровь текла оттуда красными струями.

Голосъ Іозефы или красной «Зесхенъ», какъ называли красивую племянницу гохянки, былъ не особенно благозвученъ, иногда ея голосовой органъ представлялся глухимъ до беззвучности; но какъ только пробуждалась въ ней страсть, тонъ его вдругъ становился въ высшей степени металлическимъ и особенно поражалъ меня тѣмъ обстоятельствомъ, что голосъ Іозефы имѣлъ такое огромное сходство съ моимъ.

Когда она говорила, я часто пугался, и мнѣ казалось, что это говорю я самъ, а ея пѣнье тоже напоминало мнѣ грезы, въ которыхъ я слышалъ самого себя поющимъ точно такимъ же образомъ.

Она знала много старыхъ народныхъ пѣсенъ и поселила, можетъ быть, во мнѣ склонность къ этому роду поэзіи, такъ какъ вообще имѣла величайшее вліяніе на пробужденіе поэтическаго дарованья, вслѣдствіе чего мои первыя стихотворенія «Traumbilder», написанныя вскорѣ послѣ того, отличаются мрачнымъ и жестокимъ колоритомъ, подобно обстоятельствамъ, накидывавшимъ въ ту пору свои багровыя тѣни на мою молодую жизнь и мыслительную дѣятельность.

Между пѣснями, которыя пѣла Іозефа, находилась одна народная, выученная ею у Циппель и часто слышанная также мною отъ этой послѣдней въ моемъ дѣтствѣ, вслѣдствіе

чего я удержалъ въ памяти двѣ строфы, которыя сообщу здѣсь тѣмъ охотнѣе, что это стихотвореніе не встрѣчалъ я ни въ одномъ изъ существующихъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Сперва говоритъ злой Трагигъ:

«Ottilie lieb, Ottilie mein,
Du wirst wohl nicht die letzte seyn —
Sprich, willst du hängen am hohen Baum?
Oder willst du schwimmen im blauen See?
Oder willst du küssen das blanke Schwert,
Was der liebe Gott bescheert?» *.

На это отвѣчаетъ Оттилія:

«Ich will nicht hängen am hohen Baum,
Ich will nicht schwimmen im blauen See,
Ich will küssen das blanke Schwert,
Was der liebe Gott bescheert!» **.

Когда однажды красная Зесхенъ дошла до конца этой строфы, и, я замѣтилъ въ ней внутреннее волненіе, меня самого потрясло такъ, что я вдругъ разрыдался, и мы упали, плача, другъ другу въ объятія и почти цѣлый часъ не говорили ни слова, между тѣмъ какъ слезы текли изъ нашихъ глазъ и мы видѣли другъ друга какъ бы сквозь покровъ изъ слезъ.

Я попросилъ Зесхенъ переписать мнѣ эти строфы, и она исполнила это, но написала не чернилами, а своею кровью; красный автографъ я впослѣдствіи потерялъ, но строфы неизгладимо остались въ моей памяти.

Мужъ гохянки былъ братъ отца Зесхенъ, тоже занимавшагося ремесломъ палача; но такъ какъ онъ умеръ рано, то гохянка взяла ребенка въ себѣ. Когда же скоро послѣ того умеръ и ея мужъ и она переселилась въ Дюсельдорфъ, то ребенка передала она дѣдушкѣ — тоже палачу и жившему въ Вестфаліи.

Здѣсь, въ «свободномъ домѣ» (Freyhaus), какъ обыкновенно называютъ жилище палача, прожила Зесхенъ до четырнадцати лѣтъ, когда дѣдушка умеръ и гохянка снова взяла къ себѣ круглую сироту.

Вслѣдствіе позорности своего происхожденія, Зесхенъ отъ

* Т. е. «Оттилія милая, Оттилія моя, ты, конечно, будешь не послѣднею— скажи, хочешь ты висѣть на высокомъ деревѣ? Или хочешь плавать въ синемъ морѣ? Или хочешь цѣловать блестящій мечъ, что̀ послалъ Господь Богъ?»

** Т. е. «Я не хочу висѣть на высокомъ деревѣ, я не хочу плавать въ синемъ морѣ, я хочу цѣловать блестящій мечъ, что̀ послалъ Господь Богъ!»

дѣтскихъ лѣтъ до юности вела одинокую жизнь, и даже въ домѣ дѣдушки не было у ней никакихъ сношеній съ обществомъ. Оттуда ея боязнь людей, нервное вздрагиваніе отъ всякаго посторонняго прикосновенія, таинственная мечтательность въ соединеніи съ непоколебимѣйшимъ упорствомъ, съ самою гордою суровостью и дикостью.

Странно! Даже въ грезахъ — какъ созналась она мнѣ однажды—она не жила съ людьми, но грезила только о животныхъ. . . . .

. . . .

(Здѣсь слѣдуетъ описаніе какъ ночью состоялось таинственное собраніе палачей для погребенія меча, которымъ ровно сто разъ совершена была казнь).

И по мнѣнью многихъ, подобные мечи отъ безпрерывнаго кровопролитія становятся жестокими и по временамъ жаждутъ крови, такъ что нерѣдко въ полночь можно явственно слышать, какъ они сильно шумятъ и шевелятся въ своихъ шкапахъ; нѣкоторые изъ нихъ даже дѣлаются такими коварными и злостными, какъ нашъ братъ, и доводятъ несчастныхъ, держащихъ ихъ въ рукѣ, до такаго безумія, что они ранятъ ими своихъ лучшихъ друзей. Такъ, однажды въ собственной семьѣ гохянки одинъ братъ закололъ другаго подобнымъ мечомъ.

Тѣмъ не менѣе гохянка созналась, что съ такимъ виновникомъ ста убійствъ можно дѣлать драгоцѣннѣйшія волшебныя штуки, и еще въ ту же самую ночь она поспѣшила вырыть закопанный мечъ и съ того дня сохраняла его въ своей кладовой вмѣстѣ съ другою чародѣйскою утварью.

Однажды, когда ея не было дома, я попросилъ Зесхенъ показать мнѣ эту диковинку. Она не заставила себя долго просить, отправилась въ кладовую и тотчасъ же вернулась съ громаднымъ мечомъ, которымъ очень свободно махала, не смотря на видимую слабость своихъ рукъ, при этомъ съ шаловливо-угрожающимъ видомъ напѣвая:

Willst du küssen das blanke Schwert,
Das der liebe Gott bescheert?

Я отвѣтилъ на это тѣмъ же тономъ: «Не хочу цѣловать блестящій мечъ—хочу цѣловать красную Зесхенъ!» и такъ какъ она, изъ боязни поранить меня роковымъ оружіемъ, не могла сопротивляться, то ей пришлось по неволѣ допустить меня очень нѣжно обнять ея талію и поцѣловать въ гордыя

губы. Да, не смотря на мечъ, которымъ было обезглавлено уже сто бѣдняковъ, и не смотря на позоръ, налагаемый на каждаго прикосновеніемъ къ безчестному роду, я поцѣловалъ прекрасную дочь палача.

Я цѣловалъ ее не только по нѣжной склонности, но также вслѣдствіе насмѣшливаго отношенія къ старому обществу и всѣмъ его темнымъ предразсудкамъ, и въ эту минуту во мнѣ впервые зажглось пламя тѣхъ двухъ страстей, которымъ осталась посвященною вся послѣдующая жизнь моя: любовь къ красивымъ женщинамъ и любовь къ французской революціи, тому новому furor francese, которымъ и я былъ охваченъ въ борьбѣ съ ландскнехтами среднихъ вѣковъ.

Не стану описывать подробнѣе мою любовь къ Іозефѣ. Сознаюсь однако, что она была только прелюдіей къ большимъ трагедіямъ моего болѣе зрѣлаго періода. Такъ Ромео увлекается Розалиндой, прежде чѣмъ встрѣчается со своею Юліей.

Въ любви существуетъ временное чистилище, въ которомъ надо пріучиться быть жаримымъ, прежде чѣмъ попадешь въ дѣйствительный адъ.

Адъ? Можно ли, говоря о любви, упоминать объ этомъ безобразіи? Ну, коли хотите, я сравню ее также съ небомъ. Къ сожалѣнію, въ любви никогда нельзя съ точностью опредѣлить, гдѣ она начинаетъ имѣть полнѣйшее сходство съ адомъ или небомъ, точно также какъ неизвѣстно—не замаскированные ли черти тѣ свѣтлые духи, которые встрѣчаютъ насъ тамъ, или не замаскированные ли свѣтлые духи эти черти?

Откровенно говоря: какая страшная болѣзнь — любовь къ женщинамъ! Тутъ не помогаетъ, какъ мы къ сожалѣнію видѣли, никакое прививаніе *). Очень искусные и опытные врачи совѣтуютъ перемѣну мѣста и полагаютъ, что съ удаленіемъ отъ колдуньи уничтожается и колдовство. Принципъ гомеопатіи, по которому женщина излечиваетъ насъ отъ женщины—можетъ быть, самый дѣйствительный.

Такимъ образомъ ты усматриваешь, дорогой читатель, что прививаніе любви, которое попробовала моя мать въ моемъ дѣтствѣ, не имѣло благопріятнаго результата. Было предопредѣлено, что великій недугъ — оспа сердца—постигнетъ меня сильнѣе, чѣмъ остальныхъ смертныхъ, и въ моемъ сердцѣ

---

*) Это мѣсто, о которомъ здѣсь упоминается, находилось въ уничтоженной родственниками Гейне части рукописи. *Перев.*

осталось такое множество плохо зажившихъ оспенныхъ знаковъ, что оно похоже на гипсовую маску Мирабо, или на фасадъ Palais Mazarin послѣ славныхъ іюльскихъ дней, или даже на репутацію величайшей трагической актрисы *.

Но неужели нѣтъ никакаго лекарства противъ роковой болѣзни? Недавно одинъ психологъ высказалъ мнѣніе, что ее можно одолѣть, если при самомъ началѣ ея употребить нѣкоторыя надлежащія средства. Это напоминаетъ однако старый наивный молитвенникъ, заключающій въ себѣ молитвы на всѣ несчастные случаи, могущіе угрожать человѣку, и между прочимъ—молитву въ нѣсколько страницъ, которую долженъ прочитать кровельщикъ, какъ только онъ почувствуетъ головокруженіе и видитъ себя въ опасности полетѣть съ крыши.

Точно также безумно совѣтовать больному любовью бѣжать отъ своей возлюбленной и искать себѣ исцѣленія въ уединеніи, на груди природы. Ахъ, на этой зеленой груди онъ найдетъ только скуку!

Дѣйствительнѣйшимъ противоядіемъ противъ женщинъ служатъ женщины; правда, это значитъ изгонять Сатану Вельзевуломъ, и въ подобномъ случаѣ леченіе оказывается часто еще пагубнѣе, чѣмъ болѣзнь. Но это все-таки шансъ къ спасенію, и въ безотрадномъ любовномъ состояніи перемѣна дамы сердца конечно лучшее, что̀ можно посовѣтовать, такъ что мой отецъ и здѣсь имѣлъ бы основаніе сказать: теперь надо почать новый боченокъ.

Да, возвратимся къ моему милому отцу, которому какая-то сострадательная старушка донесла о моихъ частыхъ визитахъ къ гохянкѣ и моей склонности къ красной Зесхенъ. Эти доносы имѣли однако только тотъ результатъ, что дали моему отцу случай проявить свою милую вѣжливость. Зесхенъ скоро послѣ того разсказала мнѣ, что какой-то очень знатный и напудренный господинъ, въ сопровожденіи другаго господина, встрѣтилъ ее на гуляньѣ, и когда его провожатый шепнулъ ему нѣсколько словъ, онъ привѣтливо посмотрѣлъ на нее и, проходя передъ нею, снялъ шляпу.

По болѣе подробному описанію я въ этомъ поклонившемся человѣкѣ узналъ моего милаго, добраго отца.

---

* Рашель.

Не такую же снисходительность выказалъ онъ, когда ему передали нѣсколько вырвавшихся у меня насмѣшекъ надъ религіею. Я былъ обвиненъ въ отрицаніи Бога, и по этому случаю мой отецъ прочелъ мнѣ проповѣдь, длиннѣйшую, какую ему приходилось когда либо говорить, и гласившую такъ: «Любезный сынъ! Твоя мать посылаетъ тебя учиться философіи у ректора Шалмейера. Это ея дѣло. Я съ моей стороны не люблю философіи, потому что въ ней все — суевѣріе, а я купецъ, и мнѣ нужна моя голова для веденія моихъ дѣлъ. Ты можешь быть философомъ, сколько тебѣ угодно, но прошу тебя, не говори публично, что̀ ты думаешь, потому что мои дѣла пошли бы дурно, если бы мои кліенты узнали, что я имѣю сына, не вѣрующаго въ Бога; особенно евреи перестали бы покупать у меня вельветинъ, а они честные люди, платятъ акуратно и имѣютъ право и основаніе держаться религіи. Я твой отецъ и слѣдовательно старше и опытнѣе тебя; поэтому ты можешь повѣрить мнѣ на слово, если я позволю себѣ сказать тебѣ, что атеизмъ—большой грѣхъ».

N.

ЮДИФЬ.

Поэма.

(*Посвящается С. Г. Фругу*).

I.

Грохочетъ въ полѣ барабанъ,
Близь Вэтилуи недоступной...
Толпой развратной и преступной
У горъ лежитъ Ассура станъ.

Гдѣ прежде ниву золотило
Небесъ державное свѣтило,
Свои алмазные лучи
На быстротечные ключи

Бросая съ высоты лазурной,
Тамъ колесницъ блестящихъ рядъ;
Тамъ шлемы искрятся, блестятъ,
Тамъ копьевъ лѣсъ надъ ратью бурной,

Которой грозная рука,
Не зная жалости, пощады
И волѣ варварской преграды,
Разила каждаго врага;

Лишь мрачныхъ горъ стѣна крутая
Могла походъ остановить;
И городъ жаждой изнурить
Ассуръ рѣшился, ожидая,
Чтобы воды лишился онъ...

И въ Ветилуѣ плачъ и стонъ
И день и ночь не умолкаютъ...
Отъ жажды люди умираютъ...
Имъ чуждъ покой и чуждъ имъ сонъ.

А тамъ, за твердою горою
Палачъ ключи ихъ сторожитъ...
Онъ на готовѣ ужъ стоитъ,
Чтобъ, все разрушивъ предъ собою,

Стихіей вдругъ ворваться къ нимъ.
И съ упованіемъ святымъ,
Что Богъ, для рабства и для муки,
Не передастъ ихъ въ вражьи руки

И съ неба помощь имъ пришлетъ,
Всѣ ждутъ... И день за днемъ идетъ...
Ростетъ печаль... Нужда сильнѣе...
Прошло ужъ много тяжкихъ дней.

И жажда мучитъ жертву злѣе,
И нѣтъ спасенья для людей,

Палящимъ зноемъ истомленныхъ,
Горючей жаждой истощенныхъ,

Томятъ и давятъ муки ихъ...
Не слышитъ Богъ молитвъ людскихъ,
И стонъ повсюду раздается...
Но сердце сильное, что̀ бьется

Для общей пользы, общихъ благъ,
Всегда къ святому дѣлу рвется.
Тотъ—врагъ его, смертельный врагъ,
Кто сталъ врагомъ его отчизны

И разрушеньемъ ей грозитъ;
Въ тѣ дни разбитой горемъ жизни
Такое сердце не молчитъ...
И дума сильная кипѣла

Въ груди Юдифи молодой:
Она желаніемъ горѣла
Спасти отъ мукъ народъ родной...
Съ того-же дня, какъ роковая

Къ ней вѣсть дошла, за всѣхъ одна,
Душой надломленной страдая,
Томилась въ горести она.
Она боролась все съ собою...

Какъ волны бурною толпою,
И днемъ и ночью сонмы думъ

Томили быстрый, пылкій умъ...
Но съ той завѣтною мечтою,

Что всѣхъ спасти ей суждено,
Она жила, она крѣпилась...
И пробилъ часъ,—она рѣшилась,—
Погибнуть, жить,—ей все равно!...

II.

Въ разгарѣ пиръ... Огни сіяютъ...
Сидятъ сатрапы за столомъ...
Бокалы золотомъ сверкаютъ,
Кипучимъ искрятся виномъ.

На лицахъ пламеннѣе краска,
Звучнѣе пѣсни на устахъ,
Быстра, какъ вихрь, живая пляска
Гетэръ на пурпурныхъ коврахъ...

Огнемъ восторга блещутъ взоры...
И шумъ, и гулъ, и разговоры
О скоромъ приступѣ къ врагамъ,
И о побѣдѣ надъ Сіономъ,

О ищеньи буйнымъ головамъ...
И чаши чокаются съ звономъ...
Предъ этой шумною толпой—
Вождемъ Ассура и друзьями,

На ложѣ убранномъ цвѣтами,
Сіяя дивной красотой,
Въ роскошномъ праздничномъ нарядѣ
Юдифь безмолвная сидитъ;

Въ ея блестящемъ, быстромъ взглядѣ
Волненье тайное дрожитъ...
Все это пестрое собранье,
И шумъ, и звонъ, и ликованье,

И гулъ смѣшавшихся рѣчей
Предъ Олоферномъ усыпленнымъ,
Виномъ шипучимъ упоеннымъ,
Негодованье будятъ въ ней.

Она грустна... Мечты и мысли
Душѣ покою не даютъ,
Какъ тучи грозныя нависли,
Какъ тучи грозныя идутъ...

И въ этотъ шумный часъ толпами
Возстали грозно передъ ней
Картины этихъ страшныхъ дней...

III.

...Съ высотъ палящими лучами
Денница яркій свѣтъ свой льетъ...

Ужъ въ Ветилуѣ предъ домами
Толпится сумрачно народъ...

Бурнѣй, кипучѣй шумъ волненья...
„Она“ глядитъ, блѣдна, грустна...
На лицахъ горя и смятенья
Печать глубокая видна...

Вотъ всѣ идутъ... идутъ... И съ ними
„Она“ идетъ... и вслѣдъ за ней
Несется визгъ и плачъ дѣтей...
И вопль съ стенаньями глухими...

Идутъ... Тяжелый шумъ шаговъ...
Проходятъ улицы большія...
Все рѣже... рѣже строй домовъ...
Вотъ блещутъ пажити родныя...

Всѣхъ легкій вѣтеръ освѣжилъ...
Вотъ роща тополей душистыхъ
И вотъ кладбище... Сонмъ могилъ,
На солнцѣ блѣдно-золотистыхъ

Надгробныхъ плитъ... Здѣсь въ пыль и въ прахъ
Съ мольбой, съ несдержаннымъ рыданьемъ,
Съ какимъ-то сдавленнымъ роптаньемъ
На блѣдныхъ трепетныхъ устахъ,

Упали всѣ... „Она“ внимаетъ...
„О, Боже, Ты оставишь насъ?!

„Свирѣпый врагъ насъ побѣждаетъ!
„Не слышишь Ты моленья гласъ?!

„Не слышишь вопля Ты и стона?
„О, Саваоѳъ, О, Богъ Сіона!
„Томитъ насъ жажда, мучитъ, жжетъ...
„Пусть дождь съ небесъ Твоихъ падетъ...
„Пусть Твой народъ не погибаетъ!..."

. . . .

С. Варгафтигъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ОДЕССѢ.

(*Окончаніе*).

II.

Главную статью ввоза составляютъ колоніальные товары и желѣзно-стальныя издѣлія. Товаръ, купленный у заграничныхъ торговыхъ домовъ, фабрикантовъ или на лондонскомъ аукціонѣ, привозится въ Одессу на заграничныхъ пароходахъ и затѣмъ транспортируется въ оптовые склады для продажи, или перегружается на мѣстные пароходы для отправки въ порты Чернаго и Азовскаго морей, на Кавказъ и въ Приднѣпровье, или доставляется на вокзалъ желѣзной дороги для отправки во внутреннія губерніи.

Одесса такимъ образомъ является посредницей между иностранными государствами и южной Россіей. Она импортируетъ продукты чужихъ странъ, чтобы разбросать ихъ потомъ по всему пространству своего торговаго раіона. Иногородные торговцы наѣзжаютъ въ Одессу за иностранными товарами сами, или обращаются въ оптовые склады съ письменными требованіями, или, наконецъ, пользуются услугами мѣстныхъ коммисіонеровъ. Иногородные торговцы покупаютъ товары на наличныя деньги, или на срокъ, съ прибавкою къ покупной цѣнѣ отъ 6 до 8% годовыхъ. Незнакомые оптовымъ складчикамъ торговцы пользуются кредитомъ за поручительствомъ коммисіонера нравственнымъ или формальнымъ. Въ случаѣ несчастнаго банкротства предоставляется уплата долга „по совѣсти"; единственное наказаніе, грозящее злостному банкроту — это прекращеніе дальнѣйшаго кредита. Такимъ образомъ вся торговля зиждется на широкоразвитой системѣ кредита. Мѣстные одесскіе лавочники покупаютъ изъ

* См. „Восходъ", кн. 4.

тѣхъ же складовъ. Сами привозители имѣютъ отдѣленія для мелочной продажи, гдѣ продаютъ товаръ по оптовымъ цѣнамъ, понижая тѣмъ цѣны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прибыль мелочныхъ торговцевъ, но за то оказывая несомнѣнную услугу покупающей публикѣ.

Таково положеніе импортной торговли въ настоящее время, но не такимъ оно было до крымской войны. Тогда въ импортѣ еще не фигурировали евреи, а единственными привозителями были греки, Ралли, Родоконаки, Попудовъ и др. Они не продавали привезеннаго товара въ раздробь иногороднымъ торговцамъ, а сдавали его оптомъ оптовымъ же мѣстнымъ торговцамъ, дѣлавшимъ милліонные обороты· Таковы Посоховы, Палаузовъ, Миловановъ и др. Такимъ образомъ установилась совершенно излишняя стадія торговыхъ посредниковъ. Мѣстные складчики громадными партіями покупали товары у привозителей и потомъ уже отъ себя перепродавали его мелочнымъ торговцамъ: мѣстнымъ и иногороднымъ. Такое посредничество въ концѣ концовъ падало излишнимъ налогомъ на карманы потребителей, которые должны были переплачивать лишнее за привозимый товаръ. Послѣ крымской войны являются евреи, которые (Л. Рабиновичъ— первый) строятъ импортную торговлю на совершенно новыхъ началахъ. Они стали конкурировать съ привозителями, и, недовольствуясь операціями по заграничному импорту, сами же стали распродавать ввезенный большими партіями товаръ въ раздробь мѣстнымъ и иногороднымъ торговцамъ и совмѣстили такимъ образомъ тѣ операціи, которыя прежде составляли занятія двухъ отдѣльныхъ группъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ евреи могли продавать дешевле, чѣмъ прежніе складчики, которые должны были и оплачивать прибыль привозителей и о своемъ барышѣ порадѣть. Болѣе низкія цѣны (Рабиновичъ сталъ продавать за 1 р. 25 к. фунтъ чаю, который стоилъ прежде 2 р. 50 к.), по которымъ евреи стали продавать товаръ, привлекли къ нимъ всѣхъ иногороднихъ и мѣстныхъ продавцовъ. Результатомъ было пониженіе цѣнъ на товары. Привозители, успѣвшіе уже нажить большіе капиталы и не желавшіе конкурировать съ евреями пониженіемъ въ свою очередь цѣнъ, бросили торговлю колоніальными товарами и стали заниматься операціями другаго рода. Съ ихъ исчезновеніемъ съ поля рынка прежніе оптовые складчики потеряли свой raison d'etre, такъ какъ сами сношеній съ заграничными рынками не имѣли. Такимъ образомъ нѣсколько русскихъ фирмъ закрылось, но за то около $1^1/_2$ десятка губерній, получавшихъ товаръ изъ Одессы, выиграли милліоны, благодаря пониженію прибыли на 20, 30 и даже 50%. Недовольствуясь

устраненіемъ совершенно излишняго посредничества оптовыхъ складчиковъ, евреи-привозители открыли отъ себя лавки, гдѣ продавали товаръ въ раздробь по оптовымъ цѣнамъ и тѣмъ самимъ заставляя и другихъ лавочниковъ понижать свою прибыль до minimum; въ результатѣ—удешевленіе товаровъ и выигрышъ потребителей.

Упомянемъ еще о торговлѣ табакомъ, распадающейся на двѣ отдѣльныя отрасли, изъ которыхъ одна находится въ рукахъ грековъ, а въ другой фигурируютъ евреи, и сравнимъ положеніе той и другой. Торговля турецкимъ табакомъ вся въ рукахъ грековъ, которые продаютъ его очень дорого, получая при этомъ большую прибыль. Пудъ табаку на мѣстѣ въ Турціи стоитъ около 10 р., акцизъ 28 р., доставка и др. расходы 5 р., всего 38 р., между тѣмъ въ Одессѣ турецкій табакъ продается по 50 р. пудъ. Слѣд., греки получаютъ 12 р. прибыли на пудъ или 33%. Торговля русскимъ листовымъ табакомъ до 67 года находилась исключительно въ рукахъ христіанъ, продававшихъ только на наличныя деньги. Съ 67 года появляются евреи, которые дали этой отрасли торговли большое движеніе; они стали продавать въ кредитъ, отчего увеличилось число мелочныхъ табако-торговцевъ и табачныхъ фабрикъ, которыхъ въ 60-хъ годахъ было всего 8—10, а въ 81 г.—22. Результатомъ же возрастанія числа фабрикъ и лавокъ явилась конкуренція, залогъ дальнѣйшаго торгово-промышленнаго прогресса.

III.

Приведемъ нѣсколько цифръ относительно внутренней торговли въ Одессѣ за 78—80 гг. Торговыхъ заведеній числилось:

	1878		1879		1880	
	вообще	у евр.	вооб.	у евр.	вооб.	у евр
Магазиновъ по гильд. свидѣт.	491	221	587	251	599	291
Лавокъ по документ. въ 39 р.	797	434	862	505	871	562
„ съ уплатою пошлинъ 13 р. . . .	1332	792	1440	895	1567	943
Винныхъ и водочныхъ погреб.	151	39	168	56	187	57
Питейн. домовъ и пивныхъ лавок. . . .	411	110	434	137	322	84
Прочихъ торговыхъ заведеній	2215	991	2347	988	2311	970
Всего	5397	2587	5838	2832	5857	2907

	% еврейскихъ лавокъ.		
Магазиновъ по гильд. свидѣт.	45	43	48
Лавокъ по документ. въ 39 р.	54	59	64

	°/₀ еврейскихъ лавокъ.		
„ съ уплатою пошл. 13 р. . . .	60	62	60
Винныхъ и водочныхъ погреб.	26	33	30
Питейн. домовъ и пивн. лав.	27	31	26
Прочихъ торгов. заведеній	45	42	42
Всего	48	48,₅	49,₆ *

Еврейскія торговыя заведенія составляютъ половину всего числа такихъ заведеній въ Одессѣ. Они составили бы несравненно болѣе значительную долю, еслибъ не относительная безкапитальность евреевъ. Въ большихъ магазинахъ евреи фигурируютъ только съ 48°/₀, тогда какъ въ мелкихъ лавкахъ они составляютъ 60—63°/₀. Замѣчательно, что питейныхъ домовъ евреями содержится около 35°/₀; такая незначительная цифра можетъ быть объяснена тѣми ограниченіями, какія законъ налагаетъ на занятія евреевъ питейнымъ промысломъ, и отчасти можетъ быть признана фиктивной. Но чѣмъ же объяснить, что въ отдѣлѣ винныхъ и водочныхъ складовъ евреи фигурируютъ съ цифрой 30°/₀?

Число еврейскихъ торговыхъ заведеній за указанное трехлѣтіе постепенно возростаетъ, и такое возростаніе особенно замѣтно въ отдѣлѣ магазиновъ и лавокъ, торгующихъ по документамъ въ 39 рублей.

Разсмотримъ торговыя учрежденія по отдѣльнымъ отраслямъ: евреи составляютъ до 10°/₀ въ погребахъ рейнсковыхъ винъ и пивныхъ лавокъ.

10—20°/₀ въ погребахъ русскихъ виноградныхъ винъ, буфетахъ и торговыхъ баняхъ.

20—30°/₀ въ бакалейныхъ и табачныхъ магазинахъ, въ бакалейныхъ и штофныхъ лавкахъ, въ ресторапіяхъ, въ постоялыхъ дворахъ съ продажею питей и въ пекарняхъ.

30—40°/₀ въ магазинахъ разныхъ товаровъ, въ питейныхъ домахъ, съѣстныхъ лавкахъ и постоялыхъ дворахъ безъ продажи питей.

40—50°/₀ въ лавкахъ разныхъ товаровъ, въ гостинницахъ, въ чайняхъ и другихъ харчевняхъ безъ питей, въ подвижныхъ помѣщеніяхъ на площадяхъ, въ разныхъ конторахъ (коммерческихъ, банкирскихъ, маклерскихъ и др.), въ типографіяхъ, литографіяхъ и въ фотографіяхъ.

50—60°/₀ въ желѣзныхъ и аптекарскихъ магазинахъ и въ складахъ разныхъ товаровъ.

60—70°/₀ въ мучныхъ и мануфактурныхъ магазинахъ, въ мелочныхъ лавочкахъ, оплачивающихъ 13 р. пошлины и въ складахъ зерноваго хлѣба.

---

* Подробнѣе смотри въ приложенныхъ въ концѣ статьи таблицахъ.

70—80% въ галантерейныхъ магазинахъ и въ магазинахъ часовыхъ и серебряныхъ издѣлій, въ табачныхъ лавкахъ и въ аптекахъ.

80—90% въ лѣсныхъ магазинахъ, въ магазинахъ шитаго платья и въ водочныхъ складахъ.

Свыше 90% въ мучныхъ и галантерейныхъ лавкахъ.

Кофеенъ совсѣмъ нѣтъ еврейскихъ; изъ двухъ денежно-ссудныхъ кассъ— одна еврейская.

Бѣглый обзоръ этого длиннаго перечня убѣждаетъ насъ, что евреи фигурируютъ преимущественно въ почтенныхъ и солидныхъ отросляхъ торговли, каковы магазины галантерейныхъ и бакалейныхъ товаровъ, аптекарскихъ и желѣзныхъ, въ складахъ зерноваго хлѣба, муки и лѣса и т. д. тогда какъ между ними сравнительно мало содержателей погребовъ, буфетовъ, питейныхъ домовъ, ресторацій, гостинницъ, харчевень и постоялыхъ дворовъ; замѣчательно, что евреи рѣже содержатъ постоялые дворы съ продажею питей, чѣмъ безъ продажи таковыхъ.

IV.

Вся жизнь Одессы ушла на развитіе торговли, тогда какъ фабричной и заводской промышлености было посвящено мало вниманія. Только въ послѣднее время, послѣ ударовъ, которые понесла одесская хлѣбная торговля на заграничномъ рынкѣ, Одесса обратила вниманіе на внутренній рынокъ и для вящшаго его завоеванія принялась за насажденіе у себя обрабатывающей промышлености. Въ этомъ движеніи евреи принимаютъ горячее участіе. Число фабричныхъ заведеній въ Одессѣ годъ отъ году быстро ростетъ, но еще быстрѣе ростетъ процентъ еврейскихъ фабрикъ.

	Въ 1878.	1879.	1880.	1881 гг.
Вообще фабрикъ и заводовъ . . .	117	135	175	220
Еврейскихъ фабрикъ и заводовъ » .	34	56	67	90
% еврейск. » » .	29	41	35	41

По оборотамъ еврейская промышленость превышаетъ промышленную дѣятельность другихъ національностей. Въ 1880 г. обороты всѣхъ фабрикъ и заводовъ простирались на сумму 29.255310 руб.; изъ нихъ евреи совершали оборотовъ на 16.743790 р. или 57%.

Евреи совсѣмъ не фигурируютъ въ производствѣ мыловаренномъ, свѣчномъ и салотопленномъ, брезентномъ, каретномъ, брикетномъ, въ производствѣ алебастра и толя, красокъ, искуственнаго коровьяго масла и халвы, въ содержаніи заведеній для очистки кишекъ, пшенныхъ мельницъ, фортепіанныхъ и мебельныхъ заведеній и медоваренныхъ фабрикъ.

которыя представляютъ переходную ступень отъ мелкаго ремесленника къ заводу крупнаго промышленника; таковы заведенія: каретныя, брикетныя, красочныя, алебастровыя и т. д., гдѣ буквально нѣтъ ни одного еврея. И понятно, въ этихъ мелкихъ мануфактурахъ, гдѣ хозяинъ трудится рядомъ съ своими рабочими, ему приходилось бы очень часто видѣть передъ собою богопротивную рожу «врага Христова», тогда какъ на большихъ фабрикахъ, гдѣ хозяинъ находится на благоприличномъ разстояніи отъ чернаго люда, такія столкновенія между фабрикантомъ и его рабочимъ-евреемъ очень рѣдко имѣли бы мѣсто. Чѣмъ, какъ не антипатіей (безпочвенной и необъяснимой) къ евреямъ, объяснить тотъ фактъ, что на фабрикахъ халвы нѣтъ ни одного рабочаго изъ евреевъ, которые составляютъ болѣе половины рабочихъ на фабрикахъ конфектъ и пряничныхъ издѣлій? Неужели евреи неспособны работать на мукомольныхъ мельницахъ въ то время, какъ они составляютъ треть рабочихъ на паровыхъ мельницахъ? Неужели неспособностью евреевъ можно объяснить тотъ фактъ, что въ мебельныхъ заведеніяхъ нѣтъ ни одного еврея рабочаго, когда въ той же Одессѣ существуетъ цѣлый еврейскій мебельный цехъ, въ которомъ однихъ мастеровъ 104? Какъ видно, евреи вовсе не такіе ригористы въ національныхъ вопросахъ, какъ ихъ христіанскіе соотечественники, и вовсе не такъ сторонятся отъ представителей чуждой имъ религіи, такъ какъ въ томъ же еврейскомъ мебельномъ цехѣ 40 подмастерьевъ — христіане.

Впрочемъ, и крупные христіанскіе фабриканты не особенно охотно принимаютъ евреевъ-рабочихъ. Иначе, какъ объяснить, что на литейно-механическихъ заводахъ на двѣ тысячи рабочихъ только 17 евреевъ, когда опять-таки въ той же Одессѣ существуетъ два чисто еврейскихъ цеха — мѣдножестяный и слесарный, насчитывающіе вмѣстѣ 200 мастеровъ; когда училище «Трудъ» ежегодно выпускаетъ нѣсколько десятковъ учениковъ съ спеціальными знаніями по литейному дѣлу. Тѣ двѣ сотни евреевъ, которые фигурируютъ на христіанскихъ фабрикахъ, держатся только благодаря своимъ спеціальнымъ знаніямъ и невозможности замѣстить ихъ другими рабочими. Онѣ почти всецѣло падаютъ на табачныя фабрики, гдѣ служитъ 124 еврея, исполняющихъ исключительно трудъ «крошильщиковъ», тогда какъ христіане въ числѣ 89 человѣкъ занимаются набивкою, склейкою и сортировкою пачекъ.

Быть можетъ, если бы христіанскіе фабриканты охотнѣе нанимали евреевъ рабочихъ, еврейскій элементъ занималъ бы здѣсь такое же вы-

дающееся мѣсто, какъ и въ прочихъ отрасляхъ промышленности и торговли.

Третье мѣсто въ рабочемъ классѣ занимаютъ простые чернорабочіе. Мы уже раньше упоминали, что хлѣбная торговля даетъ черную работу 1709 человѣкъ евреевъ; кромѣ того, занимаются переноскою мебели 32 человѣка, переноскою соли и рыбы 59, дровосѣковъ 32 человѣка. Существуетъ далѣе цѣлый классъ лицъ, занимающихся не переноскою, а перевозкою клади въ такъ называемыхъ тачкахъ, одноколесныхъ телѣжкахъ, приводимыхъ въ движеніе однимъ человѣкомъ. Такихъ тачечниковъ (Wegelestieper, какъ ихъ называютъ на еврейскомъ жаргонѣ) насчитывается около 575 человѣкъ. Всего чернорабочихъ евреевъ 2407 человѣкъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ цифры чернорабочаго населенія въ Одессѣ вообще, и потому не можемъ опредѣлить, какой процентъ приходится на долю еврейскаго элемента въ этомъ разрядѣ лицъ.

Мы можемъ здѣсь отмѣтить любопытный фактъ, рисующій крайнюю бѣдность, выпадающую на долю евреевъ-чернорабочихъ. Въ результатѣ тяжелаго труда тачечникъ получаетъ только насущную пищу на нынѣшній день; если завтра не будетъ работы, ему прійдется голодать со всей семьей; онъ не можетъ даже скопить себѣ незначительнаго капитальца, для пріобрѣтенія тачки, къ которой онъ прикованъ въ теченіи цѣлаго дня. Большинство тачечниковъ справляетъ свою работу на занятыхъ тачкахъ за что платитъ ихъ владѣльцамъ большіе проценты. Изъ 575 тачечниковъ только 296 человѣкъ или 43% имѣли свои тачки; остальные 57% занимаютъ тачки, принужденные урѣзывать свой скудный заработокъ для уплаты ростовыхъ денегъ.

Въ числѣ лицъ, фигурирующихъ въ хлѣбной торговлѣ, мы упоминали о ломовыхъ извозчикахъ, приведя ихъ цифру огульно съ цифрою переносчиковъ. Здѣсь умѣстно сказать о нихъ нѣсколько словъ отдѣльно. Въ 1881 г. было взято билетовъ 1745, изъ нихъ евреями 370 или 21,2%. Цифра эта по отдѣльнымъ разрядамъ билетовъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Взято билетовъ:

	Всего.	Евреями.	% евр.
Биндюги	376	95	25,27
Повозки	492	121	24.59
Дрожки	778	137	17,61
Линейки	51	9	16,6
Экипажи и коляски	36	3	8,33
Телѣги	5	3	60
Фургоны	4	2	50

Отбрасывая линейки и фургоны, цифра которыхъ слишкомъ незначительна, чтобы строить на ней какіе нибудь выводы, мы замѣчаемъ, что именно въ болѣе тяжелыхъ отрасляхъ извощичьяго промысла, биндюгахъ и повозкахъ, евреи составляютъ 24—25%, тогда какъ, такъ сказать, въ аристократическихъ слояхъ извощичьяго міра, среди водчиковъ дрожекъ евреи составляютъ только 17%, а среди экипажечниковъ и колясочниковъ всего только 8%.

Сводя къ одному итогу цифры ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ, чернорабочихъ и извощиковъ получаемъ массу евреевъ-чернорабочихъ въ 8106 чел.—представителей труда. Принимая на каждаго рабочаго по 3 чел., (женщину и 2 нерабочихъ подростка), получаемъ цифру въ 32224 человѣка еврейскаго рабочаго населенія, что составляетъ около половины всего еврейскаго населенія Одессы. Вся эта масса чернаго люда, далеко не благоденствуетъ; мы уже приводили фактъ, рисующій нищету, въ которой находятся тачечники; приведемъ другое, болѣе общее, хотя косвенное доказательство, указывающее на бѣдность еврейскаго рабочаго населенія. Евреи рабочіе живутъ обыкновенно, какъ и весь бѣдный людъ въ захолустныхъ уголкахъ города, внѣ городской черты (на Пересыпи); здѣсь они составляютъ 10% населенія; между тѣмъ, ихъ домовладѣніе выражается въ 4% общаго домовладѣнія (Р. зв. 1883 г. № 41). Каждый человѣкъ, скопившій въ результатѣ долгой трудовой жизни лишнюю деньгу, старается обзавестись собственнымъ домишкомъ, чтобы подъ старость имѣть свой прочный спокойный уголъ; такое желаніе особенно присуще бѣдняку, которыхъ длинная цѣпь страданій и ударовъ судьбы научила цѣнить этотъ самый уголъ; и если еврей-рабочій такъ рѣдко покупаетъ себѣ домикъ, то не доказываетъ ли этотъ фактъ, что лишнихъ капиталовъ у него нѣтъ, что трудъ его такъ плохо оплачивается, что не даетъ ему сберечь лишнюю копѣйку,—а отрицать бережливость еврея врядъ ли кто рѣшится...

8 тысячъ рабочаго еврейскаго населенія—цифра, далеко отступающая отъ дѣйствительности. Мы не имѣемъ свѣдѣній о нецеховыхъ ремесленникахъ, о еврейской прислугѣ, приказчикахъ и т. д. Попытаемся сдѣлать приблизительныя вычисленія:

Въ еврейскихъ домахъ—кухаркой, большею частью—еврейка; считая въ Одессѣ minimum 2000 семействъ, настолько состоятельныхъ, что могутъ держать прислугу, получаемъ около 2000 кухарокъ *.

---

* Въ Одессѣ домовладѣльцевъ въ городской чертѣ 919, владѣльцевъ магазиновъ 209, фабрикъ 90 и т. д., все народъ состоятельный.

Считая на каждый крупный магазинъ или складъ товаровъ, на каждый погребъ и контору по два приказчика, а на каждую ресторацію по одному служащему, получаемъ служащихъ евреевъ около 3000 *.

А развѣ 943 содержателя молочныхъ лавченокъ, оплачивающихъ 13 р. пошлины, и 514 содержателей подвижныхъ помѣщеній на площадяхъ, не рабочіе? Развѣ сотня евреевъ, занимающихся земледѣліемъ на собственныхъ дѣлянкахъ и арендуемыхъ городскихъ участкахъ—не рабочіе? Развѣ та тысяча маклеровъ, которая бѣгаетъ съ утра до ночи, не имѣя спокойной минуты, надрывая грудь и напрягая свои мозги, не рабочіе? А сколько еще въ Одессѣ евреекъ: швей и прачекъ, сколько разнощиковъ фруктовъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ, рыскающихъ по городу во всякое время и во всякую погоду и терпящихъ на каждомъ шагу тычки и всевозможныя оскорбленія ради десятикопѣечнаго барыша—и это тоже не рабочіе? И еще находятся люди, которые, сидя въ спокойномъ редакторскомъ креслѣ, осмѣливаются тыкать грязными пальцами на всю эту массу и упрекать въ непроизводительности этихъ бѣдняковъ, вѣчно ищущихъ труда и неустанно работающихъ, и въ концѣ концовъ терпящихъ и голодъ и холодъ! И эти наѣздники пера и печати пользуются авторитетомъ, ихъ мнѣнія почтительно выслушиваются, на нихъ находятъ возможнымъ ссылаться!..

VI.

Еврейское населеніе въ Одессѣ годъ отъ году быстро возрастаетъ. Цѣлыми волнами эмигрируетъ оно на югъ, убѣгая отъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій Юго-Западнаго края. Въ Одессѣ евреи стоятъ во главѣ торговопромышленнаго движенія. Не смотря на то, что торговцы другихъ національностей гораздо богаче евреевъ, и что еврейское населеніе составляетъ еще только треть общаго, евреямъ въ Одессѣ принадлежитъ большая половина экспорта, выдающееся положеніе въ импортѣ, половина всѣхъ торговыхъ заведеній и большая половина оборотовъ фабричной промышлености; десятки тысячъ евреевъ являются представителями чернаго труда. Замѣтно, что преобладаніе евреевъ клонится къ возрастанію. Даже за одно четырехлѣтіе замѣтно возрастаніе числа еврейскихъ лавокъ, фабрикъ и ремесленниковъ. Это преобладаніе евреевъ нача-

* Магазиновъ 291, погребовъ 57, складовъ 179, конторъ 92; всего 619×2=1238. Ресторацій 59 id. 1238+59=1297.

лось не такъ давно; до крымской войны вся торговля и промышленность были въ рукахъ другихъ національностей; но вооруженные знаніемъ дѣла и терпѣніемъ, духомъ инициативы и умѣньемъ довольствоваться скромною прибылью, евреи успѣли вырвать первенство у своихъ соперниковъ. Появляясь на рынкѣ, евреи всюду открывали новые пути въ торговлѣ, устанавливая ее на новыхъ началахъ, вводили широкую систему кредита, расширяли рынокъ, завязывая сношенія съ иностранными государствами, устраняли излишнихъ посредниковъ, понижали комерческую прибыль, удешевляли продукты, являлись піонерами въ цѣлыхъ, весьма важныхъ отрасляхъ производства. Во внутренней промышлености они являются представителями солидной торговли; какъ рабочіе, они не гнушаются самаго тяжелаго труда, работы на фабрикахъ и въ портѣ. Результатъ еврейской дѣятельности въ Одессѣ — развитіе торговли и прогрессъ промышлености, расширеніе рынка и чистый выигрышъ потребляющей публики, покупающей продукты по удешевленнымъ цѣнамъ *.

Г. Блюменфельдъ.

---

* Настоящая статья основана на данныхъ, любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе г. М. Маргулисомъ и собранныхъ въ 1881 г. кружкомъ университетской молодежи подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ его, какъ члена еврейской коммисіи въ Одессѣ. Данныя эти относятся преимущественно къ 1880—1881 гг. и почерпнуты отчасти изъ офиціальныхъ матеріаловъ (вѣдомостей городской управы, торговой депутаціи и полицейскихъ управленій), отчасти собраны путемъ частныхъ опросовъ (о чернорабочихъ евреяхъ, которымъ имѣются именные списки, и о евреяхъ, работающихъ на фабрикахъ, относительно которыхъ полицейскія свѣдѣнія оказались невѣрными). Изъ печатныхъ источниковъ мы пользовались книгой профессора Янсона: „Хлѣбная торговля Одесскаго раіона», напечатанной въ «Торговой Коммисіи для изслѣдованія хлѣбной торговли въ Россіи“, брошюркой гофъ-маклера Вернштейна, «Одесса 1881 г.» и нѣкоторыми другими.

	Таблица всѣмъ крупнымъ и мелкимъ заведеніямъ за 3 года 1878—1880 года.	1878.		1879.		1880.		°/₀ за 1880 г.
		Христіане.	Евреи.	Христіане.	Евреи.	Христіане.	Евреи.	
Магазиновъ по гильдейскимъ документамъ.	Разныхъ товаровъ	113	42	160	48	136	71	34,29
	Желѣзныхъ	14	10	14	12	15	15	50
	Мучныхъ	3	5	7	15	8	12	60
	Лѣсныхъ	4	5	1	7	2	11	84,61
	Аптекарскихъ	3	6	6	6	8	9	52,91
	Галантерейныхъ	21	31	16	30	11	31	73,91
	Часовыхъ и золотыхъ издѣлій	9	17	14	28	11	30	73,17
	Шитаго платья	21	24	3	38	5	33	86,84
	Бакалейныхъ	63	21	67	15	71	24	25,26
	Мануфактурныхъ	23	44	27	44	23	48	67,6
	Табачныхъ	15	6	21	8	18	7	28
Лавокъ по мелочнымъ докум. въ 39 р.	Лѣсныхъ	1	2	2	7	6	11	64,70
	Бакалейныхъ	130	46	140	78	180	65	26,53
	Галантерейныхъ	7	39	11	45	6	66	91,66
	Табачныхъ	114	199	79	249	105	287	73,21
	Мучныхъ	2	20	5	33	1	26	96,26
	Разныхъ товаровъ	109	128	120	93	111	107	49,08
	Мелочн. лавокъ съ пошл. въ 13 р.	540	792	545	895	624	943	60,17
Погребовъ	Ренсковыхъ винъ	10	2	12	2	10	1	9,09
	Русскихъ виноградныхъ винъ	100	16	98	29	116	27	18,90
	Водочныхъ складовъ	2	21	2	25	4	29	87
	Питейныхъ домовъ	107	78	97	70	106	59	35,75
	Штофныхъ лавокъ	44	11	47	28	48	16	25
	Пивныхъ лавокъ	150	21	153	39	84	9	9,67
	Гостинницъ	18	6	25	17	29	20	40,81
	Буфетовъ	18	4	23	3	24	4	14,28
	Кофеенъ	12	—	10	—	6	—	—
	Ресторацій	220	60	212	77	234	59	20,13
	Кондиторскихъ	1	—	—	—	3	—	—
	Чайн. и др. харчевенъ безъ питей	4	1	5	2	3	2	40
	Съѣстныхъ лавочекъ	19	4	30	11	44	19	30,15
	Постоял. двор. съ продаж. питей	—	—	4	3	5	2	28,57
	» » безъ прод. »	9	4	41	25	36	19	34,54
	Торговыхъ бань	19	3	20	6	20	4	16,66
	Пекарень	83	23	87	35	91	27	22,88
	Подвижн. помѣщен. на площадяхъ	554	537	606	517	537	514	48,9
	Складовъ зерноваго хлѣба	25	57	34	63	17	28	62,22
	» разныхъ товаровъ	154	143	144	133	147	151	50,67
	Конторъ: комерч., банк., маклер.	65	48	96	73	121	92	43,19
	Денежно-ссудныхъ кассъ	—	—	—	—	1	1	-
	Аптекъ	5	13	6	13	6	14	70
	Типографій и литографій	10	5	8	6	9	7	43,75
	Фотографій	8	3	8	4	8	7	46,66

	Фабрики и заводы.	Число фабрикъ. 1878. Христ.	1878. Евреевъ.	1879. Христ.	1879. Евреевъ.	1880. Христ.	1880. Евреевъ.	1881. Христ.	1881. Евреевъ.	Обороты въ 1880 г. Не евр.	Обороты въ 1880 г. Евреевъ.	Раб. въ 1880 и 1881 гг. Христ.	Раб. въ 1880 и 1881 гг. Евреевъ.
1	Паровыя мельницы	7	11	4	15	4	14	5	13	2.266840	7.868700	462	176
2	Фабрики шипучихъ водъ. . .	10	1	10	6	10	5	13	6	86700	11560	51	31
3	Макарон. и галетныя фабр. .	3	—	4	—	3	—	3	1	225640	400000	98	2
4	Жестяныя фабрики	1	1	1	1	2	1	1	2	120100	300000	40	21
5	Косметическіе и химич. зав.	—	—	—	—	1	1	—	3	—	42845	11	19
6	Конфектныя и прян. фабрики	2	—	3	1	4	1	5	2	114900	65400	16	73
7	Табачныя фабрики	8	10	7	15	8	13	7	15	708440	796959	98	727
8	Газовые заводы	А	кц	іо	не	рн	аг	о	об	щества.		87	3
9	Бумажные (писче) заводы . .	—	—	—	—	—	—	—	1	—	140000	38	29
10	Паровыя прачечныя	3	—	1	—	1	—	1	1	27637	20000	84	1
11	Пробочныя фабрики . . .	—	—	1	—	1	—	1	—	—	52500	120	—
12	Литейно-механическіе заводы	7	—	7	1	8	1	11	1	2.919428	20500	196	17
13	Пиво и медоваренныя заводы	3	—	3	2	3	1	4	1	1.242000	80000	229	27
14	Мыльн.-свѣчн., салотопен. зав.	6	—	6	—	7	—	11	—	926690	—	104	4
15	Канатные заводы.	2	—	2	—	2	1	2	2	278865	45000	62	8
16	Уксусные заводы	—	2	—	3	2	2	—	5	—	12930	1	15
17	Ваточныя фабрики	—	3	—	3	—	6	—	5	—	6296	—	14
18	Костопальные заводы	—	—	—	—	—	—	—	1	—	16000	11	3
19	Сахаро-рафинад ые заводы .	—	—	—	—	—	—	—	1	—	6.000000	636	14
20	Фотоген. и масляныя фабр.	2	—	2	1	3	1	1	1	24500	28500	18	—
21	Кожевенныя и штофныя фабр.	6	—	6	2	7	1	6	1	914890	12000	231	—
22	Брезентныя фабрики	2	—	1	—	1	—	1	—	78876	—	14	—
23	Фабрики для выдѣлки дроби.	1	1	1	2	1	2	1	2	16000	2000	8	4
24	Штифныя и проволочн фабр.	1	—	1	—	2	—	1	1	166000	46000	100	—
25	Фабрики золот. и брил. изд.	—	—	—	—	1	3	1	3	40000	60000	25	36
26	Фабр. бронзов. и мѣдн. изд.	—	—	—	—	—	—	1	2	31300	7630	31	4
27	Обойныя фабрики	—	1	—	1	—	1	—	1	—	50000	7	5
28	Кирпичн. и горшечн. заводы.	—	—	—	—	13	2	13	2	86120	37640	141	2
29	Лѣсопильные заводы . . .	2	—	3	—	2	1	3	1	79207	8000	87	6
30	Фабрики папиросной бумаги.	—	—	—	—	—	5	—	5	—	44000	—	73
31	Винокуренные заводы . . .	—	1	—	1	1	3	2	7	7700	415230	83	23
32	Водочные заводы	3	3	4	2	5	3	3	4	210930	159100	44	6
33	Каретныя заведенія. . . .	5	—	3	—	3	—	5	—	83350	—	104	—
34	Фабрики алебастра и толя .	1	—	1	—	2	—	2	—	70000	—	18	—
35	Брикетные заводы	—	—	—	—	—	—	1	—	434160	—	130	—
36	Тумзинныя фабрики. . . .	—	—	—	—	—	—	2	—	90400	—	65	—
37	Фабрики красокъ.	1	—	2	—	1	—	2	—	398000	—	63	—
38	Фабр. искуств. коровьяго масла	—	—	—	—	1	—	1	—	402500	—	36	—
39	Фабрики халвы	4	—	3	—	2	—	8	—	131647	—	51	—
40	Заведен. для очистки кишекъ	—	—	—	—	8	—	3	—	20590	—	33	—
41	Пшенныя мельницы.	—	—	—	—	1	—	1	—	10000	—	4	—
42	Фортепіан. и мебельныя зав.	3	—	3	—	4	—	5	—	214900	—	173	—
	Медоваренные заводы. . . .	—	—	—	—	—	—	1	—	80000	—	34	4

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ *.

Письмо первое.

СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ГАЛИЦІЙСКИХЪ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНИХЪ 15 ЛѢТЪ.

Львовъ, апрѣль 1884 года.

Изъ прежде существовавшихъ среди галиційскаго еврейства трехъ партій—просвѣщенной, консервативной и хассидской или фанатической—въ теченіе послѣднихъ лѣтъ остались только двѣ: просвѣщенная и хассидская, ибо средняя изъ нихъ, консервативная, мало по малу, такъ сказать, растворилась въ остальныхъ двухъ. Но и эти послѣднія существовали въ послѣднее время только по имени. Дѣло въ томъ, что послѣ бурнаго 1848 года, когда между обѣими партіями велась самая ожесточенная борьба, жертвой которой сдѣлался извѣстный львовскій проповѣдникъ, д-ръ Авраамъ Конъ, отравленный однимъ фанатикомъ, обѣ эти партіи, какъ бы утомившись ожесточенной борьбою, впали словно въ какую-то летаргію. Просвѣщенные стали съ этихъ поръ заниматься только своими дѣлами и интересами, между тѣмъ какъ хассиды довольствовались тѣмъ, что проводили значительную часть своего времени у своего раввина въ благочестивомъ опьянѣніи. Это всеобщее равнодушіе повело къ тому, что общинная жизнь какъ бы затянулась тиной, одичаніе и невѣжество росли все болѣе и болѣе среди еврейскаго населенія Галиціи, и всѣ образовательныя

---

* Въ виду того, что между русскими и галиційскими евреями существуетъ много сходства и много точекъ соприкосновенія, мы пригласили одного изъ извѣстныхъ львовскихъ публицистовъ ознакомить нашихъ читателей съ соціальнымъ и политическимъ положеніемъ галиційскихъ евреевъ. *Ред.*

заведенія влачили лишь самое жалкое существованіе, будучи подчинены исключительно старшинамъ, большею частью старымъ, засидѣвшимся на своихъ мѣстахъ колпакамъ, не выказывавшимъ ни малѣйшаго пониманія общественныхъ нуждъ. Лишь лѣтъ 15 тому назадъ нашелся человѣкъ, по имени Рувимъ Биреръ, который рѣшился мощною рукою копнуть застоявшееся болото еврейскаго общиннаго управленія и указать на то, какіе міазмы поднимаются изъ него. Дѣятельный, живой и краснорѣчивый отъ природы, Биреръ былъ какъ бы рожденъ для роли агитатора, и дѣйствительно ему удалось среди тогдашней апатіи (въ 1869 году) основать союзъ, названный имъ «Schomer Isroel» («Стражъ Израиля»), поставившій себѣ цѣлью пещись о соціальныхъ, политическихъ и общинныхъ интересахъ галиційскихъ евреевъ. Благодаря пламенному усердію этого человѣка къ доброму дѣлу, ему удалось привлечь къ участію въ союзѣ всѣ наличныя интеллигентныя силы Галиціи, и въ томъ числѣ нѣкоего д-ра Филиппа Мауша, человѣка, соединявшаго съ основательными научными познаніями честныя стремленія, энергію и желѣзную волю. Этотъ-то человѣкъ сталъ во главѣ упомянутаго молодаго союза, который бодро поплылъ по морю общественной жизни подъ флагомъ выходившаго въ свѣтъ черезъ каждыя двѣ недѣли журнала «Израэлитъ». Уже нѣсколько первыхъ статей, вышедшихъ изъ-подъ бойкаго пера самого д-ра Мауша, произвели впечатлѣніе сильныхъ ударовъ молота, разбудили сонныхъ и заставили колпаковъ-старшинъ такъ сильно вздрогнуть на своихъ курульскихъ креслахъ, что они свалились съ нихъ, уступивъ мѣсто болѣе молодымъ и способнымъ членамъ общины. Запущенныя еврейскія школы были преобразованы, учреждены еврейскіе учительскіе институты и мало по малу устранены прежніе безпорядки. Въ общинѣ повѣяло свѣжимъ духомъ, и прогрессивное направленіе стало распространяться все шире и шире.

Однако это новое направленіе, которое не могло не произвести извѣстнаго шума, разбудило и другую партію, партію мракобѣсовъ, которые, подобно совамъ, повылѣзли изъ своихъ темныхъ норъ и хоромъ стали орать жалобнымъ голосомъ: «Религія въ опасности! Нужно спасти ее!» Такимъ образомъ возникла такая сильная реакція, подобной которой давно уже не бывало и кото-

рая организовалась подъ предводительствомъ краковскаго раввина Симона Шрейбера, уроженца Венгріи, яраго фанатика, настоящаго Торквемады. Въ 1872-мъ году этотъ фанатикъ учредилъ контръ-союзъ, подъ названіемъ «Machsike Hadat» («Опора вѣры») и для достиженія темныхъ цѣлей своихъ, прибѣгнулъ къ современнымъ средствамъ и съ этой цѣлью также основалъ особый органъ, съ слѣдующимъ девизомъ: «Это изданіе должно считаться святая святыхъ, почему имъ нельзя пользоваться для низменныхъ цѣлей». Органъ этотъ также появлялся каждыя двѣ недѣли. Этотъ листокъ, написанный самымъ отвратительнымъ еврейскимъ языкомъ, изобиловалъ проклятіями, посылавшимися по адресу гнусныхъ просвѣтителей». Особенно выдавался въ этомъ союзѣ одинъ писака, по имени Самуилъ Маргошесъ, который впослѣдствіи своими интригами и іезуитскими выходками причинилъ немало зла прогрессивной партіи.

Эта агитація противной партіи повела, однако, лишь къ тому, что пробудила большую энергію въ обществѣ «Schomer Israel», придала ему силы и вызвала съ его стороны рѣшеніе созвать съѣздъ представителей еврейскихъ общинъ въ Галиціи. И рѣшеніе это было существлено съ поразительной быстротой. Приглашенія были разосланы ко всѣмъ галиційскимъ общинамъ, и уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 15-го іюня 1876-го года, представители всѣхъ этихъ общинъ стали собираться на съѣздъ. Число участниковъ его превзошло самыя смѣлыя ожиданія, и самый съѣздъ обставленъ былъ довольно торжественно. Въ сеймовой залѣ, очень обширной, окруженной ложами и галлереями, происходили засѣданія, на которыя стекалась масса любопытныхъ обоего пола, какъ еврейскаго, такъ и не-еврейскихъ исповѣданій. Произносились пламенныя рѣчи и одушевленные спичи, партія мракобѣсовъ подвергалась сильнѣйшимъ нападкамъ. Нужно, впрочемъ, сознаться къ сожалѣнію, что для многихъ, и притомъ для большинства вожаковъ, на первомъ планѣ стояло не столько справедливое само по себѣ дѣло, сколько желаніе выставиться впередъ, блеснуть краснорѣчіемъ. Они какъ-бы играли въ парламентаризмъ, выступали съ самыми смѣлыми планами, такъ что неопытному слушателю по-неволѣ приходило на умъ, что съѣздъ этотъ по меньшей мѣрѣ поведетъ къ пришествію въ Галицію Мессіи. Подобные

вилось соглашеніе: рѣшено было выработать образцовый уставъ для всѣхъ галиційскихъ общинъ.

Этотъ образцовый, или, вѣрнѣе сказать, чудовищный уставъ, составленный вышеупомянутымъ писакой Самуиломъ Маргошесомъ, лежитъ въ настоящее время передо мною и я намѣренъ заимствовать изъ него тѣ благочестивыя пожеланія, которыя впослѣдствіи дѣйствительно были представлены на утвержденіе правительства. «1) Раввинъ долженъ быть ео ipso и самымъ главнымъ старшиною общины. 2) Общинѣ ни въ какомъ случаѣ не предоставляется права контролировать дѣйствія раввина, но за то послѣднему принадлежитъ, съ другой стороны, право по своему усмотрѣнію во всякое время контролировать дѣйствія старшинъ. 3) Раввинъ пользуется несмѣняемостью. 4) Жалобы общинъ на своего раввина подаются главному совѣту раввинскаго синода, который безапелляціонно постановляетъ по нимъ свои рѣшенія. 5) Раввину предоставляется полное право налагать денежные штрафы на тѣхъ членовъ своей общины, которыхъ онъ признаетъ недостаточно религіозными, и, въ случаѣ надобности, даже исключать ихъ изъ общины».

Словомъ, это былъ такой образцовый уставъ, который сдѣлалъ бы честь любой инквизиціи; очень вѣроятно, что составители его не прочь были бы включить въ него даже какія-нибудь пытки, въ родѣ тисковъ или испанскихъ сапоговъ, или, по меньшей мѣрѣ, въ родѣ хассидскихъ туфлей *. Эти добрые пастыри руководились самыми благородными намѣреніями: они желали не только стричь своихъ овецъ, но и сдирать съ нихъ шкуру.

Но этотъ прекрасный уставъ не привелъ почти ни къ какимъ результатамъ, ибо терпѣливыя овцы, на глазахъ у которыхъ добрые пастыри не замедлили превратиться въ прожорливыхъ волковъ, вдругъ заартачились и, сбившись въ кучу, рѣшили оказать сопротивленіе. Изъ всѣхъ общинъ стали получаться энергичные протесты, въ которыхъ высказывалось живѣйшее негодованіе противъ раввиновъ, дошедшихъ до такихъ возмутительныхъ край-

* И въ настоящее время случается, что когда какой нибудь хассидъ преступитъ которое-либо изъ ихъ постановленій, его судятъ, причемъ его приговариваютъ къ 150 или 200 ударамъ туфлей, смотря по величинѣ проступка.

ностей, и онѣ сгруппировались вокругъ «Schomer Israel'я», сдѣлавъ послѣднее общество выразителемъ своего мнѣнія. И дѣйствительно послѣдній не замедлилъ выступить съ вѣскими и энергическими статьями, писанными какъ на нѣмецкомъ, такъ и на еврейскомъ языкахъ, и въ которыхъ безпощадно разоблачался образъ дѣйствій раввиновъ и общинамъ разъяснялось, что раввины желаютъ установить теперь нѣчто въ родѣ теократіи, требуютъ признанія непогрѣшимости ихъ и что это несовмѣстимо не только съ интересами большинства евреевъ, но и противорѣчитъ духу и ученію іудаизма. Протесты получены были почти отъ всѣхъ еврейскихъ общинъ Галиціи, за исключеніемъ еще темныхъ и невѣжественныхъ общинъ Коломеи, Бугача и Святина, которыя испугались страшныхъ проклятій многихъ раввиновъ, изрекаемыхъ противъ непокорныхъ общинъ и изъявили согласіе принять такъ называемый образцовый уставъ. Вообще, время для раввиновъ было самое тяжелое, равно какъ и для союза «Machsike Hadat», которому все болѣе и болѣе грозило паденіе.

Какъ разъ въ это время въ Галиціи начиналась новая политическая группировка. Поляки не только давно уже съумѣли добыть себѣ самую обширную политическую автономію, но они даже заняли преобладающее положеніе въ странѣ и изъ ихъ среды центральное правительство изобрало себѣ нѣсколькихъ выдающихся совѣтниковъ. По совѣту того же, уже упомянутаго выше Маргошеса, руководители общества «Machsika Hadat» съумѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы подставить ножку партіи просвѣщенныхъ. Дѣло въ томъ, что уже при самомъ основаніи своемъ союзъ «Schomer Israel» избралъ себѣ политическимъ девизомъ централизацію, единство и нераздѣльность Австріи; всѣ члены комитета союза прославляли на всѣ лады въ восторженныхъ рѣчахъ нѣмецкую науку и нѣмецкую культуру. Тѣмъ не менѣе однако, изъ среды евреевъ постоянно изобралось въ рейхсратъ и въ областной сеймъ извѣстное число членовъ, которыхъ даже рекомендовалъ и выборъ которыхъ поддерживалъ областной комитетъ, въ виду того обстоятельства, что евреи, по своей многочисленности, составляли видный факторъ въ провинціи, съ которымъ нужно было считаться. И вотъ руководители «Machsike Hadat» воспользовались благопріятнымъ для поляковъ оборотомъ

дѣлъ для того, чтобы громко объявить во всѣхъ польскихъ газетахъ, что они совершенно отказываются отъ «просвѣщенныхъ *нѣмецкихъ* евреевъ», какъ они ихъ называли, что они и тѣломъ, и душой—поляки, что они стоятъ за интересы отечества и что они готовы идти всюду рука объ руку съ своими согражданами другихъ исповѣданій. Для поляковъ не могло быть ничего болѣе желательнаго этого. Единственное острое оружіе, которое могли обратить противъ нихъ евреи, оружіе большинства, вдругъ притупѣло. «Gazeta Narodowa», одинъ изъ самыхъ враждебныхъ евреямъ польскихъ органовъ, не преминула разгласить это пріятное извѣстіе, выставляя ортодоксальныхъ евреевъ своими братьями и союзниками, истинными и пламенными патріотами, а просвѣщенныхъ — нѣмцами, измѣнниками, опасными для польскаго дѣла людьми.

Можетъ показаться парадоксомъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно то, что все галиційское общество, какъ еврейское, такъ и христіанское, раздѣлилось въ то время на два лагеря—на лагерь «Schomer Israel» и на лагерь «Machsike Hadat»; къ первому открыто пристали русины и галиційскіе нѣмцы, ко второму—поляки. Къ сожалѣнію антисемиты-христіане, усиленные антисемитами-евреями, присвоивъ себѣ коллективное названіе «Machsike Hadat», составляли большинство въ странѣ.

Усиленію значенія «Machsike Hadat'а» способствовало, кромѣ вышеприведенныхъ, еще одно обстоятельство. Дѣло въ томъ, что какъ разъ около того времени иные органы печати стали съ особеннымъ рвеніемъ упрекать евреевъ въ ростовщичествѣ, въ высасываніи сельскаго населенія. Въ виду этого, «Schomer Israel», какъ союзъ, на обязанности котораго лежитъ огражденіе общееврейскихъ интересовъ, счелъ себя обязаннымъ торжественно заявить въ цѣломъ рядѣ статей, что союзъ этотъ не только не одобряетъ ростовщичества, но даже совершенно отрекается отъ всякаго общенія съ такими евреями, которые такимъ безнравственнымъ и безчестнымъ занятіемъ позорятъ имя Израиля и приглашаетъ всякаго благомыслящаго еврея отказаться отъ сношеній съ подобными людьми. «Machsike Hadat», по совѣту того же вышеупомянутаго писаки своего, снова поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, для того чтобъ обвинить «Schomer Israel» въ враждеб-

нихъ еврейству тенденціяхъ и для того, чтобъ указать въ своемъ органѣ на то, что «Schomer» самъ науськиваетъ население провинціи противъ евреевъ. Эта инсинуація достигла своей цѣли: иногородные члены мало по малу стали отпадать отъ союза, и ихъ примѣру не замедлили послѣдовать и мѣстные члены. Матеріальныя средства союза значительно уменьшились и самому дальнѣйшему существованію его угрожала опасность.

Какъ разъ въ то время были назначены общіе выборы въ рейхсратъ, и, въ виду возникшихъ въ самомъ еврейскомъ лагерѣ пререканій, не трудно было предвидѣть, что при новыхъ выборахъ не только всѣ еврейскіе члены рейхсрата, но даже и члены сейма лишатся своихъ полномочій.

Я уже имѣлъ случай упомянуть выше, что большая часть членовъ комитета «Schomer Israel'я» не особенно серьезно относились къ самому дѣлу и пользовалась имъ только какъ пьедесталомъ, для того, чтобы съ его помощью достигнуть еще большихъ почестей какъ въ своей общинѣ, такъ и вообще въ провинціи. Но ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ этотъ печальный фактъ не могъ обнаружиться такъ ясно и несомнѣнно, какъ именно въ настоящій моментъ. Надѣясь удержать въ своихъ рукахъ хоть нѣкоторую политическую роль, эти господа поспѣшили сдѣлать «volte-face» и превратиться въ оппортюнистовъ. Они сочли нужнымъ заискивать у поляковъ и выставлять себя ярыми федералистами. Смѣшно, и въ то же время досадно было видѣть, какъ тѣ же самыя лица, которыя не далѣе какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ восторженныхъ рѣчахъ распространялись объ Австріи, о нѣмецкой цивилизаціи, о нѣмецкой культурѣ, теперь въ томъ же союзѣ и съ тѣмъ же одушевленіемъ старались увѣрить всѣхъ, что они—чистокровные поляки, что они ничего и слышать не хотятъ объ Австріи и что для нихъ существуетъ одна только Польша. Это просто былъ какой-то фарсъ, и невольно при видѣ этого приходили на умъ слова Гейне: «Плохо охраняется Израиль: ложные друзья сторожатъ его снаружи, а внутри дома сторожа его—глупость и страхъ».

Однако все это не принесло ни малѣйшей пользы новоиспеченнымъ полонофиламъ, такъ какъ сквозь всѣ ихъ восторженныя рѣчи слишкомъ ясно и грубо проглядывало желаніе заполучить

депутатское местечко. А между тѣмъ партія обскурантовъ не замедлила воспользоваться фарсомъ, разыграннымъ въ нѣдрахъ союза «Schomer Israel», и постаралась еще болѣе распалить страсти и усилить вражду между братьями. Раввины въ то время явились настоящими іезуитами, натравливая брата на брата, родителей на дѣтей. И усилія ихъ, къ сожалѣнію, увѣнчались успѣхомъ. Въ соединеніи съ поляками, имъ удалось вырвать изъ рукъ галиційскихъ евреевъ единственное оружіе, съ помощью котораго они имѣли обыкновеніе обороняться противъ всякихъ грубыхъ нападокъ—оружіе большинства. Враги евреевъ злорадно посмѣивались при видѣ этой междоусобной борьбы, этихъ внутреннихъ раздоровъ въ еврейскомъ лагерѣ и не преминули извлечь изъ этого для себя пользу: между тѣмъ, какъ при прежнихъ выборахъ постоянно попадали въ рейхсратъ хоть нѣсколько еврейскихъ депутатовъ, теперь не было выбрано ни одного. Поляки отплатили союзникамъ своимъ и руководителямъ «Machsike Hadat» за оказанныя имъ услуги тѣмъ, что поддерживали кандидатуру краковскаго раввина Шрейбера, въ избирательныхъ округахъ Коломеи, Бучача и Святина, гдѣ и безъ того населеніе сплошное-еврейское, да и то лишь послѣ того, какъ Шрейберъ изъявилъ согласіе сдѣлаться послушнымъ орудіемъ польскаго политическаго клуба. И дѣйствительно, Шрейберъ былъ избранъ членомъ рейхсрата отъ названныхъ округовъ.

Въ лагерѣ обскурантовъ господствовали радость и ликованіе, новоиспеченные поляки «Schomer'a», такъ жестоко обманувшіеся въ своихъ надеждахъ, ходили сконфуженные и съ понуренными головами, а враги евреевъ торжествовали, такъ какъ имъ удалось вытѣснить изъ рейхсрата всѣхъ евреевъ, а изъ единственнаго, попавшаго въ депутаты, сдѣлать послушное орудіе свое. Раввинъ Шрейберъ представлялъ собою олицетворенное невѣжество, не въ состояніи былъ правильно выговорить ни одной нѣмецкой фразы и даже не понималъ того, о чемъ говорили въ рейхсратѣ; но въ качествѣ простой машины, онъ успѣшно исполнялъ свою роль. Его просто заводили, какъ часы, и заставляли подавать свой голосъ въ томъ или иномъ смыслѣ, причемъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, за или противъ чего онъ подаетъ голосъ, о чемъ идетъ рѣчь, и слѣпо подчиняясь руководительству польскаго клуба

Словомъ, раввинъ Шрейберъ былъ достойный представитель своихъ избирателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ позоромъ для галиційскаго еврейства вообще, являясь въ рейхсратѣ единственнымъ его представителемъ. Однажды онъ подалъ даже свой голосъ въ пользу враждебнаго евреямъ предложенія, но сдѣлалъ это безъ всякаго злаго умысла, а единственно по невѣжеству. Вѣнскія газеты чуть не ежедневно печатали разные анекдоты, свидѣтельствующіе о колоссальномъ его невѣжествѣ; для всѣхъ кружковъ вѣнскаго общества личность его служила обильной пищей для насмѣшекъ, а въ вѣнскихъ юмористическихъ кружкахъ онъ не замедлилъ сдѣлаться источникомъ для безконечныхъ каррикатуръ.

Все это не мѣшало однако партіи его, упоенной своей побѣдой, распускать на его счетъ самыя нелѣпыя басни, разсказывать объ уваженіи, которымъ онъ пользуется въ правительственныхъ кружкахъ, о громадномъ его вліяніи въ депутатскихъ кружкахъ; они не затруднялись увѣрять, что онъ пользуется даже особымъ расположеніемъ императора Франца-Іосифа, который будтобы въ сомнительныхъ случаяхъ обращается къ нему за совѣтомъ; по словамъ ихъ, онъ однажды даже высказалъ императору поразительное предсказаніе; словомъ сказать, по ихъ увѣренію, это былъ такой великій человѣкъ, который въ состояніи былъ бы обмотать вокругъ пальца и корону, и всю австро-венгерскую имперію. Изъ всего этого они выводили несомнѣнное заключеніе, что ему ничего не будетъ стоить добиться утвержденія выработаннаго имъ устава,—который онъ дѣйствительно и предъявилъ рейхсрату,— и силой своего громаднаго вліянія порѣшить съ проклятыми «просвѣщенными».

Самъ раввинъ Шрейберъ, перенесшій теперь на нѣсколько мѣсяцевъ въ году, на время сессіи рейхсрата, свое мѣстопребываніе въ Вѣну, не смотря на всю свою ограниченность, отлично умѣлъ однако самъ распускать о себѣ такія басни. Изъ Вѣны онъ постоянно присылалъ своимъ избирателямъ посланія, въ которыхъ онъ распространялся о томъ, какъ Господь ниспослалъ на него милость сильныхъ міра сего, причемъ онъ съ лицемѣрною скромностью прибавлялъ, что въ этомъ отнюдь не его заслуга, а что онъ этимъ обязанъ исключительно тому священному дѣлу, служенію котораго онъ посвятилъ себя, и выражалъ надежду на то,

что «съ помощью Бога, котораго онъ—ничтожный слуга, ему удастся провести свой уставъ и раздробить головы этимъ проклятымъ просвѣщеннымъ, этимъ свиноѣдамъ, этимъ паршивымъ псамъ». Въ лагерѣ обскурантовъ, число которыхъ, къ сожалѣнію, очень значительно въ Галиціи, послѣ каждаго такого посланія, которыя обыковенно получались по два раза въ мѣсяцъ, происходили пиршества и попойки, такъ что благочестивая шайка эта почти не имѣла времени протрезвиться.

Наиболѣе характернымъ во всемъ этомъ является то, что депутатъ Шрейберъ во всю сессію ни разу не разѣвалъ въ рейхсратѣ рта, почему его и прозвали «великимъ молчальникомъ»; это, впрочемъ, было еще довольно благоразумно съ его стороны, ибо, благодаря тому, ему удавалось отчасти замаскировывать свое невѣжество. Но за то, съ другой стороны, ему удалось привлечь на себя вниманіе рейхсрата своею упитанною наружностью, своимъ атласнымъ, длиннополымъ сюртукомъ, своей черной, бархатной ермолкой и своей сѣдой бородой лопатой, обрамлявшей, точно серебряной рамой, его широкое, полное, отнюдь не напоминавшее строгое постничанье лицо.

Нужно замѣтить еще, что раввинъ Шрейберъ оказывался круглымъ невѣжей не только въ области свѣтскаго знанія, но и въ талмудистскихъ познаніяхъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ одной изъ львовскихъ еврейскихъ газетъ одинъ извѣстный издатель въ теченіи довольно продолжительнаго времени ежедневно печаталъ объявленіе, что онъ готовъ платить за каждую написанную раввиномъ Шрейберомъ на какую-либо талмудистскую тему страницу по четыре червонца, и тѣмъ не менѣе не нашлось никого, кто-бы доставилъ ему хотя-бы одну строчку, вышедшую изъ-подъ пера достопочтеннаго раввина. Несомнѣнно то, что Шрейберъ обязанъ былъ званіемъ раввина не своей еврейской учености, которая равнялась нулю, сколько своимъ предкамъ и своей статной, внушительной наружности.

Но такъ какъ въ жизни сей все превратно и преходяще, то и обскурантамъ не долго довелось радоваться одержанной ими побѣдѣ: послѣ двухъ-лѣтней бездѣятельной дѣятельности въ рейхсратѣ раввинъ Шрейберъ отошелъ къ праотцамъ. Столпъ обскурантовъ рухнулъ. А такъ какъ извѣстно, что никогда несчастіе

не обрушивается на людей или на цѣлое общество въ единственномъ числѣ, то нѣсколько недѣль спустя рухнулъ и другой столпъ ортодоксальнаго еврейства, а именно неоднократно упомянутый уже писака Самуилъ Маргошесъ, а еще немного погодя—и третій, нѣкто Н. Гольдштернъ, редакторъ и руководитель ихъ органа. Такимъ образомъ благочестивое стадо это въ самое короткое время лишилось всѣхъ своихъ пастырей, а это повело къ тому, что рушился и самый союзъ «Machsike Hadat». Ряды членовъ его стали все болѣе и болѣе рѣдѣть, и вскорѣ въ немъ остались одни только раввины, народъ большею частью бѣдный и потому неспособный оказать союзу матеріальную поддержку. Что же касается печатнаго органа союза, читателямъ котораго порядочно-таки надоѣли переполнявшія столбцы его проклятія противъ «просвѣщенныхъ», съ каждымъ нумеромъ все болѣе и болѣе съеживался и вялъ, такъ что вскорѣ онъ могъ влачить лишь самое жалкое существованіе. Словомъ, союзъ «Machsike Hadat», существовавшій до сихъ поръ въ Львовѣ, все болѣе и болѣе терялъ здѣсь подъ ногами почву и его пришлось перевести въ Краковъ.

Въ Краковѣ между тѣмъ, послѣ смерти раввина Шрейбера, который до тѣхъ поръ держалъ подъ своимъ гнетомъ всю еврейскую общину, почувствовалось замѣтное облегченіе: у всѣхъ точно камень свалился съ плечъ и всѣ вздохнули свободнѣе. Повѣяло свѣжимъ воздухомъ и безсильная до сихъ поръ группа тамошнихъ «просвѣщенныхъ» получила преобладающее значеніе въ общинѣ. При новыхъ выборахъ старшинъ были выбраны передовые, и дѣло дошло до того, что въ прежней Меккѣ іудеевъ-ортодоксовъ въ настоящее время ведутся серьезные переговоры относительно учрежденія раввинской семинаріи. Серьознѣе ли относятся тамъ къ этой мысли, чѣмъ къ ней относились здѣсь во время съѣзда представителей общинъ,—это покажетъ будущее; но уже и теперь обнаружившійся тамъ благопріятный поворотъ невольно напоминаетъ извѣстное изреченіе: «Да будетъ благословенъ измѣняющій времена»!

Союзъ «Schomer Israel» тоже началъ крѣпнуть и оперяться и снова поднялъ почти уже совсѣмъ было заброшенное свое знамя. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что изъ всѣхъ покинувшихъ старое знамя и сбросившихъ свои убѣжденія, точно старое платье—кто

изъ-за личныхъ интересовъ, кто въ надеждѣ заполучить званіе депутата,—только двое остались послѣдовательны до конца, не дали увлечь себя новому теченію и не пожелали вступить на путь оппортюнизма,—а именно вышеупомянутый уже д-ръ Маушъ и Эммануилъ Френкель, стяжавшій себѣ хорошую репутацію въ ученыхъ кружкахъ своимъ дѣльнымъ возраженіемъ на извѣстныя нападки Ролинга. Теперь они оба снова возвратились на прежніе свои посты: д-ръ Маушъ опять сдѣлался редакторомъ совсѣмъ было заброшеннаго органа союза, а Эммануилъ Френкель былъ избранъ предсѣдателемъ союза. Каждый изъ нихъ честно и добросовѣстно отнесся къ своему дѣлу и оба они немало содѣйствовали тому, чтобы поднять союзъ и возвратить ему прежнее его значеніе. Вновь избранному администратору, г-ну Машлеру, тоже принадлежитъ та заслуга, что онъ своимъ, заслуживающимъ полнѣйшей признательности, рвеніемъ снова оживилъ почти погибавшій отъ недостатка матеріальныхъ средствъ союзъ. Но особенно много содѣйствовали поднятію союза читавшіяся еженедѣльно въ помѣщеніи его лекціи, при участіи наиболѣе извѣстныхъ и солидныхъ ученыхъ Львова. Лекціи эти сразу же сдѣлались чрезвычайно популярны среди еврейскаго населенія Львова. Обширная зала едва могла вмѣстить въ себя всѣхъ слушателей, въ числѣ которыхъ были не только евреи, но и христіане. При этомъ обсуждались всѣ жгучіе вопросы дня; всякимъ событіемъ политической или общественной жизни пользовались, какъ матеріаломъ для интересной лекціи или доклада. Такъ напр., сюжетомъ для одной изъ этихъ лекцій, прочитанной въ день столѣтней годовщины рожденія Лессинга, избрана была появившаяся въ мѣстной газетѣ статья подъ заглавіемъ: „Шейлокъ и Натанъ". Многіе изъ удалившихся прежде членовъ союза, раскаявшись, снова поступили въ его члены. Число подписчиковъ органа союза увеличивалось съ каждымъ днемъ, что отчасти объясняется и тѣмъ, что изданіе это, подъ редакціей д-ра Мауша, становилось все болѣе и болѣе содержательнымъ и дѣльнымъ.

Мѣсто умершаго раввина Шрейбера занялъ въ рейхсратѣ другой еврей, и притомъ опять-таки раввинъ, но уже совершенно противуположнаго религіознаго направленія: д-ръ Блохъ, Фюнфкирхенскій раввинъ, недавно избранный представителемъ отъ

округовъ Коломеи, Бучача и Святина, принадлежитъ къ самой передовой фракціи реформаторовъ. Какъ единичнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ общинамъ, стоящимъ на сравнительно низкой степени развитія, свойственно переходить изъ одной крайности въ другую, и такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что теперешній депутатъ, д-ръ Блохъ, представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ прямую противуположность раввину Шрейберу. Сначала поляки относились неблагосклонно къ его избранію, такъ какъ онъ, родившись въ Германіи, не достаточно знакомъ ни съ мѣстнымъ языкомъ, ни съ мѣстнымъ положеніемъ дѣлъ; но онъ, выказавъ извѣстную растяжимость убѣжденій и не желая открыто ссориться съ поляками, присоединился къ польскому парламентскому клубу и тѣмъ окончательно успокоилъ поляковъ. Да и трудно ему было бы поступить иначе. Поляки пользуются теперь большей силою и большимъ значеніемъ, чѣмъ когда-либо. Они не только пользуются самой широкой автономіей, но имѣютъ также весьма вліятельныхъ представителей и въ высшихъ парламентскихъ и правительственныхъ сферахъ: президентъ рейхсрата Смолка, министръ финансовъ Дунаевскій и министръ безъ портфеля Земялковскій— всѣ они чистокровные поляки.

Здѣсь, пожалуй, не безъинтересно будетъ упомянуть о томъ, что какъ бывшій министръ-президентъ графъ Андраши, такъ и теперешній предсѣдатель рейхсрата Смолка и министръ Земялковскій—всѣ трое въ 1848-мъ году были признаны по суду государственными измѣнниками и приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но помилованы императоромъ; а теперь они— вліятельнѣйшіе совѣтники того же императора и стоятъ у кормила правленія. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть весьма утѣшительнаго признака времени. Жаль только, что и здѣсь повторяется обычное историческое явленіе, что притѣсняемые превращаются въ притѣснителей, а мученики—въ мучителей, какъ только бразды власти попадутъ въ ихъ руки. Тѣ же самые поляки, которымъ прежде приходилось такъ много выстрадать подъ гнетомъ изгнанія, притѣсняютъ теперь русиновъ и евреевъ и не упускаютъ ни малѣйшаго случая, чтобы посягнуть на ихъ права. Правда, что евреи всячески стараются сблизиться съ ними, но это приносить имъ мало пользя.

Да, истина—это такая горькая пилюля, которую никакъ не могутъ проглотить наши галиційскіе единовѣрцы. Этотъ недостатокъ, впрочемъ, въ одинаковой мѣрѣ свойственъ и согражданамъ ихъ, полякамъ, у которыхъ также выходитъ изо рта, когда кто-нибудь осмѣлится сказать имъ слово правды. Доказательствомъ тому можетъ служить, между прочимъ, тотъ вопль негодованія, который раздался во всей польской прессѣ, когда появилось сочиненіе Э. К. Францоза, озаглавленное «Полу-Азія». Этотъ талантливый нѣмецкій писатель, родившійся въ Польшѣ еврей, даетъ въ названномъ сочиненіи рядъ мастерскихъ очерковъ изъ общественной жизни, представляющихъ положеніе и взаимныя отношенія поляковъ и евреевъ, причемъ онъ имѣлъ мужество, конечно съ самыми лучшими намѣреніями, раскрыть многіе недостатки тѣхъ и другихъ, что вызвало сильнѣйшее негодованіе мѣстнаго, какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго населенія. Но курьозно при этомъ то, что мнѣнія объ этомъ сочиненіи этихъ обѣихъ сторонъ расходятся въ томъ отношеніи, что, по мнѣнію поляковъ, изображеніе Францозомъ евреевъ вполнѣ удачны и соотвѣтствуютъ истинѣ, между тѣмъ какъ изображеніе поляковъ невѣрно, преувеличено, тенденціозно и фантастично, евреи же утверждаютъ совершенно противуположное. Повидимому, обѣ стороны отчасти правы.

Возвращаясь снова къ недостаткамъ нашихъ единовѣрцевъ въ Галиціи, я не могу не указать прежде всего на господствующій среди нихъ индифферентизмъ, на пренебрежительное отношеніе ко всякаго рода образованію, на полное отсутствіе серьезности и интереса къ общему дѣлу, и на кастовый духъ, который пустилъ здѣсь болѣе глубокіе корни, чѣмъ гдѣ-либо. Дѣло въ томъ, что еврейское общество въ Галиціи раздѣляется на касты, высшія и низшія, и весьма печально то, что изъ всѣхъ этихъ различныхъ кастъ наибольшимъ почетомъ здѣсь пользуются толстосумы. Врядъ-ли гдѣ происходитъ такое повальное поклоненіе золотому тельцу, какъ въ Галиціи.

Въ интересахъ здѣшнихъ евреевъ имъ слѣдовало бы посовѣтовать усвоить себѣ мѣстный языкъ. Конечно, еще сомнительно—поведетъ ли это къ ослабленію антисемитизма, который и здѣсь начинаетъ пускать сильные корни. Одна изъ очень распространенныхъ поль-

скихъ газетъ горько сѣтуетъ на то, что какъ въ Россіи, такъ и въ русской Польшѣ почти вся печать находится въ рукахъ евреевъ и съ нескрываемой радостью говоритъ, что въ Галиціи «слава Богу», до этого еще не дошло, что, однако, не мѣшаетъ ей тутъ же обвинить евреевъ въ томъ, что они враждебно относятся къ польскому языку, и вообще къ польскому дѣлу.

Словомъ, что бы ни дѣлалъ еврей, усвоиваетъ ли онъ себѣ мѣстный языкъ, или нѣтъ, посвящаетъ-ли онъ себя карьерѣ чиновника, купца или ремесленника, религіозный ли онъ человѣкъ, или вольнодумецъ, либераленъ-ли онъ или консервативенъ, раболѣпенъ-ли онъ или онъ сознаетъ свое достоинство,—все равно со всѣхъ сторонъ повторяются слова патріарха изъ Лессингова «Натана Мудраго»:

Thut nichts, der Jude wird verbvannt!

Будемъ надѣяться на лучшія времена!..

Veritas.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Древнѣйшая жизнь евреевъ. Соціологическій этюдъ Джона Фентона. Переводъ съ англійскаго, изданіе редакціи «Юридическаго Вѣстника». Москва, 1884. 8°, XI—77 стр.

«Скипетръ соціологіи нынѣ всецѣло находится въ рукахъ Англіи»—сказалъ лѣтъ 15 тому назадъ Дж. Ст. Милль. Послѣднее десятилѣтіе еще болѣе оправдываетъ эти слова великаго мыслителя. Если французъ Контъ, безсмертный творецъ позитивной философіи, установилъ впервые значеніе и область *общественной науки*, въ то время еще несуществовавшей, то только англійской мысли обязаны мы *созданіемъ* этой науки. Всему образованному міру извѣстны соціологическія работы Герберта Спенсера, Лэббока, Эд. Тэйлора, Мэна и многихъ другихъ свѣтилъ такъ называемой эволюціонной школы. Эти работы, охватывающія всю исторію и даже доисторическій бытъ человѣчества, начиная съ дикарей, стоящихъ на самой низкой и первобытной ступени культуры, и кончая наиболѣе цивилизованными народами современной Европы,—эти всеобъемлющія работы не могли не коснуться и жизни евреевъ, въ особенности древнѣйшей, являющей собою примѣръ своеобразной и величественной культуры, могущей спорить по своему міровому вліянію съ древними же культурами Индіи, Греціи и Рима. И дѣйствительно, изслѣдованію древнееврейской жизни отведено весьма почетное мѣсто въ новѣйшей соціологіи. Вышедшій еще недавно VII-й выпускъ колоссальной соціологической энциклопедіи, составляемой англійскими учеными подъ редакціей Г. Спенсера, посвященъ цѣликомъ евреямъ *.

* Descriptive Sociology, or Groups of sociological facts, classified etc... by Herbert Spencer. London, in folio № 7: Hebrew and Phenicians. 1880.

Евреямъ же посвящена и лежащая передъ нами книжка г. Фентона.

Авторъ этой книги, какъ явствуетъ изъ метода его изслѣдованія, принадлежитъ къ упомянутой уже нами «эволюціонной школѣ» соціологовъ. Въ предисловіи авторъ самъ указываетъ на отличіе своего соціологическаго метода отъ метода историчекой или литературной критики библіи. Послѣдній обращаетъ вниманіе больше всего на форму; первый имѣетъ въ виду исключительно содержаніе. «Его (соціолога) задача заключается не въ томъ, чтобы опредѣлить воззрѣнія народныя въ ту историческую эпоху, когда Пятикнижіе или, вѣрнѣе, нѣкоторыя его части могли быть написаны; но въ томъ, чтобы опредѣлить ту степень соціальнаго развитія, когда впервые зародился какой нибудь обычай. Послѣднее можетъ быть достигнуто только путемъ сравненія даннаго обычая съ аналогичными обычаями другихъ народовъ и опредѣленія мѣста, занимаемаго имъ въ порядкѣ соціальнаго развитія. Вотъ почему для соціолога форма не имѣетъ существеннаго значенія; ему необходимо изслѣдовать не случайную форму, а существенное содержаніе обычая» (стр. III—IV). Такъ опредѣляетъ авторъ задачу соціолога вообще; но самъ онъ, какъ увидимъ ниже, далеко не такъ широко выполняетъ эту задачу въ своемъ чрезчуръ коротенькомъ изслѣдованіи. Г. Фентонъ касается исключительно *юридическихъ* основъ еврейско-библейскаго быта, да и то только нѣкоторыхъ изъ этихъ основъ; онъ почти совершенно игнорируетъ религіозную и политическую жизнь древнихъ евреевъ. Въ этомъ отношеніи онъ является непосредственнымъ ученикомъ или, точнѣе, подражателемъ знаменитаго юриста-соціолога Сэмнера Мэна, примѣнившаго эволюціонный методъ Дарвина и Спенсера къ изслѣдованію древнѣйшихъ правовыхъ формъ у всѣхъ народовъ (какъ напримѣръ, въ его сочиненіяхъ: «Древнѣйшая исторія учрежденій», «Деревенскія общины», «Ancien Law» и др.). Посмотримъ, однако, чего достигъ примѣненіемъ этого метода къ древнееврейской жизни г. Фентонъ.

Давно уже изслѣдовано и новѣйшими соціологами блестяще доказано, что ступени соціальнаго развитія идутъ у всѣхъ народовъ отъ низшаго къ высшему, въ слѣдующемъ порядкѣ: номадское, пастушеское и земледѣльческое состоянія составляютъ

первыя (нисшія) три ступени соціальной жизни; за ними уже идутъ высшія: милитарно-промышленное, мирно-промышленное состоянія со множествомъ ихъ оттѣнковъ. «Преданія Ветхаго Завѣта—говоритъ авторъ—представляютъ намъ евреевъ на двухъ ступеняхъ соціальнаго развитія: пастушеской и земледѣльческой». Первые патріархи являются пастухами-кочевниками; затѣмъ, съ завоеваніемъ Ханаана, евреи уже являются народомъ земледѣльческимъ по преимуществу, а въ дни царя Соломона замѣчаются даже нѣкоторые слабые признаки торговли. О *номадномъ* состояніи (*номадами* называются, какъ извѣстно, племена, источникомъ существованія которыхъ служитъ охота за дикими звѣрями) мы въ библіи ничего не находимъ, и должны поэтому полагать, что это состояніе у евреевъ предшествовало періоду, который мы называемъ библейскимъ. Авторъ, однако, находитъ нѣкоторые слѣды номаднаго періода въ библіи, хотя доказываетъ это не безъ натяжекъ. Такъ, на основаніи нѣсколькихъ изолированныхъ преданій библіи, свидѣтельствующихъ о сохранившемся у евреевъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, родствѣ по женской линіи и о высокомъ положеніи женщинъ,—авторъ заключаетъ что «еврейскія преданія полны аналогіи съ обычаями номадовъ», считая вышеуказанныя *случайныя* особенности аттрибутами номаднаго періода. (Ср. стр. 4 и сл., §§ 5—7). Соображенія автора въ этомъ случаѣ слишкомъ гипотетичны и недостаточно обоснованы. Намъ кажется, что слишкомъ рисковано изъ примѣровъ о неравномъ положеніи дѣтей Нахора отъ различныхъ женъ, или Исаака и Измаила, Гедеона и Авимелеха, Іефѳая и его братьевъ, выводитъ заключеніе о сохраненіи у евреевъ обычая родства по женской линіи, т. е. обычая, въ силу котораго родственниками даннаго лица считаются родственники его матери, а не отца, и наслѣдственная собственность переходитъ по женской линіи. Различное правовое положеніе дѣтей извѣстнаго лица отъ различныхъ матерей обусловливалось, какъ извѣстно, своеобразнымъ полигамическимъ порядкомъ, существовавшимъ у древнихъ евреевъ, а именно порядкомъ наложничества (Pilegeš). Авраамъ имѣлъ Сару законною женою; Агарь же — наложницею; въ силу этого Исаакъ, сынъ Сары, пользовался болѣе привилегированнымъ положеніемъ, чѣмъ сынъ наложницы Агари — Измаилъ; то-

же и въ другихъ примѣрахъ. Этимъ же самымъ объясняется частое именованіе дѣтей по матери, а не по отцу, на что авторъ особенно напираетъ въ доказательство своего мнѣнія, ибо положеніе матери сразу опредѣляетъ правовое положеніе сына. Такимъ образомъ мы во всѣхъ примѣрахъ, приведенныхъ авторомъ, видимъ не доказательство существовавшаго *родства* по матери, а только подтвержденіе давно извѣстнаго факта, что въ библейскую эпоху *юридическое положеніе* дѣтей обусловливалось положеніемъ ихъ матерей. По отношенію къ мужьямъ сынъ «полной» жены считался привилегированнымъ по отношенію къ сыну «полужены», наложницы.

Не останавливаясь на третьей главѣ разбираемой книги («пастушескій періодъ»), гдѣ кромѣ общихъ гипотетическихъ построеній въ вышеуказанномъ духѣ ничего не находимъ, — перейдемъ прямо къ IV-й главѣ, трактующей объ «осѣдломъ или земледѣльческомъ періодѣ». Здѣсь мы находимъ много весьма интересныхъ важныхъ выводовъ. Авторъ внимательно прослѣживаетъ процессъ образованія *общины* и старается фактически подтверждать выводъ Мэна, что между тѣмъ періодомъ, когда общественной единицей считается семья, и тѣмъ, когда этой единицей становится аггрегатъ семей—община, есть промежуточная стадія: *семейная община*, т. е. община въ малыхъ размѣрахъ, состоящая изъ собранія только родственныхъ семей. Этотъ типъ общины авторъ видитъ въ «домѣ» Михи (Кн. Судей XVII—XVIII), въ «домахъ» Самуила и Саула (bait, домъ, обозначаетъ по древне-еврейски и *родъ* и *домъ*). Затѣмъ, общественному объединенію евреевъ не мало способствовала религія, такъ какъ іеговизмъ, какъ культъ *единобожія* и культъ весьма оригинальный, долженъ былъ имѣть огромное объединительное вліяніе, какого не могли имѣть греческія божества. Религія постоянно твердила евреямъ объ общности ихъ происхожденія отъ патріарховъ Авраама, Исаака и Якова; больше того, евреи, какъ извѣстно, раздѣлялись въ библейскую эпоху на 12 колѣнъ по числу и съ именами дѣтей Якова; въ Ханаанѣ евреи селились колѣнами. Благодаря всему этому, патріархальный принципъ «родственности» еще весьма долго сохранялся въ жизни и взаимныхъ отношеніяхъ еврейскихъ общинъ (§§ 14—18).

Самая интересная часть «Этюда» г. Фентона заключается въ приводимыхъ имъ параллеляхъ между нѣкоторыми юридическими институтами евреевъ и другихъ народовъ древности. Такъ, мы узнаемъ, что установленный Моисеемъ *левиратъ* (обязанность деверя жениться на женѣ своего бездѣтно умершаго брата) издревле существовалъ въ Индіи и даже сохранился тамъ до сихъ поръ (стр. 41—42). Относительно законовъ объ оклеветаніи женщины, о непокорномъ сынѣ (Второзак. XXII etc.) и многихъ другихъ, мы замѣчаемъ поразительную аналогію между библіей и другими древними кодексами. Приводимъ одинъ изъ множества примѣровъ. Во Второзаконіи, XXII, 13—21, сказано: «Если кто возьметъ жену и войдетъ къ ней и возненавидитъ ее, и будетъ взводить на нее порочныя дѣла, и пуститъ про нее худую молву, и скажетъ: Я взялъ сію жену, и вошелъ къ ней и не нашелъ у нея дѣвства, то отецъ отроковицы и мать ея... (пусть докажутъ противоположное)... *и* тогда старѣйшины того города пусть возьмутъ мужа и наложатъ на него *сто сиклей* серебра и отдадутъ отцу отроковицы; она же пусть останется его женою»... А въ кодексѣ индусовъ *Нарадъ* (XII, 34) мы читаемъ: «Если человѣкъ, побужденный враждою, говоритъ о дѣвушкѣ, что она не дѣвственница, то онъ присуждается къ уплатѣ ста *panas*, если не можетъ доказать этого (Фентонъ, стр. 33). Множество аналогій съ библейскими законами авторъ находитъ у Ману, въ индійскомъ кодексѣ Яджнавалкуа, въ древнетевтонскихъ кодексахъ (стр. 33—38).

Когда авторъ сходитъ съ почвы сравнительнаго законодательства и начинаетъ дѣлать теоретическія обобщенія, послѣднія всегда выходятъ чрезчуръ гипотетичными. Такими являются его заключенія о роли *goelim* (ближайшихъ родственниковъ) и *schoftim* (судей). Онъ, напримѣръ полагаетъ, что съ развитіемъ общиннаго начала старѣйшины играли роль goelim (исполняя обязанность кровной мести, левирата etc.), и основываетъ это на употребленномъ въ одномъ мѣстѣ Руѳи (II.20) слова goel во множественномъ числѣ. Но это, конечно, ничего не доказываетъ, такъ какъ у каждаго человѣка могли быть нѣсколько «ближайшихъ родственниковъ» (goelim), и при несогласіи одного исполнять свои обязанности относивельно семьи своего умершаго родственника, эти обязанности могъ на себя брать болѣе отдаленный goel, какъ

это фактически видно изъ самой исторіи Руѳи и Вооза. Гораздо болѣе вѣроятенъ другой выводъ автора, относительно «судей» (schoftim), которыхъ онъ считаетъ замѣстителями прежнихъ старѣйшинъ (sokenim).

Въ пятой главѣ авторъ останавливается на измѣняющихся формахъ общинной жизни евреевъ, или, какъ онъ ихъ называетъ, на «переживаніяхъ». Особенное вниманіе удѣляетъ онъ замѣчательнымъ аграрнымъ законамъ Моисея: субботнему году (שמטה) и юбилею (יובל). Каждый седьмой годъ служилъ, какъ извѣстно, у древнихъ евреевъ годомъ «отдыха для земли», а также перераспредѣленія земельныхъ участковъ, посредствомъ обязательнаго выкупа проданной земли продавцемъ, или его ближайшими родственниками. Каждый же пятидесятый годъ эти передѣлы земли совершались еще въ болѣе радикальной формѣ: проданная земля безусловно уже возвращались прежнему ея владѣльцу, даже безъ выкупа. Фентонъ, останавливаясь на этихъ двухъ явленіяхъ, субботнемъ и юбилейномъ годахъ, констатируетъ вопервыхъ, что эти явленія вовсе не такъ рѣдки и исключительны, какъ это полагали раньше. «Періодическое распредѣленіе общинныхъ земель» (или, употребляя спеціально-русскій терминъ, *передѣлъ земли*) существовалъ и даже нынѣ существуетъ во многихъ деревенскихъ общинахъ. «Намъ—говоритъ авторъ—не должно представляться страннымъ, что у евреевъ разъ въ семь лѣтъ отдыхала (не обрабатывалась) *вся* земля. Результатъ при такомъ порядкѣ получался тотъ же самый, какой получился бы въ такомъ случаѣ, еслибы *ежегодно* отдыхала седьмая часть земли. Если германцы удовлетворяли своимъ нуждамъ, оставляя подъ паромъ ежегодно одну треть земли, то евреи обладали достаточной изобрѣтательностью, чтобы достигнуть той же цѣли своимъ собственнымъ путемъ». (стр. 55). Избраніе же *седьмого* года можно объяснить религіозной символикой, вытекающей изъ значенія седьмого дня недѣли—субботы.

Но замѣчательнѣе всего выводъ автора относительно юбилейнаго года, исполнявшаго en grand функціи «субботняго года». Авторъ старается доказать, что юбилейный годъ не существовалъ одновременно съ системою субботнихъ лѣтъ, а *замѣнилъ* послѣднюю. Субботній годъ, вслѣдствіе экономическихъ перетасо-

вокъ имъ причиняемыхъ, оказался, по мнѣнію автора, крайне затруднительнымъ при болѣе развитой культурѣ. Экономическія сдѣлки и договоры не могли быть, при его существованіи, устойчивы, прочны etc. Жизнь мало по малу упраздняла «субботній годъ», но въ видѣ компромисса устроенъ былъ годъ юбилейный, сконцентрировавшій въ себѣ «семь субботнихъ седьмицъ». Авторъ иллюстрируетъ эту свою гипотезу прекраснымъ примѣромъ изъ шотландской жизни. «Жители мѣстечка Newtown въ Шотландіи владѣли сообща нѣкоторыми землями, которыя они, согласно древнему обычаю, распредѣляли между собою черезъ 11 лѣтъ, а съ 1666 года—черезъ каждыя семь лѣтъ. Семилѣтній срокъ передѣловъ сохранился до 1771 года, а съ этого времени онъ оказался слишкомъ короткимъ и не давалъ, по мнѣнію общинниковъ, возможности сдѣлать надлежащее употребленіе изъ земли. Обратить землю въ частную собственность они не могли. Тогда они прибѣгнули къ остроумному въ высшей степени выходу, заключающемуся въ томъ, что они рѣшили производить передѣлы земли по истеченіи приблизительно восьми прежнихъ періодовъ, т. е. разъ въ 57 лѣтъ. Въ настоящее время срокъ передѣловъ удлиненъ до 999 лѣтъ» (стр. 58). Тоже самое, полагаетъ авторъ, было и у древнихъ евреевъ. По нашему мнѣнію, остроумная гипотеза автора требуетъ еще фактическаго подтвержденія, такъ какъ «comparaison n'est pas raison».

Послѣдняя глава разбираемой книги («Обычаи и преданія») не представляетъ никакихъ оригинальныхъ выводовъ и, вообще, крайне коротка для того, чтобы что нибудь обстоятельно выяснить. Главный предметъ этой главы—вопросъ о бракахъ между ближайшими родственниками у евреевъ библейскаго періода. Авторъ доказываетъ, что въ болѣе ранній періодъ кровосмѣсительные браки у евреевъ не только не осуждались, но даже поощрялись; что это отношеніе къ дѣлу сохранилось въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ позднѣйшее время (какъ на примѣръ послѣдняго авторъ указываетъ на преданіе объ *Авессаломѣ* и Тамарѣ и цитируетъ 2 кн. Царства XXII; это совершенно не точно: упомянутый эпизодъ касается *Амнона* и Тамары, сестры Авессалома по матери; Амнонъ же и Тамара были братъ и сестра по отцу Давиду; затѣмъ невѣрна цитата: надо читать 2 кн. *Самуила*, XIII);—

но всего этого вовсе не требовалось доказывать, такъ какъ это само собою вытекаетъ изъ библейскихъ разсказовъ.

Мы относительно дольше остановились на книжкѣ г. Фентона, потому что въ русской литературѣ, оригинальной или переводной, чрезвычайно рѣдко приходится встрѣчаться съ болѣе или менѣе серьезнымъ, научнымъ и содержательнымъ трудомъ о евреяхъ и древнемъ іудаизмѣ. Небольшое изслѣдованіе г. Фентона, какъ ни незначительно оно по объему, какими бы недостатками оно ни страдало, все таки есть произведеніе строго-научное и весьма оригинальное по своему методу. Нужно только желать, чтобы подобныя произведенія почаще переводились на русскій языкъ, а также чтобы переводчики дѣлали болѣе удачный выборъ, что не очень трудно при обширности западноевропейской литературы о іудаизмѣ.

Русское изданіе книги г. Фентона, въ общемъ, удовлетворительно. Но есть одинъ недостатокъ совершенно безобразящій книгу: это совершенное искаженіе почти всѣхъ древнееврейскихъ словъ, приводимыхъ авторомъ весьма часто. Переводчикъ, очевидно незнающій по еврейски, повидимому «срисовалъ» съ подлинника литеры древнееврейскихъ словъ, но срисовалъ далеко не точно, а отсюда — совершенно искалѣченныя еврейскія слова, небывалые знаки и т. п. Нужно обладать особою проницательностью, чтобы догадаться, напримѣръ, что слово «משלחד» нужно читать «משפחה» (семья, стр. 11), или что вмѣсто напечатаннаго «ומחו» нужно читать «רעהו» (его другъ, стр. 40). Цѣна книжки (одинъ рубль за пять печатныхъ листовъ) была бы слишкомъ высока, еслибъ не принять въ соображеніе, что книга могла не безъ основанія быть разсчитана на ограниченный кругъ читателей, вслѣдствіе крайней сухости изложенія и спеціальности предметовъ.

.... Однако, revenons à nos moutons...

---

1) *Гофманъ*. «Ганосеа» הנוסע, (т. е. Путешественникъ). Сборникъ статей по естествовѣдѣнію. Вильна, 1883.

2) *Rodkinssohn* «Abne miluim». О реформѣ обрядоваго культа евреевъ. Вып. I. Берлинъ, 1884.

3) *Того же*. «Laboker Mischpat». О нѣкоторыхъ сторонахъ еврейскаго вопроса. 1884.

4) «Шеберъ Гаонъ» (усмиреніе гордеца) Критическое обозрѣніе книги «Хадъ ве'халакъ» составленное Михелемъ *Гордономъ* и И. Я. *Вейсбергомъ*. Варшава. 1884.

5) *Цитронъ*, С. «Имъ ейнъ ани ли ми ли», т. е. Если не я за себя, то кто же за меня. Вильна 1884.

6) *И. Б. Левинзонъ*. Дамокловъ Мечъ (Эфесъ-дамимъ). Переводъ съ еврейскаго І. Н. Соркина. Съ предисловіемъ переводчика. Петербургъ. 1883.

Положительно *embarras des richesses!* И какое разнообразіе! Естествовѣдѣніе, публицистика, критика всяческіе другіе злаки произрастаютъ вдругъ, разомъ на убогой нивѣ новоеврейской литературы. Для литературнаго обозрѣвателя, конечно, раздолье. Пріятнѣе вѣдь сосчитывать крупныя богатства, чѣмъ вѣчно сводить итоги жалкимъ пятакамъ и грошамъ. Итакъ, разберемся въ лежащемъ передъ нами литературномъ богатствѣ.

Прежде всего возьмемъ новую книгу г. Гофмана. Авторъ этой книги извѣстенъ (по крайней мѣрѣ, онъ самъ въ этомъ увѣряетъ въ своемъ предисловіи) какъ популяризаторъ «естественныхъ наукъ» въ древнееврейской литературѣ. Въ настоящей книгѣ, имѣющей быть первымъ выпускомъ обширнаго произведенія, помѣщены двѣ статьи: 1) «Общій очеркъ развитія географіи отъ отдаленныхъ временъ до настоящаго времени», и 2) «Путешествіе въ Нубію», «вольный» переводъ съ нѣмецкаго, со статьи путешественника Эндемана, написанной на французскомъ языкѣ. Первый очеркъ недурно составленъ, заимствованъ преимущественно изъ Циммермана. Это—бѣглое описаніе развитія землевѣдѣнія до настоящаго времени. Языкъ автора довольно правиленъ, хотя мѣстами чрезчуръ кудреватъ. Вторая статья написана въ тонѣ заправскихъ, «занимательныхъ» путешествій, переводъ сдѣланъ недурно. Больше не находимъ что сказать объ этой книжкѣ, которую считаемъ небезполезной компиляціей. Но авторъ далеко не такъ смотритъ на свой трудъ: онъ снабдилъ его обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ милостиво сообщаетъ намъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о себѣ, представляетъ свой подробный «curriculum vitae» и подробнѣйшимъ образомъ исчисляетъ всѣ литературныя заслуги свои. Заслуги эти сводятся, видите-ли, къ слѣдующему:

еще юношей, г. Гофманъ составилъ книгу «Одаръ Нехмодъ» («Прелестное сокровище»), каковое сокровище заключало въ себѣ съ полтора десятка коротенькихъ переводныхъ статей по естествовѣдѣнію. Напечатанная книжка эта имѣла нѣкоторый успѣхъ. Затѣмъ г. Гофманъ «заключилъ договоръ съ перомъ своимъ», чтобы впредь исключительно работать на нивѣ естествознанія; онъ «простеръ длань свою» и помѣстилъ рядъ статей въ этомъ родѣ въ нѣкоторыхъ еврейскихъ газетахъ, да еще приготовилъ къ печати нѣсколько естественнонаучныхъ «трудовъ», вѣроятно, тоже переводныхъ. Вся же литературная слава г. Гофмана (онъ это нѣсколько разъ повторяетъ) зиждется пока только на «Прелестномъ сокровищѣ»; настоящій трудъ, онъ вполнѣ увѣренъ, будетъ содѣйствовать только упроченію этой славы. (См. предисловіе, стр. VI — XII). Мы сочли пріятнымъ долгомъ подѣлиться съ читателями, хотя-бы in extenso, этими важными свѣдѣніями о литературной карьерѣ г. Гофмана, въ научной славѣ котораго, даже въ безсмертіи, конечно не смѣемъ сомнѣваться. Совѣтуемъ нашимъ читателямъ отнынѣ не читать больше ни Гумбольдта, ни Риттера: новая звѣзда взошла на горизонтѣ космографіи и землевѣдѣнія: се грядетъ г. Гофманъ съ своими... переводами газетныхъ статей по естествознанію...

Далеко не столь невиннаго свойства лежащія передъ нами двѣ брошюры г. Родкинсона. Авторъ задался весьма похвальною цѣлью пропагандировать среди евреевъ идею о необходимости религіозной реформы современнаго, талмудическаго іудаизма. Не безъизвѣстный литераторъ и журналистъ, обладающій значительнымъ литературнымъ дарованіемъ и хорошо знакомый съ религіознымъ бытомъ евреевъ,—г. Родкинсонъ имѣетъ много данныхъ для того, чтобы играть роль литературнаго агитатора. Лежащая передъ нами брошюра его «Абне Милуимъ» составляетъ первый выпускъ цѣлой серіи подобныхъ же брошюръ по вопросу «о религіозной и интеллектуальной реформѣ евреевъ». Авторъ опровергаетъ модные нынѣ пессимитическіе взгляды на эмансипацію евреевъ и мимоходомъ выражаетъ осужденіе распространеннымъ нынѣ палестинофильскимъ химерамъ, которыми, къ сожалѣнію, не брезгаютъ забавляться довольно почтенные литераторы, въ родѣ Лиліенблюма, Леванды etc. Зато г. Родкинсонъ въ сильныхъ и убѣдительныхъ

выраженіяхъ бичуетъ другое зло,—зло, которое нынѣ, къ несчастію. игнорируютъ, но которое, тѣмъ не менѣе, существуетъ и требуетъ немедленнаго леченія. Раввинизмъ во многомъ повредилъ еврейской религіи, способствовалъ и понынѣ способствуетъ обособленію евреевъ. Указывая на то, что въ свое время талмудическія «огражденія» имѣли нѣкоторое временное, политическое значеніе, авторъ говоритъ: «Но они (талмудисты) хватили черезъ край и возбудили вражду къ евреямъ со стороны христіанскихъ народовъ: они не только запретили евреямъ кушать хлѣбъ, масло, вино нееврея, но даже запретили прикосновеніе къ не-еврею... «Неевреи» платили дѣтямъ израилевымъ той же монетой» (стр. 14—15). Въ такомъ тонѣ написана большая часть брошюры. Искренно желаемъ успѣха трезвой и краснорѣчивой проповѣди г. Родкинсона.

Другая брошюра того же автора (Laboker Mischpat) касается нѣкоторыхъ частностей еврейскаго вопроса въ Германіи, и мы не считаемъ интереснымъ на ней остановиться. Скажемъ только, что прогрессивныя стремленія автора сказываются и въ этой книжкѣ. Желательно только, чтобы г. Родкинсонъ по возможности отрѣшился отъ слишкомъ рѣзкаго порою субъективнаго тона въ своей полемикѣ, чтобы онъ по возможности меньше говорилъ о лицахъ и больше о дѣлѣ, — тогда его труды только выиграютъ въ серьезности и достоинствѣ.

Продолжая свой путь по нивѣ новоеврейской литературы, мы наталкиваемся на настоящій перлъ: говоримъ о книгѣ, составленной г. Гордономъ въ товариществѣ съ г. Вейсбергомъ и именующейся «Усмиреніемъ гордеца». Но прежде чѣмъ приступить или, точнѣе, вмѣсто того чтобы приступить къ разбору этой книжки разскажемъ ея исторію. Жили-были два брата, ханжи, лицемѣры, фанатики, служившіе нѣкогда прихвостнями у цадиковъ. Разбогатѣвши отъ хасидскихъ грошей, сія достойная чета удалилась отъ дѣлъ и предалась исключительно святой торѣ. Результатомъ сего послѣдняго и явилась казуистическая, нелѣпая книга трактующая о разныхъ тонкостяхъ талмудической и раввинской мудрости. Гг. Михель Гордонъ и Ицхокъ Вейсбергъ взялись за нелегкую задачу «сломить, усмирить этихъ гордецовъ», или, говоря обыкновеннымъ языкомъ, написать критику на сочиненіе двухъ братьевъ. Но какъ они выполнили свою задачу? — Просто чудо

какъ оригинально! Они (вѣроятно, страха ради іудейска) не называютъ ни критикуемой книги, ни именъ ея авторовъ, но то и другое прикрываютъ псевдонимами: разбираемую книгу называютъ нелѣпымъ, очевидно вымышленнымъ именемъ «Хадъ-ве'халакъ», а авторовъ «Хилакомъ» и «Билакомъ». Зато свои собственныя имена критики выставляютъ en toutes lettres и даже съ подробными поясненіями: 1) Михель сынъ Аарона-Давида Гордона изъ Вильны и 2) Ицхакъ-Яковъ Вейсбергъ изъ Кіева. Ни у виленскаго, ни у кіевскаго аристарха, не хватило, однако, догадливости поступить прямо наоборотъ, т. е. свои имена скрыть подъ псевдонимами (если ужъ зѣло обуялъ ихъ страхъ іудейскій), а имя разбираемой книги и ея авторовъ выставить,—что было-бы, конечно, и умнѣе, и цѣлесообразнѣе. А то выходитъ критика на никому невѣдомую, можетъ быть вымышленную книгу; но это ужъ въ такомъ случаѣ не критика, а какой-то неизвѣданный родъ литературы, нѣчто въ родѣ аллегорическаго памфлета, или пасквильной аллегоріи.

Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы гг. критики *не догадались* поступить, какъ велитъ общепринятый литературный обычай. Страсть къ литераторству quand même и въ особенности къ выставленію своихъ именъ въ печати развита среди новоеврейскихъ писателей до болѣзненности. Нигдѣ мы не замѣчаемъ такого крайняго развитія писательскаго тщеславія, такого щегольства литературою, какъ въ этихъ, подчасъ курьезныхъ диллетантахъ еврейской литературы. Напечатать въ газетахъ не только что статейку, а просто корреспонденцію за полною подписью считается для большей части еврейскихъ юнцовъ, «прилагающихъ къ перу свои руки», верхомъ блаженства. Еврейскій авторъ, почти всегда бѣдный, всегда же теряетъ при изданіи книги, но все таки, не взирая на убытки, ее печатаетъ, ибо чувствовать себя *авторомъ*, хотя бы жалкаго, осмѣиваемаго и убыточнаго произведенія, для него дороже и пріятнѣе всего. Рѣдко-рѣдко еврейскій авторъ не выставитъ своего имени на своемъ твореніи, и то лишь въ случаѣ крайней опасности. Громко провозгласить себя членами «литературной республики»—конечный идеалъ еврейскихъ Платоновъ и Ньютоновъ. Правда, въ основаніи этой литературоманіи лежитъ, собственно, хорошій принципъ: безусловное уваженіе къ печатному слову; но на практикѣ это порождаетъ много безо-

бразій и курьезовъ, возмущающихъ человѣка со стороны. На практикѣ иные юнцы пользуются популярностью «писательства» среди евреевъ для пріобрѣтенія фортуны, для заключенія хорошаго «шидуха» и тому подобныхъ нелитературныхъ цѣлей... Это—презрѣннѣйшій типъ еврейскихъ литературомановъ, съ которыми всегда надо держать ухо востро. Въ нашей «Лѣтописи» мы частенько воздаемъ такимъ дряннымъ рыцарямъ литературы по заслугамъ... Не станемъ причислять гг. Гордона и Вейсберга къ этому именно, худшему сорту литературомановъ, но чтобы ими руководило что нибудь, кромѣ наивнаго литературнаго тщеславія, въ этомъ позволяемъ себѣ сомнѣваться. Иначе они бы не выскочили съ своими «именами», пряча подъ псевдонимами имена критикуемыхъ ими авторовъ.

Это единственныя соображенія, которыя мы позволили себѣ высказать по поводу книжки гг. Гордона и Вейсберга. Входить же въ разборъ какой-то аллегорической критики-пасквиля считаемъ излишней тратою времени. Не понимаемъ ни этой, съ позволенія сказать, критики, ни этихъ пасквильныхъ намековъ на то, чего не вѣдаетъ никто. Для констатированія только и разграниченія правъ авторской собственности, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «критическая» часть въ книжкѣ принадлежитъ г. Гордону, а пасквильная—г. Вейсбергу; и затѣмъ, что первый написалъ около $^1/_3$ всей книжки, послѣдній же $^2/_3$. Сообразно этому, любезные читатели, распредѣлите и литераторскую славу между гг. Гордономъ и Вейсбергомъ; памятуйте же: М. Гордону $33^1/_3\%$ славы и безсмертія, Вейсбергу же $66^2/_3\%$ того и другаго. Симъ и оканчивается наша рецензентская обязанность.

Вотъ еще одинъ продуктъ современной моды — палестинофильства. «Куда конь съ копытомъ — туда и ракъ съ клешней». Нѣкій г. Цитронъ, авторъ лежащей передъ нами брошюрки: «Если не я за себя, то кто же за меня?», потянулся за авторомъ извѣстной книжки «Autoemancipation» и не-то переводитъ, не-то излагаетъ эту книжку на языкѣ пророковъ. Къ сему присовокупляется коротенькая апологія «палестинской идеи» противъ супостатовъ, дерзающихъ не вѣрить въ спасительность этой идеи. Юнецъ-авторъ не щадитъ въ своихъ нападкахъ ни Филипсона, этого почтеннаго ветерана нѣмецко-еврейской литературы, являю-

щагося однако «анти-палестинцемъ», ни варшавской «Izraelita» и, вообще, прехрабро сражается за берега Іордана, сидя на берегахъ какой-нибудь Гнилопятки. Желаемъ г. Цитрону... по возможности большаго отрезвленія.

Г. Соркинъ недавно обогатилъ русскую литературу прекрасною переводною книгою: это знаменитое сочиненіе покойнаго И. Б. Левинзона «Эфесъ дамимъ», написанное въ 1834 году въ защиту евреевъ отъ гнуснаго обвиненія въ употребленіи ими христіанской крови въ пасху. Имя автора ручается за содержаніе книги, а потому объ этомъ считаемъ лишнимъ распространяться. Переводъ вполнѣ удовлетворительный. Г. Соркинъ снабдилъ книгу обширнымъ предисловіемъ, гдѣ касается, вообще, вышеупомянутаго позорнаго обвиненія евреевъ и, въ частности, значенія книги И. Б. Левинзона. Предисловіе написано чрезвычайно тепло, съ энтузіазмомъ, съ любовью къ «несчастнымъ братьямъ», какъ выражается авторъ. Г. Соркинъ дѣйствительно сдѣлалъ доброе дѣло столь своевременнымъ переводомъ этой замѣчательной книги, которой остается желать возможно большаго распространенія и успѣха.

Критикусъ.

ЖЕРТВЫ ПИСАТЕЛЬСКАГО ЗУДА.

По поводу книги: „Въ Америку!“ I. М. Петриковскаго.

Между многочисленными душевными болѣзнями, удручающими слабое человѣчество, одною́ изъ самыхъ ужасныхъ и часто встрѣчающихся, безспорно должна считаться нѣкая болѣзнь, до сихъ поръ по какой-то странной случайности незамѣченная нашими психіатрами, но тѣмъ не менѣе ежегодно поглощающая не малое количество жертвъ. Болѣзнь эта называется писательскимъ зудомъ или литературо-маніей.

Симптомы этого ужаснаго душевнаго страданія слѣдующія: Обыкновенному, неглупому и грамотному человѣку, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ можетъ быть даже очень способнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, вдругъ почему-то покажется, что у него ужасно много чего-то накопилось на душѣ такого, что еслибы оно могло сдѣлаться достояніемъ остальнаго человѣчества, то и не вѣсть какъ-бы осчастливило-бы послѣднее. Сначала все это является въ очень слабой степени, въ родѣ смутной мысли: «Ахъ, какъ жаль, что я не писатель!..» но съ теченіемъ времени болѣзнь все болѣе и болѣе обостряется, больной начинаетъ вѣрить въ свое литературное призваніе и наконецъ, когда болѣзнь окончательно восторжествуетъ надъ больнымъ организмомъ, принимается строчить, одна за другою, драмы, повѣсти, стихотворенія, поэмы, публицистическія статьи и проч., и т. п.

Обыкновенно красный карандашъ редактора, этого психіатра поневолѣ, постоянно имѣющаго дѣло съ такого рода больными субъектами, во время спасаетъ читающую публику отъ нападенія на нихъ несчастныхъ помѣшанныхъ, страдающихъ литературоманіей. Но иногда случается, что кто-нибудь изъ этихъ больныхъ

обладаетъ достаточными средствами, чтобы на свой счетъ издать свой болѣзненный бредъ, принимаемый имъ за геніальное произведеніе, и вотъ въ свѣтъ появляется книга въ родѣ той, которая послужила поводомъ къ настоящей замѣткѣ.

Мы охотно вѣримъ, что авторъ этой книги, г. Петриковскій, въ своей частной жизни, человѣкъ очень не глупый, довольно развитой и образованный. Это даже замѣтно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его книги, когда на него, какъ на литературнаго помѣшаннаго, находятъ свѣтлые промежутки и онъ просто, какъ обыкновенный человѣкъ, а не какъ писатель, разсказываетъ, что онъ знаетъ по поводу еврейской эмиграціи въ Америку. Но такихъ мѣстъ въ книгѣ очень мало, а въ общемъ она представляетъ настоящій скорбный листъ съ исторіей болѣзни ея автора.

Чтобы не показаться читателю голословнымъ и имѣя въ виду тотъ несомнѣнный интересъ, который долженъ представлять для него знакомство съ этимъ видомъ литературнаго помѣшательства, мы постараемся до нѣкоторой степени познакомить его съ книгой г. Петриковскаго.

Книга эта заключаетъ въ себѣ 16 печатныхъ листовъ и содержитъ въ себѣ три письма изъ Америки уже бывшихъ однажды напечатанными въ видѣ корреспонденцій въ газетѣ «Разсвѣтъ» и 12-ти разсказовъ (если только ихъ можно назвать разсказами) беллетристическаго, насколько это кажется больному воображенію автора, содержанія. Что касается корреспонденцій вошедшихъ, въ составъ рубрики подъ названіемъ «Письма изъ Америки», то онѣ-то именно составляютъ вышеупомянутые небольшіе свѣтлые промежутки въ книгѣ. Правда, ихъ слогъ и неумѣніе автора распорядиться матеріаломъ, бывшимъ у него подъ рукою, заставляющее его дѣлать безпрестанныя отступленія, ссылки, а подчасъ даже приводить цѣликомъ цѣлыя рѣчи и письма принадлежащія другимъ лицамъ, тотчасъ же обличаютъ въ авторѣ полное отсутствіе какого-бы то ни было литературнаго дарованія. Но письма эти, покрайней мѣрѣ, не носятъ характера болѣзненности. Читатель видитъ, что онъ имѣетъ дѣло съ обыкновеннымъ, здоровымъ и неглупымъ человѣкомъ, хотя и необладающимъ умѣньемъ группировать какъ слѣдуетъ факты, дѣлать изъ нихъ выводы и излагать свои мысли, и не испытываетъ того тяжелаго чувства, ко-

торое невольно овладѣваетъ имъ, когда онъ доходитъ до беллетристическаго бреда г. Петриковскаго.

Передать содержаніе беллетристическихъ произведеній г. Петриковскаго нѣтъ возможности, но тѣмъ неменѣе мы постараемся познакомить съ ними читателя.

Всѣхъ разсказовъ, какъ мы уже сказали, двѣнадцать. Первый изъ нихъ называется «Ночь»:

«Была глубокая апрѣльская полночь 1881 года, такъ начинаетъ г. Петриковскій свой разсказъ, когда Аронъ вернулся домой. Онъ инстинктивно глянулъ въ зеркало: мертвенно-блѣдное лицо съ черными, истрепанными кудрями, прилипшими къ высокому лбу, дышало безъисходной тоской; темные, глубоко-ввалившіеся глаза сверкали безумнымъ блескомъ... Аронъ съ глухимъ стономъ опустился на стулъ, положилъ пылающую голову на выпрямленныя по столу руки и впалъ въ полузабытье».

Затѣмъ повѣствуется, какъ сей Аронъ очнулся и началъ отчаянно бѣсноваться зачѣмъ-то по своей комнатѣ, затѣмъ какъ онъ

«твердой рукой сорвалъ снурокъ, развернулъ свертокъ и вытащилъ револьверъ... Потемнѣвшіе глаза сверкнули холоднымъ блескомъ, нижняя губа нервично задрожала... Онъ приложилъ холодное дуло къ горячо-бившемуся виску, взвелъ курокъ... Онъ закрылъ глаза... губы беззвучно двигались...»

Затѣмъ, какъ онъ услыхалъ на улицѣ шумъ отъ вдругъ, по щучьему велѣнію, произошедшаго погрома, затѣмъ, какъ онъ «застоналъ, впился пальцами въ холодную сталь револьвера и выскочилъ на улицу» и наконецъ какъ онъ же «шепталъ слова примиренія и любви...»

Поняли что-нибудь, читатель? Мы откровенно сознаемся, что рѣшительно ничего не поняли.

Изъ второго разсказа можно кое-какъ догадаться, что Аронъ прощается со своей возлюбленной и ѣдетъ въ Америку. Третій разсказъ: «На океанѣ». Аронъ ѣдетъ въ Америку стоитъ на палубѣ и смотритъ въ воду. Вотъ какими «правдивыми» красками рисуетъ авторъ разбушевавшееся море:

«Цѣлый адъ: трескъ сотенъ разряженныхъ ружей, громовой гулъ, глухое шипѣніе... «Египетъ» поднялся на отчаянную высь... Казалось, ему хочется заглянуть въ заоблачное царство... Аронъ выпрямился: на душѣ разлилось тихое сладкое спокойствіе... Это спокойствіе—кульминаціонная точка животнаго счастья... Сильныя судороги пробѣжали по корпусу судна, раздался трескъ металла, звонъ кухонной посуды... и Аронъ съ быстротою молніи спустился внизъ... въ морскую бездну... 'Щемящая боль желѣзнымъ кольцомъ сдавила грудь... громада водъ глянула ему въ лицо, плюнула дождемъ горько-соленыхъ, искрящихся

брызгъ... Гигантскій, *почти дьявольскій* скачекъ... и грозный старикъ—океанъ на нѣсколько саженей ниже Арона... Онъ перевелъ дыханіе.

— Экая прелесть, и умереть теперь не жалко, раздался звучный голосъ. Аронъ обернулся. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, перегнувшись черезъ бортъ, стояла знакомая атлетическая фигура въ пуховой шляпѣ, задрапированная въ грязное, пароходное одѣяло.

— Да, лицезрѣть этакія картины рѣдко выпадаетъ на долю благополучнаго россіянина, проговорилъ Аронъ и сталъ внимательно слѣдить за отдаленной точкой, приближавшейся съ запада. Атлетъ, скользя руками по периламъ рѣшетки, очутился возлѣ него. Это былъ красивый брюнетъ лѣтъ 25, съ темными глазами, сверкавшими, какъ карбункулы, изъ подъ темныхъ, немного взъерошенныхъ бровей, черной, шелковистой бородкой, обрамлявшей смуглое, съ бронзовымъ отливомъ лицо.

— Никакъ судно приближается къ намъ, отнесся брюнетъ къ Арону дрогнувшимъ голосомъ.

— Да, это по словамъ боцмана, pilot-boat, везущій американскаго лоцмана который подъ своимъ крылышкомъ проведетъ „Египетъ“ въ Нью-Іоркскую гавань. Брюнетъ схватился за грудь. Мертвенная блѣдность разлилась по энергичному лицу, темные глаза сверкали мрачнымъ блескомъ, губы что-то шептали...“

Кто такой эта «знакомая атлетическая фигура въ пуховой шляпѣ», почему «мертвенная блѣдность покрыла его лице, глаза сверкали блескомъ и губы что-то шептали»—ничего неизвѣстно.

Третій разсказъ: «Старая любовь»:

Авторъ, не отступая отъ своихъ обычныхъ пріемовъ въ родѣ: «раздирающихъ стоновъ», «отчаянныхъ тѣлодвиженій», «судорожнаго смѣха» и проч. ужасовъ, повѣствуетъ о нѣкоемъ совершенно неизвѣстно какимъ образомъ и откуда взявшимся Александрѣ Смитѣ, о которомъ однако все время трактуетъ, какъ о старомъ знакомомъ. Этотъ Александръ Смитъ находится на какомъ-то Американскомъ народномъ гуляньѣ и, пользуясь удобнымъ случаемъ, негодуетъ на Россію въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«О, русская послѣдовательность и русскіе постепеновцы, какъ вы дороги моему изстрадавшемуся сердцу... Александръ Смитъ *злобно расхохотался*»...

Его замѣчаетъ нѣкая красивая блондинка и говоритъ отцу:

— Папа, не правда-ли, этотъ молодой человѣкъ такъ похожъ на *еврейско-русскаго* студента, проговорила блондинка низкимъ груднымъ голосомъ.

Отецъ этого не находитъ. Но проницательная блондинка не унываетъ и продолжаетъ:

— Папа,—вырвалось у нея со стономъ, — *я боюсь*, — и въ померкнувшихъ глазахъ сверкнули слезы... Она вся затрепетала, *стройная рука ласково* легла на отцовскія колѣни. Морщинистое лицо старика нахмурилось... Онъ взялъ ея

обѣ руки, конвульсивно сжалъ ихъ въ своей широкой мозолистой рукѣ и легонько притянулъ къ себѣ дочь.

— Мэри, его старческій голосъ прозвучалъ такъ мягко, любовно, — *Мэри выпей лимонаду...* Проклятая жара... Ну, что легче стало?..

Два дня послѣ этого герой разсказа, проходя по улицѣ услышалъ пѣніе. Онъ узналъ голосъ своей старой любви. Это

«пѣлъ сильный бархатный контръ-альтъ... *Исполинскій* скачекъ и Александръ у дверей... *Могучій напоръ плеча* и они распахнулись... Онъ бѣжитъ по витой лѣстницѣ, толстые ковры заглушаютъ шумъ его *дикаго аллюра*. Звуки фортепіано послышались въ сосѣдней комнатѣ. Онъ рванулъ дверь... Испуганная женская фигура шагнула ему на встрѣчу.»

Это оказалась блондинка, бывшая на гуляньѣ.

«Онъ упалъ къ ея ногамъ, *желѣзнымъ* кольцомъ обвился вокругъ ея гибкаго, дѣвственнаго стана»...

— Все это прекрасно! говоритъ растроганный читатель. И трогательная заботливость отца, предлагающаго дочери, испугавшейся «еврейско-русскаго студента», лимонаду и «исполинскіе скачки» Александра и его «дикій аллюръ». Но для чего все это разсказано? Причемъ здѣсь Америка и «Въ Америку»?

А вотъ для чего. Нѣсколько человѣкъ русско-еврейскихъ эмигрантовъ въ Нью-Іоркѣ затѣяли устроить русскую читальню, собрались, потолковали, поспорили, рѣшили выписать кое-какія газеты и журналы, но дѣло разстоилось.

— Но причемъ-же здѣсь Александръ съ его «скачками» и «аллюрами» и Мери, боящаяся «русско-еврейскихъ студентовъ»? недоумѣваетъ читатель.

Объ этомъ нужно спросить самого г. Петриковскаго, который съумѣлъ и то, и другое совмѣстить въ одномъ разсказѣ.

Разсказъ «Четвертое Іюля»:

Аронъ, возвращаясь со американскаго національнаго праздника «Четвертое Іюля», предается воспоминаніямъ и между прочимъ вспоминаетъ, какъ однажды онъ—

сидѣлъ у окна и читалъ «Дѣло». Вошелъ его товарищъ Муравицкій.

— Ты, Аронъ, давно желалъ познакомиться съ бытомъ падшихъ женщинъ, не отправиться-ли намъ теперь-же на экскурсію?

— Пожалуй, пойдемъ.

Быстрыми шагами прошли они широкую пыльную улицу, повернули въ длинный тѣсный переулокъ и очутились передъ маленькимъ домикомъ. Войдя въ залу, Муравицкій представилъ Арона молодой женщинѣ лѣтъ 22 съ нѣжнымъ безъ румянъ лицомъ и темными, тоскливо-задумчивыми глазами, а самъ скрылся

въ сосѣдней комнатѣ, откуда доносились скабрезныя пѣсеньки, распѣваемыя хриплыми женскими голосами.

Аронъ конфузливо подалъ руку молодой женщинѣ, отвѣтившей слабымъ пожатіемъ руки. Онъ сѣлъ. Завязалась бесѣда. Наружность ея, складъ рѣчи, голосъ сильно поразили его. Поздно ночью вернулся онъ домой. За эту ночь онъ пережилъ многое. Его сердце мучительно сжималось.

и т. д. въ томъ-же родѣ. Аронъ окончательно влюбился въ эту падшую дѣвушку, сошелся съ нею, но не надолго, потому что она умерла отъ родовъ. Передъ смертью

глаза ея сверкнули чуднымъ блескомъ. Съ нечеловѣческою силою обхватила она Арона, прижала къ своей бурно-клокотавшей груди, обожгла его губы огненнымъ поцѣлуемъ... и ея не стало . . . .

— Все это прекрасно, говоритъ опять читатель, и дѣлаетъ честь и Арону и падшей дѣвушкѣ. Но причемъ же здѣсь Америка и 4-е іюля?

Объ этомъ опять-таки нужно спросить самого г. Петриковскаго.

Слѣдующаго за симъ разсказа «Борьба за существованіе» мы передавать не будемъ. Онъ отличается тѣми-же достоинствами и литературными красотами, какъ и предъидущіе. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь цѣликомъ, помѣщенное въ немъ стихотвореніе, которое авторъ совершенно серьезно считаетъ за прекрасное поэтическое произведеніе и даже по этому поводу вспоминаетъ чудную строфу изъ одного произведенія нашего талантливаго поэта С. Г. Фруга. Вотъ это стихотвореніе, которое какъ будто цѣликомъ выхвачено изъ почтоваго ящика какого-нибудь юмористическаго журнала:

Ширь безбрежная.
Буря мятежная
Мчитъ «dahin»
Пароходъ-исполинъ.
Барашки бѣлые
По волнамъ, смѣлые,
Толпами гуляютъ,
Влагой сверкаютъ.
Боцманъ неугомонно
Вторитъ монотонно
Матросамъ удалымъ
Свисткомъ команднымъ.
Бездна кипитъ,
Играетъ, бурлитъ.

Странникъ стоитъ,
Угрюмо грезитъ.
А грезы то *смурныя*,
Мрачныя, бурныя
О счастьѣ быломъ
Въ краѣ родномъ.
Стихли порывы могучіе,
Звуки полились пѣвучіе,
Тоски безнадежной полные,
Душу рвущіе, укорные:
«Не говори, что въ тебѣ умерли:
«Вѣра, надежда, огонь любви,
«Что муки народныя у тебя отняли
«И пылкость и жаръ кипучей крови.
«Что въ мощь Израиля извѣрился ты,
«Что его воскресить—безумца мечты!»
«Смотри, дочь Сіона узнаешь ли ты!
«Поблекла краса, свѣжесть ланитъ,
«Въ морщинахъ лицо, въ сердцѣ стыдъ,
«Опозорено ложе... все это знаешь-ли ты?
«А кругомъ-то кругомъ погляди:
«Не бурей гонимыя тучи хмурныя
«Выси небесныя покрыли лазурныя,
«Мракомъ кромѣшнимъ на-земь легли,
«Не рабовъ полчища, потомковъ тьмы,
«Не цыганъ станицы строятъ ряды:
«То народъ твой, Израиль проснулся,
«Грязь ассимиляціи отряхъ, встрепенулся,
«Котомка на плечахъ, посохъ въ рукѣ,
«Онъ пѣсней побѣдной взываетъ къ тебѣ...
«Прочь же сомнѣнія, души невзгоды,
«Закипите аккорды любви,
«И подъ блескомъ святой свободы,
«Дружно домой двинемся мы»...
Бездна кипитъ,
Бездна играетъ.
Странникъ стоитъ
Счастьемъ сіяетъ...

Мы не знаемъ кто авторъ этого удивительнаго произведенія, но по таланту онъ несомнѣнно родной братъ г. Петриковскаго.

Затѣмъ мы снова пропускаемъ нѣсколько разсказовъ и останавливаемся на слѣдующемъ описаніи «Американскаго погрома»:

На двухъ евреевъ-героевъ Александра Смита и нѣкоего

Адольфа и на ихъ женъ нападаетъ цѣлая толпа разъяренныхъ негровъ, возмутившихся тѣмъ, что упомянутыя жены героевъ играли въ воскресенье на фортеньяно.

— Ни съ мѣста, разбойники, послышался гнѣвный голосъ Адольфа, — или смерть вамъ! и два дула направились на толпу. Негры попятились, грозно помахивая дубьемъ. Джимъ и два другихъ оборванца помчались къ окну... Раздались два выстрѣла: Джимъ остался одинъ въ двухъ шагахъ отъ дома.

Звѣрски размахивая бритвой и опираясь о дубье, онъ исполинскимъ прыжкомъ махнулъ на подоконникъ. Съ ревомъ и крикомъ толпа ринулась черезъ убитыя тѣла товарищей... Еще два выстрѣла и Джимъ съ разбитымъ черепомъ упалъ на головы разсвирѣпѣвшихъ негровъ.

— Саша, прошепталъ Адольфъ—мерзавцы забираются во дворъ пустить пѣтуха... Выстрѣлъ, другой, третій... визгъ сентъ-бернардца... Ага! Сара заговорила, прошепталъ Адольфъ, приникнувъ ухомъ.

— За мной, брось ружье и дѣйствуй револьверами, а я своимъ штуцеромъ выкину имъ мексиканское колѣнце и Александръ выпрыгнулъ изъ окна, Адольфъ послѣдовалъ за нимъ . . . .
Схвативъ штуцеръ за дуло, Александръ сталъ дѣйствовать имъ, какъ палицей... Ужасны были его удары, негры ложились вокругъ него словно снопы... Стоны раненыхъ, глухіе, рѣзкіе удары штуцера, выстрѣлы, испуганные крики струсившихъ негровъ—все это смѣшалось въ какой то хаосъ... Мой Богъ! я слышу крики Сары, заревѣлъ Адольфъ, увертываясь отъ удара чумазаго... Александръ издалъ боевой крикъ американскаго солдата и гигантскимъ скачкомъ ринулся впередъ, проложивъ своей ужасной дубиной проходъ изъ мертвыхъ тѣлъ... Негры испустили отчаянные крики и безъ оглядки пустились бѣжать въ поле. Наши герои опрометью побѣжали на дворъ. Дубовая дверь кабинета была сорвана съ своихъ петель. Сара съ окровавленнымъ лицомъ отбивалась отъ двухъ негровъ маленькой сѣкирой... На дворѣ валялись три негритянскихъ трупа, надъ которыми копошился сентъ-бернардецъ. Разбойники, услышавъ быстро приближающійся топотъ человѣческихъ ногъ, обернулись... Раздались два выстрѣла и негры упали къ ногамъ грозныхъ мстителей...

Ахъ, какъ красиво и, главное, какъ правдоподобно!..

Но не довольно-ли, читатель? Если вамъ еще недостаточно приведенныхъ здѣсь перловъ изъ произведенія этого новаго Фенимора Купера, то за полтора рубля вы можете себѣ доставить удовольствіе прочесть всю книгу г. Петриковскаго. Но право и эти деньги, и это время можно употребить на гораздо болѣе полезное дѣло, чѣмъ на чтеніе болѣзненнаго бреда этой несчастной жертвы писательскаго зуда.

М. Л.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау

Іюнь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Офицерская. 17.
1884.

ЮДИФЬ.

(*Окончанie* *).

IV.

Въ коморкѣ тихой чуть сiяетъ
Лампады свѣтъ... Вкругъ тишь царитъ...
„Она“ не спитъ и все мечтаетъ...
Желанный сонъ отъ глазъ бѣжитъ.

„Она“ горитъ... Ей тяжко... душно...
И сердцу тяжело вздохнуть...
Какъ будто стѣны давятъ грудь...
И быстрой мысли вдругъ послушна,

Въ прохладный садъ бѣжитъ „она“...
Прохлада... Тишь... вокругъ все тѣни...
Не дрогнетъ листъ... Въ какой-то лѣни
Поникло все... Вверху луна

Среди алмазныхъ звѣздъ сiяетъ...
И свѣтъ волшебный озаряетъ
Ночной таинственный эфиръ...
Во снѣ покоится весь мiръ...

* См. „Восходъ“, кн. 5.

Легко... Свободно... Но волненья,
Въ груди затихшія, опять
Съ ней начинаютъ воевать...
Сильнѣе бурныя сомнѣнья

Тревогу вновь рождаютъ въ ней...
Она бѣжитъ въ тѣни вѣтвей...
Бѣжитъ... Уже заря алѣетъ...
Окрасилъ пурпуръ полосой

Сводъ неба темно-голубой...
И таетъ полумракъ... Свѣтлѣетъ...
Она все борется съ собой...
. . . .

Нагія горныя вершины
Въ туманѣ утреннемъ стоятъ...
Внизу зеленыя долины,
Росой омытыя, блестятъ...

„Она“ идетъ... Трудна дорога
По узкимъ скатамъ мрачныхъ горъ,
Но полнъ надежды свѣтлый взоръ,
Въ груди подавлена тревога...

„Она“ идетъ... За ней одна
Рабыня вѣрная шагаетъ...
Вотъ видитъ вражій станъ она...
Вотъ стражу гдѣ-то окликаютъ...

Вотъ разноцвѣтные ковры,
Покрывши низкіе шатры,
Кругомъ узорами пестрѣютъ...
Мечи и копья пламенѣютъ...

И шлемы золотомъ горятъ...
Ужъ на пути ихъ стражи рядъ...
Ужъ блещетъ тканью золотою
Завѣса на шатрѣ вождя...

Вотъ съ нимъ, шумящею толпою,
Сидятъ сатрапы и друзья...
Вино хмѣльное золотится
Огнемъ въ бокалахъ золотыхъ;

Рабы послушные близь нихъ
Стоятъ съ амфорами... Струится
Душистой легкою волной
Дымъ изъ курильницы... Фонтаны

Въ плющѣ зеленомъ и цвѣтахъ...
Щиты, и стрѣлы, и колчаны
На разукрашенныхъ стѣнахъ...
Ея глаза все ослѣпляетъ...

Но взоръ вперяетъ вдругъ въ вождя
И льется рѣчь изъ устъ ея...

. . . .

V.

Вновь въ сердцѣ мука оживаетъ,
Но вновь отвага духъ крѣпитъ;
Юдифь блѣдна... Но страхъ забытъ...
Души кипучія волненья,

Тревогой полныя, мгновенья
Пропали искрой огневой,
Небесъ падучею звѣздой.
Струится въ жилахъ кровь теплѣе,

Сверкаетъ мщеньемъ взоръ смѣлѣе
Изъ-подъ рѣсницъ горящихъ глазъ...
„Пусть я измѣнницею васъ
„Веду подъ торжество веселья,

„На городъ мой, черезъ ущелья!...
„Пусть вамъ надежда сны даритъ,
„Что Богъ Израиля казнитъ...
„Пусть льются рѣзвыя бесѣды,

„О скоромъ праздникѣ побѣды...
„Враги мои! Я къ вамъ пришла
„Не пиръ дѣлить презрѣнный съ вами!“
И вкругъ она глядитъ, смѣла...
Пируетъ вождь съ его друзьями...

VI.

Все спитъ Въ долинѣ Эздрелонской
Царитъ святая тишина...
Ни крикъ, ни шумъ, ни топотъ конскій...
Все утонуло въ грезахъ сна...

Могильный мракъ густымъ туманомъ
Окуталъ дремлющій просторъ...
Нависли скалы черныхъ горъ
Надъ ассирійскимъ спящимъ станомъ...

Стоятъ нарядные шатры,
Какъ безотвѣтныя могилы...
Ужъ ихъ давно собой покрыли
Востока чудные ковры.

Давно оконченъ пиръ веселый,
Евнухъ шатра задернулъ полы,
И, сильно упоенъ виномъ,
Спитъ Олофернъ тяжелымъ сномъ...

Одна Юдифь не спитъ, не дремлетъ,
Въ рукѣ простертой мечъ блеститъ...
Предъ нею спящій вождь лежитъ...
Она стоитъ и чутко внемлетъ...

Кругомъ безмолвіе царитъ.
Насталъ ужъ мигъ желанный мщенья,
Прочь чувство робости скорѣй!
И смерть и грозныя мученья

Теперь совсѣмъ не страшны ей!
Она вокругъ себя взглянула
И съ дикой силою шагнула...
Сверкнули молніей глаза,

И грознымъ взмахомъ въ волоса
Рука могучая вцѣпилась...
Не измѣнилъ Юдифи мечъ...
Безъ крика и безъ стона съ плечъ
Тирана голова скатилась...

VII.

Расплылся утренній туманъ,
Грохочетъ въ полѣ барабанъ...
Встаютъ бойцы, коней сѣдлаютъ.
И шумъ и звонъ не умолкаютъ...

Несется вѣсть изъ устъ въ уста,
Что ужъ съ занявшейся зарею,
Израиль тучей грозовою
Несется къ нимъ...
Всѣ ждутъ вождя,

А вождь все спитъ...
Ужъ солнце всплыло
И міръ проснувшійся облило
Сіяньемъ огненныхъ лучей...

Разлились тонкой влаги струи.
Блеснула башня Вэтилуи;
И вотъ Ассура станъ на ней,
Глубокимъ страхомъ пораженный,
Увидѣлъ голову вождя...

Шатры въ долинѣ разнесёны...
Дрожатъ подъ звонъ и шумъ поля...
Бѣгутъ въ смятеньи Ассирьяне,
Ихъ гонятъ въ степь Израильтяне.
Копыта бѣшеныхъ коней
Отставшихъ топчатъ средь полей.

С. Варгафтигъ.

СПБ. 1884.

ХОЛЕРНАЯ СВАДЬБА.

I.

Холера! Холера! Въ маленькомъ и жалкомъ городкѣ С. стоны, плачъ и трепетъ. Повсюду пустынно и безмолвно, точно все живое вымерло. Нѣтъ уже того суетливаго движенія, какое еще можно было наблюдать такъ недавно. На базарной площади стало уже такъ пусто и безжизненно, что осаждавшіе ее прежде воробьи и городскіе голуби, не находя себѣ никакого корма, перестали украшать и оживлять ее своею неугомонною дѣятельностью, своимъ веселымъ щебетаніемъ и своими вѣчными, безпрестанными подпрыгиваніями и перепархиваніями,—и только одни затвердѣвшіе и пересохшіе слѣды колесъ и всякія неровности, какъ они остались послѣ послѣднихъ дождей, краснорѣчиво свидѣтельствовали, что люди тутъ прежде живо и безтолково толкались, шлепались и бились въ грязи изъ-за десятка яицъ или изъ-за мѣрки картошекъ. Даже въ базарные дни, когда горькая и монотонная жизнь набожныхъ и смирныхъ обывателей С. обыкновенно прерывалась и разнообразилась богопротивными криками, шумомъ, руганью, проклятіями и иногда еще драками покупателей и продавцевъ, рѣдко-рѣдко глазъ могъ встрѣтить безобразный и искривленный возъ несчастнаго и тупаго бѣлоруса, котораго только одна безъисходная и неумолимая нужда могла загнать въ городокъ, гдѣ страшный бичъ божій—холера—свирѣпствовала во всей своей безпощадной и мертвящей силѣ.

Смерть и ужасъ вѣетъ надъ неподвижнымъ и полумертвымъ городкомъ, подъ палящими и блестящими лучами іюльскаго солнца. Нигдѣ нѣтъ спасенія, — всепожиращее чудовище не-

сется въ страшно удушливомъ и зараженномъ воздухѣ, распространяя смерть и опустошеніе, гдѣ только ему вздумается. Вся дѣятельность и все движеніе городка сосредоточились уже на кладбищѣ, гдѣ постоянно слышны вопли и безконечныя причитыванія матерей, вдовъ и сиротъ. Кругомъ же, на всѣхъ площадкахъ, переулкахъ и перекресткахъ, вмѣсто прежнихъ крикливыхъ и оживленныхъ кучекъ людей возлѣ шинковъ и бѣлорусскихъ возовъ, въ крайнемъ безпорядкѣ расположены были многочисленныя кучки тлѣющаго навоза, распространявшія такой пріятный и благоухающій запахъ, что даже сама неразборчивая холера должна была, по мнѣнію благовѣрныхъ обывателей С., удрать какъ можно дальше отъ нихъ. Число и огонь ихъ постоянно поддерживались и усиливались заботами мальчишекъ, которымъ эти необычайныя занятія и зрѣлище доставляли нѣкотораго рода развлеченіе, и, глядя на блѣдные и вьющіеся дымки этихъ безобразныхъ и вонючихъ кучекъ, такъ и казалось, что вотъ какъ будто на городокъ напала дикая и лютая орда людоѣдовъ и весело тутъ празднуетъ свою тризну... брръ!...

Холера! Холера! Въ одинъ-два мѣсяца она совершенно измѣнила всю внѣшнюю и внутреннюю жизнь — если, впрочемъ, это была жизнь—городка, разшатала и опустошила его, перевернула все вверхъ дномъ. Все живое ежится и прячется въ страхѣ и ужасѣ. Каждый ходитъ съ опущенной и поникшей головой, съ ясными слѣдами слезъ на блѣдномъ и исхудаломъ лицѣ, каждый старается какъ можно меньше показываться, какъ можно скорѣе перебѣжать опустѣвшіе проулки городка, когда уже очень нужно выходить изъ дома, и живо скрывается у себя или въ синагогѣ, пугливо озираясь по сторонамъ, не стоитъ ли за его спиной страшное и ненасытное чудовище, не хочетъ ли оно наброситься на него и мгновенно сразить его. Возлѣ ветхихъ и жалкихъ домиковъ лабиринто-образныхъ проулковъС. кой-гдѣ появляется печальная и согбенная фигура полуживой отъ страха и горя матери и грязный, оборванный и косматый ребенокъ, еще смутно понимающій, въ чемъ-то тутъ дѣло, и какъ-то вопрошающій пространство своими черными и живыми глазенками, почему это кругомъ такъ не-

обычайно тихо и почему это всѣ то горько плачутъ, то тяжко вздыхаютъ и вздрагиваютъ. Даже во время утреннихъ и вечернихъ молитвъ, которыя уже неукоснительно творились всѣму благовѣрными жителями С. не иначе, какъ въ самой синагогѣ, на окружавшей ее неправильной формы площади уже не видно было прежнихъ оживленно бесѣдовавшихъ о разныхъ разностяхъ группъ, не слышно было обыкновенныхъ ссоръ и криковъ, и только изрѣдка буйные и шаловливые мальчишки тихо и боязливо кружились около навозныхъ кучекъ, отравлявшихъ душный воздухъ городка и омрачавшихъ ее своимъ вонючимъ дымомъ. Да что и говорить, — не до разговоровъ и гулянья было дрожавшимъ отъ страха жителямъ С., гдѣ ангелъ смерти то и дѣло безжалостно вырывалъ новыя и новыя жертвы,.. о, далеко не до того!

Холера! Холера! Она одна вольно, безбоязненно и гордо щеголяла, скакала и прогуливалась повсюду, проникала безпрепятственно черезъ двери, крыши и трубы въ дома и хижинки, въ самые сокровенные уголки городка, безпрестанно сѣя по капризу смерть и глубокое горе на своемъ проклятомъ пути. По талмудическому сказанію, въ такое время ангелъ смерти надменно поднимаетъ свою костлявую голову и уже не пробирается робко, какъ въ обыкновенное время, по сторонамъ, по тротуарамъ улицъ, а прямо бѣжитъ по ихъ серединѣ грознымъ хозяиномъ. Въ городкѣ всѣ, конечно, глубоко вѣрили въ это сказаніе и, отчасти еще по инстинкту, постоянно держались и ютились возлѣ стѣнъ домиковъ, съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ посматривая на изсохшія и горячія отъ жгучаго іюльскаго солнца улички, гдѣ непремѣнно должно было обрѣтаться это страшилище «малахъ-амовесъ», ангелъ смерти и несчастія. А онъ уже даже не бѣжалъ, а просто носился вихремъ, и запуганнымъ мальчишкамъ такъ и мерещилось, что онъ въ какомъ-то фантастически-страшномъ одѣяніи гигантскими шагами скачетъ по тѣмъ самымъ плоскимъ и широкимъ синеватымъ срединнымъ камнямъ двухъ-трехъ мощеныхъ улицъ С., по которымъ они прежде сами такъ живо и весело прыгали и на которыхъ они такъ охотно играли и постукивали своими желѣзными шариками.

Эй, берегись! Дорогу холерѣ, дорогу вольную и просторную!... Но все уже разбѣжалось или пало передъ ея всесокрушающей колесницей... Среди щемящаго и мрачнаго безмолвія, прерываемаго иногда душу раздирающими воплями женщинъ и всеобщими глухими, надтреснутыми стонами и рыданіями, совершается ея тріумфальный маршъ. Отъ времени до времени душный и горячій воздухъ разноситъ какіе-то глухіе и загробные звуки, отъ которыхъ кровь въ жилахъ застываетъ. Страшно!... Это погребальная братія мѣрно и печально тянется со своими жертвами за неумолимымъ побѣдителемъ. Цдоко тацелъ бемовесъ! Благоторительность спасаетъ отъ смерти! надорваннымъ и хриплымъ голосомъ по временамъ вскрикиваетъ какой-нибудь погребальщикъ, звоня монетой въ пустой жестяной кружкѣ... Цдоко тацелъ бемовесъ! Ахъ, какъ невыразимо тяжко и мрачно становится на душѣ, когда въ ушахъ раздаются эти похоронные звуки, и какой ужасъ и необъятную тоску они наводятъ на хилыхъ и измученныхъ обывателей С.! Трезвонь, трезвонь, погребальщикъ, тряси жалкую монету, которую самъ же бросилъ въ кружечку! Кричи, кричи громче и чаще! можетъ быть, кто-нибудь да отзовется, можетъ быть, какая-нибудь дрожащая рука потянется къ кружечкѣ... Но напрасный трудъ! Смотри, какъ все прячется и замираетъ при твоемъ появленіи, герольдъ смерти, смотри, какъ всѣ дрожатъ и стонутъ, какъ обезумѣвшія отъ страха матери судорожно прижимаютъ къ своимъ изсохшимъ грудямъ своихъ оставшихся въ живыхъ ребятъ при загробныхъ звукахъ твоего охрипшаго голоса!... О, успокойся, успокойся, несчастный! Вѣдь никто не подойдетъ къ тебѣ на этотъ разъ, какъ и прежде, за часъ-два назадъ, не подойдетъ къ тебѣ до самихъ воротъ кладбища, гдѣ призракъ смерти, который вотъ несется передъ тобою съ раскрытыми громадными и безобразными челюстями, съ глубокими дырами вмѣсто глазъ, и тащитъ тебя за собою, живо приметъ свою жертву и отправитъ тебя вновь въ путь... Цдоко тацелъ бемовесъ! Эй, дорогу холерѣ, дорогу въ царство вѣчнаго покоя!...

Бѣдные погребальщики и могильщики! Много, много приходилось имъ работать въ эти дни жгучаго солнца и еще бо-

лѣе жгучихъ слезъ. Уже они совсѣмъ изъ силъ выбились. Съ утра до вечера они постоянно на ногахъ и безъ отдыха совершаютъ свою мрачную работу. Тупо, равнодушно и устало одни изъ нихъ привычною рукою выносятъ, при общемъ плачѣ родственниковъ, жертвъ холеры и медленно, не торопясь, совершаютъ свою обычную дорогу на кладбище и обратно; а другіе въ это же время, обливаясь потомъ, съ неменьшимъ равнодушіемъ, съ неменьшею тупостью и усталостью все постукиваютъ лопатами о пересохшую землю.... Только они одни прерываютъ тишину городка своею страшной дѣятельностью и не даютъ ему окончательно превратиться въ дѣйствительный уголокъ сказочнаго царства спящей королевны. Кипитъ работа на кладбищѣ, и трепетно бьются сердца несчастныхъ плакальщицъ, уже только стонущихъ и тяжко вздыхающихъ отъ усталости и недостатка слезъ! Глухо раздается мѣрный звукъ лопаты могильщика, но онъ немедленно покрывается душу раздирающими криками сотни женщинъ, громкими рыданіями однѣхъ и безконечными причитываніями другихъ. И онѣ тоже съ утра до вечера тутъ усиленно работаютъ, но работаютъ глазами, гортанью и ртомъ, валяясь на землѣ отъ горя и усталости и моля своихъ дорогихъ и уже непремѣнно праведныхъ и хорошихъ умершихъ о заступничествѣ передъ Всевышнимъ. И гдѣ только у нихъ силы берутся, чтобы безъ умолку вопіять и тараторить цѣлый день? Удивительно даже. О, мой Богъ! сколько тутъ горючихъ слезъ ежедневно проливалось, сколько безсмысленныхъ и дикихъ словъ произносилось тутъ каждую минуту!

Въ теченіи какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ чуть ли не цѣлые полгородка переселилось уже на кладбище и насильственно отправилось въ вѣчность. Во всемъ С. не найдется уже ни одного домика, гдѣ бы горько не оплакивали своихъ жертвъ. Кто не досчитываетъ отца, кто матери, кто братьевъ и сестеръ, кто мужа, жены или дѣтей, а кто тѣхъ и другихъ вмѣстѣ!... Есть уже такіе домики, гдѣ буквально все вымерло, ни живой души.... пусто и мрачно!...

Ахъ холера! скоро ли все это кончится, долго ли еще ты будешь продолжать носить смерть и разрушеніе надъ головами

несчастныхъ жителей С.? Смотри, вѣдь это уже не люди, а просто какія-то тѣни и щепки! И что имъ дѣлать, какъ имъ избавиться отъ твоего смертоноснаго дѣйствія?

Уже три раза въ городкѣ былъ наложенъ на всѣхъ благовѣрныхъ дневной постъ, три раза все взрослое населеніе С. собиралось вмѣстѣ въ синагогѣ, усердно молилось, отчаянно плакало и рыдало, било себя въ грудь и по всѣмъ правиламъ умоляло Іегову сжалиться надъ ними, грѣшными. Мужчины, женщины и дѣти — все это ничего не ѣло и не пило въ эти страшные дни, буквально ничего, — и только нараспѣвъ и съ громкими рыданіями читало и проглатывало цѣлую массу всевозможныхъ молитвъ. Женщины, тѣ такъ просто выли, выли безсмысленно, не давая себя никакого отчета о совершающемся, выли и плакали по инерціи,—да и глаза у нихъ такъ распухли отъ слезъ, что онѣ уже ничего даже не могли ни видѣть, ни различать. Ахъ! что только тогда дѣлалось въ маленькой и ветхой синагогѣ.... сущій адъ кромѣшный! Трудно, просто невозможно передать словами то отчаяніе, тотъ ужасъ, ту безграничную покорность и преданность волѣ Іеговы, которыя выражались въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ звукѣ с — скихъ жителей. Среди мертвой окружающей тишины и спокойствія, подъ чистымъ и блестящимъ небомъ, изъ оконъ и щелей синагоги вмѣстѣ съ тусклыми лучами многочисленныхъ сальныхъ свѣчекъ вырывались такіе раздирающіе вопли, такой гулъ и гвалтъ, что даже кладбищенскіе жители навѣрно съ испугомъ выскочили бы изъ своихъ могилъ, если-бы.... ну, да... если-бы они не были мертвы, а посторонній зритель, тотъ бы прямо рѣшилъ, что тутъ людей рѣжутъ и живьемъ сжигаютъ...

Тщетные, безполезные вопли и мольбы!... И во всѣ прочіе дни тоже, конечно, преусердно и преизобильно молились и плакали въ С., но уже несравненно болѣе тихо. Во всякое время дня и ночи въ синагогѣ можно было видѣть достаточное число благовѣрныхъ, то яростно, то уныло и сонно качавшихся передъ раскрытыми большими талмудическими трактатами. Многіе такъ просто и не выходили изъ синагоги, а нѣкоторые даже добровольно постились цѣлые дни каждую недѣлю и до того морили себя голодомъ и талмудомъ, что, право; удиви-

тельно, какъ они еще на ногахъ держались, какъ хватало у нихъ силъ такъ долго глотать священную мудрость, и глотать безъ отдыха и остановки! Праведныя щепки! молитесь, поститесь, изнуряйте себя больше—холера васъ ждетъ и охотно приметъ!...

Богомерзкая и проклятая! Она никого и ничего не слышитъ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на мольбы, горе и плачъ с—скихъ жителей. Напротивъ! послѣ каждаго скопленія благовѣрныхъ въ синагогѣ она набрасывается еще съ большею силою и стремительностью и дѣлаетъ страшныя опустошенія среди изнуреннаго и хилаго населенія С... Послѣ послѣдняго и самаго строгаго поста, она, какъ на зло, ухитрилась на слѣдующій же день сразить самого раввина, походившаго къ концу своего поста на живаго мертвеца, его жену и почти все его потомство и еще, вдобавокъ, прихватила кантора, сборщика и пр. Ахъ! было съ чего съ ума сойти. Благовѣрнымъ с—скимъ обывателямъ такъ и казалось, что конецъ свѣту наступилъ, и многіе изъ нихъ, особенно женщины, просто обезумѣли отъ страха и ужаса. Что дѣлать? Что дѣлать? Куда дѣться? Какъ спастись отъ смертельныхъ ударовъ божьяго бича? Неужели нѣтъ выхода, нѣтъ спасенія? Э, ничего! Велика, крѣпка вѣра Израиля въ благость и милосердіе Іеговы! И никакой чумой, никакой холерой, никакими силами ада изъ сердца его нельзя вырвать того глубокаго убѣжденія, что и эта холера пройдетъ, какъ всѣ прежнія, что вѣчный народъ останется вѣчнымъ и что Богъ Авраама, Исаака и Іакова сжалится надъ ними, если только, разумѣется, они будутъ безпрекословно ему повиноваться....

И на этотъ разъ, какъ ни страшна была для нихъ холера, какъ она ни ужасала и ни прибивала ихъ своею свирѣпостью, безпощадностью и отчаяннымъ упорствомъ, они все-таки не пали настолько духомъ, чтобы безпомощно сложить оружіе передъ всемогущимъ врагомъ. Нужды нѣтъ, что усердныя молитвы и изнурительные посты нисколько не помогали, они тѣмъ не менѣе продолжали еще сильнѣе прежняго молиться и вымаливать пощаду у Іеговы. «Что бы тамъ ни случилось,—справедливо разсуждали они,—нужно постоянно молить Бога,

чтобы Онъ умилосердился надъ нами. О, мы страшно согрѣшили, мы большіе грѣшники, но благость Его велика, !Онъ проститъ насъ!» О, нѣтъ! они не таковы, они молчать не будутъ и не оставятъ Іеговы въ покоѣ, будь что будетъ! Постой, холера! Ты увидишь и почувствуешь, съ кѣмъ ты имѣешь дѣло. Они бросятъ тебѣ перчатку вызова, послѣднюю ставку своего священнаго скарба, и на могилахъ твоихъ многочисленныхъ жертвъ, въ самомъ центрѣ твоего мрачнаго царства, они пропоютъ тебѣ похоронный маршъ и протанцуютъ пляску жизни и веселья..... Эй, берегись же и ты и не шути съ Минке губернаторкой!..

II.

Давно уже она, т. е. Минке ди губернаторке, всѣмъ и всякому твердила, что для полнаго и скораго избавленія отъ холеры нѣтъ лучшаго средства, какъ... какъ свадьба на кладбищѣ!

— Иначе ничего не будетъ,—безпрестанно повторяла она:—всѣ эти молитвы, всѣ эти посты—все это очень хорошо и спасительно, но все-таки непремѣнно нужно устроить свадьбу на кладбищѣ. Да, да, иначе мы никакъ не избавимся отъ холеры,—скороговоркой и самоувѣренно заканчивала она свою болтовню.

Свадьба на кладбищѣ! Минке даже просто говорила о свадьбѣ, до того ей самой и всѣмъ ея слушателямъ и слушательницамъ понятно было, о какой такой свадьбѣ идетъ рѣчь. Но вначалѣ—Минке уже начала агитировать послѣ первыхъ дней появленія холеры, и, еслибы ей дали волю, она бы десятками устраивала свадьбы на кладбищѣ — она напрасно тратила весь порохъ своего назойливаго краснорѣчія, и слова ея оставались чуть ли не гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ женщинъ, такихъ же болтливыхъ и хлопотливыхъ, какъ и она сама, всѣ, особенно вліятельные представители городка и талмудисты, только пожимали плечами и даже не выслушивали ее, не смотря на все уваженіе и признательность, которыя все же къ ней чувствовали. Не то, конечно, чтобы обывателямъ С. показалась бы дикой и необыкновенной мысль о кладбищенской свадьбѣ, чтобы они находили такую свадьбу

безполезной и богопротивной. Даже напротивъ! всѣ они смотрѣли на нее, какъ на очень естественную, полезную и богоугодную мѣру, всѣ они считали ее необходимой и спасительной и были, словомъ, на этотъ счетъ совершенно такого же мнѣнія, какъ и всѣ прочіе литовскіе евреи, даже какъ сама Минке ди губернаторке.

Но почему уже, однако, въ городкѣ долгое время не слушались ни резоновъ, ни просьбъ, ни заклинаній послѣдней? А причина-то была совсѣмъ простая: — разногласіе было только во времени, въ одномъ только времени, ни больше, ни меньше. Въ то время, какъ Минке съ еще нѣсколькими сердобольными старушками находили, что свадьбу (разумѣется, на кладбищѣ) надо устроить, какъ можно скорѣе, не медля, всѣ болѣе хладнокровные и истинно разумные люди С., напротивъ, находили ее преждевременной и откладывали, какъ послѣднее средство спасенія, на неопредѣленный срокъ, когда другія средства окажутся недѣйствительными.

И, должно сказать, справедливость на этотъ разъ безспорно была на сторонѣ большинства или, правильнѣе говоря, на сторонѣ мужской половины С. Минке... но уже позвольте познакомить васъ съ ней. Замѣчательная это была женщина, эта юркая и болтливая Минке! Маленькая, кругленькая, черненькая, съ черными блестящими глазами, съ широкимъ ртомъ, гдѣ красовался сильно разстроенный рядъ почернѣвшихъ и полусгнившихъ зубовъ, съ крайне подвижными и выразительными чертами лица, она ни минуты не оставалась въ покоѣ, вѣчно суетилась, какъ будто что-то искала очень важное и нужное, и уже, разумѣется, безъ умолку говорила, спорила и тараторила. Все на ней безпрестанно какъ-то двигалось и перемѣщалось, начиная съ ея достопримѣчательнаго пожелтѣвшаго и страшно засаленнаго парика, который то и дѣло спускался на затылокъ по ея выбритой головѣ, и кончая ея юбкой, которая тоже никакъ не могла держаться на ея кругломъ тѣлѣ и постоянно скользила внизъ; такъ что ей сплошь и рядомъ приходилось то приподнимать и привязывать свою далеко не модную юбку, то торопливо надвигать на лобъ свой скорлупный парикъ, чтобы—Боже сохрани! не оставлять обнаженными

нѣсколько торчавшихъ тамъ, едва замѣтныхъ сѣдыхъ волосковъ на искушеніе и соблазнъ дьявола. Однажды даже—да проститъ насъ самъ Всеблагой за крайне нескромное и нечестивое разоблаченіе!—ея юбка... ахъ! ея юбка такъ грѣховодно и богомерзко разошлась, что она, сама Минке губернаторке, къ своему немалому ужасу и сраму, очутилась посреди базарной площади, при всеобщемъ дружномъ хохотѣ и гикѣ присутствовавшихъ, очутилась чуть ли не въ одной рубахѣ!.. Ахъ! это было такъ ужасно, что она тамъ же на мѣстѣ въ обморокъ упала; но справедливость требуетъ замѣтить, что этотъ срамный казусъ случился рано утромъ, когда она, едва одѣвшись и накинувши на себя первое попавшееся платье, наскоро выбѣжала купить что-то на базарѣ.

Въ городкѣ С. несчастіе Минке долгое время служило настоящимъ событіемъ и безконечной темой разговоровъ, и многіе тогда прямо порѣшили, что это былъ перстъ Божій. Она же сама глубоко была убѣждена, что Богъ этимъ хотѣлъ ее предупредить и наказать, даже очень туманно опредѣляла за что именно; но все-таки послѣ этого, поразившаго ее случая, о которомъ она смерть какъ не любила вспоминать, она стала обращать очень серьезное вниманіе на прочность и исправность шнурковъ своихъ юбокъ. Вообще же она одѣвалась такъ старательно и красиво, обращала на себя и на свою внѣшность такое же вниманіе, какъ и порядочная еврейская сваха, которая уже, по поговоркѣ, носитъ на себѣ не менѣе добраго пуда грязи. Но что же изъ того? Зачѣмъ ей нужно было одѣваться, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ тратить и деньги, и время на такія вещи, которыя въ будущей жизни уже конечно несравненно меньше стоятъ, чѣмъ малѣйшая заплата на ветхомъ одѣяніи какого-нибудь оремъ-бохера? О, была бы только душа чиста, и все прочее хорошо будетъ!

Душа же у Минке, по общему признанію, была наиболѣе чистая и не въ одномъ только городкѣ С. Во всѣхъ окрестныхъ городкахъ она славилась своимъ благочестіемъ и своимъ добрымъ и мягкимъ сердцемъ, и матери даже часто приговаривали своимъ дѣвочкамъ: «дай Богъ, чтобы ты была такъ же благочестива и хороша, какъ Минке изъ С.!» Сами же с—скіе

жители относились къ ней съ величайшимъ уваженіемъ, и хотя она была женщина, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ее выслушивали, даже испрашивали ея мнѣнія и совѣта по поводу всѣхъ дѣлъ городка. И недаромъ, право, она все это заслужила! Она, дѣйствительно, обладала такими превосходными качествами и достоинствами, что только одни низкіе и безчестные люди могли не признавать ихъ. Никто въ С. не принималъ такъ близко къ сердцу всевозможныхъ городскихъ дѣлъ, никто такъ преданно и искренно не отдавался чужому горю, никто такъ беззавѣтно не поддерживалъ словомъ и дѣломъ бѣдныхъ и несчастныхъ — а такихъ было много въ С. — и никто, словомъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать хоть десятой доли того, что дѣлала эта маленькая Минке.

И съ самыхъ юныхъ лѣтъ она уже проявила свои добрыя и благотворныя качества. Какъ это сплошь и рядомъ водилось въ доброе старое время, девяти лѣтъ отъ роду она уже была женщиной и, во всякомъ случаѣ, замужемъ. Очень слабое и малоразвитое дитя, она только прегорько плакала, когда подъ безжалостной бритвой одинъ за другимъ падали ея вьющіеся черные локоны... Ее выдали замужъ, какъ продаютъ цыпленка на базарѣ, выдали за тщедушнаго и робкаго одиннадцатилѣтняго мальчика, котораго она сначала такъ же дичилась, какъ и онъ ея. Такъ рѣшили ихъ набожные и зажиточные родители, рѣшили еще, когда Минке появилась на свѣтъ божій, и такъ и сдѣлали, добрые люди, не измѣнили своимъ словамъ и обѣщаніямъ!

Хорошая и милая это была парочка, право! Жена съ тщательно обвязанной головой бѣгала на дворѣ и играла съ другими дѣвочками, а мужъ сидѣлъ въ хедерѣ и получалъ подзатыльники отъ меламеда. Когда они встрѣчались вмѣстѣ за обѣдомъ, то, при веселыхъ шуткахъ радостныхъ родителей, робко и краснѣя, по временамъ смотрѣли другъ на друга и потомъ, по окончаніи обѣда, скоро разбѣгались въ разныя стороны. Скоро, однако, они свыклись съ своимъ новымъ положеніемъ, и съ тѣхъ поръ благодатная Минке наградила своего мужа цѣлыми двумя дюжинами дѣтей, изъ которыхъ до холеры осталась въ живыхъ половина. Черезъ нѣкоторое время послѣ

свадьбы ее посадили торговать въ лавкѣ ея тестя, которою она съ успѣхомъ до сихъ поръ управляетъ—въ лавкѣ уже сидятъ ея собственныя невѣстки,—и она такимъ образомъ очень рано успѣла ознакомиться съ разнообразными житейскими дрязгами и развиться. Только ея муженекъ, котораго она никогда не любила и всегда безаппеляціонно водила за носъ, остался дуракомъ на всю свою жизнь. Онъ вѣчно сидѣлъ въ синагогѣ и зубрилъ талмудъ, предоставивъ своей женѣ хозяйничать, какъ она съумѣетъ, и, какъ это случается въ Литвѣ, гдѣ часто жены кормятъ своихъ мужей, а мужья сидятъ на талмудѣ, точно насѣдки на яйцахъ, изъ нея съ теченіемъ времени выработалась очень ловкая, дѣятельная и зубастая женщина, что называется бой-баба. Очень быстро она развилась среди мелочной житейской суеты маленькаго городка и скоро стала водить разныя торговыя дѣла не хуже любаго мущины. Но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ домашнихъ заботахъ и хлопотахъ, при всей своей кипучей торговой дѣятельности, она никогда не забывала отдавать должное Богу, никогда не отказывалась помогать нуждающимся и всегда какъ-то находила время вмѣшиваться во всевозможныя дѣла городка.

Словомъ, очень рано она стала отличаться, какъ на человѣческой, такъ и на божественной почвѣ, и еще до сихъ поръ она не имѣетъ себѣ равной не только въ С., но даже во всей губерніи. Но, собственно говоря, настоящая ея слава началась послѣ того, какъ она одна, можно сказать, спасла весь городокъ и даже весь край. Тогда же она завоевала себѣ громкій титулъ губернаторки. Это было лѣтъ тридцать назадъ. Дѣло было чрезвычайно темное и загадочное, и, положительно можно утверждать, никакой прозорливый и хитроумный изслѣдователь уже никогда не раскроетъ его. Изъ устъ въ уста тогда переходила упорная молва, что одна дѣвушка умерла при очень загадочныхъ обстоятельствахъ. Говорили, что она не по правиламъ родила ребенка, что она даже хотѣла креститься, чтобы выйти замужъ за своего любовника-христіанина, и отчаявшіеся родители и родственники рѣшили для избѣжанія позора и безчестья на этомъ свѣтѣ отправить ее для спасенія на тотъ свѣтъ. Изъ всего этого достовѣрно извѣстно было только то,

что дѣвушка, дѣйствительно, какъ-то странно и скоропостижно умерла,—и слухи такъ-бы и остались слухами, еслибы, къ несчастію, они путемъ доноса не дошли до свѣдѣнія властей. Тотчасъ-же, разумѣется, на городокъ набросились слѣдователи, трупъ богохульственно былъ вынутъ изъ могилы, раскрытъ докторами, и въ результатѣ цѣлое множество людей было заарестовано. Все это было истинное несчастіе для городка, на жителей котораго огуломъ взвалили преступленіе. Городская тюрьма поэтому была переполнена наиболѣе почтенной и зажиточной частью С.—слѣдственнаая коммисія арестовывала направо и налѣво, особенно же выбирала наиболѣе вліятельныхъ людей,—а прочіе жители ходили, точно угорѣлые, не зная, за что взяться, какъ помочь бѣдѣ и какъ самимъ избавиться отъ возможности прогуляться по Владиміркѣ или попасть на каторжныя работы. Положеніе, во всякомъ случаѣ, было чрезвычайно опасное, и одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ бы оно закончилось, еслибы Минке—ей тогда было около тридцати лѣтъ, —съ свойственною ей горячностью и живостью, не взялась наконецъ за дѣло. Предоставивъ другимъ копаться и ухищряться въ разныхъ обходахъ и уловкахъ, она сама, на свой собственный страхъ и рискъ, поѣхала въ губернскій городъ, прямо къ губернатору, гдѣ, какъ она не разъ утверждала, находился весь центръ тяжести всего этого несчастнаго дѣла. И она не ошиблась. Не прошло и мѣсяца, какъ дѣло было похоронено такъ ловко, что самъ чортъ съ рогами не могъ бы найти его тонко запутанныхъ концовъ, и всѣ арестованные торжественно были выпущены изъ тюрьмы при всеобщей радости и ликованіяхъ, и, немного спустя, Минке возвратилась «губернаторкой» въ успокоенный и радостный городокъ С!...

Съ этого времени она стала однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ въ С., и въ очень трудныхъ и запутанныхъ общественныхъ дѣлахъ ея голосъ часто получалъ первенствующее значеніе. Всѣ въ городкѣ крѣпко вѣровали, что Богъ избралъ ихъ спасителемъ Минке не столько за ея умъ и находчивость, сколько за ея рѣдкое благочестіе и добросердечіе, и относились къ ней тѣмъ больше почтительно, даже съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ и поклоненіемъ. Она же осталась такой

же доброй, простой и негордой, какъ и прежде, и только увеличились ея самоувѣренность, упорство. Она любила, чтобы ея слушались, любила даже командовать, но она уже пріобрѣла такую славную репутацію, что всѣ кругомъ считали это вполнѣ естественнымъ и обыкновенно охотно подчинялись ей.

Жертвуя и временемъ, и деньгами, она одна больше дѣлала для бѣдныхъ и для синагогальныхъ нуждъ, чѣмъ кто-бы то ни было другой, иногда даже больше, чѣмъ весь городокъ вмѣстѣ. Въ женской синагогѣ она поэтому была полновластной и безконтрольной госпожей, и рѣдко тамъ кто-нибудь поднималъ голосъ противъ нея. Разумѣется, она тамъ была габете (старостиха), но, что болѣе всего тутъ цѣнилось и чѣмъ она дѣйствительно гордилась, это было то, что она считалась между женщинами лучшимъ знатокомъ священныхъ предметовъ и первой чтицей молитвъ (зогерке) чуть-ли не во всей губерніи. Въ этомъ отношеніи уже наврядъ-ли можно было подъискать ей равную на Литвѣ. Она вообще умѣла плавно и много говорить и могла бы переспорить весь міръ, въ синагогѣ же она была неистощима, и ея язычокъ постоянно работалъ за цѣлые десятки безграмотныхъ женщинъ, которыя окружали ее, точно царицу, и только вздыхали и подхлипывали по инерціи, благоговѣйно подхватывая долетавшія до нихъ безъ всякаго смысла слова.

Но изъ всѣхъ многочисленныхъ и хорошихъ качествъ Минке лучшимъ и благороднѣйшимъ безспорно было то, что всѣ бѣдные ее всегда беззавѣтно и искренно любили и даже просто благословляли. Съ каждымъ годомъ она становилась все набожнѣе и благотворительнѣе и за нѣкоторое время до холеры почти совсѣмъ бросила свои торговыя дѣла, замѣнивъ ихъ богоугодными. Нищіе никогда не выходили изъ ея дома съ пустыми руками; нуждающіеся всегда находили у нея и теплое утѣшеніе, и посильную помощь, и ее самоё почти постоянно можно было видѣть переходящей изъ дому въ домъ для собиранія подаяній, то для покинутой сироты, то для бѣдной невѣсты или роженницы, то для какого-нибудь проѣзжаго бѣдняка, то для оремъ-бохеровъ и пр., и пр., и пр. Она непремѣнно находила кого-нибудь, для кого нужно было собирать,

и бѣдные с—скіе обыватели частенько таки прятались, когда, бывало, завидятъ ее издали съ краснымъ ситцевымъ платкомъ въ рукѣ, обязательнымъ аттрибутомъ ея собирательной роли.

Любимѣйшимъ ея занятіемъ все-таки было не то. Охотнѣе всего она тратила свое время и деньги на подъискиваніе женниховъ бѣднымъ невѣстамъ. Она это считала наиболѣе благоугоднымъ Богу дѣломъ, который недаромъ же строго наказалъ Израилю: «плодитесь и множитесь», и не безъ самодовольной гордости она часто говорила: «вотъ я уже сорокъ бѣдныхъ невѣстъ выдала замужъ съ Божьей помощью!» Понятно однако, что подобныя свадьбы рѣдко могли случаться въ маленькомъ городкѣ и что у Минке должно было оставаться много свободнаго времени на другія богоугодныя дѣла. И она его главнымъ образомъ посвящала обитателямъ очень извѣстнаго с—скаго ешибота, разнаго рода оремъ-бохерамъ и мастерамъ талмудической мудрости, которыхъ она была, можно сказать, настоящею матерью. Каждый день, по крайней мѣрѣ, два-три оремъ-бохера питались у нея — а питались они очень хорошо и изобильно, счастливые избранники судьбы, такъ какъ у Минке «дни», безспорно, были лучшіе въ городкѣ. И надо было видѣть, съ какимъ сіяющимъ видомъ сидѣвшая на своемъ тронѣ добродушной и зажиточной хозяйки Минке обозрѣвала эту прожорливую толпу, съ аппетитомъ пожиравшую все, что ни подавалось! Но однимъ этимъ еще далеко не ограничивалась ея благотворительность въ пользу оремъ-бохеровъ. Во всемъ городкѣ трудно было найти хотя бы одного изъ этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, который не носилъ бы на себѣ какого-нибудь осязательнаго признака благосклоннаго ея вниманія, подъ видомъ-ли старой рубахи, засаленной шапки, полуискривленныхъ сапогъ или просто заплаты на своемъ ветхомъ и сильно поношенномъ капотѣ. Для этого она управляла цѣлой командой сердобольныхъ старушекъ и малозанятыхъ набожныхъ женщинъ, которыя шили и штопали на разные лады старательно собиравшійся въ городкѣ разный хламъ для оремъ-бохеровъ, ея же собственныя дочери и внучки—а ихъ она имѣла Божьей милостью цѣлую кучу—и еще многія другія дѣвы зажиточныхъ семействъ приготовляли лучшія и болѣе дорогія

вещи для наиболѣе отличавшихся въ талмудѣ и примѣрномъ благочестіи ешиботниковъ. Это вообще считалось крайне богоугоднымъ дѣломъ, но для юныхъ с—скихъ дщерей это уже было богоугодное дѣло съ нѣкоторымъ постороннимъ плюсомъ... Счастливые оремъ-бохеры и грѣховныя дѣвицы! Подъ ободряющимъ и вдохновляющимъ вліяніемъ Минке, все это чудесно примирялось, все безсознательно сливалось, и вся прекрасная с—ская половина усердно работала и горячо ревновала въ этой своего рода мастерской изъ-за вознагражденія на томъ свѣтѣ.

Минке еще... но, право, очень трудно передать все то, что она совершила на своемъ достославномъ и примѣрномъ вѣку:— полный перечень всѣхъ ея замѣчательныхъ дѣяній и подвиговъ столь же длиненъ, какъ и самъ еврейскій «голесъ» (скитаніе). Много, много, словомъ, хорошаго и божественнаго и, можетъ быть, еще болѣе смѣшнаго и страннаго надѣлала она въ С., а ежели кто-нибудь хочетъ узнать разныя подробности, ежели кто-нибудь не удовлетворяется сказаннымъ, тотъ легко можетъ получить всѣ требуемыя свѣдѣнія у любаго изъ с—скихъ обывателей, гдѣ изъ рода въ родъ будутъ передаваться легенды о благочестивой и доброй с—ской губернаторкѣ!..

III.

Теперь уже болѣе чѣмъ понятно, что, при появленіи холеры въ С., Минке должна была суетиться и двигаться, можно сказать, до полнаго истощенія и головокруженія. Для большей легкости и большей свободы дѣйствія она даже сняла съ себя свой традиціонный скорлупный парикъ и замѣнила его первымъ попавшимся ей подъ руки платкомъ. Святая мученица! она вся отдалась религіозно-общественнымъ дѣламъ, не имѣла ни одной свободной и спокойной минуты. Бо́льшую часть дня она посвящала всевозможнымъ молитвамъ, на библейскомъ языкѣ или на жаргонѣ, какія только въ ходу среди литовскихъ евреекъ. И затѣмъ, сколько несчастій и бѣдствій надѣлала холера, сколько бѣдныхъ и безпомощныхъ людей было тогда въ С.! Одному нужно было сшить бѣлый саванъ, другому кое-какъ сколотить требуемыя принадлежности посмертнаго гарде-

роба, тутъ навзрыдъ плакала вдова съ полудюжиной малыхъ ребятъ, тамъ остались безпомощныя круглыя сироты... ахъ! была бы только возможность помочь бѣдѣ, Минке бы, кажется, все на свѣтѣ отдала, чтобы всѣхъ удовлетворить и успокоить!

Она сама тоже немало была испытана злосчастной судьбой. Сначала Богъ забралъ ея мужа, котораго она, впрочемъ, оплакивала по обязанности, но потомъ проклятая холера одинъ за другимъ похитила около дюжины ея многочисленнаго потомства. Все это были такія хорошія и способныя дѣти—дѣло извѣстное, послѣ смерти всѣ люди замѣчательно хороши, умны и честны,—что у Минке просто сердце разрывалось, когда она вспоминала о нихъ. Она ужасно плакала и убивалась, но, безропотно предавшись Провидѣнію, бодро и храбро держалась и неутомимо, съ еще большею стремительностью, продолжала свои многообразныя религіозно-общественныя дѣла.

Ничто уже не могло сразить и усмирить это маленькое и безпокойное существо, даже сама смерть, ибо на томъ свѣтѣ Минке, за ея благочестіе и доброе сердце, навѣрно будетъ отличена и произведена въ командирши какого-нибудь райскаго отдѣленія (что она непремѣнно попадетъ въ рай, въ этомъ никто въ С. ни секунды не сомнѣвался). Но какъ тамъ ужъ ни будетъ, среди всего этого широкаго и бурнаго моря слезъ и горя, не смотря на свои собственныя несчастія и на разныя препятствія, она безпрерывно и настойчиво продолжала пропагандировать свою излюбленную мысль о свадьбѣ на кладбищѣ. Ужасно ей хотѣлось устроить подобную свадьбу! На всѣ резоны и возраженія она упорно твердила одно: «такъ нужно, иначе ничего не будетъ». Сановитая мужская половина С. только глубокомысленно головою качала и неопредѣленно руками разводила, когда она съ запальчивостью капризной и самоувѣренной старушки горячо вопрошала:

— Но почему позже лучше, чѣмъ теперь? Почему? И гдѣ это сказано, хотѣла бы я знать? Я вѣдь не такая незнайка и невѣжда и тоже кое-чему училась и знаю,—не безъ вызывающей гордости много разъ заканчивала она свою неизмѣнную рѣчь.

Пойми тутъ, кто хочетъ, но лѣтописи города С. ясно повѣствуютъ намъ, что обѣ стороны довольно долгое время твер-

до стояли на своемъ. Эти же лѣтописи опредѣленно говорятъ намъ—и это, впрочемъ, само собою разумѣется, такъ какъ разногласія были не въ принципѣ, а во времени,—что Минке наконецъ совершенно восторжествовала.

Къ великой ея радости, свадьба таки была скоро на славу съиграна на кладбищѣ, и именно такъ, даже въ мелочахъ и подробностяхъ, какъ этого желала и требовала Минке. Уже передъ третьимъ всеобщимъ постомъ въ С. большинство видимо склонялось на сторону маленькой губернаторки, но все-таки никто изъ нихъ какъ-то не могъ отказаться отъ неопредѣленной надежды, что Всевышній наконецъ сжалится надъ ихъ пустыми желудками и пересохшими глотками. Но когда холера дерзнула похитить с—скаго раввина въ то самое время, когда онъ со своимъ потомствомъ, вечеромъ послѣ суточнаго строгаго поста, отдавали должное своимъ оттощалымъ желудкамъ; когда она въ эту же ночь и на слѣдующій день лишила городъ С. многихъ его заслуженнѣйшихъ и сановитѣйшихъ гражданъ; когда ужасъ смерти обуялъ оставшихся еще въ живыхъ неумолимыхъ талмудистовъ,—всѣ въ одинъ голосъ заговорили о необходимости, во что бы то ни стало, устроить свадьбу на кладбищѣ и стали уже горько жалѣть, что раньше не слушались Минке. Нѣкоторыя ея обожательницы-старушки дошли даже до того, что при всѣхъ разговорахъ и пересудахъ постоянно повторяли: — «Это Богъ наказываетъ насъ, что мы не подчинились Минке—да сохранитъ ее Создатель! — не даромъ же она такъ настаивала на своемъ! Ахъ, мы грѣшные! Уже видно Богъ хотѣлъ ослѣпить насъ».

Словомъ, послѣ предлинной утренней молитвы, особенно орошенной слезами и уснащенной воплями благовѣрныхъ обоего пола, Минке съ тріумфомъ вышла изъ синагоги. Цѣлая дюжина сердобольныхъ старухъ почтительно и почти молча слѣдовали за ней. Сама губернаторка, была ли она слишкомъ занята своими мыслями, или Богъ на этотъ разъ остановилъ ея вѣчно вертѣвшійся язычокъ, сама она всю дорогу, вплоть до порога своего дома, не проронила ни малѣйшаго словечка. Дорога, правда, была далеко не длинная; но это необыкновенное молчаніе предводительницы было принято ея спутницами

за несомнѣнный признакъ особаго божьяго вдохновенія. Онѣ, поэтому, хотя ихъ такъ и толкало говорить, невольно удерживались и молчали, съ какимъ-то благоговѣніемъ посматривая на степенно шагавшую впереди Минке. Видъ у всѣхъ былъ очень серьезный и озабоченный, и на ихъ желтыхъ морщинистыхъ лицахъ съ ясно замѣтными слѣдами обильно пролитыхъ слезъ отражались такая грустная сосредоточенность и тихая рѣшимость, что, право, глядя на ихъ мѣрный и молчаливый маршъ посреди всеобщей тишины, можно было бы подумать, не превратился ли вдругъ городокъ С. въ древній Римъ и Минке—въ строгую Ветурію и не шествуетъ ли эта странная группа для испрошенія пощады у надменнаго Коріолана.

Едва только старушки перешли порогъ совѣщательной комнаты, какъ одна изъ нихъ не выдержала и прервала непривычное для нихъ молчаніе вопросомъ, который у всѣхъ ихъ всю дорогу лежалъ на языкѣ.

— Кого же мы вѣнчать-то будемъ? торопливо произнесла она.

— Хайку Безносую и Берке Нэлома, спокойно и самоувѣренно отвѣтила Минке, выведенная вопросомъ изъ своего упорнаго раздумья.

Всѣ старушки какъ-то неопредѣленно и вопросительно переглянулись между собою. Почти каждая изъ нихъ имѣла въ виду такую-то невѣсту, такого-то жениха и, понятно, каждая же желала, чтобы остальныя согласились на ея выборъ. Но, что еще болѣе понятно, ни одна изъ нихъ ни за что въ мірѣ не согласилась бы, чтобы такимъ женихомъ или невѣстой былъ кто-нибудь даже изъ самыхъ отдаленныхъ ея родственниковъ, не говоримъ уже о ея собственномъ сынѣ или дочери. Боже сохрани! Правда, всѣ онѣ были безспорно очень набожны, сердобольны и благочестивы; правда, дѣло было въ высшей степени богоугодное и полезное, дѣло даже шло о спасеніи цѣлаго города; но все-таки, какъ хотите, никому не желательно вѣнчать, напримѣръ, свою дочь на кладбищѣ, когда имѣешь достаточно денегъ, чтобы вѣнчать ее прилично, на синагогальной площади. Собравшіяся старушки поэтому предложили бы, кто круглую сироту, кто служанку, кто бѣлошвейку и пр.,

словомъ, непремѣнно бѣдную и несчастную дѣвушку съ соотвѣтствующимъ женихомъ, еслибы Минке сразу не закрыла имъ рта своимъ далеко необыкновеннымъ выборомъ. Такого выбора онѣ менѣе всего ждали со стороны своей предводительницы и не скоро могли переварить его. Сочетать законнымъ бракомъ Хайку Безносую и Берке Нэлома — это въ другое, менѣе печальное время показалось бы веселой шуткой и было бы встрѣчено всеобщимъ хохотомъ въ С.; но теперь, когда, однимъ словомъ, необходимо было устроить свадьбу именно на кладбищѣ, парочка оказалась какъ нельзя болѣе подходящей, какъ нельзя лучше подобранной. Однако, ни старушки, ни прочіе обыватели С. этого не понимали и не сознавали, и не будь тутъ энергическаго вмѣшательства Минке, наврядъ-ли эта парочка была бы объединена на кладбищѣ во имя Іеговы и спасенія города. Онѣ поэтому сначала задумчиво качали головами и не знали, что сказать и что дѣлать.

— Право, гораздо лучше было бы обвѣнчать Шпринце Брайнесъ: она осталась теперь круглой сиротой съ полдюжиной малыхъ сестеръ и братьевъ на рукахъ,—робко замѣтила наконецъ одна изъ нихъ, взорами ища поддержки у остальныхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро возразила Минке,—это великая мицва (заповѣдь, богоугодное дѣло). Шпринце Брайнесъ и въ другое время можно будетъ пріискать жениха, но когда же мы съумѣемъ выдать замужъ Хайку Безносую, если не теперь? А вѣдь грѣшно оставить еврейскую дѣвушку безъ мужа... Нужно ее вѣнчать теперь же вмѣстѣ съ Шмерке Нэломомъ, мы такимъ образомъ сдѣлаемъ двѣ мицвы, и Богъ навѣрно сжалится надъ нами и избавитъ насъ отъ холеры.

Но какъ ни серьезны были доводы Минке, высказанные притомъ тономъ, недопускавшимъ возраженій, слушательницы все-таки несовсѣмъ были удовлетворены ими. Нѣкоторыя изъ нихъ почему-то держали сторону Шпринце Брайнесъ, положеніе которой стало послѣ преждевременной смерти ея родителей въ высшей степени печальнымъ и несчастнымъ. Но упрямая Минке ничего другаго и слышать не хотѣла.

— Это великая мицва, великая мицва,—упорно твердила

она,—я уже давно обѣщала Хайкѣ выдать ее замужъ, но до сихъ поръ никакъ не могла этого сдѣлать. Лучше всего будетъ, если мы обвѣнчаемъ ее теперь же. Я дамъ двадцать рублей приданнаго, платье невѣстѣ и талесъ жениху,—торжественно заключила она.

Послѣдній доводъ показался старушкамъ настолько убѣдительнымъ, что онѣ совершенно прекратили свое первоначальное робкое сопротивленіе. Подобныя свадьбы могутъ совершаться только съ согласія и на счетъ города, такъ какъ уже самъ Іегова опредѣлилъ, чтобы и женихъ, и невѣста были изъ наиболѣе бѣдныхъ и обездоленныхъ въ мірѣ людей и чтобы ихъ мнѣній никто и не думалъ спрашивать. Понятно поэтому, что въ С., гдѣ почти всѣ были такъ бѣдны, какъ это только возможно въ маленькихъ литовскихъ мѣстечкахъ, крупное пожертвованіе Минке должно было имѣть рѣшающее значеніе. Весь городокъ наврядъ-ли могъ собрать больше, чѣмъ дала одна Минке, и такимъ образомъ, хотя многимъ ея выборъ не нравился, но они принуждены принять его и уступить.

Однимъ словомъ, Хайка Безносая и Берке Нэдомъ громогласно были объявлены женихомъ и невѣстой для свадьбы на кладбищѣ. Все, повидимому, соединилось, чтобы осчастливить ихъ: и Минке, и холера, и спасеніе города, и ихъ собственная безпомощность и нищета! Никто не смѣялся, никто даже не шутилъ надъ этой удивительно странной парочкой, волею судебъ призванной спасать городъ отъ окончательной гибели и смерти, но это произошло только потому, что дѣло было слишкомъ важное и что, главное, с—скіе обыватели были слишкомъ благочестивы и запуганы, чтобы предаваться веселости и грѣховнымъ побужденіямъ. Но на самомъ дѣлѣ, эта парочка, при первомъ взглядѣ на нее, должна была вызывать, если не жалость, то во всякомъ случаѣ громкій и веселый смѣхъ. Какъ хотите, но развѣ только человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ могъ бы удержаться отъ не то грустной, не то насмѣшливой улыбки, еслибы ему сказали, что вотъ эту безобразную и безносую дѣвушку и этого кривоносаго и слюняваго юношу намѣрены скоро связать узами Гименея.

И женихъ, и невѣста принадлежали къ тому сорту людей,

которыхъ строгіе и послѣдовательные спартанцы безъ всякихъ околичностей отправляли на тотъ свѣтъ при появленіи ихъ на сей свѣтъ. Обоихъ жестоко и нещадно обидѣла природа, а люди еще исказали и обезобразили то немногое, которое ей угодно было оставить. Оба были уроды, но невѣста, къ ея крайнему несчастію, еще очень чувствительно сознавала это. Бѣдняжка! она очень хорошо знала, что она несчастна и крайне безобразна, что всѣ смѣются надъ ней, и только мучительно грызла себя и злилась на весь непріятный для нея міръ и на всѣхъ окружающихъ. Очень рано она осталась круглой сиротой. Ея отецъ, подпивавшій по временамъ трубочистъ, свалился однажды съ крыши на землю и почти на мѣстѣ Богу душу отдалъ, а ея мать тоже черезъ нѣкоторое время послѣдовала за своимъ мужемъ, истощенная голодомъ и горькой нуждой. Хилая, болѣзненная, содержимая въ крайней нечистотѣ, она въ дѣтствѣ много разъ находилась между жизнью и смертью и вѣчно такъ или иначе болѣла. Она была такъ слаба, что только пяти лѣтъ сдѣлалась въ состояніи держаться на ногахъ и ходить. Родители ея поэтому почти что ненавидѣли ее, смотрѣли на нее, какъ на лишнее и безполезное бремя, держали ее впроголодь—впрочемъ, они сами голодали—и въ вонючей, разъѣдающей нечистотѣ и, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, ужасно били и истязали ее. Разъ даже ея отецъ подъ пьяную руку бросилъ ее такъ сильно, что она была поднята окровавленная и почти мертвая. И безъ того обиженная природой, она послѣ этого осталась съ приплюснутымъ носомъ и съ нарѣзомъ на верхней губѣ. А добрые люди ничего лучшаго не нашли, какъ прозвать ее безносой!...

Но, къ своему несчастію, это слабое и дряхлое существо было страшно живуче. Все перенесло оно—и голодъ, и страшные побои, и всевозможныя дѣтскія болѣзни, и цѣлыя массы паразитовъ, и даже мало по малу подросло и окрѣпло. Послѣ смерти своихъ родителей, уродливая Хайка, какъ круглая сирота, осталась на попеченіи города, но ее такъ хорошо кормили и поддерживали, что она скоро стала нищенствовать вмѣстѣ со старухой, подъ опекунство которой она была отдана. Разумѣется, никто ею не интересовался, никто о ней не забо-

тился, и она росла на свободѣ, какъ истинная дикарка. Вмѣстѣ съ годами въ ней крѣпли и развивались злоба и ненависть противъ всѣхъ и каждаго. Никогда она не знала никакой любви, даже материнской, нигдѣ она не слышала слова утѣшенія и жалости, и въ концѣ концовъ вышла такимъ нравственнымъ уродомъ, какими только способны быть нѣкоторые впечатлительные и мстительные физическіе уроды. Злоба кипѣла въ ней и душила ее, выливаясь при малѣйшемъ раздраженіи наружу съ такою стремительностью и яростью, что окружающіе даже пугались ея. С—скія дамы поэтому поспѣшно давали ей что-нибудь, какъ только она переходила пороги ихъ домовъ, и вообще старались какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ ея присутствія. А она это прекрасно понимала и въ свою очередь старалась придраться къ чему-нибудь, чтобы имѣть возможность излить свое сердце въ безконечной ругани и проклятіяхъ. Кромѣ Минке, покровительство которой она заискивала, она никого не щадила и на всѣхъ обрушивалась съ одинаковою злобою и ненавистью. Когда она входила просить въ какой-нибудь домъ, ей обязательно нужно было дать что-либо, хотя бы сами даватели ничего не имѣли. Ей ни въ какомъ случаѣ нельзя было отказывать; она тогда разгоралась, сыпала проклятіями, точно заведенная машина, и не выходила до тѣхъ поръ, пока ей не всовывали въ руки чего-нибудь. Надо было ее видѣть тогда! Безобразное лицо ея искажалось отъ злобы, пѣна выступала у рта, язычокъ вертѣлся, какъ на парахъ, разнося цѣлые потоки ядовитыхъ словъ направо и налѣво, а глаза какъ будто собирались выскочить изъ орбитъ и бросали огни и молніи. Эти глаза были бы превосходнымъ и привлекательнымъ украшеніемъ лица всякаго человѣка, но на лицѣ Хайки они были совсѣмъ некстати и совсѣмъ напрасно освѣщали и оживляли все его сплошное безобразіе. Большіе, черные, блестящіе и повелительные, они придавали чрезвычайно злобный и мстительный блескъ ея черному и непріятному лицу и такъ странно и мрачно глядѣли, что никто въ С. не могъ долго выдержать ихъ пытливыхъ и вызывающихъ взоровъ. Было ли это слѣдствіемъ мрачнаго и непріятнаго блеска глазъ, или просто ея злобной и ненавидящей натуры, но всѣ въ городкѣ

какъ-то инстинктивно побаивались ея, сторонились при встрѣчахъ съ ней и всѣми силами избѣгали разсердить ее чѣмъ нибудь и навлечь на себя неизбѣжные потоки ея ругательствъ и проклятій.

А она храбро и независимо шагала по всѣмъ закоулкамъ жалкаго городка, молча и презрительно—не прося, а требуя милостыни. Она хорошо чувствовала, что она уродъ, что никто не думаетъ и не заботится о ней, что она одна въ цѣломъ мірѣ со своимъ несчастіемъ, и одно только недоброе и нехорошее отражалось въ ея великолѣпныхъ черныхъ и выразительныхъ глазахъ. Гордо, надменно держала она свою некрасивую голову, которую уже много, много лѣтъ можно было видѣть повязанную все тѣмъ же отвратительнымъ платкомъ Хайка вѣчно ходила въ тѣхъ же лохмотьяхъ, въ той же самой твердой и толстой ватной юпкѣ, мѣстами порванной, съ торчавшими клоками почернѣвшей ваты, мѣстами покрытой, должно полагать, первообразной матеріей, въ томъ же самомъ неопредѣленнаго цвѣта и формы безобразномъ женскомъ капотѣ, съ тѣми же самыми большими и широкими сумами на плечѣ и въ рукахъ. Все, словомъ, что ни носила она,—все это было старо, ветхо, вонюче, грязно, неизмѣнно и столь же безобразно, какъ и она сама.

Однѣ только ея крѣпкія и объемистыя сумы часто видоизмѣнялись, но только въ формѣ. Съ утра до вечера онѣ мало-по-малу утолщались и округлялись, и соотвѣтственно этому округленію, лице ея принимало все болѣе довольное выраженіе; на толстыхъ и мясистыхъ губахъ появлялось нѣчто въ родѣ улыбки, широкій ротъ какъ-то пріятно раскрывался, еще болѣе выдвигая нестройный рядъ торчавшихъ бѣлыхъ зубовъ, а сверкавшіе, какъ горячіе угольки, глаза смотрѣли уже не такъ злобно и мрачно. Чего, чего не было уже въ этихъ сумахъ? Все какъ будто проглатывалось ими, она бросала туда все, что ей давалось — всякую всячину, начиная съ тряпокъ и старыхъ башмаковъ и кончая остатками «кугелей»; но только въ рѣдкіе праздничные дни ей удавалось совершенно наполнить ихъ. И какъ она радовалась тогда, какъ жадно она смотрѣла на свои туго набитые мѣшки, подъ бре-

менемъ которыхъ она сгибалась въ три погибели! Каждый вечеръ она заботливо раскладывала набранное добро, сортировала его и все ненужное ей ловко сбывала разнымъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи она пріобрѣла замѣчательное знаніе дѣла и искуство и никакъ не давала себя въ обманъ, съ ожесточеніемъ торгуясь за каждую мелочь. Всякое тряпье, всякій кусокъ имѣли у нея свой сбытъ, ни малѣйшая корка хлѣба не пропадала даромъ.

На себя она расходовала поразительно мало, отказывала себѣ въ самомъ необходимомъ и просто морила себя голодомъ. Въ городкѣ такъ и говорили, что она очень много денегъ имѣетъ, чуть-ли не легенды разсказывали другъ другу о ея запрятанныхъ гдѣ-то богатствахъ. Она, въ самомъ дѣлѣ, жадно собирала деньги, путемъ всевозможныхъ лишеній и хитростей съ радостью копила грошъ за грошемъ и все это искусно прятала въ тряпьѣ и въ разныхъ углахъ своей невыносимо-вонючей конуры; но только Богъ и она могли знать, сколько денегъ хранилось тамъ. Копить деньги — это сдѣлалось единственнымъ утѣшеніемъ и наслажденіемъ въ ея ужасной жизни. Она только и была рада и счастлива, когда имѣла возможность спрятать еще одинъ грошъ, и часто даже цѣлые дни голодала, лишь бы такимъ образомъ скорѣе составить рубль и отложить его.

Но зачѣмъ она такъ страстно копила, что побуждало ее подвергать себя самымъ тяжкимъ лишеніямъ? Ахъ, бѣдняжка-уродъ, она чего-то желала, коe о чемъ мечтала! И она вкушала отъ сладостныхъ мечтаній, и она частенько витала въ Аркадіи, безпокойно поворачиваясь на своемъ смрадномъ ложѣ изъ досокъ и гніющаго тряпья! Только сокровеннѣйшіе тайники ея души знали про эти мечтанія и дѣвичьи грезы, и только одной Минке она томно и робко повѣряла свое тайное желаніе. Въ описываемое время Хайкѣ уже минуло двадцать два года. Ее бы можно было считать уже старой и поблекшей дѣвой, еслибы она когда-либо была молода и цвѣтуща. Но какъ бы на зло, природа ее наградила слишкомъ развитыми и страстными инстинктами. Натура горячая, энергичная, физически довольно сильная, она очень рано развилась и созрѣла,

и всѣ ея желанія и страсти разгорались и укрѣплялись въ ней тѣмъ болѣе, что она вынуждена была до крайности сдерживать себя и вести совершенно одинокую и замкнутую жизнь. Давно, уже много лѣтъ она только думала и мечтала, какъ она будетъ жить со своимъ мужемъ, какъ она будетъ холить и голубить своихъ дѣтей, и сердце ея такъ и прыгало отъ волненія и страсти при этихъ грезахъ, и влажные ея глаза съ какою-то дикою и неудержимою любовью устремлялись вдаль, вдаль, все дальше, какъ будто тамъ ей рисовалось, что вотъ ея ненаглядный ребеночекъ обхватываетъ ея шею своими рученками и цѣлуетъ ее... Но кому было дѣло до ея пламенныхъ желаній? Кто думалъ о ней, кто интересовался ею въ этой юдоли плача и горя, гдѣ жизненный путь людей такъ же усѣянъ жертвами, какъ и перелетный путь саранчи?..

Одна только Минке, волей неволей, принуждена была заниматься ею и выслушивать ея жалобы и стенанія. Добрая Минке! Хайка прямо присосалась къ ней, какъ къ всеобщей матери бѣдныхъ невѣстъ, и постоянно приставала къ ней со своей однообразной просьбой.

— Неужели я такъ вѣчно-останусь въ дѣвушкахъ? слезно плакалась она,—вѣдь я тоже дочь Израиля. Вотъ всѣ дѣвушки выходятъ замужъ, а я, я вѣчно скитаюсь, брожу изъ дому въ домъ, не знаю ничего хорошаго на этомъ свѣтѣ и живу хуже собаки. О, мой дорогой Богъ! неужели я такъ и умру безъ дѣтей, безъ «кадыша», безъ того, чтобы хоть одна душа жалѣла и вспоминала обо мнѣ? Добрая, дорогая Минке! я васъ вѣчно благословлять буду, я по гробъ буду молить всемогущаго Бога за васъ, сжальтесь надъ моими несчастными молодыми годами, дайте мнѣ увидѣть хоть нѣсколько хорошихъ и веселыхъ дней въ моей горемычной жизни!... Ахъ, когда же будетъ конецъ моимъ великимъ страданіямъ?—съ отчаяніемъ и громкими рыданіями восклицала она, заканчивая свою постоянно одинаковую и почти неизмѣнную рѣчь.

Слезы при этомъ неизсякаемымъ ключомъ били изъ ея восхитительныхъ черныхъ глазъ, то застывая на ея влажномъ безобразномъ лицѣ, то скатываясь внизъ въ ротъ или на лоснящійся засаленный капотъ, и, глядя на нее, с—ская губер-

наторша сама плакала, и сердце ея просто разрывалось отъ горя и соболѣзнованія.

— Что дѣлать? Что тутъ можно сдѣлать?—печально и растерянно говаривала она,—трудно, ужъ очень трудно найти жениха.... уже сколько я ни старалась и ни стараюсь!... но Богъ поможетъ, онъ не оставитъ израильской дочери безъ мужа,—скороговоркой заключала она, утѣшая и себя, и Хайку.

Однако, безносая нищенка такъ ужъ мало привлекала жениховъ, что при всемъ стараніи и усердіи Минке, надежды на Божью помощь все время такъ и оставались крайне шаткимъ заоблачнымъ утѣшеніемъ. Никто, ровно никто ея не хотѣлъ, даже вмѣстѣ съ ея деньгами, на которыя она больше всего и надѣялась и о существованіи которыхъ однажды съ отчаянія прямо призналась своей покровительницѣ.

Такъ-то она пребывала, хотя далеко не чистымъ, но, во всякомъ случаѣ, примѣрно непадшимъ ангеломъ, пребывала вплоть до того времени, когда с—ская губернаторка, во имя Іеговы и спасенія города, окончательно и безаппеляціонно порѣшила облагодѣтельствовать симъ ангеломъ Берке Нэлома.

Женихъ наконецъ нашелся, и выборъ этотъ показался Минке столь естественнымъ и простымъ, что она сильно удивлялась и много разъ спрашивала себя и другихъ, почему она раньше объ этомъ не подумала. Во всякомъ случаѣ, она была очень довольна и рада, рада во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ, за себя, за жениха, за невѣсту, за спасеніе города, за свою будущую жизнь, и пр., и пр. Но когда Хайкѣ сообщили, за кого ее намѣрены выдать замужъ, она всплеснула руками и горько зарыдала. Бѣдная! не о такомъ мужѣ она такъ горячо и упорно мечтала, не для Берке Нэлома она приносила столько жертвъ, подвергала себя столькимъ мучительнымъ лишеніямъ, не ради него она голодала и копила деньги грошъ за грошемъ! Ахъ! она даже не могла имѣть того слабаго утѣшенія, чтобы сказать своему мужу: „ты думаешь, что ты меня будешь водить за носъ... этого у меня нѣтъ и не будетъ!..." Берке былъ уже такъ идіотски глупъ, что еслибы она, несчастная безносая, имѣла хотя бы такой же длинный

носъ, какъ еврейскій голесъ, и тогда даже этотъ человѣкъ бы не помыслилъ потянуть его.

Положенный ли это самимъ Богомъ законъ или просто заведенное обычаемъ установленіе, но всякій благовѣрный еврейскій городокъ непремѣнно имѣетъ хотя бы одного сумасшедшаго, одного идіота и одного синагогальнаго козла (должно замѣтить, впрочемъ, послѣдній родъ обывателей литовскихъ городковъ, безспорно самый веселый, рѣзвый и прыткій, мало-по-малу исчезаетъ—увы! все мѣняется на этомъ свѣтѣ — подъ вліяніемъ новаго духа, и, можетъ быть, скоро наступитъ время, когда о синагогальныхъ козлахъ и о добромъ старомъ благочестіи останутся одни лишь пріятныя воспоминанія). Въ городкѣ С. Берке занималъ по всѣмъ правамъ и законамъ мѣсто идіота. Ясно, стало быть, что онъ не только не могъ быть лишнимъ на пиру природы, но даже почему-то былъ нуженъ цѣлому городку; ибо, еслибы его не было, его мѣсто всенепремѣнно было бы захвачено другимъ. Тѣмъ не менѣе, его такъ мало имѣли въ виду, его такъ убійственно-холодно и равнодушно приняли, что его появленіе на свѣтъ Божій нигдѣ не было отмѣчено, ни въ какихъ бы то ни было фамильныхъ, формулярныхъ и всякихъ иныхъ столь же нужныхъ и ненужныхъ спискахъ. Никто даже и не подумалъ принять его въ счетъ,—такъ ужъ, значитъ, на роду его было написано—нѣтъ Берки!—и добрые с—скіе обыватели ничего лучшаго не нашли, какъ прозвать его Нэломомъ, т. е. несуществующимъ.

Онъ такъ и остался Нэломомъ на всю жизнь, и, еслибы онъ жилъ теперь, онъ бы навѣрно получилъ лучшую жену, чѣмъ Хайку Безносую, такъ какъ, очевидно, онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ бы солдатомъ... Но существовалъ ли на самомъ дѣлѣ Берке или нѣтъ, трудно, право, съ точностью сказать. Нэломъ вѣчно торчалъ въ городской банѣ, гдѣ онъ спалъ, ѣлъ и чесался. Чесался онъ еще, впрочемъ, и въ синагогѣ, гдѣ онъ кое-какъ молился и помогалъ еще шамесу въ разнообразныхъ обязанностяхъ послѣдняго. Но, помимо этого, онъ еще имѣлъ весьма разнообразныя другія занятія и дѣла. Такъ онъ во время праздниковъ Кущей носилъ въ разные дома «луловимъ» (пальмы), которые тамъ претщательно перетряхива-

лись; во время Пурима онъ носилъ «шалахъ-монесъ»—и это былъ самый счастливый и пріятный день его жизни, такъ какъ въ этотъ знаменательный для народа израильскаго день онъ не только не голодалъ, но даже жестоко мстилъ Гаману на счетъ носимыхъ имъ тарелокъ со всяческими конфектами и вкусными печеньями;—въ священный день Гошана-Рабба, когда, какъ извѣстно, божественныя резолюціи окончательно запечатываются и закрѣпляются и когда ночью небесный сводъ раскрывается передъ глазами однихъ праведнѣйшихъ праведниковъ, онъ сначала связывалъ «гошанесъ» и потомъ ихъ собиралъ и сносилъ въ баню, гдѣ они не безъ пользы употреблялись. Въ прочіе праздничные и торжественные дни онъ тоже исполнялъ разныя не менѣе важныя и необходимыя работы; въ будніе дни иногда носилъ пищу знаменитостямъ изъ оремъ-бохеровъ; при свадьбахъ, помолвкахъ и пр. жадно пожиралъ остатки и лизалъ тарелки — и все прочее время съ остервенѣніемъ чесался...

Словомъ, Берке Нэломъ безъ дѣлъ не оставался, и только одна злобная и требовательная Хайка могла кричать и вопіять передъ Минке и прочими представительницами города:

— Какой же это мужъ? Какіе «мэынесъ» (пищу, одежду и пр.) можетъ онъ мнѣ давать? И зачѣмъ онъ мнѣ нуженъ? О, мой дорогой Богъ! Какая я несчастная! Сжальтесь надо мною, надъ моими молодыми годами! Ой, ой! бѣды мои!—стонала она, захлебываясь горючими слезами.

Но никто ея не слушалъ и не обращалъ на нее никакого вниманія. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ дѣло шло о ея свадьбѣ, а не о желаніи Минке и о спасеніи града? С—ская губернаторка упорно стояла на своемъ, грозя оставить Хайку безъ своего покровительства, если та не согласится на спасительный бракъ. Холера продолжала свирѣпствовать съ прежней силой, похищая жертву за жертвой. Ждать и медлить нельзя было, и Хайкѣ пришлось покориться. Она и покорилась, рыдая и проклиная себя, и изъ ея груди вырвался глухой и сатанински злобный крикъ:

— Ну, будешь ты меня знать, проклятый Берке!..

Бѣдный Берке! Онъ ничего еще не подозрѣвалъ и спокойно

чесался въ банѣ, но, еслибы онъ только способенъ былъ понимать весь ужасный смыслъ этой мстительной угрозы, то долженъ былъ задрожать по самыя пятки. Ахъ, даже и тутъ нужны жертвы — изъ этихъ двухъ несчастныхъ жертвъ одна должна быть жертвою другой!..

IV.

Жаркій и душный іюльскій день на исходѣ. Заходящее солнце красвымъ моремъ разливается по небесному склону и косо смотритъ на грѣшную землю. Воздухъ страшно спертый и парный; съ трудомъ дышется. Чувствуется, что старушка-земля уже давно не орошалась живительной влагой. Кругомъ все сухо, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда воды даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде цѣлые возы терялись въ клейкой грязи. Неправильныя и безобразныя улички и проулки С. пустынны и безжизненны. Изрѣдка слышится жалобное блеяніе возвращающейся козы или мычаніе коровы, неистово отмахивающейся хвостомъ отъ цѣлыхъ миріадовъ разныхъ мушекъ. Неисчислимые легіоны жучковъ, мотыльковъ и комаровъ откуда-то мало-по-малу появляются въ воздухѣ, беззаботно и безтолково кружатся и жужжатъ, оживляя своимъ присутствіемъ тихо тлѣющіяся навозныя кучи, вьющіеся дымки которыхъ, ясно видимые при красныхъ и темнѣющихъ лучахъ солнца, какъ будто вопрошаютъ пространство, почему это кругомъ такъ мрачно и печально.

Нигдѣ не видно присутствія человѣческаго существа. Всѣ исчезли, какъ будто всѣ благовѣрные обыватели С. вымерли или куда-то понеслись за бѣлымъ мессіанскимъ осломъ. Но вотъ, точно по волшебству, сонный городокъ оживился. Изъ разныхъ домиковъ всѣ вдругъ высыпали на улицу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовали молчаливыя группы. Очевидно было, что случилось нѣчто необыкновенное. Невольно всѣ устремляли свои взоры и направляли свои уши по направленію къ одному мѣсту. Уже нѣсколько минутъ откуда-то неслись своеобразные смѣшанные звуки, не то говоръ и гулъ толпы, не то плачъ и рыданія, не то рѣзкіе и острые тоны настраи-

ваемыхъ плохихъ музыкальныхъ инструментовъ. Скоро барабанный бой побѣдоносно заглушилъ весь этотъ нестройный шумъ и какъ-бы подалъ сигналъ ко всеобщему движенію. Изъ разныхъ мѣстъ городка стали стекаться и направляться въ одну сторону, а мальчишки такъ прямо взапуски погнались.

Столбъ пыли указывалъ всѣмъ дорогу. Въ воздухѣ уже явственно разносились рѣзкіе и пронзительные звуки какой-то полувеселой, полугрустной мелодіи, по временамъ прерываемой трелями барабана. Еще нѣсколько минутъ, и можно было замѣтить, что какая-то очень странная толпа людей шагаетъ съ музыкой впереди. Не нашествіе ли это на С.? Не полкъ ли солдатъ вошелъ въ благовѣрный градъ? Или, можетъ быть, не побѣдоносное ли это появленіе Мессіи? О, нѣтъ, трижды нѣтъ!

Ни въ настроеніи толпы, ни въ нестройныхъ музыкальныхъ звукахъ нельзя было усмотрѣть ничего воинственнаго. Свѣдущій человѣкъ тотчасъ бы сообразилъ, что это нѣсколько еврейскихъ музыкантовъ наигрываютъ одну изъ очень немногихъ штукъ своего своеобразнаго репертуара. Дѣйствительно, четыре несчастныхъ с—скихъ музыканта, съ барабанщикомъ въ томъ числѣ, усердно тормошили свои инструменты, выбивая на нихъ тотъ самый визгливый маршъ, который играется, когда новобрачную пару ведутъ подъ «хупе».

Но куда направлялась эта разношерстная толпа? Куда? На кладбище. Зачѣмъ? Съиграть обязательную для всякаго смертнаго комедію жизни. Еще издали можно было замѣтить достопримѣчательный кривой и длинный носъ Берке Нэлома. Онъ шелъ, глупо ухмыляясь и съ тупымъ недоумѣніемъ озираясь по сторонамъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что его персона играетъ столь важную роль въ судьбахъ града С.

Бокъ-о-бокъ съ нимъ шло существо, лицо котораго было тщательно скрыто отъ любопытныхъ и грѣховныхъ взоровъ. Это была сама Хайка Безносая. Голову ея добросердечные люди плотно обернули какой-то бѣлой тряпкой. Такъ уже, видно, самъ Богъ приказалъ, и, благодаря этому, Хайка хоть разъ въ своей жизни будетъ носить на головѣ чистую вещь. Но что

дѣлалось подъ этой тряпкой, что говорили ея глаза, т. е. глаза Хайки,—это уже одинъ милосердный Iегова могъ видѣть.

Недовольна была, совсѣмъ недовольна была Хайка, и ее насильно потащили подъ вѣнецъ. Ничего она не могла сдѣлать противъ Минке и холеры, какъ ни билась и ни защищалась. Она и не идетъ, а еле тащится, обезсиленная горемъ и безпрерывнымъ проливаніемъ слезъ. Впереди музыканты неутомимо скрипятъ и барабанятъ, сзади цѣлая толпа шагаетъ или совсѣмъ молчаливо, или съ громкими рыданіями и всхлипываніями. Минке, идущая почти рядомъ съ невѣстой въ качествѣ матери, уже совсѣмъ не знаетъ, что съ ней дѣлается и куда голову положить. Она тоже убита горемъ и заботами и не замѣчаетъ, что ея желтый парикъ, который она набросила на голову ради приличнаго случая, очень вольно скатился внизъ, обнаживъ ея старческій черепъ.

Но вотъ виднѣются ветхія и кривыя ворота кладбища. Музыка умолкаетъ, взоры всѣхъ невольно устремляются на мрачное жилище смерти. Дрожи, холера! Это сыны Израиля смѣло идутъ въ аттаку съ с—ской Деборой во главѣ. Они побѣдятъ тебя во славу Божію. Не одну холеру, не одну чуму они стойко перенесли, переживутъ и тебя! Живучъ и плодовитъ Израиль! Бѣги же, истребительница, бѣги, убирайся прочь, пока еще есть время!

Но что думала въ то время холера, трудно, очень трудно сказать. Извѣстно только то, что пестрая и смѣшанная толпа с—скихъ обывателей мѣрно, важно, съ сознаніемъ самоотверженнаго долга все приближалась къ кладбищу, не помышляя даже о какомъ бы то ни было позорномъ отступленіи; напротивъ, возлѣ самыхъ воротъ мрачнаго царства смерти толпа увеличилась и разрослась. Цѣлыя кучи плакальщицъ и хныкальщицъ живо бросились на встрѣчу приближающейся диковинной процессіи и огласили воздухъ отчаянными и душу раздирающими воплями. Этотъ плачъ и эти крики оказались искрой, зажигающей пороховой складъ. Въ одну секунду важное и торжественное молчаніе было прервано, и сразу вылетѣло съ трескомъ наружу, все, что накопилось на душѣ. Поднялся такой крикъ и гвалтъ, что посторонній человѣкъ могъ

бы подумать, что вотъ всю эту толпу облили керосиномъ и подожгли. Кто просто проливалъ слезы, кто громко охалъ, кто прямо вылъ, кто рвалъ на себѣ волосы и ломалъ руки; но всѣ, кромѣ Берки Нэлома, главнаго виновника торжества, считали нужнымъ такъ или иначе принять участіе въ этомъ плачевномъ концертѣ.

Тупо и равнодушно смотрѣлъ Нэломъ на эту сцену; а между тѣмъ, если уже тутъ нужно было кому-нибудь плакать, такъ это ему одному. Хайка, еслибы только могла, разорвала бы его на клочки и съѣла бы ихъ. Она тоже заплакала, бѣдняжка, но заплакала отъ бѣшенства и сознанія своего безсилія, и только два темныхъ и все разроставшихся пятна на покрывавшей ея лицо бѣлой тряпкѣ краснорѣчиво указывали на работу ея глазъ...

Среди безпрерывнаго и неумолкаемаго гвалта и громкаго плача, женихъ и невѣста были доведены до мѣста, гдѣ были похоронены раввины и праведники С. На могилѣ наиболѣе знаменитаго и благочестиваго изъ нихъ наскоро поставили «хупе», балдахинъ на четырехъ шестахъ. Мало-по-малу плачъ и бѣснованіе уменьшались и утихали. Всѣ инстинктивно укрощали себя, успокаивались и съ чувствомъ не то страха, не то благоговѣнія стали смотрѣть на желтый и ветхій кусокъ тряпья «хупе», тихо колеблемый воздухомъ.

Наступила самая торжественная минута. Мрачное и потрясающее зрѣлище представляла собою эта невозможная свадьба посреди цѣлыхъ рядовъ старыхъ и свѣжихъ могилъ! Ни одной улыбки на заплаканныхъ и печальныхъ лицахъ присутствовавшей при церемоніи толпы! Даже мальчишки, обыкновенно столь веселые при такихъ случаяхъ, присмирѣли и съ испугомъ смотрѣли кругомъ, и никому изъ нихъ даже въ голову не пришла мысль поддержать и потомъ бросить на головы новобрачныхъ шесты хупе, какъ это они постоянно дѣлали. Солнце уже еле-еле освѣщало землю своими послѣдними лучами, и скоро однѣ звѣзды стали свидѣтелями этихъ свадебныхъ похоронъ. Становилось тихо, такъ тихо, что слышны были шелестъ листьевъ одинокихъ кладбищенскихъ деревьевъ и съ трудомъ сдерживаемое всхлипываніе какой-нибудь пла-

кальницы. Птички уже спрятались и кое-гдѣ чирикали свои любовныя пѣсни. Одни жучки, мушки и мотыльки оживляли своимъ жужжаніемъ засыпающую природу. Это былъ ихъ праздникъ, ихъ веселье, а не Берке Нэлома и Хайки Безносой, и они безтолково и назойливо кружились вокругъ печальныхъ и измученныхъ фигуръ с—скихъ обывателей и просто нищихъ вокругъ немногихъ грошевыхъ сальныхъ свѣчекъ, слабо мерцавшихъ возлѣ хупе среди все болѣе и болѣе охватывавшаго полумрака.

Но вотъ и сами носители и носительницы свѣчекъ мѣрно и чинно закружились. Ровно семь разъ Минке и нѣсколько другихъ добросердныхъ людей обошли вокругъ жениха и невѣсты при дрожащихъ звукахъ надорваннаго и заунывнаго голоса кантора, печально пѣвшаго: «Веселись женихъ и невѣста!».. Да, веселись! Хорошее было веселье! Своеобразная вуаль Хайки совсѣмъ стала мокрой отъ слезъ, а Минке и прочіе обыватели С. едва держались на ногахъ отъ горя и печали. Даже самъ Берке начиналъ быть далеко не довольнымъ разыгрывавшейся передъ его длиннымъ носомъ комедіей. Онъ, бѣдный, очень проголодался, такъ какъ за весь этотъ день, когда ему надлежало поститься, только успѣлъ тайкомъ уничтожить добрый кусокъ хлѣба. Машинально, четыре раза повторяя, прошепелявилъ онъ, наконецъ, подъ диктовку раввина священную фразу: «будь моей по законамъ Моисея и Израиля!» неохотно вложилъ при этомъ въ руки Хайки 20 копѣечную монету, которую та очень быстро спрятала; съ величайшимъ наслажденіемъ и съ дикою жадностью глотнулъ онъ красное вино изъ поднесеннаго къ его рту стаканчика и проглотилъ бы его вмѣстѣ со стаканчикомъ, еслибы только ему дали эту возможность; съ тѣмъ большимъ остервенѣніемъ разбилъ онъ потомъ этотъ стаканчикъ своей крѣпкой и грубой ногой—и все было кончено: Хайка стала женой Берке, а Берке сталъ мужемъ Хайки!

Одинъ только намѣстникъ умершаго раввина разбитымъ и вялымъ голосомъ невозмутимо читалъ «ксубе» при начинавшемся вновь всеобщемъ плачѣ: «Четвертый день недѣли, третій день мѣсяца Элулъ, 5630 годъ отъ сотворенія міра. Вотъ

какъ раби Берлъ сынъ Авраама сказалъ дѣвицѣ Хаѣ: «будь моею женою по закону Моисея и Израиля, и я буду работать для тебя, почитать и кормить тебя, какъ это дѣлаютъ всѣ мужчины-евреи. Я беру на себя обязанность дать тебѣ, согласно закону, двѣсти «зузимъ» (древняя монета) въ видѣ приданаго и одежды, кормить тебя и бывать у тебя по обычаю всего міра». И дѣвица Хая согласилась и стала его женою. Приданое, принесенное ею отъ жителей города С. золотомъ, серебромъ, одеждами и постельными принадлежностями, оцѣнено въ 20 «зузимъ». Раби Берлъ, сей женихъ, прибавляя еще 20 «зузимъ», сказалъ: «я возлагаю на себя и на моихъ наслѣдниковъ отвѣтственность за приданое. Всѣ вещи и имущества, гдѣ-либо уже купленныя мною и которыя я еще куплю, движимыя и недвижимыя, и даже платье, что на моихъ плечахъ,— всѣ да будутъ гарантіей и залогомъ, что съ меня можно будетъ взыскать по настоящему контракту во всякое время, при жизни моей или послѣ смерти». И раби Берлъ, сей женихъ, тѣмъ взялъ на себя отвѣтственность, какъ водится при брачныхъ контрактахъ, заключаемыхъ съ дочерьми Израиля, согласно ученію нашихъ раввиновъ, блаженныя памяти... и т. д., и т. д. И все свято и ненарушимо».

О, иронія! Это Берке-то Нэломъ будетъ кормить и одѣвать Хайку, это онъ будетъ уплачивать по контракту за себя и за своихъ наслѣдниковъ, это онъ будетъ покупать движимыя и недвижимыя имущества, это онъ будетъ поступать по обычаю всего міра!.. Но уже такова рутина, священнѣйшая рутина! Ни чтецъ, ни кто-либо изъ присутствовавшихъ при этомъ формальномъ фарсѣ даже и не подумалъ тутъ улыбнуться и хоть жестомъ выразить что-нибудь похожее на удивленіе или недоумѣніе...

Спрячь же, крѣпко храни свое ксубе, Хайка, и почтительно слѣдуй за Берке въ его движимыя и недвижимыя имущества! Но никто почти уже не обращалъ на нихъ вниманія. Почти всѣ разсѣялись по своимъ дорогимъ могиламъ и жалостно умоляли милосерднаго Іегову о пощадѣ. И долго, долго, среди ночной тишины, при блѣдномъ сіяніи луны, раздавались гром-

кія рыданія и отчаянныя причитанія плакальщицъ! Казалось, какъ будто тѣни мертвецовъ вышли изъ своихъ невеселыхъ могилъ, чтобы еще разъ оросить своими слезами тотъ самый пріятный міръ, гдѣ онѣ при жизни такъ много плакали...

V.

Такъ-то совершена была достопримѣчательнѣйшая въ лѣтописяхъ С. свадьба; такъ-то совершился этотъ трагикомическій протестъ жизни противъ расходившейся смерти; такъ-то связаны были на жизнь и процвѣтаніе человѣческаго рода два существа, которыхъ разумные спартанцы при первомъ же ихъ появленіи на этотъ свѣтъ немедленно переправили бы на другой... Бѣдные Берке и Хайка! Какую великую миссію возложили на нихъ счастливые и благовѣрные обыватели С.!

На слѣдующій же день холера похитила самое Минке, послѣднюю опору древняго женскаго благочестія въ С., и еще множество другихъ обывателей и обывательницъ. Жестоко мстила холера за протестъ, безпощадно брала свой реваншъ; но наконецъ должна была угомониться и признать себя побѣжденной плодотворнымъ дыханіемъ жизни. Много и долго плакали въ С. послѣ смерти Минке и другихъ, много свѣжихъ могилъ вырыла холера, много новыхъ жертвъ она повлекла въ свое мрачное царство; но Израиль все-таки недаромъ протестовалъ,—и, ровно черезъ девять мѣсяцъ послѣ этого, Хайка обогатила благочестивый городъ С. новымъ безпомощнымъ ртомъ...

Я. Ромбро.

ДѢТИ РАНДАРА.

ПОВѢСТЬ КОМПЕРТА,

I.

Мендель Вильна.

Кому любы лѣсной ароматъ, древесная зелень и пѣсня жаворонка, тотъ, конечно, не ходи въ гетто!.. Поэтому и мы выйдемъ изъ него и отправимся туда, гдѣ найдемъ все это—ароматъ, зелень и пѣсню жаворонка,—т. е. въ домъ „рандара“.

Но мнѣ весьма жаль, что я сперва долженъ дать вамъ сухое объясненіе слова „рандаръ“; для меня было бы гораздо пріятнѣе, если бы вы сами сразу отгадали, что̀ оно значитъ, потому что на душѣ у меня стало очень тепло, какъ только я произнесъ это слово, а въ такомъ настроеніи предполагаешь извѣстнымъ всякому другому то, что самъ любишь. Я ограничусь поэтому нѣсколькими словами.

„Рандаръ“—испорченное „арендаторъ“; для жаргона гетто это послѣднее слово было слишкомъ неудобно, и онъ безсознательно укоротилъ его на нѣсколько слоговъ. Рандаръ—это человѣкъ, арендующій деревенскій шинокъ или помѣщичью винокурню за значительную плату.

Мало на свѣтѣ людей такихъ счастливыхъ, какъ былъ нашъ рандаръ.

Всѣ тѣ, для которыхъ чужое счастье—всегда какъ ножъ въ горлѣ, называли его въ припадкѣ добродушной зависти Ротшильдомъ этой деревни; у крестьянъ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „пана Шму-

ля“, собственно же коротко—ребъ Шмуля. Но это тройное прозванiе было окружено такимъ величiемъ, что для насъ безъ сомнѣнiя будетъ трудно изобразить его въ надлежащемъ видѣ.

Послѣ „пана помѣщика“ и его всемогущихъ чиновниковъ, во всей деревнѣ не было человѣка влiятельнѣе нашего рандара. Домъ его былъ самый красивый, какой только можно было найти на много верстъ въ окружности; онъ жительствовалъ въ немъ какъ въ наслѣдственномъ ленномъ помѣстьи, какъ уважаемый и всегда любимый вассалъ своего господина. Аренда эта уже съ незапамятныхъ временъ составляла собственность его семьи, всегда переходила отъ отца къ сыну, и такимъ образомъ, въ теченiе длиннаго ряда годовъ, возникъ родъ самостоятельной собственности. Винокурня и шинокъ со всѣмъ, что входило въ кругъ ихъ дѣятельности, составляли, правда, главную профессiю рандара; но при этомъ, разумѣется, было у него и полевое хозяйство въ большихъ размѣрахъ; его поля признавались самыми обработанными, волы—самыми тучными, шерсть овецъ—самою тонкою.

Обыкновенно очень ошибаются тѣ, которые отрицаютъ въ евреѣ всякое наивное и безобидное начало. Правда, еврей гетто рѣдко наивенъ и тѣмъ менѣе—безобиденъ; въ большинствѣ случаевъ онъ неподатливъ, хитеръ и ѣдокъ. Безропотная скорбь и дерзкая сатира близко граничатъ въ немъ другъ съ другомъ—и это такъ понятно, что не нуждается въ объясненiи. Деревенскiй еврей въ этомъ отношенiи счастливѣе: онъ стоитъ ближе къ природѣ, и ему знакомы ея ароматъ и пѣсня жаворонка; но при этомъ онъ неповоротливѣе и менѣе остроуменъ, чѣмъ его собратъ въ гетто. Остроумiе вѣдь большею частiю ничто иное, какъ умственное жало, высовываемое при оскорбленiяхъ, за которыя не хотятъ или не могутъ наказать тѣлесно; а деревенскому еврею, именно потому, что онъ не живетъ въ гетто, нѣтъ надобности быть остроумнымъ. Развѣ крестьяне въ состоянiи понимать эти утонченности?

Въ нашемъ рандарѣ обаятельно дѣйствовало на всѣхъ именно это счастливое соединенiе остраго ума и наивности. На лицѣ его можно было прочесть его сословiе; верхняя часть—именно добрые и кроткiе

глаза, имѣвшіе почти дѣтскій блескъ, узковатый лобъ и коротко остриженные волосы — принадлежала очевидно крестьянину, между тѣмъ какъ извѣстныя складки по угламъ рта и отчасти заостренный подбородокъ обличали купца... Въ молодости рандаръ былъ вѣроятно очень красивый парень. Онъ женился рано, едва ему минуло двадцать лѣтъ. Жена его была родомъ изъ одной между самыми богатыми арендаторскими семьями этой мѣстности, такъ какъ арендаторы составляютъ нѣчто въ родѣ еврейскаго поземельнаго дворянства и обыкновенно вступаютъ въ браки другъ съ другомъ, потому что имъ, для веденія ихъ дѣлъ, нужны жены, съ дѣтства уже пріученныя къ полевому хозяйству. Ея отецъ былъ арендаторъ того самаго графа, которому принадлежалъ и ребъ Шмуль, и ходило темное сказаніе, что молодому графу слишкомъ ужъ по сердцу пришлась красавица—дочь рандара. Поэтому, въ предупрежденіе бѣды, ее на шестнадцатомъ году жизни выпроводили изъ отцовскаго дома въ качествѣ жены ребъ Шмуля, и до сихъ поръ еще не прекратились разсказы о томъ, какая это была великолѣпная свадьба. Графъ именно настоялъ на томъ, чтобы вѣнчаніе происходило у него въ замкѣ, и самъ онъ и его чиновники присутствовали при возложеніи окружнымъ раввиномъ колецъ на пальцы жениха и невѣсты. Между свадебными подарками первое мѣсто по красотѣ занимали большіе серебряные канделябры графа; они и понынѣ красуются въ шкапу рандара, и только на Пасху, когда празднуется исходъ изъ Египта, зажигаются въ нихъ свѣчи.

Какъ бы то ни было, но еще долго послѣ того графъ наиболѣе любилъ охотиться въ окрестностяхъ рандарскихъ владѣній, и поэтому только случай бывалъ виною тому, что онъ иногда, уставши отъ бѣганья за дичью, заходилъ къ ребъ Шмулю—посмотрѣть, въ какомъ положеніи находилось винокуреніе. Онъ еще недавно вступилъ во владѣніе помѣстьями своего отца и потому хотѣлъ лично все увидѣть и со всѣмъ познакомиться.

Впослѣдствіи страсть къ охотѣ у него прошла: онъ въ это время женился. Но и теперь еще на лицѣ рандарши лежалъ такой милый

отблескъ красоты, что безъ особаго труда можно было снова представить себѣ тѣ годы, когда графъ пріѣзжалъ осматривать винокурню. Очень красиво было теперь смотрѣть, какъ рандаръ, въ концѣ каждой четверти года, запрягалъ въ старую бричку двухъ здоровыхъ лошадей и отправлялся къ своему графу для врученія ему арендной платы,—какъ Рахиль стояла въ это время на порогѣ шинка и кричала отъѣзжавшему мужу: „кланяйся отъ меня его сіятельству графу!“—какъ ребъ Шмуль при этихъ словахъ оборачивался въ бричкѣ и съ невыразимо лукавой улыбкой спрашивалъ жену: „только кланяться, Рахиль?“—какъ зарумянивались тогда щеки рандарши, точно къ нимъ прикоснулся ангелъ цѣломудрія!..

Добрая Рахиль, добрый ребъ Шмуль! Еще до сихъ поръ, послѣ стольких лѣтъ, каждый разъ какъ ваши образы проходятъ предъ моими внутренними очами, у меня на душѣ становится такъ, какъ будто суббота распростерла надъ нею свои таинственныя крылья, и какъ бы ни была взволнована она, въ ней тотчасъ же водворяется отрадная тишина.

Шесть седьмыхъ изъ четырнадцати дѣтей, рожденныхъ на свѣтъ рандаршею, унесла смерть; всѣ они лежатъ рядышкомъ на мюнхенгрецкомъ „добромъ мѣстѣ“. Уцѣлѣло только двое. Старшая—Ганнеле, была больше любимицею отца; младшій—Мошеле, пользовался предпочтеніемъ матери. Рандаръ давно уже подумывалъ взять дѣтямъ учителя — но все позабывалъ, потому что и между деревенскими евреями встрѣчаются безпечные люди, которые, не чувствуя въ самихъ себѣ потребности образованія, не развиваютъ ея и въ своихъ дѣтяхъ. Рандарша часто напоминала мужу объ этомъ, она не хотѣла, чтобы дѣти росли, какъ „деревья въ лѣсу“—и каждый разъ получала въ отвѣтъ: „Оставь, Рахиль; молиться, читать и писать у нихъ всегда будетъ время выучиться. Мошеле будетъ арендаторъ, какъ его отецъ и отецъ отца. Пусть онъ только знаетъ, сколько выйдетъ, когда сложить одну рюмку водки и еще одну, да умѣетъ на глазъ опредѣлить, что стоитъ волъ—этого довольно. А Ганнеле наша, коли ты выучишь ее солить мясо и

вязать чулки—найдетъ себѣ мужа. Въ писаніи не сказано, что женщина должна умѣть читать, когда она не умѣетъ заштопать дыру въ чулкѣ. Ты развѣ была не такая, Рахиль? А я только и желаю, чтобы Ганнеле на тебя была похожа“.

Этой лестью рандаръ всегда поканчивалъ бесѣду. Но „деревья въ лѣсу“ не давали покоя рандаршѣ. Женщины всегда видятъ дальше мужчины, и если въ гетто то или другое дитя оказываетъ склонность не къ торговлѣ, а къ иной профессіи, то въ большинствѣ случаевъ къ книгамъ пристрастила его мать; отецъ остается при этомъ только зрителемъ и утвердительно киваетъ головой.

Рандарша добилась наконецъ того, что изъ отстоявшаго на полчаса гетто сталъ ѣздить въ деревню три раза въ недѣлю старый реббе, обучавшій дѣтей обыкновеннымъ предметамъ. Но реббе не могъ ничего вбить дѣтямъ въ голову, онъ жаловался на „деревенскихъ лѣнтяевъ“ и особенно на Мошеле, который, какъ остановился на первой книгѣ библіи, именно на смерти Іакова, такъ дальше не пошелъ.

Повторилось здѣсь то, что всегда бываетъ. Дѣти видѣли, что отецъ не интересуется ученьемъ и сами поэтому ничему не учились. Но мы увидимъ, какъ молодыя души этихъ „деревьевъ“ стали кормиться изъ совсѣмъ иныхъ источниковъ.

Домъ рандара былъ извѣстенъ чуть не во всемъ свѣтѣ. Ребъ Шмуль, какъ каждый владыка, дорожащій тѣмъ, что говорятъ о немъ люди, имѣлъ повсюду своихъ панегиристовъ, прославлявшихъ его звуками трубными. Врядъ-ли мнѣ повѣрятъ, когда я скажу, что эта великая хвалебная армія рандара состояла изъ бродячихъ нищихъ, именно изъ такъ называемыхъ „шнорреровъ“.

Домъ рандара былъ для нихъ обычнымъ мѣстомъ свиданья и встрѣчи; сюда они стекались отовсюду. Уже въ далекой Польшѣ или Венгріи, всякій такой шнорреръ, пускаясь въ свое странствованіе, зналъ, что въ далекой Богеміи для него всегда открытъ домъ ребъ Шмуля.

„Когда ты прійдешь въ Богемію,—говорили ему,—ступай къ ребъ

Шмулю рандару; скажи ему, что я послалъ тебя туда, что я просилъ его дать тебѣ провести у него шабашъ и что я желаю ему сто лѣтъ жизни". И на длинномъ пути отъ Польши до Богеміи имя рандара свѣтило шнорреру, какъ золотая звѣзда; всюду произносилось это имя съ восторгомъ, и каждый разъ, какъ нашъ нищій, изнемогая отъ холода и голода, протягивался на жесткой скамьѣ для отдыха, онъ думалъ: „Вотъ какъ я прійду въ Богемію, сейчасъ отправлюсь къ рандару ребъ Шмулю, и тамъ у меня будетъ славный шабашъ". И въ эти минуты его нищета казалась не такъ тяжка для него.

И надо было видѣть рандара въ пятницу, когда онъ, уже въ три часа, умывшись и надѣвъ бархатную ермолку, стоялъ передъ воротами своего дома, высматривая гостей. Часто приходила цѣлая толпа этихъ шнорреровъ; каждаго изъ нихъ хозяинъ, прежде чѣмъ ввести въ домъ и спросить имя и званіе, привѣтствовалъ „Шалелъ алехемъ". И каждый приносилъ ему поклоны и привѣты изъ всѣхъ частей свѣта—тотъ изъ Венгріи, этотъ изъ Моравіи, иной даже изъ русской Польши. Въ эти минуты можно было подумать, что онъ король, которому представители сословій подносятъ адресы.

А вечеромъ ребъ Шмуль сидѣлъ за столомъ среди этихъ гостей. Какъ благоухала и цвѣла суббота! Какъ отрадно было на душѣ у нищаго! Неудивительно поэтому, что часто начинали звучать всѣ струны радости, и иногда звучали такъ громко, что переходили въ шумъ. Это случалось именно тогда, когда послѣ окончанія трапезы рандаръ говорилъ; „Ну, теперь во всю!" Шнорреры понимали, что значило у рандара „во всю!" И каждый изъ нихъ начиналъ извлекать изъ богатой сокровищницы своей памяти долго хранившійся въ ней запасъ разныхъ исторій, веселыхъ анекдотовъ и талмудическихъ утонченностей. Одинъ старался превзойти другаго. О, Господи, какъ удивительно хохоталъ этотъ ребъ Шмуль, когда ему приходилась по сердцу какая нибудь веселая штука! Въ его хохотѣ заключалась цѣлая жизнь природы—отъ громоваго взрыва волкана до нѣжнаго рокотанья соловья! Все смѣялось въ немъ; даже маленькая бородавка на носу, обыкновенно сидѣвшая

тамъ совершенно равнодушно, ощущала радость и веселье и подпрыгивала то туда, то сюда!

„А счастливый нашъ панъ Шмуль!“ говорили въ это время крестьяне въ шинкѣ.

Но бывали тутъ и очень печальные часы; рандаръ не смѣялся, онъ былъ погруженъ въ глубокое горе. Это случалось особенно тогда, когда польскіе шнорреры разсказывали о страданіяхъ „русскихъ“ евреевъ. Дѣйствія новаго „Гамана“, рубившаго подъ корень священное древо Израиля, производили на рандара сильное впечатлѣніе; и я могу прямо сказать, что у русской администраціи не было врага злѣе этого арендатора въ отдаленной Богеміи.

Эта возня съ шноррерами нравилась особенно Мошеле. Онъ могъ до полночи сидѣть и слушать. Ганнеле же засыпала сейчасъ послѣ обѣда, ей были невыносимы эти дикія, голодомъ обезображенныя лица. Такимъ образомъ дѣти уже въ первые годы начали расходиться между собою въ своихъ склонностяхъ. Особенно любилъ Мошеле одного изъ этихъ шнорреровъ, особенно ему отдалъ всю привязанность своего дѣтскаго сердца. Звали его Мендель Вильна.

Мендель приходилъ въ домъ арендатора постоянно разъ въ годъ. На него смотрѣли не какъ на нищаго, а какъ на друга, дѣлавшаго хозяину честь своимъ посѣщеніемъ. Это была высокая, величественная фигура, удивительно выдѣлявшаяся своимъ полувосточнымъ костюмомъ. Въ субботу, снявъ съ себя пыльное платье, онъ облекался въ шелковый кафтанъ и покрывалъ собольею шапкой черныя какъ смоль кудри, вившіяся по обѣимъ сторонамъ благороднаго и выразительнаго лица, такъ что окружавшіе смотрѣли на него съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ.

Глубокая мечтательность лежала на лицѣ Менделя каждый разъ, какъ онъ приходилъ въ домъ рандара. Причины тому не зналъ никто. Ребъ Шмуль считалъ его отчасти тронувшимся въ умѣ отъ черезъ чуръ большаго „ученья“, потому что Мендель Вильна иногда говорилъ съ величайшимъ одушевленіемъ о Іерусалимѣ и скоромъ возстановленіи

его. Вообще онъ былъ молчаливъ и сдержанъ; но когда начиналъ говорить о Іерусалимѣ, увлеченіе его не имѣло предѣловъ. Изъ-за этого священнаго забужденія своего онъ, быть можетъ, и былъ такъ любимъ рандаромъ, хотя тотъ и называлъ все это „idée fixe“.

Мендель Вильна былъ самый близкій другъ мальчика. Въ субботу они гуляли вмѣстѣ по полямъ. Тутъ нищій разсказывалъ Мошеле про свое далекое отечество, описывалъ страны, уже пройденныя имъ, или занималъ его сказками и священными исторіями. О своей собственной родинѣ онъ никогда не говорилъ ни слова.

Однажды Мендель пришелъ раньше обыкновеннаго. До праздника оставалось еще двѣ недѣли. Послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій Мендель объявилъ, что онъ пришелъ проститься на долгое время, быть можетъ, навсегда. При этихъ словахъ Мошеле сталъ плакать, а рандарша спросила:—А куда же именно вы идете, ребъ Мендель?

— Я отправляюсь въ Іерусалимъ, отвѣчалъ онъ и положилъ въ сторону свой дорожный посохъ.

— Внемли, Израиль!—съ испугомъ воскликнула рандарша;—такъ далеко хотите вы идти? Неужели же вамъ не страшно, что съ вами что нибудь случится?

Нищій набожно поднялъ къ небу глаза.

— Тотъ, кто защищаетъ и хранитъ меня уже столько лѣтъ — кротко сказалъ онъ,—кто путеводитель мой въ моихъ странствіяхъ по свѣту и кто создалъ ребъ Шмуля и Рахиль, на которыхъ, со всѣмъ ихъ поколѣніемъ, да снизойдетъ благословеніе небесное—тотъ доведетъ меня и въ Іерусалимъ! Къ „рошъ гашоне“ (новый годъ) я уже буду тамъ; оставаться здѣсь долѣе не имѣю силъ. Если съ Божіею помощію вернусь оттуда, то принесу мѣшечекъ земли вамъ, ребъ Шмуль и вамъ, мадамъ Рахиль.

Слѣдующій день былъ суббота. Послѣ обѣда Мендель и Мошель отправились въ свою обычную прогулку по полямъ. Мендель былъ на этотъ разъ очень молчаливъ, мальчикъ не услышалъ отъ него ни одной сказки. Сильный зной заставилъ ихъ искать тѣни, и безъ опре-

дѣленной цѣли они направились въ маленькую рощу, расположенную недалеко отъ рандарскаго дома. Лучи нѣжно пробивались сквозь деревья; хорошо было тутъ, подъ шелестящими вѣтвями, среди общаго безмолвія природы. Мошеле протянулъ руку къ свѣсившейся зеленой вѣткѣ и хотѣлъ сорвать ее.

— Боже тебя упаси!—воскликнулъ нищій, очнувшись отъ своего забытья;—забылъ ты развѣ, что сегодня суббота?

— Развѣ это грѣхъ?—съ недовѣрчивой улыбкой возразилъ мальчикъ;—такая чудесная зеленая вѣтка!

— Перестань, — сказалъ Мендель полусердито; — ты думаешь, Богъ далъ намъ шабашъ для того, чтобъ мы ходили въ лѣсъ и ломали вѣтви? И вѣтка хочетъ покоя, какъ человѣкъ. Вѣдь твой отецъ сегодня не работаетъ и не беретъ въ руки денегъ? Ну, а ты хочешь, чтобы то, чѣмъ пользуется кусочекъ серебра, т. е. того, что лежитъ въ землѣ—не давалось зеленой вѣтви? Не дѣлай этого, Мошеле, и дай мнѣ слово, что въ священный шабашъ никогда не сломишь ни одной вѣтки.

— Даю слово, сказалъ Мошеле, и по тону, которымъ были произнесены эти слова, нищій узналъ, что они вышли прямо изъ души. Выраженіе радости пробѣжало по его лицу; онъ посмотрѣлъ на мальчика съ глубокою нѣжностью.

— Послушай, Мошеле,—сказалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.— я разскажу тебѣ сегодня кое-что, уже давно лежащее у меня на сердцѣ. Теперь наступилъ часъ. Богу Всемогущему извѣстно — умру ли я на дорогѣ, или что другое случится со мною. А я не хочу, чтобъ ты забылъ Менделя Вильну; хочу, чтобъ ты всегда помнилъ его.

Съ этими словами онъ бросился подъ дерево, Мошеле легъ подлѣ него. Истинно субботнее спокойствіе было разлито въ природѣ; точно она заставила смолкнуть всѣ свои голоса, чтобъ внимать вмѣстѣ съ мальчикомъ рѣчамъ нищаго.

— Слушай меня, Мошеле—началъ онъ,—ты еще дитя, и твоя жизнь похожа на школьную тетрадь ученика, въ которой онъ успѣлъ

записать пока всего двѣ—три строки. Говоритъ царь Давидъ: я былъ нѣкогда дитя и сдѣлался старикомъ;—долго ли, коротко ли, тетрадь окажется вся исписанная, и придетъ день, когда Господь разорветъ ее! Оттого въ ней должны быть только хорошія вещи. Но чудо тутъ въ томъ, что ты будешь думать, будто самъ исписалъ тетрадь, а на самомъ дѣлѣ и шести строкъ нѣтъ, написанныхъ твоею рукою. Тысячи людей занимаются этимъ писаніемъ, даже перомъ водилъ не ты самъ. Ты пишешь то, что тебѣ диктуютъ другіе... Но ты хорошо слушаешь меня?

Вопросъ этотъ былъ совершенно лишній; мальчикъ былъ олицетворенное вниманіе.

Шнорреръ продолжалъ:

— Я знаю, ты сынъ богатаго человѣка, и твой отецъ, да пошлетъ ему Господь еще сто лѣтъ жизни, можетъ не учить тебя ничему: ты проживешь и такъ. Но очень ошибается твой отецъ — это ужъ я знаю — если думаетъ, что его Мошеле такъ и останется навсегда съ волами да съ мужиками. Отецъ твой—пусть ужъ не прогнѣвается онъ на меня—человѣкъ стараго времени; коли онъ увидѣлъ вола, тутъ на глазъ и оцѣнилъ, сколько тотъ стоитъ, или коли просидѣлъ да покалякалъ часъ-другой съ крестьяниномъ — съ него и довольно; больше, по его мнѣнію, еврею ничего и не надобно... Но свѣтъ сталъ теперь совсѣмъ иной. Теперь ужъ и съ талмудомъ недалеко уйдешь. Сиди надъ нимъ хоть цѣлую ночь—днемъ изъ него мало проку; а ежели ты умѣешь написать, какъ слѣдуетъ, нѣмецкое письмо — тѣмъ больше выгоды. Прими поэтому мой совѣтъ — учись и будь прилеженъ. Я когда нибудь вернусь и тогда спрошу тебя: Мошеле, помнишь ты еще Менделя Вильну? И хочешь идти со мною въ Іерусалимъ?

— Въ Іерусалимъ!—повторилъ мальчикъ съ благоговѣніемъ;—но вѣдь вы идете туда теперь, ребъ Менделе. Возьмите меня съ собою.

— Дурачекъ!—отвѣчалъ шнорреръ съ улыбкой:—еще нельзя, ты слишкомъ молодъ.

— Развѣ для этого надо быть старикомъ?

— Нѣтъ, туда можно идти во всякое время. Но я долженъ тебѣ сказать, что тотъ Іерусалимъ, какой *я* думаю, еще не построенъ.

— Мнѣ бы хотѣлось помочь строить, задумчиво сказалъ Мошеле.

— И это не идетъ, у тебя еще мало силы. Тутъ нужны такія плечи, какъ у героя Самсона, чтобъ не повалиться подъ тяжестью.

— Но кто же построитъ этотъ Іерусалимъ?

При этомъ вопросѣ лучъ восторженнаго одушевленія сверкнулъ изъ глазъ Менделя, грудь его начала сильнѣе вздыматься.

— Я!—воскликнулъ онъ торжественно; — Мендель Вильна избранъ на это дѣло Господомъ. Оттого я иду теперь въ Старый Іерусалимъ и осмотрюсь тамъ, какъ слѣдуетъ. А когда ты выростешь, ты поможешь мнѣ; потому что я вижу уже теперь—*ты* мнѣ понадобишься. Гдѣ только есть еврейская душа—всюду пойду я, у всѣхъ дверей буду стучать и кричать: Мендель Вильна пришелъ! Онъ хочетъ строить Іерусалимъ, собирайтесь всѣ на работу!

При послѣднихъ словахъ шнорреръ всталъ, на его лице упалъ цѣлый пукъ лучей заходящаго солнца; вся его фигура представляла нѣчто изумительное. Затѣмъ онъ повернулся въ противоположную сторону, на которую уже спустились сумерки, и сказалъ: — Тамъ, тамъ лежитъ Іерусалимъ!

Мошеле тоже посмотрѣлъ на востокъ. Вдругъ нищій, не отрывавшій глазъ оттуда, сдѣлалъ порывистое движеніе.

— Я долженъ—воскликнулъ онъ — показать тебѣ, Мошеле, еще что-то, что-то такое, чего ты еще никогда не видѣлъ. Смотри!

Онъ отвернулъ рукава своего кафтана и совершенно обнажилъ лѣвую руку.

— Что ты видишь здѣсь, Мошеле? спросилъ онъ.

То были кровавыя еврейскія буквы, вырѣзанныя въ мясѣ острымъ орудіемъ.

— Тутъ написано Іерусалимъ! — крикнулъ мальчикъ; — развѣ можно это дѣлать?

— А я сдѣлалъ,—твердо и торжественно отвѣчалъ нищій;—каж-

дый разъ, какъ я обвязываю руку тфиллиномъ, это у меня передъ глазами. Но не говори объ этомъ никому; я показалъ только тебѣ, потому что хочу, чтобы ты не забылъ сегодняшней субботы. Но теперь пойдемъ, уже поздно.

Когда они вышли изъ лѣсу, вечеръ уже совсѣмъ наступилъ. На западѣ горѣли еще послѣднія полосы солнечнаго свѣта. Но прежде всего кидалось въ глаза тихое жилище рандара, на крышѣ котораго покоилось цѣлое сіяніе лучей. Но Мошеле не смотрѣлъ туда, онъ шелъ почти задомъ, устремивъ глаза на востокъ, между тѣмъ какъ Мендель тащилъ его за руку. Крестьяне возвращались съ поля, они кланялись мальчику и незнакомому человѣку, сопровождавшему его. Тутъ же повстрѣчался съ ними и Гонза, съ которымъ мы скоро познакомимся; онъ ѣхалъ на лошади, запряженной въ плугъ. Въ рукахъ у него была свѣжая вѣтка, служившая ему хлыстомъ. Увидѣвъ его, Мошеле улыбнулся: *онъ* не сломалъ бы вѣтки!

Въ безмолвной задумчивости вернулись они домой.

II.

Далекое Странствіе.

На слѣдующій день шноррeръ собрался въ дорогу. Въ рукѣ у него была толстая палка, а за спиною—жалкая сумка, заключавшая въ себѣ его скудное имущество. Переступивъ порогъ, онъ набожно поцѣловалъ „мезузе“—прибитый къ дверямъ кусочекъ пергамента,—съ написанными на немъ таинственнымъ „Шадаи“ и словами „Внемли, Израиль!“ Рандаръ и его жена проводили его до дверей.

— Не забудьте мѣшочка іерусалимской земли,—сказалъ рандаръ;—этого не найдешь каждый день.

— Скорѣе я себя забуду, отвѣчалъ шноррeръ съ глубокимъ волненіемъ.

Ребъ Шмуль намѣревался уже войти обратно въ домъ, когда рандарша крикнула:

— Мошеле, гдѣ же ты? Поди сюда, дай ребъ Менделю благословить тебя въ послѣдній разъ.

Но Мошеле не откликался на многократный зовъ. Тогда рандарша, очень дорожившая всякимъ благословеніемъ, посылавшимся на голову ея ребенка, пошла сама въ домъ посмотрѣть, куда дѣвался сынъ. Но она вернулась съ встревоженнымъ видомъ.

— Его нигдѣ нѣтъ, — сказала она — и я не отпущу васъ, ребъ Мендель, пока вы не благословите моего Мошеле. Надо поискать его.

Шноррэръ терпѣливо ждалъ, но мальчика не было и слѣда.

— Не держи его, Рахиль, — сказалъ рандаръ; — ребъ Менделю предстоитъ длинный путь. До Іерусалима вѣдь не два шага.

— Вѣдь я оставляю ему мое искреннѣйшее благословеніе, замѣтилъ нищій.

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразила рандарша, — я рѣшительно не пущу васъ; вы должны непремѣнно благословить моего Мошеле.

И она снова и такъ энергически стала звать мальчика, какъ будто тутъ дѣло шло о счастьи всей его жизни, и все могло быть улажено только благословеньемъ шноррера.

— Не играй пожалуйста комедіи — сказалъ рандаръ съ недовольной улыбкой; — увидѣлъ бы тебя кто, такъ не удержался бы отъ смѣха.

— А мнѣ что до того? — отвѣчали Рахиль въ полголоса; — кто можетъ смѣяться надъ благословеніемъ, пусть себѣ хохочетъ сколько угодно.

Въ это время рандаръ прошелъ съ Менделемъ нѣсколько шаговъ дальше; обогнувъ за уголъ дома, гдѣ начинается большая дорога, онъ вдругъ крикнулъ:

— Смотрите пожалуйста! Вѣдь тамъ стоитъ нашъ Мошеле.

— Гдѣ, гдѣ? спросила рандарша, приблизившаяся къ нимъ при этихъ словахъ.

Мошеле стоялъ всего шагахъ въ пятидесяти отъ своихъ родителей. Когда они подошли ближе, то почти разсмѣялись, увидя костюмъ маль-

чика; въ рукѣ у него была тросточка, а за спиною маленькая сумочка, такъ что онъ представлялъ собою миніатюрное изображеніе шноррера.

— Что это значитъ, Мошеле? — тревожно улыбаясь, спросила мать; — куда это ты? По твоему виду подумаешь, что ты собрался въ путешествіе.

— Я иду съ ребъ Менделемъ въ Іерусалимъ, отвѣчалъ мальчикъ безъ всякаго смущенія.

— Въ Іерусалимъ! крикнулъ рандаръ и расхохотался такъ, какъ будто услышалъ, что его сынъ отправляется на прогулку въ небо. Но мать обняла мальчика, и грустно засмѣявшись, сказала:—Какъ это нехорошо, Мошеле! Ты даже матери не сказалъ, куда ты собрался.

— Но вѣдь я вернулся бы, какъ только мы окончили бы постройку, отвѣчалъ Мошеле.

Рандара этотъ отвѣтъ заставилъ расхохотаться еще сильнѣе.

— Пусть идетъ, Рахиль,—сказалъ онъ;—къ чему ты его удерживаешь? Пусть себѣ узнаетъ свѣтъ!.. Счастливой дороги, Мошеле, а когда вернешься, принеси мнѣ что нибудь въ подарокъ.

Говоря это, онъ многозначительно посмотрѣлъ на нищаго и жену, какъ будто хотѣлъ сказать: „не держите его, я спокоенъ". Но мать нѣжнѣе и крѣпче обняла сына, точно онъ и вправду разставался съ нею; нищій безмолвно и въ глубокой задумчивости смотрѣлъ на эту странную сцену.

Рандаръ, полунедовольный тѣмъ, что намѣреніе Мошеле идти въ Іерусалимъ мать принимала не въ шутку, укоризненно сказалъ женѣ:

— Ну, довольно дурачиться, и отпусти его! Прощай, Мошеле; надѣюсь, что на сукотъ (праздникъ кущей) ты вернешься.

Рандарша поцѣловала сына еще разъ, потомъ въ послѣдній, наконецъ въ самый послѣдній. И затѣмъ сказала съ особенной улыбкой:

— Ну, такъ прощай, Мошеле, и не забывай твою мать.

Казалось, какъ будто въ этой притворной разлукѣ она оплакивала современемъ предстоявшую ей дѣйствительную. Это одна изъ загадокъ материнскаго сердца. Кто разрѣшитъ ее?

— Такъ на сукотъ ты непремѣнно будешь дома? — повторилъ рандаръ, уходя; — смотри, не опоздай.

— Не пускайте его слишкомъ далеко, ребъ Мендель — шепнула рандарша нищему. Тутъ мать и отецъ разстались съ сыномъ; мальчикъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, но не по направленію къ дому.

Среди этой картины стоялъ шнорреръ, не зная, на что ему рѣшиться...

Нѣсколько времени Мендель шелъ рядомъ съ мальчикомъ, какъ будто дѣйствительно сочувствуя его рѣшенію и видя въ немъ вѣрнаго товарища своего великаго странствія. Мошеле энергически шелъ впередъ. Скоро свѣжій воздухъ высушилъ послѣднюю слезу, вызванную у него разлукою съ матерью.

Черезъ четверть часа Мендель спросилъ какъ-бы вскользь:

— Ты не усталъ, Мошеле?

— Ни крошки, ребъ Мендель.

Шнорреръ не сказалъ ни слова; они продолжали бодро идти. Но черезъ нѣсколько минутъ Мендель остановился и сказалъ:

— Но ужъ теперь ты, безъ сомнѣнья, усталъ; я это вижу.

— Почемъ вы это видите, ребъ Мендель? — съ огорченьемъ спросилъ Мошеле; — развѣ я не опережаю васъ на нѣсколько шаговъ?

— Ну, хорошо, — смѣясь, отвѣтилъ шнорреръ; — идемъ дальше.

Черезъ нѣсколько времени Мендель сказалъ: — Пари держу, что отъ усталости ты не можешь сдѣлать ни шагу больше.

Мальчикъ ничего не возразилъ; но глаза его были полны слезами гнѣва, и какъ будто не слышавъ словъ нищаго, онъ двинулся впередъ еще быстрѣе. Мендель находился въ большомъ затрудненіи; онъ вѣдь самъ былъ виновникомъ этого упорства ребенка. Какъ теперь образумить его? Мендель искалъ выхода и не находилъ.

— Но что же это наконецъ будетъ! — крикнулъ онъ нѣсколько минутъ спустя; — вѣдь я же не могу... взять тебя съ собою.

— Ребъ Мендель! вырвалось у мальчика изъ глубины души.

Шноррера испугалъ этотъ болѣзненный крикъ; онъ со стыдомъ за-

крылъ лице руками. Онъ вздыхалъ и стоналъ, какъ будто на совѣсти у него лежало громадное преступленіе. Потомъ взялъ ребенка за руку и сказалъ ему:

— Ты, пожалуй, станешь думать теперь, Мошеле, что я посмѣялся надъ тобою? И на Менделя Вильну будешь смотрѣть, какъ на злѣйшаго врага твоего. Какой же ты однако дурачокъ, милое дитя мое! Неужели же ты серьезно думаешь, что я могу взять тебя въ Іерусалимъ... Много еще лѣтъ до того надо тебѣ прожить на свѣтѣ. А теперь не надрывай ты моего сердца и иди домой, Мошеле! Отецъ и мать будутъ о тебѣ безпокоиться. Ступай, дитя мое.

Дѣтямъ часто подсказываетъ непостижимый инстинктъ, гдѣ предѣлъ ихъ блаженному бреду; по воздуху, вѣющему вокругъ ихъ карточнаго домика, они чувствуютъ, когда имъ должно перестать желать. Еще непостижимѣе покорность и тупой героизмъ, обнаруживаемые ими, когда они стоятъ надъ развалинами своего счастья. Не всегда похожи мы на этихъ дѣтей! Сколько зеленыхъ вѣтвей разныхъ грезъ и желаній продолжаемъ мы держать въ рукахъ уже долго послѣ того, какъ онѣ служатъ только язвительною насмѣшкою надъ нашими сѣдыми волосами и поблекшими цвѣтами нашей души!

Такъ и Мошеле тотчасъ же понялъ, что его путешествіе окончилось. Онъ повернулся, не говоря ни слова, и направился домой.

— Развѣ ты не хочешь, чтобы я благословилъ тебя? крикнулъ ему вслѣдъ Мендель отъ всей полноты сердца.

Голосъ друга снова обаятельно подѣйствовалъ. Мошеле вернулся, Мендель положилъ руки на его голову и благословилъ его, какъ нѣкогда Іаковъ—Эфраима и Манассе. Теперь уже *онъ* ускорилъ шаги; онъ чувствовалъ потребность скорѣе удалиться отъ полуразрушеннаго неба, которое собственныя руки его построили и украсили чудеснѣйшими звѣздами.

Когда Мошеле снова очутился передъ деревней, которую оставилъ такъ недавно, имъ овладѣла тяжелая печаль. Онъ казался себѣ теперь гораздо старше своихъ дѣйствительныхъ лѣтъ и думалъ, что поэтому

люди въ деревнѣ едва узнаютъ его. Но уже у перваго дома деревни онъ убѣдился въ противномъ. Тамъ стояла передъ дверьми старуха Варушка, бывшая его кормилица; увидѣвъ мальчика, она окликнула его, но Мошеле, никогда не проходившій тутъ безъ того, чтобъ не зайти къ ней, теперь боязливо поспѣшилъ мимо, а когда она еще разъ крикнула его имя, онъ, правда, посмотрѣлъ на нее, но затѣмъ быстро побѣжалъ впередъ по полямъ.

За деревней онъ остановился, потому что совсѣмъ задыхался; но послѣ короткаго отдыха снова двинулся и такимъ образомъ описалъ большой полукругъ около деревни. Ни одинъ человѣкъ не встрѣтился ему въ полѣ—было воскресенье. Зашелъ онъ и въ рощу: птицы такъ чудесно пѣли тамъ на деревьяхъ, подъ которыми онъ наканунѣ гулялъ съ Менделемъ Вильной. Съ одного дерева онъ сломалъ вѣтку и воткнулъ ее къ себѣ въ шапку. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ руководило имъ смутное чувство мщенія старому другу. Потомъ онъ сѣлъ у ручейка, пробѣгавшаго по лѣсу, и погрузилъ въ воду зеленую вѣтку; онъ хлесталъ ею по водѣ до тѣхъ поръ, пока не осталось ни одного листика, а послѣ этого кинулъ сухую вѣтку, вскочилъ и побѣжалъ дальше.

Наконецъ онъ очутился у своего дома, но не смѣлъ такъ прямо и открыто войти туда. Поэтому онъ пробрался вдоль стѣны, окружавшей дворъ—и перелѣзъ черезъ нее тамъ, гдѣ къ ней примыкалъ сѣновалъ. Не оглядываясь, былъ ли во дворѣ какой нибудь свидѣтель его позора, онъ быстро влѣзъ по узкой лѣстничкѣ сѣновала. Испуганные голуби разлетѣлись. Мошеле зарылся въ мягкое, ароматное сѣно и горько заплакалъ.

Его не замѣтилъ никто, кромѣ Ганнеле, поспѣшившей сообщить о томъ матери. Рандарша высказала мнѣніе, что ребенокъ можетъ заболѣть, лежа такимъ образомъ на сѣнѣ; но ребъ Шмуль съ улыбкою возразилъ:

— Пусть выспится отъ своего дурачества, Рахиль: это ему нисколько не повредитъ.

Но рандарша покачала головой; внутренній голосъ говорилъ ей,

что ея дитя достаточно искупило испытаннымъ разочарованіемъ свое ребяческое безуміе. Она пошла во дворъ и стала у лѣстницы, доходившей до земли.

— Мошеле,—крикнула она,—иди къ мамѣ!

Только послѣ третьяго зова появился мальчикъ. Мать не сказала ни слова, она высушила его слезы своими поцѣлуями и повела его въ комнату.

III.

Отношенія.

Со дня неудачи странствія въ обѣтованную землю въ Мошеле произошла большая перемѣна. Старый учитель, до тѣхъ поръ такъ недовольный „жесткой“ головой ребенка, теперь не могъ нахвалиться его способностями и прилежаніемъ. Быстро выучилъ Мошеле всю библію и, не обнаруживая ни малѣйшей усталости, торопилъ учителя идти все дальше и дальше. Реббе не подозрѣвалъ, гдѣ таился источникъ этой любознательности; онъ пробивался изъ Священной земли, но старикъ приписывалъ его своему вліянію.

Читая однажды въ книгѣ Моисея ту главу, гдѣ говорится объ обязанностяхъ священниковъ и левитовъ, Мошеле спросилъ:

— Реббе, скажите мнѣ, какъ это Моисей могъ напередъ знать все, что имъ прійдется дѣлать въ Іерусалимѣ?

— Богъ научилъ его; на горѣ Хоревѣ Онъ познакомилъ его со всею торой.

— Стало быть, *его* учителемъ былъ Богъ?

— Сорокъ дней и сорокъ ночей Богъ только и дѣлалъ съ Моисеемъ, что училъ и училъ его. Какъ только Моисей что нибудь позабывалъ, Богъ сейчасъ же повторялъ это — и такимъ образомъ сдѣлалось, что онъ не забылъ ни одной строки торы. Послѣ того онъ ее и написалъ всю на память.

— И ни разу не ошибся?

— Глупый, какъ же бы это могло случиться? Вѣдь его училъ Богъ!

Вечеромъ, отправляясь домой въ гетто, онъ сказалъ рандаршѣ:

— Обратите вниманіе на вашего Мошеле; у мальчика свѣтлая голова, его надо бы учить талмуду.

За это въ руку ему было положены три серебряныя монеты, а въ карманъ—фунтъ кофе.

— Скажите это и моему мужу,—попросила она;—онъ не вѣритъ, что у нашего Мошеле въ головѣ очень ладно.

Для Мошеле было счастье, что дѣтскіе годы его прошли не въ стѣнахъ гетто. Предложи реббе *тамъ* изученіе талмуда—мальчику не отдѣлаться бы. Но ни рандару, ни его женѣ талмудъ не приходился по вкусу. Тутъ опять играла роль обычная безпечность рандара относительно образованія его сына. Или, быть можетъ, руководилъ имъ въ этомъ случаѣ безсознательно вѣрный инстинктъ?

Удивительная въ самомъ дѣлѣ загадка—чисто еврейское воспитаніе! Рано ведутъ ребенка къ священнымъ источникамъ, откуда уже столько тысячелѣтій текутъ волны того, чему нѣтъ имени. Онъ рано созрѣваетъ, его чувства заостряются и укрѣпляются; священная вѣчная книга дается ему въ руки во всей своей цѣлости и неприкосновенности; онъ можетъ играть ею, какъ обоюдоострымъ оружіемъ. Между тѣмъ какъ дѣтямъ-христіанамъ даются только вырванныя произвольно изъ нея страницы, дитя еврейское имѣетъ передъ собою все ея содержаніе; ни со стороны человѣка, ни со стороны церкви нѣтъ ему запрета читать ее съ начала до конца; онъ можетъ объяснять, толковать ее, какъ ему угодно. Развѣ не имѣетъ это обстоятельство громаднаго значенія относительно будущаго?

Поэтому отъ многаго такого уберегся нашъ Мошеле, что̀ рано выпало бы на его долю въ гетто. „Деревьямъ лѣснымъ“, которыя такъ часто огорчали добрую рандаршу, служило по крайней мѣрѣ ко благу то обстоятельство, что ничто не мѣшало имъ рости къ небу прямо и свободно...

Своеобразенъ былъ тотъ міръ, въ которомъ жили дѣти рандара. Рожденныя и воспитанныя въ деревнѣ, они однако не принадлежали

ей вполнѣ. Они носили городское платье среди крестьянъ—обстоятельство, мѣшавшее сближенію ихъ съ деревенскими дѣтьми. Рандарша считала ихъ слишкомъ порядочными для этого, и тутъ опять все тѣ же „лѣсныя деревья“ были причиною, почему Ганнеле и Мошеле не имѣли въ деревнѣ никакихъ товарищей.

Рандаръ вообще занималъ относительно деревни странное положеніе. Наполовину онъ былъ крестьяниномъ; всю свою жизнь онъ провелъ здѣсь, зналъ всякую мелочую подробность этого существованія. Оттого въ его натурѣ образовалось особеннаго рода смѣсь: онъ воспринялъ въ себя много крестьянскаго; въ немъ было много крестьянскихъ свойствъ; такъ, напримѣръ, онъ былъ ограниченъ, упрямъ и близорукъ. Но въ сравненіи съ ними онъ являлся все-таки превосходившею ихъ умственною силою; онъ былъ умнѣе и сообразительнѣе ихъ, чѣмъ былъ обязанъ, конечно, и своей профессіи.

Рандаръ часто говорилъ: „Я долженъ жить моими крестьянами“— и въ этомъ признаніи заключается разгадка многаго.

Помѣщикомъ деревни былъ собственно „панъ Шмуль“, и крестьяне охотно признавали за нимъ эту власть. Онъ пилъ съ ними изъ одного стакана, онъ былъ съ ними на ты и не сердился, когда они въ пьяномъ видѣ обнимались и цѣловались съ нимъ. „Жидъ“ и его домъ имѣли для нихъ особенную притягательную силу; то было взаимное даваніе и полученіе, при чемъ обѣ стороны чувствовали себя вполнѣ хорошо.

Крестьяне входили въ комнату рандара съ привѣтствіемъ: „хвала Господу Іисусу Христу!“ и ребъ Шмуль отвѣчалъ на это: „во вѣки вѣковъ, аминь!“ Въ этомъ обращеніи крестьянъ было нѣчто наивно безсознательное; рандаръ же зналъ, что говорилъ. Ему вѣдь надо было „жить“.

Въ религіозныхъ дѣлахъ вообще ребъ Шмуль и крестьяне не стѣснялись другъ другомъ. Если онъ на хвалу Іисусу Христу отвѣчалъ словомъ аминь, то, съ другой стороны, онъ и среди ихъ совершалъ свое богослуженіе. Съ молитвенными ремнями на головѣ и рукѣ ходилъ онъ между крестьянами, и многимъ пожалуй покажется страннымъ, что ни-

кто не потѣшался этимъ зрѣлищемъ. „Панъ Шмуль молится“, говорили они, когда рандаръ уходилъ въ уголъ съ молитвою Шмона-Эсре и среди славянскихъ звуковъ раздавалась рѣчь Сіона. И затѣмъ они сдвигали свои стаканы и говорили шопотомъ все время, пока продолжалась молитва.

У рандара была своя особенная манера держать такимъ образомъ крестьянъ „на почтительной дистанціи“, можетъ быть потому, что онъ часто исполнялъ между ними обязанность судьи. Въ шинкѣ происходила собственно жизнь деревни, и рандаръ держалъ ея нити въ своихъ рукахъ. Самыя горячія пренія и схватки имѣли мѣсто здѣсь. Здѣсь сѣтовали на чиновниковъ, здѣсь проклинали барщину. Всѣ страсти находили здѣсь свой исходный пунктъ. Возникала какая нибудь ссора—посредникомъ являлся рандаръ; для него было важно видѣть обѣ стороны въ миролюбивомъ соглашеніи подъ его кровлей. Удивительно было искуство, которое онъ обнаруживалъ въ подобныхъ случаяхъ. Сперва онъ давалъ умамъ дойти до сильнѣйшаго возбужденія, такъ что каждую минуту можно было ожидать кроваваго исхода. И только послѣ этого онъ выступалъ со своимъ посредничествомъ: приказывалъ всѣмъ молчать и начиналъ въ длинной рѣчи резюмировать всю ссору, освѣщать ее и ставить такимъ образомъ, что въ его устахъ она принимала совсѣмъ иной видъ. При этомъ онъ каждую минуту спрашивалъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: „развѣ я не правду говорю, Павелъ?“ И послѣ сердито-утвердительнаго отвѣта со стороны спрошеннаго, обращался къ слѣдующему: „ты согласенъ съ этимъ, Вацлавъ?“ и такъ дальше до тѣхъ поръ, пока собственно правымъ оказывался только онъ одинъ. Крестьяне рѣдко замѣчали эту тактику, въ концѣ они всегда говорили: „ловкій человѣкъ панъ Шмуль“ — и значеніе арендатора съ каждымъ разомъ увеличивалось.

Печально, но мы должны сознаться: въ душѣ арендаторъ презиралъ этихъ крестьянъ. На его взглядъ они были слишкомъ суевѣрны. и такъ какъ его діалектика производила на нихъ такое впечатлѣніе,

то онъ считалъ ихъ стоявшими гораздо ниже его. Это — заблужденіе большинства людей, не только евреевъ.

Когда по воскресеньямъ въ шинкѣ происходили танцы, дѣтей не пускали туда. Ихъ запирали въ какой нибудь отдаленной комнатѣ, куда не могли проникнуть крики и пѣсни пьяныхъ людей. „Что тебѣ тамъ дѣлать?—сказала однажды рандарша, когда Мошеле попросился въ шинокъ;—хочешь, что ли, видѣть, какъ Гонза или Васта упились и разбиваютъ другъ другу голову? Стоитъ смотрѣть на пьянаго мужика! Благодари Бога обѣими руками, что тебѣ не надо видѣть эти штуки!"—Говорила ли она искренно? О, да — и еще прибавила:—„Мы, евреи, не для этого созданы. Валяться и пьянствовать цѣлый день въ шинкѣ можетъ только крестьянинъ. И ты хочешь брать примѣръ съ него?"

Въ другой разъ Мошеле выразилъ желаніе отвѣдать бѣлаго напитка, до такой степени приходившагося по вкусу крестьянамъ, что ежедневно приходилось наполнять большую бутыль. Тутъ рандарша, точно онъ яду попросилъ, закричала: — „Господи милосердый! Ты хочешь пить водку? Да ты развѣ забылъ, что ребъ Шмуль рандаръ твой отецъ? Какое порядочное еврейское дитя пьетъ водку? Она только для мужиковъ; а ты, чуть двѣ капли ея проглотишь, сейчасъ съ ума сойдешь!"

Намъ уже знакомы нищіе друзья нашего Мошеле; но у него и Ганнеле былъ еще одинъ знакомый въ деревнѣ—Гонза съ зеленой вѣткой. И сынъ и дочь рандара пользовались его любовью, но большая часть приходилась на долю Ганнеле. Гонза предназначался къ поступленію въ богословскій факультетъ, чтобы сдѣлаться духовнымъ лицомъ, и уже учился у деревенскаго священника по латыни. Это обстоятельство много способствовало равноправности во взаимныхъ сношеніяхъ. Рандарша смотрѣла на это знакомство даже съ удовольствіемъ.

— Я молюсь: Отче нашъ—сказалъ однажды Гонза,—и когда мнѣ что нибудь нужно, иду къ св. Іоанну Непомуку, стоящему вонъ тамъ на мосту.

— Когда тебѣ что нибудь нужно? съ изумленіемъ спросила Ган-

неле, не понимавшая положенія католическихъ святыхъ между Богомъ и людьми.

— И матушка тоже ходитъ къ нему, прибавилъ Гонза.

— И онъ исполняетъ все, о чемъ ты его просишь? продолжала спрашивать дѣвочка.

— Все, отвѣчалъ онъ очень серьезно.

Тогда Ганнеле попросила его сказать ей ту молитву, которую онъ произноситъ каждый день, но не ту, съ которой онъ обращается къ святому на мосту. Она подразумѣвала Отче Нашъ. Гонза съ минуту колебался, потому что въ дѣлахъ вѣры всѣ люди одинаковы: то, что лежитъ у человѣка въ душѣ какъ тайна, онъ не любитъ обнаруживать передъ другими. Но потомъ молодой человѣкъ началъ говорить — и произносилъ особенно тепло и задушевно. Слова Іисуса Христа, выраженныя славянскими звуками, и общее, доступное каждому человѣческому сердцу содержаніе одинаково подѣйствовали на дѣвушку. Она поняла молитву, но изумилась, что въ ней не было ни слова о „его Богѣ, т. е. Богѣ самого Гонзы“.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокой задумчивости она сказала:

— Теперь сдѣлай мнѣ удовольствіе, Гонза, и повтори ее.

Онъ сперва пытливо посмотрѣлъ на нее, какъ бы съ цѣлью удостовѣриться, что она не смѣялась надъ нимъ; потомъ повторилъ молитву. Ганнеле такъ низко опустила голову, что почти касалась лбомъ лежавшаго на колѣняхъ молитвенника. Когда Гонза окончилъ, она быстро сказала:

— Это очень легко! Мнѣ кажется, я уже теперь знаю наизусть. Сказать тебѣ?

Гонза былъ очень удивленъ такою памятью.

— Тебѣ это только кажется, а повторить—ты не повторишь.

— Ну, слушай,—возразила Ганнеле—и помоги мнѣ. Если я сдѣлаю ошибку, ты, смотри, не смѣйся!

— Начинай, начинай, сказалъ Гонза съ строгимъ выраженіемъ лица.

Ганнеле начала. Она благополучно дошла до словъ: „яко на небеси, тако и на земли“. — Отчего говорятъ: и на земли?—перебила она себя;—вѣдь Богъ только въ небѣ!

Гонза пристально посмотрѣлъ въ лице спрашивавшей, потомъ сильно покраснѣлъ и сказалъ: „Не знаю!“ Очевидно лучшій отвѣтъ.

— Какъ дальше?—спросила она:—напомни только первое слово.

— Даждь намъ хлѣбъ нашъ насущный...

— Даждь намъ хлѣбъ нашъ насущный и отпусти намъ долги наша... Что это за долги, Гонза?—опять вставила она;—я вѣдь никому не должна. Намъ крестьяне много должны.

— У каждаго человѣка есть долги,—возразилъ Гонза болѣе правдиво, чѣмъ это ему самому казалось,—ну, говори, говори дальше: яко же мы отпускаемъ...

Съ его помощью Ганнеле довела молитву до конца: „Но избави насъ отъ лукаваго“.

— Теперь ты должна сказать аминь, напомнилъ въ заключеніе Гонза.

Но Ганнеле возразила: „этого не скажу“, потому что слово аминь было еврейское и часто встрѣчалось въ молитвенникѣ.

— Отчего не скажешь?

— Оттого что не хочу...

— Такъ я скажу вмѣсто тебя! крикнулъ Гонза и произнесъ аминь разъ двадцать однимъ духомъ. Ганнеле зажала уши, она не хотѣла слышать это слово, оно было страшно для нея.

Послѣ этого Гонза пожелалъ въ свою очередь услышать, какъ молится Ганнеле; но она замѣтила, что онъ не пойметъ словъ, потому что они еврейскія. Гонза хотѣлъ однако по крайней мѣрѣ взглянуть на эту молитву, и Ганнеле, уже изъ благодарности за его недавнюю любезность, отыскала въ молитвенникѣ „беншенъ“ (благословеніе).

При видѣ многихъ вудреватыхъ и странныхъ буквъ, шедшихъ, вопреки всѣмъ правиламъ, отъ правой руки къ лѣвой, Гонза въ первую минуту очень смутился, почти испугался. И, можетъ, быть именно изъ

чувства страха онъ вырвалъ изъ рукъ дѣвушки книгу и со смѣхомъ вскричалъ:—По этой книгѣ ты молишься?

— Отдай мой сидерль, Гонза! кричала Ганнеле въ сильнѣйшемъ волненіи.

Но мальчикъ, держа высоко въ рукахъ свою добычу, какъ бѣшеный бѣгалъ вокругъ креста. Ганнеле гналась за нимъ, но не могла поймать его, а онъ въ это время продолжалъ смѣяться и кричать: „По этой книгѣ ты молишься?„

Тутъ Ганнеле бросилась на траву и предалась своему отчаянію.

— Если ты не отдашь мнѣ моего сидерля — говорила она, рыдая,—то я навѣки поссорюсь съ тобою.

Гонза подошелъ и положилъ книжку подлѣ нея. Едва молитвенникъ очутился въ ея рукахъ, она поспѣшно вскочила и побѣжала прямо къ дому. Гонза смотрѣлъ ей вслѣдъ съ очень недовольнымъ видомъ.

Перев. **Петръ Вейнбергъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ САНИТАРНАГО СОСТОЯНІЯ ЕВРЕЙСТВА.

(*Окончаніе* *).

Точно также неоднократно утверждали, что у евреевъ не бываетъ холеры и объясняли это ихъ особыми расовыми, племенными особенностями. Къ несчастію для евреевъ, подобная выгодная для нихъ привилегія не существуетъ. Поводъ къ этому мнѣнію могло подать развѣ то, что какъ упоминалъ Буденъ **, «въ отношеніи холеры, евреи или дѣлаются ея жертвами, или совершенно не подвергаются ей", такъ что многіе писатели впали въ заблужденіе, допуская постоянство одной изъ этихъ случайностей. Эпидемія 1831 и 1832 гг., какъ въ Африкѣ, такъ и въ Европѣ, преимущественно истребляла еврейское племя. Съ того времени, она часто совершенно щадила евреевъ, не смотря на то, что они живутъ въ самыхъ многолюдныхъ и грязныхъ кварталахъ. Hirsch *** также весьма рѣшительно отвергаетъ незаразимость ихъ холерой и въ подтвержденіе цитируетъ вѣскія цифры Burguieres (Etudes sur le choléra à Smyrna. Paris. 1849), сообщавшаго свои наблюденія въ холеру 1848 года, когда умиралъ 1 еврей изъ 26 человѣкъ, 1 мусульманинъ изъ 40, 1 грекъ и католикъ изъ 73—80 и 1 армянинъ изъ 200 человѣкъ.

Эти цифры не одиночны. Точно также голландскій врачъ Stokwiss *† приводитъ таблицы, изъ которыхъ видно, что еврейская община

* См. „Восходъ", кн. 5.

** l. c. m. II, p. 128.

*** *Handbuch* der historisch-geographischen Pathologie. Erlangen, 1860. Band I, p. 129.

*† Centralblatt für Medic. Wissensch. 1867 № 27.

въ Амстердамѣ, отличающаяся въ обыкновенное время чрезвычайно низкой цифрой смертности, въ теченіе холерныхъ эпидемій 1849—1866 гг. отличалась сравнительно гораздо большей смертностью отъ холеры, чѣмъ другія общины. У евреевъ на 100 смертныхъ случаевъ приходилось въ эти годы 17,04% отъ холеры, тогда какъ среди прочаго населенія только 10,32%. Она повысилась до 5,66 противъ 3,46% обыкновеннаго времени.

Въ настоящее время вопросъ этотъ рѣшенъ настолько безспорно, что знаменитый проф. Lebert *, не указывая источниковъ, находитъ возможнымъ ограничиться только тѣмъ, что «въ началѣ тридцатыхъ годовъ полагали, что евреи до извѣстной степени застрахованы отъ холеры, но позднѣйшія эпидеміи показали, что это не болѣе, какъ иллюзія».

Что касается эпидеміи холеры въ Россіи конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, то эта страшная гостья нисколько не стѣснялась съ нашими единоплеменниками и похищала изъ ихъ рядовъ много жертвъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, евреи умирали въ меньшемъ числѣ, чѣмъ христіанское населеніе, но этому могло также способствовать и то, что евреи ни одного больнаго изъ своей среды не оставляютъ безъ медицинской помощи—фактъ, на рѣзкое вліяніе котораго указывалъ еще докторъ Вильчинскій.

Практикующіе врачи замѣтили относительно евреевъ интересный фактъ: въ періодъ господства холеры число евреевъ, умиравшихъ въ воскресенье, понедѣльникъ, даже вторникъ, словомъ—въ первую половину недѣли, гораздо значительнѣе, чѣмъ за вторую. Единственное подходящее объясненіе этого явленія—въ высшей степени антигигіеническая еврейская субботняя пища! Въ литературѣ намъ не удалось найти подтвержденія этому факту, но тѣмъ не менѣе справедливость его подтвердятъ, я думаю, всѣ врачи, практиковавшіе среди евреевъ въ холерные годы. Впрочемъ, Евфановъ ** утверждаетъ, что осенью 1865 г. и весною 1866 года во время существованія холеры можно было убѣдиться въ значительности заболѣваній послѣ субботы. Въ Умани, Бердичевѣ, Балтѣ и др. городахъ и мѣстечкахъ, населенныхъ евреями, послѣ каждаго „шабаша" рѣзко-увеличивалась цифра заболѣвшихъ холерой. Вотъ почему мы настойчиво обращаемъ вниманіе

* Ziemssen. Руководство къ частной патологіи и терапіи, т. II, ч. I, p. 329.

** *Н. Евфаковъ.* — Медико-типографія кіевскаго военнаго округа. Кіевъ 1866 р. 38 коп.

на это и совѣтуемъ извлечь отсюда практическія послѣдствія. Не одна жизнь въ будущемъ можетъ быть сбережена при соблюденіи нѣкоторыхъ діететическихъ предосторожностей въ субботніе дни.

Чѣмъ же объяснить господствовавшія прежде, совершенно разнорѣчивыя мнѣнія о воспріимчивости евреевъ къ холерѣ? Очень просто: холера, подобно многимъ другимъ болѣзнямъ, является совершенно независимой отъ племени. Ея губительная сила, страшныя опустошенія, ею производимыя, зависятъ преимущественно отъ соціальныхъ причинъ. Даже не врачи замѣтили этотъ фактъ. И вотъ что говоритъ, напр., Бокль: * «Относительно этой болѣзни положительнѣе всего дознано, что она наиболѣе поражаетъ тѣ классы, которые, по бѣдности или лѣности, плохо питаются, небрежны въ содержаніи своего тѣла и живутъ въ грязныхъ, сырыхъ и неправильно освѣжаемыхъ жилищахъ». Если евреи дѣйствительно желаютъ пользоваться привилегіей не болѣть холерой, то мы имъ напомнимъ остроумный совѣтъ, данный Боклемъ шотландцамъ: «кормить своихъ бѣдныхъ, убирать нечистоты и освѣжать свои жилища». Можно быть увѣреннымъ, что если бы голландскіе богачи евреи позаботились о нищенствующихъ въ Амстердамѣ своихъ единовѣрцахъ, Stokwiss не имѣлъ бы основаній привести тѣ ужасающія цифры, о которыхъ было упомянуто выше.

Подобно холерѣ, и дифтериту нѣкоторые ученые приписывали особую брезгливость относительно еврейскихъ дѣтей; что онъ, подобно многимъ усерднымъ патріотамъ, не хочетъ имѣть дѣла съ «жидами». Врядъ-ли послѣдніе были бы въ претензіи за подобную религіозную нетерпимость; но многіе еврейскіе отцы и матери, оплакивающіе своихъ умершихъ отъ дифтерита дѣтей, подтвердятъ, что пресловутая невоспріимчивость (immunité) ихъ дѣтей оказывалась не существующей на дѣлѣ при первомъ столкновеніи послѣднихъ съ дифтеритическимъ ядомъ. Другіе врачи, наоборотъ, утверждали, что онъ имѣетъ особое пристрастіе къ нимъ и предпочитаетъ ихъ христіанамъ. Какъ первое, такъ и второе мнѣніе, хотите — справедливо, хотите — несправедливо! Какъ всякая эпидемія, дифтеритъ всего болѣе выхватываетъ свои жертвы изъ среды, гдѣ господствуетъ бѣдность, гдѣ вслѣдствіе этого дѣтей плохо кормятъ, гдѣ они скучены въ тѣсныхъ, грязныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ они изнурены, гдѣ на нихъ обращается мало вниманія и т. под.

---

* Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. II, p. 493.

Чтобы не быть голословными, мы представимъ факты какъ одного, такъ и другаго рода. Въ черниговскомъ уѣздѣ эпидемія дифтерита началась въ 1876 г. съ еврейскаго семейства въ селѣ Козлѣ *; сколько мнѣ помнится, въ миргородскомъ уѣздѣ въ селѣ Сорочинцахъ страшное распространеніе этого народнагѳ бича началось тоже съ легкой руки какого-то еврейскаго семейства, павшіе члены котораго были первыми жертвами дифтерита. Въ Амстердамѣ, въ теченіи 1856—1862 гг. смертность отъ него между бѣднымъ еврейскимъ населеніемъ составляла 13,7%, для иновѣрцевъ—4,04% **. То же самое наблюдалось въ Брюсселѣ, въ Вѣнѣ. Въ послѣднемъ въ 1863 году на 100 смертныхъ случаевъ среди евреевъ, умершихъ отъ дифтерита было 4,2%; среди христіанъ только 2,6% ***.

Другіе авторы, какъ объ этомъ было сказано выше, приводятъ совершенно противоположные случаи; такъ, напр., въ Бухарештѣ, эпидемія въ 1869 году унесла изъ 615 заболѣвшихъ 200 человѣкъ; но еврейское населеніе этого города, превышающее 14 тысячъ душъ, живущее въ самыхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, было совершенно свободно отъ дифтерита. *A. Sanné* *†, цитирующій этотъ случай и считающій его *assez curieux*, объясняетъ его не свойствомъ расы или національности, а тѣмъ, что «евреи живутъ обособленно въ своихъ жилищахъ, въ наилучшихъ условіяхъ, чтобы избѣгнуть заразы».

Цитированный нами выше *Fr. Seitz* упоминаетъ также, но какъ о фактѣ сомнительномъ, что еврейское населеніе въ средней Франконіи при 2-хъ мѣстныхъ эпидеміяхъ было пощажено дифтеритомъ †*, но не видитъ въ этомъ вліянія національности или расы.

Приведенный нами выше случай изъ Амстердама, доказывающій какъ бы бо́льшую воспріимчивость евреевъ къ дифтериту, оказывается имѣющимъ связь исключительно съ ихъ бытовыми условіями; такъ, по крайней мѣрѣ, смотритъ на это *Stokwiss*, цитируемый *Зейцемъ* †**, объясняю-

---

* Отчетъ о народномъ здравіи и о состояніи земской медицины въ черниговскомъ уѣздѣ за 1878 г., p. 12.

** *D-r Otto Braus.*—Die Diphtherie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Bedeutung. Hannover.

*** *Franz Seitz.* — Diphtherie und Croup geschichtlich und klinisch dargestellt. Berlin, 1877, p. 136.

*† Traité de la Diphtherie. Paris, 1877, p. 316.

†* l. c. p. 285.

†** l. c. p. 136.

щій подобное явленіе тѣмъ, что среди амстердамскаго еврейскаго населенія дѣтскій элементъ представляетъ гораздо бóльшій процентъ, чѣмъ среди прочаго народонаселенія, а дѣти всегда даютъ дифтериту наивозможно бóльшую сумму жертвъ.

Мои личныя наблюденія на югѣ Россіи убѣдили меня, что дѣйствительно смертность отъ дифтерита и заболѣваемость имъ среди евреевъ слабѣе, чѣмъ у христіанъ, но это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что первые, живя почти исключительно въ мѣстахъ, гдѣ имѣются врачи, обращаются къ нимъ немедленно при заболѣваніи дѣтей и охотнѣе исполняютъ всѣ медицинскія предписанія, чѣмъ прочее населеніе. Это не можетъ не отразиться въ высшей степени выгодно на ихъ смертности. Въ другихъ мѣстахъ Россіи дифтеритъ поражалъ почти исключительно евреевъ. Такъ напр., въ 1878 году въ радомской губерніи онъ свирѣпствовалъ въ центрахъ еврейскаго населенія въ Опатовѣ и того же уѣзда въ посадѣ Иваниска *.

Что касается другихъ эпидемическихъ болѣзней, то о господствѣ или отсутствіи ихъ среди евреевъ не возникало сомнѣнія, хотя въ литературѣ встрѣчаются иногда случайныя и единичныя указанія на бóльшую или меньшую степень распространенія какой либо изъ нихъ. Мы не приводимъ всѣхъ встрѣченныхъ нами замѣтокъ, какъ не представляющихъ ничего характернаго для статистики еврейской заболѣваемости. Такъ, напр., въ послѣдніе годы скарлатина свирѣпствовала съ особой силой среди еврейскаго населенія западныхъ губерній, чему способствовали: „нѣжный возрастъ заболѣвшихъ и семейная обстановка въ деревняхъ, еврейскихъ кварталахъ городовъ и мѣстечекъ“; другими словами—бытовыя условія, а не расовыя особенности племени вліяли на силу эпидеміи. Жили бы евреи чисто, не тѣсно—они, быть можетъ, были бы свободны отъ нея.

Но говоря вообще, нужно скорѣе удивляться отсутствію повальнаго распространенія всевозможныхъ эпидемій среди евреевъ. Кто, хотя въ качествѣ туриста, поверхностно ознакомился съ еврействомъ въ мѣстахъ постояннаго его жительства, тотъ могъ убѣдиться, какая масса самыхъ неблагопріятныхъ условій сложилась, чтобы въ корень подрывать его здоровье: страшная бѣдность, неразрывно связанный съ нею усиленный трудъ въ душныхъ, тѣсныхъ мастерскихъ, неудовлетворительное питаніе организма, еле-еле вознаграждающее его затраты, все это, вмѣстѣ взятое, вліяетъ на

* Отчетъ Медицинскаго Департамента за 1878 годъ, р. 32.

хилаго уже отъ рожденія субъекта и, естественно, предрасполагаетъ его къ легкому восприніятію того или другаго болѣзнетворнаго яда. Никакая раса при подобныхъ условіяхъ не можетъ не поддаваться ему и не дѣлаться жертвой обусловливаемыхъ имъ страданій.

V.

Что касается господства другихъ, не эпидемическихъ болѣзней, то въ этомъ отношеніи среди евреевъ замѣчается сравнительно съ прочимъ населеніемъ преобладаніе многихъ страданій отъ разстройства питанія, душевныхъ, грудныхъ и нервныхъ болѣзней. Хотя евреямъ приписывалось прежде широкое распространеніе накожныхъ болѣзней, но это не совсѣмъ вѣрно. Единственная болѣзнь, давшая поводъ къ такимъ воззрѣніямъ—парши (favus), обусловливаемая развитіемъ особаго грибка, какъ оказывается, представляетъ среди нихъ не столь частое явленіе, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, какъ объ этомъ толковали прежде, и сохранилась только въ немногихъ захолустьяхъ западныхъ губерній среди бѣднѣйшей, наименѣе развитой части еврейскаго населенія. Что касается другой болѣзни—колтуна, то хотя и ее считали присущей исключительно еврейству, но это совершенно невѣрно, какъ то доказано старинными оффиціальными изслѣдованіями въ познанской провинціи, гдѣ, напр., въ 1843 году оказалось, что на 1000 человѣкъ славянскаго племени было 29 такихъ больныхъ, германскаго—18 и еврейскаго—11 *. Относительно Россіи мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, а встрѣчаемъ только указанія въ отчетѣ Медицинскаго департамента за 1876 г. **, что «колтунъ не составляетъ рѣдкости въ неопрятномъ еврейскомъ населеніи». Тотъ же отчетъ въ другомъ мѣстѣ (р. 32) даетъ право предполагать, что въ Россіи колтунъ даже предпочтительно поражаетъ евреевъ, такъ какъ «особенною нечистотою и вообще отсутствіемъ даже признаковъ благоустройства отличаются города и мѣстечки съ господствующимъ еврейскомъ населеніемъ»; это объясняетъ всю суть дѣла: въ Познани евреи пользуются лучшимъ экономическими условіями, они интеллигентнѣе своихъ русскихъ единовѣрцевъ, и болѣзнь рѣже поражаетъ первыхъ. Когда западно-русскіе евреи выйдутъ изъ мрака невѣжества, когда они дойдутъ до степени благосостоянія сво-

---

* *Буденъ*. Т. II, р. 129.

** l. с. р. 23.

ихъ познанскихъ братьевъ—и среди нихъ гораздо рѣже будетъ встрѣчаться колтунъ. Свѣта, больше свѣта въ темную среду—и болѣзнь, находящая гостепріимный пріютъ въ лачугахъ бѣдняковъ, если не изчезнетъ вполнѣ, то все же будетъ находить меньше жертвъ среди нихъ.

Если о степени господства упомянутыхъ болѣзней встрѣчаются разнородныя мнѣнія, то, съ другой стороны, всѣ согласны на счетъ преимущественнаго предъ другими народами распространенія среди евреевъ грудныхъ, душевныхъ и нервныхъ болѣзней. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень распространены, въ особенности среди западно-русскихъ евреевъ, болѣзни питанія, выражающіяся въ слабости, хилости, малорослости и малокровіи. Причины сильнаго развитія душевныхъ болѣзней среди евреевъ, значительнаго числа среди нихъ умалишенныхъ—нужно опять искать не въ ихъ расовыхъ свойствахъ, а во многихъ другихъ условіяхъ, изъ которыхъ вполнѣ достаточно упомянуть объ одномъ весьма существенномъ—«*воспитаніи*». Всякій знаетъ, что несчастныхъ еврейскихъ дѣтей засаживаютъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ за науку, преподаваемую имъ безъ соблюденія минимальныхъ элементарныхъ правилъ разумной педагогики и при отсутствіи какой либо гигіенической обстановки въ школахъ *. Неправильное воспитаніе, обремененіе молодаго мозга многознаніемъ, громадное напряженіе его для изученія разныхъ библейскихъ и талмудическихъ тонкостей, не только вызываютъ раздраженіе его, особенно опасное въ періодѣ усиленнаго роста, но вліяютъ на питаніе организма, вызываютъ его истощеніе и создаютъ почву для сумашествія. Несомнѣнно, что не безъ вліянія на значительное число душевнобольныхъ и частые браки между близкими родственниками; по крайней мѣрѣ, вредное вліяніе такихъ браковъ признается уже давно многими выдающимися учеными, не безъ основанія утверждающими, что если вступаютъ въ бракъ близкіе кровные родственники, то слабые зачатки одной семьи не выравниваются сильными зачатками другой: пороки не уравновѣшиваютъ другъ друга, а, напротивъ, легко суммируются между собой. Гдѣ вступающіе въ бракъ родные пользуются хорошимъ здоровьемъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, тамъ не замѣчается вовсе того вреднаго вліянія отъ браковъ между близкими родственниками, о которомъ говорится такъ много. Такъ, напр., въ Батцѣ (въ департаментѣ Нижней Луары, во Франціи) имѣется 3,300 жителей, здоровье которыхъ какъ умственное, такъ и тѣлесное очень хорошо, не смотря на частые браки между родственниками.

* *Ц. О. Смоленскій.*—Школа и здоровье. Разсвѣтъ, 1880, №№ 12, 13 и 14.

Идіотизма, глухонѣмоты и падучей болѣзни между ними не встрѣчается *.

Совершенно обратное явленіе замѣчается между евреями. Можно насчитать между ними массу семействъ, гдѣ вступившіе въ бракъ близкіе родственники произвели на свѣтъ несчастное потомство, а это зависитъ исключительно отъ того, что оба супруга до вступленія въ бракъ были болѣзненны, хилы и слабы. Мы особенно напираемъ на это въ виду частой повторяемости подобныхъ браковъ. Нечего и говорить, что помимо этихъ общихъ причинъ существуютъ еще многія другія, но всѣ онѣ лежатъ, главнымъ образомъ, въ бытовыхъ условіяхъ еврейства, а нисколько не въ расовыхъ его особенностяхъ.

Мы не имѣемъ достаточно статистическихъ данныхъ, чтобы представить въ числахъ преобладаніе душевно-больныхъ среди евреевъ, но тѣмъ не менѣе фактъ этотъ достовѣрно извѣстенъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ была произведена перепись всего населенія съ указаніями душевныхъ больныхъ; одну такую таблицу мы приводимъ:

По Гюбертцу, въ Даніи на 1000 жителей приходится:

3,34 умалишенныхъ или идіотовъ изъ католиковъ
5,85 » » » » евреевъ.

Д-ръ Шюлле въ Илленау ** подтверждаетъ это и говоритъ, что по вѣроисповѣданіямъ «наибольшее число душевно-больныхъ сравнительно съ населеніемъ даютъ, повидимому, евреи».

Данныхъ о душевныхъ болѣзняхъ среди нихъ въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, не имѣется, а рѣдко печатающіеся отчеты психіатрическихъ больницъ въ Россіи не могутъ выражать дѣйствительности. Такъ, напр., проф. *П. И. Ковалевскій* *** имѣлъ изъ 620 душевно-больныхъ, пребывавщихъ въ харьковской губернской земской больницѣ—14 евреевъ, 12 мужчинъ и 2 женщины. Понятно, что сдѣлать выводъ изъ этихъ цифръ невозможно.

Среди евреевъ особенно часты наслѣдственныя формы умопомѣшательства, и повторяемъ, это, быть можетъ, обусловливается чрезвычайно распространенными среди нихъ браками между близкими родственниками. Проф.

---

* *Самуэль.*—Руководство къ Общей Патологіи. СПБ. 1879. р. 959.

** *Шюле.*—Ziemssen Руководство Частной Патологіи и Терапіи, т. 16, р. 187.

*** *П. И. Ковалевскій.*—Врачебныя вѣдомости, № 464, 1880 г.

Тархановъ * цитируетъ извѣстный случай Седжвика, наблюдавшаго еврейскую семью, въ которой отецъ, мать, шесть братьевъ и сестра были помѣшаны.

Подобно душевнымъ и нервныя болѣзни составляютъ очень частыя явленія между евреями, что бросалось въ глаза всякому врачу, практиковавшему въ ихъ средѣ. Одною изъ причинъ, кромѣ общихъ и для душевныхъ болѣзней, необходимо считать малокровіе и вообще недостаточное питаніе, представляющія изъ себя очень существенные, предрасполагающіе моменты въ заболѣванію таковыми страданіями. Мы и тутъ ограничимся только нѣсколькими данными о глухонѣмотѣ, представляющей одну изъ рѣзкихъ формъ нервныхъ страданій. Въ великомъ герцогствѣ Нассау въ 1863 году одинъ глухонѣмой приходился на 1397 католиковъ, 1101 протестанта и на 508 евреевъ **; въ Кельнскомъ округѣ 1 глухонѣмой приходится на 1814 католиковъ, 2630 протестантовъ и 560 евреевъ (*Lent*).

Столь же мало благопріятны свѣдѣнія, приводимыя *Либрейхомъ* относительно Берлина, гдѣ 1 глухонѣмой приходился на 2215 христіанъ и на 673 еврея. Въ Баваріи въ 1871 г., по *Майеру*, на 10.000 католиковъ приходилось 8,56, протестантовъ 9,47, евреевъ 18,16 глухонѣмыхъ. Въ Пруссіи на такое же число католиковъ глухонѣмыхъ 10,27, протестантовъ 9,55, евреевъ 14,88; въ 1880 году у католиковъ 10,39, протестантовъ 9,89, евреевъ 14,38 ***.

Эстерленъ, который предполагаетъ также и вліяніе браковъ между близкими родственниками на рожденіе глухонѣмыхъ, говоритъ: что «такъ какъ подобные браки между евреями, повидимому, происходятъ чаще, чѣмъ между христіанами, то среди нихъ и должно быть большее число глухонѣмыхъ. Въ парижскихъ учрежденіяхъ изъ 200 глухихъ было 3 еврея, т. е. 1|67 часть, въ то время, какъ они составляютъ только 1|350 часть всего населенія въ Франціи и 1|138 его въ Парижѣ (Буденъ) ****. Въ подобныхъ учрежденіяхъ Берлина изъ 341 глухихъ было 42 еврея или 27

* *И. Р. Тархановъ.—Мысль*, 1880 г. № 2, р. 199.

** Real-Encyclop. d. Gesammten Heilkunde. B. XIII, p. 439.

*** Ibid. См. тоже «Сборникъ судебн. медицины и общественной гигіены, издаваемый медиц. департ. мин. внутр. дѣлъ. 1873 г., т. 2, от. II. р. 13, рефератъ статьи доктора Фалька изъ Arch. f. Psych. und Nervenkrankheiten. 3 Band. 2-г Heft. 1872 г.

**** Буденъ считаетъ въ Парижѣ 11 тысячъ евреевъ, великій раввинъ Исидоръ—25,000. (Примѣчаніе принадлежитъ Эстерлену).

на 10 тысячъ еврейскихъ жителей, тогда какъ только 6 на 10 тысячъ христіанъ (Эстерленъ).

Нѣкоторые ученые, какъ, напр., Буденъ, Мацъ и др. частотой кровныхъ браковъ объясняютъ также замѣченное сильное распространеніе глазныхъ болѣзней среди евреевъ. Такъ, напр., 1-й приводитъ наблюденія Греллоа и Фурнари, что въ Алжирѣ гидрофтальмія развивается исключительно у жителей, принадлежащихъ къ этому племени. Мацъ въ своей статистикѣ Баваріи указываетъ на особую нерѣдкость слѣпоты среди баварскихъ евреевъ. Такъ, напр., на 10,000 протестантовъ ихъ приходилось 7,8 слѣпыхъ, католиковъ—8,2 и евреевъ 13,8 *. Нечего и говорить, что наблюденія въ этомъ направленіи до сихъ поръ очень ограничены, чтобы можно было придти къ болѣе точнымъ заключеніямъ.

Что касается распространенія грудныхъ болѣзней, то просимъ читателя вспомнить многочисленныя цифры, приведенныя нами въ 3-й главѣ о найденныхъ измѣреніяхъ груди и роста у еврейскихъ новобранцевъ. Цифры эти всего нагляднѣе рисуютъ чрезмѣрное предрасположеніе евреевъ къ заболѣваніямъ грудныхъ органовъ; такъ, напр., мы видѣли, что въ привислянскихъ губерніяхъ изъ 4372 новобранцевъ 589 человѣкъ или 13½ % оказались съ какими либо страданіями грудной клѣтки; изъ нихъ 175 съ хроническимъ катарромъ бронховъ и 172—уже съ развитымъ хроническимъ воспаленіемъ легкихъ. Еще менѣе удовлетворительны данныя, найденныя у евреевъ сѣверозападныхъ губерній, изъ общаго числа 1,986 человѣкъ которыхъ—326 или 16,4 % были одержимы той или другой формой грудныхъ страданій и въ томъ числѣ 129—съ хроническимъ катарромъ бронховъ и 70—съ хроническимъ воспаленіемъ легкихъ. Значеніе этихъ цифръ не нуждается въ комментаріяхъ. Если вспомнить, что онѣ относятся къ возрасту, отличающемуся наибольшимъ здоровьемъ, и если перенести эти отношенія ко всему еврейству, то мы видимъ, что отъ 1/6 до 1/8 его части представляетъ тѣ или другіе задатки развитія чахотки. Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ и требуетъ самаго серьезнаго вниманія и указываетъ, что въ бытовыхъ условіяхъ и жизни евреевъ кроются чрезвычайно неблагопріятныя вліянія на ихъ физическое состояніе. Несомнѣнно, самымъ значительнымъ изъ нихъ является низкое матеріальное экономическое положеніе еврейской массы. «Специфическимъ средствомъ противъ чахотки—говоритъ извѣстный французскій проф. *Лаверанъ* **—можетъ служить не

* *Hermann Cohn.*—Blindenstatistik. Real-Encyclop. B. II, p. 281.

** *Лаверонъ.*—Войсковыя болѣзни. С.-Петербургъ. 1877, p. 402.

какая нибудь прививка, а физическое и нравственное улучшеніе судьбы массы». И это совершенно вѣрно! Безъ широкихъ мѣропріятій, которыя выведутъ евреевъ на болѣе свѣтлую дорогу улучшенія ихъ экономическаго положенія, ужасные факты физическаго ихъ вырожденія, представленнаго нашими цифрами, не только сохранятъ свою силу въ будущемъ, но повлекутъ за собою еще болѣе грозную картину вымиранія еврейства. Тѣсныя, душныя мастерскія, лишенныя свѣта и воздуха, жалкія и бѣдныя лачуги нашихъ западныхъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ родится, живетъ и умираетъ еврейскій ремесленникъ или факторъ, голодающій цѣлую недѣлю, являются могилами не только для своихъ обитателей, но и для всей еврейской національности. Мы и здѣсь выскажемъ наше горячее пожеланіе видѣть евреевъ земледѣльцевъ на широкомъ просторѣ полей и луговъ, обрабатываемыхъ ихъ руками. Земледѣліе одно въ состояніи поднять низкій уровень физическаго состоянія евреевъ, дать имъ широкую грудь и предохранить отъ вымиранія.

Прекрасный полъ у евреевъ также не избавленъ отъ страданій и выдается своими чрезмѣрно распространенными *женскими болѣзнями*. Это должно казаться тѣмъ болѣе удивительнымъ, что, какъ извѣстно, положеніе еврейскихъ женщинъ гораздо лучше, чѣмъ у всѣхъ другихъ народностей. Евреи, въ большинствѣ случаевъ, очень привязаны къ семьѣ, такъ называемыя семейныя добродѣтели у нихъ въ большомъ ходу. При взглядѣ ихъ на дѣтей, какъ на «божье благословеніе», рѣдкій изъ нихъ позволитъ своей женѣ усиленную работу въ послѣдніе мѣсяцы ея беременности; болѣе того, онъ постарается обставить ее наивозможно комфортабельнѣе во время родовъ и въ послѣродовомъ періодѣ. При разумномъ примѣненіи гигіеническихъ правилъ, подобное отношеніе мужа къ женѣ должно было бы служить одной изъ лучшихъ мѣръ для предохраненія отъ такъ называемыхъ женскихъ болѣзней, очень часто имѣющихъ свое начало въ какихъ-либо послѣ-родовыхъ заболѣваніяхъ. И дѣйствительно, гдѣ онѣ рожаютъ подъ научнымъ наблюденіемъ врача, предшествовавшій родамъ внимательный уходъ за ними въ семьѣ сказывается въ относительной легкости родоваго акта. У насъ, къ сожалѣнью, нѣтъ многихъ цифръ, чтобы подтвердить справедливость нашихъ словъ, но тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ мы приводимъ, хотя немногочисленныя, но характерныя данныя доктора *Финкеля* *, который нашелъ, что роды у

* Отчетъ родильнаго заведенія кіевской еврейской больницы, за 1875 г. Протоколы общества кіевскихъ врачей. 1876 г.

евреекъ протекаютъ благополучнѣе, чѣмъ у христіанокъ. Въ теченіи отчетнаго года у 35% рожениць еврейскаго родильнаго дома продолжительность родовъ не превышала 5 часовъ, у 34% — длилась отъ 5 до 10 часовъ, у 18% отъ 10 до 20 часовъ и т. д. Смертность рожениць евреекъ оказалась въ 2 раза меньшею, чѣмъ у христіанокъ.

Въ связи съ болѣе внимательнымъ уходомъ за беременными находится, повидимому, тотъ интересный фактъ, что у евреевъ число мертворожденныхъ меньше, чѣмъ среди другихъ національностей; такъ, напр., въ Пруссіи, по *Эстерлену* *, общій % мертворожненныхъ 3,9%, а среди евреевъ только 2—2,5%. Точно также Bergmann ** нашелъ, что въ Магдебургѣ за срокъ 1827—1856 гг. на родившихся 47,939 живыми христіанъ приходилось 2,618 мертворожденій, что составляетъ 5,5%, тогда какъ у евреевъ было 561 живорожденныхъ и только 4 мертворожденій или немного болѣе 0,7%. Неоднократно цитированный нами баварскій статистикъ Mayer *** нашелъ почти такое-же отношеніе для Баваріи. Neefe показалъ, что въ Пруссіи на 100 рожденій приходилось мертворожденныхъ за срокъ 1849—1855 у лютеранъ 4,30%, у католиковъ 3,45%, у евреевъ 1,34%; въ Баденѣ—за время 1858—1863 у первыхъ—4,42%; у вторыхъ—3,14%; у третьихъ—4,21% ****. Въ Берлинѣ за годы 1867—1868 и 1870—1871 у первыхъ—4,56; у вторыхъ 3,42% и у третьихъ 1,24%. Понятное дѣло, что столь незначительный % мертворожденныхъ обусловливается не только тѣмъ, что семейная обстановка беременной еврейки лучше чѣмъ у христіанки, но и незначительнымъ числомъ незаконнорожденныхъ среди еврейства, дающихъ въ общемъ итогѣ громадный % мертворожденій. У евреевъ число незаконнорожденныхъ въ Баваріи состовляло въ 13 разъ меньшій %, чѣмъ у христіанъ. Гдѣ евреи составляютъ значительный % населенія, тамъ среди нихъ замѣчается рѣзкая разница въ числѣ мертворожденій законныхъ и незаконныхъ дѣтей. Такъ, напр., въ Берлинѣ на 100 законно-

---

* l. c. p. 103.

** Die Sterblichkeits-Verhältnisse d. Stadt Magdeburg nach amtlich. Quellen. Magdeburg u. Leipzig. 1858 (Westergaard. l. c. p. 151).

*** Bewegung d. Bevölkerung d. Königreichs Bayern in kalenderjahr 1876 (Zeitschr. d. kgl. Bayerisch. Statisch. Bureau. 1878). W. l. c. p. 151.

**** Рѣзко отличающуюся цифру Бадена можно объяснить исключительно его незначительнымъ еврейскимъ населеніемъ, не допускающимъ устраненія единичныхъ случайныхъ явленій.

рожденныхъ рождается мертвыми 0,83%, на 100 незаконнорожденныхъ—5,88%. Westergaard, приводящій всѣ эти данныя, объясняетъ это исключительно болѣе благопріятными внѣшними условіями, а нисколько не вліяніемъ расоваго отличія. По его-же даннымъ, въ Даніи за время 1815—1869 г. родилось 1590 еврейскихъ мальчиковъ и 1,475 дѣвочекъ, изъ нихъ незаконныхъ 37 мальчиковъ и 29 дѣвочекъ. Мертворожденныхъ было 70 мальчиковъ и 56 дѣвочекъ.

Казалось бы, при такихъ условіяхъ женскія болѣзни далеко не должны быть распространеннымъ явленіемъ среди евреекъ. Но спросите любаго врача, практикующаго въ ихъ средѣ, по крайней мѣрѣ, у насъ въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ, и онъ вамъ выскажетъ свое убѣжденіе, основанное, быть можетъ, не на цифрахъ, а на впечатлѣніяхъ, что еврейки почти повально одержимы разстройствомъ половой сферы. Очень мѣткая наблюдательница, докторъ *Шабанова* *, которая слегка ознакомилась съ еврейками въ какомъ-то пограничномъ посадѣ Петроковской губерніи, также нашла, что «еврейскія женщины пользуются менѣе удовлетворительнымъ состояніемъ здоровья, чѣмъ польки. Рѣдкая еврейка не страдаетъ бѣлями». Чтобы понять причины, мы напомнимъ читателямъ многимъ изъ нихъ знакомую картину: чуть въ какой либо семьѣ дочь-дѣвица достигнетъ 14—15 лѣтъ, какъ является неизбѣжный въ подобныхъ случаяхъ шадхонъ и внушаетъ жадно слушающимъ его родителямъ будущей больной еврейки о невыразимо высокихъ достоинствахъ кандидата ей въ мужья. Скоро стряпается свадьба: какъ теленка на базаръ, гонятъ еще физически неразвитую дѣвочку подъ вѣнецъ; тамъ гляди черезъ годъ явился залогъ счастливой супружеской жизни и.... вѣрный зачатокъ будущихъ жестокихъ формъ маточныхъ страданій. Пойдутъ эти несчастныя шляться изъ пріемной одного врача къ другому, пока не дойдутъ до послѣдней степени истощенія.

Докторъ *Шабанова* также совершенно справедливо находитъ, что болѣе частое страданіе половой сферы среди евреекъ обусловливается раннимъ замужествомъ и ранними половыми сношеніями, вредъ которыхъ сказывается, не смотря на то, что еврейки во время родовъ и послѣ нихъ освобождены отъ работъ и что ихъ берегутъ.

Другой причиной частаго развитія женскихъ болѣзней среди евреекъ служатъ извѣстныя еврейскія бани—«миквы». Сами по себѣ эти учрежде-

* *Съ прусской границы.* Здоровье, 1876, № 47.

нія чрезвычайно гигіеничны и, казалось, должны бы предохранять евреекъ отъ возможности многихъ страданій, но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ-то далеко не такъ. Микви, судя по множеству корреспонденцій, печатавшихся въ разныхъ еврейскихъ органахъ, и по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, помѣщаются, въ большинствѣ случаевъ, въ грязныхъ помѣщеніяхъ, построенныхъ въ разрѣзъ съ элементарными требованіями гигіены, никогда не очищаемыхъ и не приводимыхъ въ порядокъ. Естественно, что вмѣсто приносимой пользы, онѣ только распространяютъ всевозможныя страданія и, какъ говорятъ, нерѣдко служили источникомъ зараженія сифилисомъ.

Необходимо указать еще одну причину распространенности женскихъ болѣзней среди евреекъ—и причину, лежащую также исключительно въ ихъ бытовой обстановкѣ: не смотря на постоянную полную готовность мужа-еврея наивозможно облегчить положеніе беременной жены, ему приходится часто приглашать для оказанія ей помощи доморощенную самоучку-повитуху, т. е. какую либо старушку, много рожавшую на своемъ вѣку и потому претендующую на знакомство съ такимъ важнымъ физіологическимъ актомъ, какъ роды. Мнѣ часто ихъ приходилось встрѣчать у постели роженицъ, и меня всегда поражало не отсутствіе у нихъ какихъ либо научныхъ свѣдѣній, которыхъ имъ и не откуда было получить, а масса знаній, завѣщанныхъ имъ бабушками и прабабушками, быть можетъ, со временъ Моисея, идущихъ какъ-бы наперекоръ самомалѣйшимъ требованіямъ гигіены роженицъ. Множество самыхъ нелѣпыхъ наставленій, авторитетно предписываемыхъ ими несчастнымъ роженицамъ и слѣпо исполняющихся послѣдними, нерѣдко служатъ непосредственными причинами будущихъ серьезныхъ физическихъ страданій.

Вредныя послѣдствія подобныхъ явленій сказываются не только на матеряхъ, но и на ихъ дѣтяхъ. Раньше уже было упомянуто объ особой хилости подростающаго дѣтскаго населенія. И дѣйствительно, можетъ ли физически неразвитая молодая мать, изнуряемая еще къ тому болѣзнью, кормить своего ребенка хорошимъ, питательнымъ молокомъ.

Разстройство женской половой сферы играетъ громадную роль въ развитіи нервныхъ и душевныхъ болѣзней, которыя не рѣдко имѣютъ свое начало въ какомъ-либо «женскомъ» страданіи; естественно, этимъ облегчается наслѣдственная передача ненормальныхъ душевныхъ состояній, чѣмъ отчасти можно объяснить распространенность душевныхъ болѣзней у евреевъ.

Этимъ мы закончимъ нашъ бѣглый обзоръ очерка санитарнаго состоянія еврейства. Размѣры журнальной статьи, спеціальность предмета не

позволили намъ подробнѣе коснуться многихъ фактовъ и объясненій ихъ, но, тѣмъ не менѣе, кончая нашу статью, въ которой мы, на сколько возможно, старались держаться исключительно почвы фактовъ, нельзя не повторить, что болѣзненность еврейства громадна, что среди нихъ преобладаютъ субъекты хилые, тщедушные, производящіе слабое потомство, сохранить къ жизни которое удается только путемъ особаго вниманія къ нему матерей, которымъ, въ свою очередь, это дается также цѣной множества болѣзней. Далѣе, мы могли отчасти видѣть, что сомнительно, чтобы среди нихъ существовали болѣзни, зависящія отъ ихъ племенныхъ особенностей; напротивъ, часто можно доказать непосредственную связь ихъ причинъ съ бытовой обстановкой, семейной жизнью и соціальнымъ положеніемъ ихъ. Отсюда одинъ выводъ, который мы рекомендуемъ особому вниманію читателей: *необходимо устранить изъ жизни евреевъ все то въ ихъ обстановкѣ, въ условіяхъ семейной жизни, что такъ или иначе вредно вліяетъ на ихъ здоровье.* Что нужно для этого сдѣлать, мы здѣсь говорить не будемъ. Совѣтуемъ только оглянуться каждому вокругъ себя, онъ найдетъ массу явленій, дурно и вредно отзывающихся на его здоровьѣ. Въ будущемъ мы на страницахъ этого журнала постараемся указать нѣкоторыя изъ нихъ; теперь ограничимся приведеннымъ.

С.-Петербургъ. Декабрь. 1883.

Д-ръ Г. М. Герценштейнъ.

ЗАПИСКИ ОТЩЕПЕНЦА.

(*Окончаніе* *).

III.

Обрусѣли мы и сдѣлались отщепенцами отъ своей націи и отъ всего другаго по двумъ выдающимся обстоятельствамъ. Съ одной стороны, мы встрѣтились съ русскимъ человѣкомъ, съ русскимъ духомъ; съ другой стороны—произошелъ крупный переполохъ въ нашихъ семьяхъ, въ нашемъ домашнемъ очагѣ. Начну съ перереворота въ семьяхъ. Это былъ матеріальный, непосредственный толчокъ, выбросившій насъ за бортъ еврейской среды; идейный же толчекъ займетъ насъ послѣ. И случился этотъ семейный расколъ вотъ какъ. Свѣтъ, ворвавшійся во время крымскаго дѣятеля, черезъ чуть-чуть пріотворенныя окна въ мрачныя помѣщенія еврейскихъ домовъ и семействъ, произвелъ тамъ необычайный переполохъ. Зрѣлая молодежь, въ особенности женская, а иногда и старость, совсѣмъ одурѣли отъ дѣйствія лучей свѣта. Въ ихъ глазахъ стало рябить, все задвигалось и заплясало вокругъ. Парики «лямки» и «пели» какъ-то сдвинулись набокъ и стали пятиться назадъ все больше и больше отъ такого мозговаго сотрясенія; безформенныя платья стали преобразовываться все больше въ модныя и моднѣйшія, и не было ничего смѣшнѣе, какъ иныя комбинаціи старомоднаго традиціоннаго женскаго костюма, сохранившагося у насъ просто съ среднихъ вѣковъ, съ новѣйшими продуктами петербургскихъ, берлинскихъ и парижскихъ модистокъ. Одна жена патріарха-мецената такъ и врѣзалась у

* См. „Восходъ“ кн. 6.

меня въ памяти съ блестящей черной шелковой «лямкой» на гладко обритой головѣ, поверхъ которой сидѣла чудовищная «боярка» изъ собольяго мѣха, съ поларшина въ діаметрѣ; она имѣла поразительное сходство съ вороньимъ пугаломъ въ рѣшетѣ. Должно быть, таково уже свойство свѣта, что онъ съ перваго разу дурманитъ и таково уже, вѣроятно, качество человѣка, что, завидѣвъ свѣтъ, онъ кидается на него съ стихійной стремительностью. Разскажу характерный случай, характерный для всего этого времени, богатаго домашними переполохами и семейными революціями.

Жилъ у насъ въ Подвоздошинѣ учитель русскаго и нѣмецкаго языковъ, Кошкинъ, самъ изъ акцизниковъ и одинъ изъ тѣхъ смѣшанныхъ типовъ нѣмецкаго и русскаго происхожденія, какихъ породило во множествѣ переходное время отъ нѣмецкаго къ русскому образованію. Прекрасно говорилъ и читалъ онъ по русски, и фигурой и манерами сильно смахивалъ не то на великоросса, не то на польскаго шляхтича изъ уѣзднаго города. Высокій, сѣдой, съ длинными волосами на головѣ и длинной бородой, въ очкахъ, съ крупными чертами лица, онъ громко, фразисто и педантически училъ по Kinderfreund, грамматикѣ Востокова и Karl Altrogge's Lesebuch. У Кошкина умерла жена, женщина мало кому извѣстная, но, вѣроятно, державшая супруга подъ башмакомъ, ибо онъ былъ добръ до безхарактерности, не взирая на свой педантизмъ, и крайне труслив, не смотря на свою шумность и рѣзкость. Покойницу онъ оплакивалъ на всѣхъ извѣстныхъ ему языкахъ и выражалъ свое горе шумно и напыщенно: «Вы знаете, кто она была? Это былъ Наполеонъ! Это былъ Ришелье!»—взывалъ онъ при встрѣчѣ чуть-ли не на всю улицу, дѣлая вычурные жесты, таращa глаза и широко раскрывая свой огромный ротъ. Спустя короткое время, онъ, однако, утѣшился и сочетался законнымъ бракомъ съ дородной и немолодой уже содержательницей питейнаго дома гдѣ-то на краю города. Зайдя нѣсколько дней послѣ свадьбы въ кабакъ своей супруги, наполненный по зимнему времени густой толпой народа, онъ, не говоря ни слова, подошелъ къ маленькому двойному окну и ударилъ увѣсистымъ кулакомъ своимъ по рамѣ. Окно съ дребезгомъ

вылетѣло, клубами обдалъ зимній паръ изумленныхъ посѣтителей, а онъ величественно произнесъ:

— Etwas frische Luft!

Выведенная изъ себя кабатчица здорово отдубасила неугомоннаго супруга и не пускала его съ тѣхъ поръ въ кабакъ.

Это «etwas frische Luft» натворило бѣдъ и въ большинствѣ семействъ Подвздошина, особенно у молодыхъ женщинъ и молодыхъ супруговъ и вслѣдствіе сего новые браки оказались вдругъ несчастными, оказались mesalliance'ами. Говорю: оказались, ибо они вовсе не были тогда таковыми больше, чѣмъ когда либо раньше. Система шадхонства и односторонняго рѣшенья родителями судьбы своихъ дѣтей всегда приводила къ уродливѣйшимъ результатамъ и порождала немало семейныхъ несчастій и домашняго разладу. Но раньше это не сознавалось въ такой степени жертвами этой системы и переносилось ими съ стоическимъ смиреніемъ и не толкало на оппозицію противъ виновниковъ. Когда же новый духъ сталъ вѣять своими крыльями, тогда вдругъ оказалось совсѣмъ другое. Обреченные на семейную жизнь стали громко заявлять свое недовольство, ссориться, иногда драться между собою и съ родными и очень часто убѣгали другъ отъ друга. Это сдѣлалось просто эпидеміей; тутъ дѣйствовалъ какой-то рокъ, какой-то неуловимый законъ. Девять браковъ изъ десяти кончались или проходили черезъ скандалъ, крупный скандалъ. Въ большей части случаевъ сначала все обстояло благополучно. Шадхонъ сводилъ, родители согласны, смотрины совершались быстро и легко. Новонарѣченные (я чуть не сказалъ—новообреченные) не представляли никакихъ особыхъ требованій, ни препятствій. И молодому и молодой страстно хочется выбраться изъ оцепенѣлой обстановки, изъ угнетающей молодыя силы домашней жизни. Вотъ и свадьба, торжественная и веселая, традиціонная еврейская свадьба, по существу задушевная и трогательная процедура, если нѣтъ глупыхъ замашекъ полуцивилизованныхъ выскочекъ, бьющихъ на денежный и утробный «ихесъ». Когда свадьба кончилась, молодые отправляются на «кестъ» (содержаніе у родителей мужа или жены), остаются одинъ на одинъ, сближаются, узнаютъ другъ друга. Завѣса спадаетъ, характеры познаются. Вмѣсто

того, чтобы тутъ только совершиться настоящему сближенію, духовному единенью и вдвоемъ начинать устраивать союзъ свой на жизнь—вмѣсто всего этого обнаруживается скандалъ, совершается позорный разрывъ. Въ однихъ случаяхъ столкновенья начинаются со свекровью, съ «вѣдьмой-тещей». Свекровь не хочетъ допускать либеральничанія молодаго существа, она блюдетъ начальственнымъ окомъ за приличіемъ и добрымъ именемъ новой четы. Дѣтище своей матери, одна сторона четы, скоро переходитъ на сторону своей родительницы и поддерживаетъ ее въ столкновеньяхъ со своимъ суженымъ или суженой. Столкновенья и ссоры вертятся около вопросовъ туалетно-религіозныхъ или просто религіозныхъ. Молодая не хочетъ носить парика, позволяетъ себѣ носить по субботамъ зонтикъ, носовой платокъ, или же зажигаетъ самымъ безстыднымъ образомъ спички и свѣчи въ субботу. Происходятъ женскія пикировки, интриги, сплетни и сцены. Результатъ—слезы, истерика, нервность или же прямо сумасшествіе. Въ иныхъ случаяхъ распри происходятъ между самими супругами. Они просто, какъ оказывается, не сошлись характерами. У одной стороны или обѣихъ заразъ является поползновеніе тиранить и властвовать надъ другимъ. Вся нераціональность домашняго воспитанія, семейной замкнутости, полнаго небреженія къ развитію характера, вся дикость и грубость нравовъ мѣщанскаго быта выплываетъ тогда наружу и причиняетъ плачевнѣйшіе результаты. Выходятъ непристойныя ссоры, нескончаемыя войны, въ которыхъ участвуетъ весь домашній персоналъ: мамки, няньки, лакеи, братья и сестры, отецъ и мать, всѣ сосѣди, наконецъ весь городъ, разбирающій и обсуждающій всѣ детали этой трагикомедіи. Такъ проходятъ мѣсяцы и годы. И хоть бы нашелся кто нибудь изъ семьи или друзей, который бы рѣшительнымъ и разумнымъ дѣйствіемъ покончилъ со всѣмъ этимъ позоромъ. Нѣтъ, рѣдко находится. Молодая чета несетъ сама всю тяжесть этой распри, всѣ гибельныя послѣдствія этого взаимопожиранія.

Долго находиться въ такомъ напряженномъ состояніи нельзя; въ большей части случаевъ оно кончалось или разводомъ, или побѣгомъ, или совсѣмъ сумашествіемъ. «Хацкеле-аллейнъ»—

этотъ мастерской бытовой очеркъ далеко не потерялъ значенія для того времени, о которомъ идетъ рѣчь. Конечно, иныя времена—иные нравы; послѣдніе измѣнились, усложнились и получили другой оттѣнокъ, но сущность осталась та-же. Разскажу исторію одного развода, волновавшаго одно время нашъ городъ. Семейство Буръ было одно изъ богатѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ въ Подвадошинѣ. Глава этого семейства, крѣпкоголовый и умный старикъ прибылъ прямо изъ деревни въ губернскій городъ, завелъ скоро большіе обороты и сталъ въ короткое время однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣльцовъ. Онъ построилъ цѣлый кварталъ домовъ и лавокъ, синагогу, баню; словомъ, сдѣлался однимъ изъ патріарховъ еврейскаго общества. Патріархомъ-то онъ былъ—только не полнымъ. Ему недоставало къ его богатству, большимъ оборотамъ и крѣпкоголовости той именитости и родовитости, которыя составляютъ истинные признаки всякаго патріарха. Буръ былъ въ своемъ родѣ первымъ, пріобрѣвшимъ такое положеніе, «а найеръ ногидъ»; иные еще помнили, какъ онъ торговалъ мелко и не отличался ничѣмъ отъ обыкновенныхъ, дюжиныхъ коммерсантовъ. По мѣрѣ того, какъ умножались достатки Бура, умножалось и семейство его. Но совсѣмъ неудачно было это потомство: или сумасшедшіе, или эксцентрики, или просто идіоты. Эксцентрики выходили недурными людьми и были піонерами отщепенства, къ каковому нѣкоторая доля эксцентричности весьма подходила. Но нельзя сказать, чтобы они своими крайностями оказывали большія услуги своему дѣлу; они пересаливали, дѣлали безтактности и становились посмѣшищами. Сумасшедшіе погибали безвременной и неестественной смертью. Или же болѣли всевозможными нервными и другими болѣзнями, наводняли курорты и заграничныя воды, и въ концѣ концовъ попадали въ какой либо maison de santé. Идіоты, наконецъ, къ несчастію, оставались въ живыхъ, были необычайно живучи и здоровы, жили долго, мѣшали другимъ жить и производили пакости и гадости, куда только ни вмѣшивались. Однимъ изъ такихъ идіотовъ былъ младшій сынъ Бура—парень необычайно сильный и собственно не некрасивый собою. Но все портили дикая необузданность его нрава, нескладность его манеръ и нелѣпость его поведенія.

Такъ онъ и слылъ въ городѣ за нескладнаго и нелѣпаго. Когда ему пришло время жениться, онъ сталъ выдумывать совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразныя партіи. Онъ, Пейсахъ Буръ, возмечталъ о хорошенькой и неглупой Беллочкѣ Гадкинъ. Беллочка, понюхавшая кое-что по части идей, воспитанная недурно, совсѣмъ и не воображала выходить за невѣжественнаго и неуклюжаго Пейсаха. Но Пейсахъ возмечталъ—и кто же могъ воспрепятствовать его ндраву? Онъ послалъ сватовъ и сталъ уговаривать своихъ родителей на эту партію. Родители не такъ скоро сдались, но сваты прекрасно исполнили свою задачу. Исполненіе ея облегчилось отношеніемъ родителей самой Беллочки. Эти ничуть не противились этой партіи; они напротивъ, руководились соображеніями въ родѣ слѣдующихъ. У насъ «ихусъ», у Пейсаха деньги; наша Беллочка умница, а Пейсахъ идіотъ. Онъ хотя крутаго нрава, нескладенъ и глупъ, но за то души не чаетъ въ нашей дочкѣ, и она съумѣетъ завладѣть имъ вполнѣ. Однимъ словомъ, разсчеты Гадкиныхъ были тонкіе и основательные. Оставалось еще одно препятствіе: Беллочка не соглашалась. Но старый Гадкинъ на это вниманія не обращалъ. «Ее уговорятъ... Стерпится—слюбится... Дитя неразумное своего счастья не видитъ...» говаривалъ онъ и порѣшилъ принудить дочку во что бы то ни стало. Онъ тоже не любилъ противо рѣчій. Не Беллочкѣ можно было устоять противъ такого рѣшенія бурбона-отца. Она прибѣгла ко всему арсеналу женской оппозиціи: плакала, падала въ обморокъ, умоляла отца. Ничего не помогало, и она смирилась, затаивъ въ глубинѣ души свое горе-злосчастіе. Сватовство состоялось, совершили помолвку, и партія была объявлена. Пейсахъ былъ на верху счастія и сталъ приставать къ своей невѣстѣ со своими любезностями. Но та его гнала немилосердно. Чѣмъ больше его гнали, тѣмъ больше, конечно, въ немъ загоралось желаніе побѣдить сопротивленіе и привязать къ себѣ златокудрую Беллу. Онъ спѣшилъ свадьбой. Насталъ и этотъ роковой для Беллочки день. Передъ самымъ вѣнчаніемъ Беллочка еще разъ попыталась смягчить черствое сердце отца. Не тутъ-то было—Гадкинъ не уступалъ. Подгоняемая своимъ отцомъ, она стала подъ балдахинъ съ горькими слезами на глазахъ и съ раной въ сердцѣ. Такъ прошла свадьба;

теперь Беллочка прибѣгла къ тому способу пассивнаго сопротивленія, которое есть послѣднее убѣжище въ случаяхъ насилія. Она рѣшительно и упорно удалялась отъ навязаннаго ей мужа. Буръ выходилъ изъ себя; пытался и добромъ и зломъ—плакалъ передъ Беллой, приносилъ ей изысканнѣйшіе подарки. Все это было напрасно; Беллочка выдержала таки характеръ. Такъ прошелъ годъ и больше. Белла оставалась на своей квартирѣ, Буръ на своей. Родители Беллы, увидавъ, что съ ней ничего не подѣлаешь, что нѣтъ возможности принудить ее побѣдить отвращеніе къ мужу, стали уже сами хлопотать о разводѣ. Но теперь Пейсахъ ничего знать не хотѣлъ; онъ уже давно не былъ даже на квартирѣ своего тестя и почти вовсе не видалъ своей жены. Но его душила жажда мести, и кромѣ того, у него еще теплился остатокъ надежды, что авось она еще сдастся. Онъ не давалъ развода.

Тогда въ головѣ Гадкина возникъ смѣлый и рѣшительный планъ, какъ отдѣлаться отъ непріятнаго зятя. «Надо скомпрометировать супружескую вѣрность этого идіота», рѣшилъ онъ. «сдѣлать этотъ скандалъ оффиціально извѣстнымъ, и затѣмъ требовать разводъ судомъ». Такое предпріятіе могло удасться лишь помощью насилія и хитрости, ибо Буръ, воспитанный въ старозавѣтномъ домѣ, не позволялъ себѣ никакихъ вольностей, тѣмъ паче такихъ, которыя могли бы компрометировать его. Лишь во время ухаживанья за Беллочкой, передъ свадьбой, онъ нѣсколько разъ появлялся въ извѣстныхъ трактирахъ въ компаніи одного неглупаго, но спившагося съ кругу господина, извѣстнаго просвѣтителя и божка прогрессивныхъ дѣвицъ. Но это онъ дѣлалъ только въ надеждѣ на то, что найдетъ этимъ путемъ доступъ къ сердцу своей обожаемой; лишь только онъ убѣдился, что это ни къ чему не ведетъ, какъ прекратилъ безплодныя попойки. И такъ, онъ былъ неуязвимъ въ этомъ отношеніи; но Гадкина это не сдерживало. Онъ нанялъ двухъ отчаянныхъ молодцовъ, которые взялись познакомиться съ Пейсахомъ, войти съ нимъ въ интимную дружбу, навести его на всякіе компрометирующіе поступки и или довести его до того, чтобы онъ самъ согласился отказаться отъ своей жены, или же просто принудить его къ тому насильной хитростью. Нѣсколько

мѣсяцевъ сряду наемные bravi работали надъ несчастнымъ Буромъ, но безуспѣшно. Никакими хитростями, никакими приманками нельзя было отвлечь этого влюбленнаго быка отъ предмета его страстей и помысловъ. Наконецъ рѣшено было прибѣгнуть къ смѣлому и возмутительному шагу. Заманили Бура въ вертепъ, напоили его виномъ съ дурманомъ, и въ рѣшительную минуту должна была явиться заранѣе *подготовленная* полиція pour constater le flagrant delit d'adultère *. Это удивительно-нахальное предпріятіе, выполненное въ цѣлости, съ одной стороны достигло, съ другой—не достигло желаемаго результата. Пейсаха было чрезвычайно трудно привести въ состояніе невмѣняемости; онъ мало пилъ, и хмѣльное на него плохо дѣйствовало. Пришлось начинить его весьма сильной дозой наркотическихъ средствъ, чтобы свалить съ ногъ и довести до такого состоянія, чтобы сдѣлать съ нимъ, что угодно. Ему всыпали въ напитокъ крупную дозу опія, и онъ пришелъ въ состояніе полуотравленнаго. Только тогда онъ безпрекословно отдалъ себя въ распоряженіе бандитовъ Гадкина. Но лишь только явилась полиція, стали составлять протоколъ и приблизилась развязка этой сальной комедіи, обработать которую не отказался бы и Боккачіо, какъ совсѣмъ безчувственный-было Буръ вскочилъ, какъ ярый быкъ, какъ ужаленный барсъ, и, сразу отрезвленный, понялъ, что онъ жертва какого-то гнуснаго предпріятія, что онъ попалъ въ западню бандитовъ. Бѣшенству его не было границъ; съ дикимъ ревомъ, хриплый, багровый, со всклокоченными волосами, налитыми кровью глазами, онъ кинулся на своихъ враговъ, на всѣхъ присутствующихъ, на все, что было въ комнатѣ, и привелъ все и всѣхъ въ смятеніе и бѣгство. Опустошивъ такимъ образомъ вертепъ, онъ кинулся опрометью домой, въ темнотѣ, полураздѣтый, съ обнаженной головой. На другой день весь городъ зналъ объ учиненномъ надъ Буромъ скандалѣ. Пейсахъ метался какъ раненый звѣрь по всему го-

* Извиняюсь передъ читательницами за всѣ эти сальныя подробности. Но на этотъ разъ я имъ прямо показываю фотографію съ натуры, которую считаю весьма быто-писательной для нравовъ Подвздошина. *На зеркало неча пенять коли рожа крива*, приводилъ эпиграфомъ уже Гоголь и я, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшилъ, что непристойно желать быть умнѣе Гоголя.

роду, разсказывалъ всѣмъ свой случай, вопилъ о мести и поднялъ на ноги судебныя власти. Назначили слѣдствіе. Гадкинъ спокойно свалилъ на своихъ наемниковъ всю вину. Бандиты были арестованы и сначала оговаривали своего патрона; дѣло стало пахнуть уголовщиной для Гадкина и его помощниковъ. Только усиленнымъ ублаготвореніемъ арестованныхъ и ловкой подстановкой свидѣтелей Гадкину удалось выйти сухимъ изъ этой грязной исторіи. Буръ же, доведенный до полнаго отчаянія, отказался наконецъ отъ своей дѣвственной супруги и далъ ей разводъ. Она ничего инаго и не желала и скоро замужъ вышла, на этотъ разъ ужъ по своему собственному выбору. Процессъ же кончился незначительнымъ наказаніемъ для бандитовъ.

Таковы были «жестокіе нравы» того времени; таковъ былъ тотъ бытъ, въ которомъ мы воспитывались и развивались. Эти домашнія сцены, эти публичные скандалы, эти слезы, нервные припадки, сумасшествія, побѣги, разводы—вселили намъ отвращеніе къ домашней жизни, угнетали наши нервы и отчуждали насъ отъ семьи и окружающей среды. Мы потеряли симпатію и довѣріе къ дому и семьѣ и стали критически относиться ко всему окружающему. Это насъ подготовило къ воспріятію новыхъ идей, ко вступленію въ новую жизнь.

Встрѣтились мы съ русской жизнью потому, что нашу мѣстность стали «обрусѣвать» и у насъ появились цѣлыми тучами москали. Тутъ былъ весь букетъ изъ великорусской оранжереи. И капитанъ Буяновъ, и квартальный надзиратель Держиморда, и городничій Хабаровкинъ, и помѣщикъ Разкошеляевъ, и купецъ Абдулинъ. Всякіе были, и мы бы, можетъ быть, не такъ скоро разобрались во всемъ этомъ букетѣ, еслибъ вмѣстѣ со всѣми остальными не пришелъ и разночинецъ Скоропостижный, самый откровенный и интересный изъ своихъ собратьевъ, который намъ быстро и вразумительно отрекомендовалъ своихъ соотечественниковъ. Всѣ эти господа явились къ намъ не спроста. Они въ чемъ-то провинились тамъ, во внутренности отечества, и ихъ посылали отмаливать свои грѣхи у насъ, на окраинахъ. Послѣдній же, разночинецъ, такъ-таки кругомъ грѣшенъ былъ, и его даже къ намъ съ опаской и съ призоромъ отпустили. Но онъ зналъ секретъ войти въ душу человѣка, открыть и вса-

дить туда частицу своей собственной. Онъ вошелъ и въ нашу, и послѣдствія сего были двоякія. Выигрышъ нашъ былъ несомнѣнный и весьма существенный. Изъ нашей еврейской закорузлости, изъ специфической золотушности нашего гетто, мы вышли на свѣтъ божій, unter Gottes freiem Himmel, какъ говаривалъ одинъ восторженный нѣмецкій писатель. Наши хедерные и синагогальные идеалы самаго абстрактнаго свойства замѣнились реальнымъ пониманіемъ природы, силы, здоровья и естественной красоты. Въ этомъ поворотѣ было нѣчто геллени-ческое, языческое. Бойкіе и поворотливые Васьки и Андрюшки, дѣти обрусителей и наши новые товарищи, продрали наши воспаленные глаза, стерли съ нихъ корявые слои гноя и показали намъ прелести открытыхъ полей, нивъ и лѣсовъ, озеръ и рѣкъ. Изъ грязныхъ, душныхъ хедеровъ, гдѣ насъ держали день-деньской на жесткихъ скамьяхъ и прививали намъ геморрой и золотуху, наши новые друзья вынесли насъ на чистый воздухъ полей, ввели въ душистый ароматъ тѣнистыхъ рощъ. Мы тогда поняли наслажденіе далекой прогулки пѣшкомъ, беззавѣтной бѣготни, гимнастики, лазанья по деревьямъ, заборамъ и околицамъ. Спертыя наши груди расширились, опущенныя головы поднялись, сонливыя лица оживились, созерцательные наши помыслы, результатъ односторонней работы мозга, умозрительность наша — прямое послѣдствіе постояннаго корпѣнія за отвлеченными фоліантами, получили другое направленіе. Наши мысли сдѣлались болѣе реальными и вещественными; нашъ кругозоръ расширился и получилъ совсѣмъ небывалую дотолѣ легкость и гибкость.

При такихъ-то обстоятельствахъ мы заключили наступательный и оборонительный союзъ съ русскимъ человѣкомъ. И рука объ руку шли мы и переживали всѣ горести и радости его. Мы сдѣлались истыми русскими, страдали болями ихъ и обратили всѣ свои способности и страсти на служеніе имъ. Мы прошли съ ними всѣ знаменательные моменты послѣдняго времени. Мозгъ нашъ одинаково воспламенялся и нервы наши ходуномъ ходили. Всемірные идеалы красоты, величія, вѣчности, гордаго гражданскаго самосознанія, несокрушимой индивидуальной силы убѣжденія и характера проникли и носились въ нашемъ на-

электризованномъ воображеніи. Всѣ результаты, всѣ выводы міровой исторіи, современной европейской цивилизаціи открылись передъ нами во всемъ блескѣ и величіи. И мы отряхнули съ ногъ нашихъ прахъ міра сего, воспрянули духомъ и ринулись на борьбу съ Зевсами... Борьба неравная, но роковая, подобная той, что у Гетевскаго Прометея:

Ich Dich ehren? Wofür?
Hast Du die Thränen gestillet
Ie des Beladenen?
Hast Du die Schmerzen gelindert
Ie des Geängsteten!..
. . . .
Hier sitze ich, forme Menschen nach meinem Bilde,
Ein Geschlecht das mir gleich sei,
Zu weinen, zu leiden
Zu geniessen und zu freuen sich
Und Dein nicht zu achten, wie ich...

Такова была прекрасная и незабвенная сторона нашей встрѣчи съ русскимъ духомъ. Но была и оборотная. Одновременно съ европейскимъ и всемірнымъ духомъ къ намъ прививался въ той же пропорціи специфическій великороссійскій Virus, московскій ядъ. Этотъ ядъ пронизывалъ насъ жаломъ всеразъѣдающаго и всесокрушающаго сомнѣнія, внушалъ намъ чувство Sturm und Drang, состояніе Weltschmerz, универсальной боли за жизнь, убійственнаго и самоубійственнаго пессимизма и жизнеотчаянія. Все это черты переходнаго состоянія народа съ титаническимъ размахомъ руки, но съ шагомъ Пигмея; организма съ громаднымъ туловищемъ и несоразмѣрно маленькой головкой; націи съ большимъ духомъ, но съ маленькой душой. То-то и есть:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь!..

Ясно, что это черты народа, которому предстоитъ великая исторія, но который никакой, собственно говоря, исторіи еще не

имѣетъ. Вмѣсто же исторіи, у него... одна географія, одно планетарное распространеніе, которое его давитъ своей широтой и калѣчитъ своей безбрежностью и необхватимостью. Намъ же, евреямъ, наоборотъ, исторіи не занимать стать и главный нашъ недостатокъ тотъ, что у насъ географіи вовсе нѣтъ. Этого мы не замѣчали и поддались всецѣло московскому Virus и его ужасному дѣйствію. Дѣйствіе его: онъ отрываетъ отъ всего прошлаго, лишаетъ индивидуальной воли, туманитъ глаза, превращаетъ всего человѣка въ орудіе одной идеи, одной задачи, одной цѣли, направляетъ всѣ мысли на одинъ абстрактъ, на одну точку... Нѣтъ прошедшаго, нѣтъ будущаго, а въ настоящемъ голая, отвратительная, отталкивающая пустота, которую можно наполнить только однимъ напряженіемъ воли, однимъ усиліемъ въ извѣстномъ направленіи. Это пессимизмъ находящагося въ предсмертныхъ корчахъ отъ жажды бедуина въ безводной пустынѣ; это отчаяніе, испытываемое человѣкомъ, стоящимъ на идущемъ ко дну суднѣ, когда онъ видитъ, что еще одно мгновенье—и морскія волны покроютъ навѣки и его и все его окружающее. Что семья, друзья, блага міра сего, любовь и наслажденіе въ сравненіи съ этимъ всеобнимающимъ, всепокоряющимъ чувствомъ, съ этой маніей?... И когда находишься подъ его господствомъ, когда подчиняешься его велѣніямъ, то кажется, что твое положеніе единственное въ мірѣ семъ, небывалое никогда и нигдѣ въ лѣтописяхъ человѣчества, что только развѣ Байронъ, изображая Манфреда на вершинахъ Альпъ въ бреду отчаянія, только Шелли въ «Королевѣ Мабъ», Гете въ монологѣ Прометея къ Зевсу, Вольней передъ развалинами міровъ, могли прочувствовать подобный адъ, подобный рай вокругъ и внутри себя. Да, достаточно одинъ разъ, моментъ ощутить такое состояніе души, чтобы слѣды этого момента остались на всю жизнь, вошли въ самыя нѣдра организма, преобразовали его отъ темени до пятокъ, дѣйствовали бы черезъ этотъ организмъ на всю окружающую среду и перенеслись на послѣдующія поколѣнія, неизгладимо и безвозвратно; стали, однимъ словомъ, *историческимъ фактомъ*.

Но, какъ всякое сильное психическое ощущеніе, это состояніе имѣетъ то послѣдствіе, что, во 1-хъ, подчиняя себѣ чело-

вѣка, оно его привязываетъ къ своему случайному мѣсту происхожденія, также какъ воспоминанія о крупныхъ несчастіяхъ и счастливыхъ событіяхъ дѣлаются неразрывными съ памятью о мѣстѣ, гдѣ случились эти несчастія или пріятныя событія.

Второе послѣдствіе то, что вмѣстѣ съ сущностью того могучаго состоянія души, той идеи прививаются и всѣ ингредіенты ея, вся тля, все временное, несущественное, что цѣпляется къ каждой великой мысли, паразитствуетъ надъ всякимъ широкимъ замысломъ и есть вѣчная причина всякаго человѣческаго несовершенства. Такими ингредіентами были: чисто московскій патріотизмъ, чисто великорусская исключительность относительно всего нерусскаго, запада и юга. Мы заразились этими качествами со всею тою способностью къ ассимиляціи, которую наша раса пріобрѣла за долгіе вѣка своихъ странствованій. Мы сдѣлались такими же русскими патріотами, какъ наши единоплеменники въ Германіи были и суть страстные приверженцы «des deutschen Stammes, der deutschen Bildung und Sitte»; какъ наши братья во Франціи суть несмѣнные поклонники «de notre France chérie». И между нами нашлись истые славословы славянской миссіи Россіи, искренніе приверженцы превосходства славянской расы, и русскаго племени въ особенности, надъ другими народами. Все это прекрасно, все это «законно», все это согласно съ теченіемъ времени и соотвѣтствуетъ преобладающему вкусу и направленію эпохи. Тѣмъ не менѣе, я жду съ нетерпѣніемъ того независимаго сатирика, который обработаетъ эту благодарную тему еврейско-московскаго патріотизма, избичуетъ этихъ каррикатурныхъ провозвѣстниковъ славянской и великорусской идеи. Право, какое богатство сюжетовъ и ситуацій для комедіи и ѣдкой сатиры!.. Развѣ не зналъ я адвоката-еврейчика, чуть ли не въ пейсахъ и цицесъ, писавшаго за недурную плату въ одной извѣстной большой русской газетѣ хлесткія статьи въ пользу Сербіи и южныхъ славянъ и всей прочей исконной Аксаковской дребедени? Развѣ я не видалъ откормленнаго борова, Archibald de Zwiak, ancien professeur de billard, который праздновалъ въ одномъ большомъ европейскомъ городѣ свою свадьбу совершенно «кедасъ мейше всисроелъ», а тутъ же, бѣсясь очевидно

съ жиру, провозглашалъ себя въ одномъ крупномъ европейскомъ журналѣ истиннѣйшимъ русскимъ патріотомъ и консерваторомъ? А тотъ анемичный молодой человѣкъ съ золотушнымъ лицомъ типичнаго семита, жестоко побитый во время южно-русскихъ безпорядковъ, но не признававшій ни за какія коврижки еврейскаго вопроса?.. «Я знаю лишь одни общіе вопросы! Спеціально еврейскаго не существуетъ!» твердилъ онъ, не взирая на то, что послѣдствія побоевъ глубоко отразились на его слабомъ организмѣ.

Да, какъ хотите, милостивые государи, difficile est satyram non scribere! Прошу хорошо понять меня: я вовсе не имѣю желанія давать пищу перьямъ антисемитическихъ компрачикосовъ. Но я думаю, что найдись между нами другъ своего народа, обладающій достаточнымъ юморомъ, онъ могъ бы несомнѣнно воспользоваться такими жизненными комическими сюжетами, на которые я указываю, и выставить ихъ на посмѣяніе. Ибо, мнѣ кажется, что и я и мы всѣ очутились въ томъ положеньи, которое Heine характеризовалъ разъ, сказавъ, что онъ «bei den Gegelianern die Shweine gehüttet»...

. . . .

Итакъ, непосредственная наша встрѣча съ русскимъ духомъ, съ одной стороны, и неурядица, вызванная столкновеніями цивилизаціи съ затхлымъ семейнымъ и общественнымъ бытомъ, съ другой, вытолкали насъ на всѣ четыре стороны. Мы ринулись, закусивъ удила, искать иныя точки опоры и новыя формы жизни. Новыя формы насъ очаровали и увлекли. Мы все болѣе и болѣе стали забывать колыбели, гдѣ мы родились, дѣтскія, слышавшія нашъ первый лепетъ, скамьи, на которыхъ мы высидѣли наши первыя мысли. Новая же среда многихъ изъ насъ просто съѣла, ассимилировала физіологически. Но не всѣхъ. У нѣкоторыхъ еще теплился огонекъ завѣтныхъ воспоминаній.

Эйле-тейлдейсъ—сіе есть происхожденіе отщепенца. Но что же мы дѣлали дальше?..

Гершонъ Бадакесъ.

Парижъ.
Май, 1883 г.

ПРЕКРАСНАЯ ЕВРЕЙКА.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ОСАДЫ ІЕРУСАЛИМА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ *.

(*Продолженіе*).

X.

Іосифъ Флавій.

Спутница Маріи Рамо, о прибытіи которой возвѣщено было Ревеккѣ,—лицо для насъ не новое. Это была та самая Елисавета, мать Матвѣя, которую Бенъ-Адиръ встрѣтилъ среди народной толпы при самомъ прибытіи своемъ въ Іерусалимъ, та самая, которая привела въ храмѣ Марію Рамо и обнаружила передъ собравшимся народомъ измѣну Элеазара.

Но теперь у нея не было уже ни того изступленнаго вида, ни того страннаго костюма, которые поражали въ ней въ вышеописанномъ торжественномъ случаѣ. Она одѣта была съ нѣкоторой изысканностью, вполнѣ гармонировавшей съ новой ея ролью, и во всей ея наружности не было ничего такого, что̀ привлекало бы къ себѣ вниманіе или возбуждало бы любопытство. Желтое, обшитое чернымъ, платье, хотя и простое, но сшитое изъ тонкой матеріи, и мантія такого же цвѣта и изъ той же матеріи замѣнили собою ея тогдашнее черное платье и разорванную мантію. Сѣдые волосы ея, ниспадав-

---

* См. „Восходъ“, кн. 5.

шіе въ то время въ безпорядкѣ по плечамъ ея, были на этотъ разъ собраны подъ зеленымъ головнымъ уборомъ; на лицо ея было спущено бѣлое покрывало, хотя и сквозь него можно было разглядѣть то гордое и презрительное выраженіе лица ея, которое производило такое сильное впечатлѣніе, даже подъ покрывавшими ея тѣло лохмотьями, въ той сценѣ, которую мы описали выше и которая свидѣтельствовала о ея пламенномъ, не знавшимъ никакихъ сдѣлокъ патріотизмѣ. Это выраженіе лица Елисаветы поразило Ревекку, когда первая приподняла свое покрывало. Она тотчасъ же чутьемъ поняла, что видитъ передъ собою себѣ подобную женщину, и она привѣтливо улыбнулась ей, какъ другу. А когда Бенъ-Адиръ, узнавшій ее, назвалъ ее по имени, Ревекка положительно обрадовалась.

При входѣ Елисавета обратилась къ Ревеккѣ съ привѣтствіемъ, и нынѣ еще употребительномъ на Востокѣ.

— Ты находишься у друзей,—сказала ей Ревекка, беря ее за руку и кланяясь ей съ тѣмъ благосклоннымъ почтеніемъ, которое въ тѣ времена считалось обязательнымъ въ сношеніяхъ со старшими. — Бенъ-Адиръ много говорилъ мнѣ о тебѣ и я знаю, какимъ уваженіемъ Елисавета пользуется со стороны Бенъ-Гіоры. Безъ сомнѣнія, онъ послалъ тебя сюда?

— Я дѣйствительно имѣю—отвѣтила Елисавета—порученіе къ дочери шейха Илата отъ храбраго защитника Іерусалима, меча и щита Господняго. — И съ этими словами она вынула изъ-за пазухи посланіе, которое она и вручила Ревеккѣ.

Посланіе это, впрочемъ, не заключало въ себѣ ничего особеннаго. Симонъ извѣщалъ только Ревекку, что она можетъ вполнѣ положиться на женщину, которая передаетъ ей это письмо, и считать ее за его «alter ego» во всѣхъ сообщеніяхъ, которыя она имѣетъ сдѣлать ему.

А между тѣмъ Ревеккѣ хотѣлось бы найти нѣчто другое въ письмѣ любимаго ею человѣка; она нашла это письмо сухимъ и холоднымъ, и сердце ея болѣзненно сжалось. На гла-

захъ ея даже выступили слезы; ею овладѣло какое-то предчувствіе, какое-то сомнѣніе въ будущемъ и въ самой себѣ. У нея на мгновеніе потемнѣло въ глазахъ; но затѣмъ она сдѣлала надъ собою усиліе и снова вполнѣ овладѣла собою. Она подвела Елисавету къ дивану, усадила ее на него и сама усѣлась возлѣ нея.

Елисавета заговорила первою.

— Прежде, чѣмъ сообщить тебѣ истинную цѣль моего прибытія,—сказала она,—я должна разсказать тебѣ, что случилось въ Іерусалимѣ послѣ отбытія оттуда Бенъ-Адира.

— Мнѣ уже извѣстно кое-что о военныхъ дѣйствіяхъ,—перебила ее Ревекка, которой хотѣлось поскорѣе узнать, что сообщаетъ ей Симонъ и надѣясь найти въ этихъ сообщеніяхъ что-нибудь, что касалось бы лично ея.—Я пользуюсь полнымъ довѣріемъ Береники и Галла; мнѣ даже извѣстно не только то, что уже случилось, но и то, что замышляется на ближайшее время, и передъ твоимъ отъѣздомъ я передамъ тебѣ все, что мнѣ извѣстно, для того, чтобы ты могла сообщить это Симону. Мнѣ даже очень хотѣлось бы вмѣстѣ съ тобою пробраться въ Іерусалимъ. Ну, а теперь говори, что ты найдешь полезнымъ сообщить мнѣ; я буду слушать тебя охотно и жадно.

— Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что съ первыхъ же дней прибытія Тита подъ стѣны нашего города, предмѣстья были совершенно разрушены. Деревья, только что распустившіяся въ то время, были срублены для возведенія различныхъ построекъ и приспособленій. Въ теченіе нѣсколькихъ дней и нѣсколькихъ ночей на насъ, на наши дома, на наши дворцы, на храмъ нашъ метали громадные камни, изъ которыхъ самые маленькіе вѣсили по крайней мѣрѣ одинъ талантъ * и хватали свыше двухъ стадій ** съ такою силой, что, поваливъ первые ряды воиновъ, они рикошетомъ убивали и людей, стоявшихъ

* Около полутора пуда. *Ред.*

** Стадія=85 саженъ. *Ред.*

въ заднихъ рядахъ. Я своими глазами видѣла многихъ людей, убитыхъ этими глыбами. Затѣмъ наступила очередь тарановъ, которые, показывая исполинскія свои головы съ трехъ сторонъ одновременно, со стороны Хлѣбныхъ воротъ, Царскихъ гробницъ и Масличной горы, не переставалъ громить наши укрѣпленія со страшнымъ шумомъ и грохотомъ *. Намъ порою казалось, что земля дрожитъ и что Масличная гора вотъ-вотъ обрушится.

Друзья наши дѣлаютъ сверхъ-человѣческія усилія для того, чтобы защищать священныя стѣны, чтобы мѣшать осаждающимъ возводить свои сооруженія, чтобы разрушать ихъ, чтобы спастись отъ ихъ метательныхъ снарядовъ. Вотъ, напр., что придумалъ сынъ мой Матвѣй для того, чтобъ избѣжать ихъ. Нужно замѣтить, что метаемые камни по большей части бѣлаго цвѣта, что позволяетъ слѣдить за ними во время полета ихъ, между тѣмъ какъ издаваемый метательными снарядами особый шумъ возвѣщаетъ о томъ, когда они пущены. И вотъ Матвѣй придумалъ расположить на всѣхъ башняхъ особыхъ караульныхъ, которые, какъ только снаряды римлянъ пускались въ ходъ, предупреждали нашихъ громкими возгласами: «Берегись! Снарядъ летитъ по такому-то направленію!» Тотчасъ же всѣ бросались на землю, камни пролетали надъ головами гражданъ и упадали въ пустынныхъ пространствахъ **. Изобрѣтены также средства защиты противъ тарановъ. Большіе мѣшки набиваются соломой и ихъ свѣшиваютъ на веревкахъ вдоль стѣнъ въ тѣхъ мѣстахъ ихъ, куда направлены удары тарановъ, и этимъ способомъ значительно ослабляется сила ударовъ. Правда, римляне, замѣтивъ это, стали перерѣзывать съ помощью косъ, прикрѣпленныхъ къ длиннымъ шестамъ, веревки, на которыхъ подвѣшены эти мѣшки. Но это насъ не обезкуражило, и теперь мы подвѣшиваемъ мѣшки на желѣзной проволокѣ. Кромѣ того мы собираемъ горючія ве-

* Флавій, «Іудейская война», кн. 5, гл. 18.

** Флавій, „Іудейская война“, кн. 5, гл. 18.

щества, дѣлаемъ смѣсь изъ смолы, дегтя и сѣры, поджигаемъ эту смѣсь и бросаемъ ее на стѣнобитныя орудія римлянъ; такимъ образомъ нерѣдко случается, что такой снарядъ, надъ которымъ осаждающіе проработали нѣсколько дней, въ нѣсколько минутъ дѣлается жертвой пламени. Этимъ изобрѣтеніемъ мы, впрочемъ, обязаны Іосифу, который первый примѣнилъ его во время осады Іотапаты *.

Намедни ты, Ревекка, какъ я слышала, пропѣла воинственную пѣснь Деборы. Несомнѣнно, что то самое сердце, которое билось въ груди пророчицы, билось и въ твоей груди и выражалось твоими устами. То же самое пламя горитъ и въ груди всѣхъ истинныхъ евреевъ въ Іерусалимѣ. Какіе бы ни существовали между ними раздоры, но когда звукъ трубы призываетъ на брань, всякіе раздоры прекращаются, они стараются сплотиться тѣснѣе и, подобно живымъ стѣнамъ, выступаютъ противъ общаго врага. Всѣ они, подобно Зевулону, съ презрѣніемъ относятся къ смерти, всѣ, подобно Нафтали и Веніамину, поднимаются на холмахъ, въ долинахъ, на укрѣпленіяхъ, кидаются впередъ съ тою же неустрашимостью, и земля дрожитъ передъ лицомъ ихъ, и стѣны колеблются подъ ихъ ногами. Даже женщины, подобно Іаэли, женѣ Хабера, обтачиваютъ гвоздь, схватываютъ молотокъ и выискиваютъ мѣсто, куда бы вонзить гвоздь. Священный гимнъ звучитъ во всѣхъ сердцахъ и одинаково одушевляетъ всѣхъ. На раны и даже на смерть никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія: дѣти и молодыя дѣвушки играютъ съ гранитными и порфировыми чудовищами, выбрасываемыми чудовищами желѣзными и мѣдными, и пляшутъ вокругъ нихъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упали эти смертоносные снаряды. Всѣ толпами расхаживаютъ по улицамъ, ни мало не заботясь о падающихъ глыбахъ и подумывая только о томъ, какъ бы вѣрнѣе разрушить или сжечь эти снаряды. Галлъ, быть можетъ, уже сооб-

* Тамъ же, кн. III, гл. 15.

щилъ тебѣ, что однажды Симонъ, выйдя изъ потайныхъ воротъ Гиппиковой башни, разрушилъ всѣ возведенныя римлянами работы и добрался до самаго лагеря ихъ, и что въ ту же ночь одна изъ трехъ башенъ въ 50 локтей вышины, построенныхъ Титомъ для того, чтобы господствовать надъ нашими укрѣпленіями, обрушилась подъ нашими ударами, и притомъ съ такимъ шумомъ и грохотомъ, что весь римскій лагерь всполошился. Мнѣ кажется, милая Ревекка, что я отсюда слышу этотъ грохотъ. Можно было подумать, что провалилась Сіонская гора.

Послѣ двухъ-недѣльной ожесточенной борьбы, «Никонъ», самое большое изъ стѣнобитныхъ орудій римлянъ, приблизилось однако на довольно близкое разстояніе отъ городской стѣны и 7-го прошлаго мѣсяца во внѣшней оградѣ была пробита брешь, вслѣдствіе чего сдѣлалась открытой вся сѣверная часть города. Тотчасъ же римляне обратили свои усилія противъ второй стѣны, но и здѣсь они встрѣтили не менѣе сильное сопротивленіе. Въ теченіи четырехъ дней между обѣими сторонами происходила самая упорная борьба: точно два смерча, столкнувшіеся въ песчаной пустынѣ. Іоаннъ съ своими войсками держался въ фортѣ Антонія и въ портикѣ храма, занимая всю сѣверную часть города до гробницы Александра; Симонъ защищалъ всю мѣстность отъ гробницы первосвященника Іоанна до Водопроводныхъ воротъ *. Точно ангелы-истребители, подобные тому, который истребилъ войско Сенахериба. И что это было за зрѣлище! Произошла кровопролитная, упорная свалка, точно одна стѣна людей пошла на другую. Кровь лилась ручьями, какъ волны Кедрона, сталкивающіяся и разбѣгающіяся въ разныя стороны съ глухимъ шумомъ. Непріятелю удалось удержаться во второй оградѣ лишь благодаря нападенію въ-расплохъ. Въ настоящее время готовится нападеніе на третью ограду.

---

* Тамъ же, кн. V, гл. 19.

Ревекка, слушавшая этотъ разсказъ съ тревожнымъ волненіемъ и любопытствомъ, хотя ей въ общихъ чертахъ уже извѣстенъ былъ результатъ аттакъ римлянъ, въ эту минуту прервала Елисавету, гораздо болѣе интересуясь узнать отъ нея подробности о настроеніи горожанъ.

— По поводу этой третьей аттаки я имѣю сообщить тебѣ кое-что. Но прежде скажи мнѣ, Елисавета, какое впечатлѣніе эти неудачи произвели на жителей священнаго города?

Елисавета, сама воодушевившаяся во время своего разсказа, отвѣтила Ревеккѣ съ возростающимъ энтузіазмомъ:

— Твоя высокая и благородная душа, Ревекка, сама должна подсказать тебѣ отвѣтъ на этотъ вопросъ: для людей храбрыхъ неудачи являются лишь новымъ стимуломъ. Храмъ можетъ быть разрушенъ, но онъ не будетъ сданъ. Если виноградникъ долженъ быть взрытъ и виноградъ брошенъ въ чанъ Божьяго гнѣва, какъ говоритъ пророкъ Зеведей, то мы, если понадобится, смѣшаемъ нашу кровь съ виномъ, и она потечетъ въ такомъ изобиліи, что будетъ хватать по горло лошадямъ на пространствѣ полутора тысячъ стадій. Мы не склонимъ нашу шею подъ ярмо великой проститутки, сидящей на шумящихъ водахъ, развратившей царей міра сего и напоившей своимъ мутнымъ виномъ народы земные. Кто знаетъ, быть можетъ, наше сопротивленіе поведетъ къ гибели ея, если только благодаря намъ она не сдѣлается обиталищемъ демоновъ, убѣжищемъ злыхъ духовъ, гнѣздилищемъ ночныхъ птицъ. Это предсказано въ Апокалипсисѣ; будемъ ждать, когда сбудется это предсказаніе. Эта-то высокая и торжественная надежда поддерживаетъ мужество нашихъ сыновъ. Голодъ гложетъ наши внутренности и изсушаетъ наши кости, но мы презираемъ его; мы погибнемъ, если на то будетъ воля Господня, но мы не сдѣлаемся измѣнниками. Жизнь ничто безъ свободы ума и сердца, а римляне всюду вносятъ рабство. Если бы только ты

* Тамъ же.

могла послушать все, что намъ иногда говоритъ объ этомъ Симонъ-бенъ-Гіора!

Но, къ сожалѣнію, духъ Божій покидаетъ тѣхъ, которые когда-то были вожаками своего народа. Саддукеи нынѣ предпочитаютъ богатство и почести интересамъ своего народа и родины; фарисеи соперничаютъ съ ними въ слабости и въ трусости. Лишь бы золото и серебро, жемчугъ и благовонія, шелкъ и пурпуръ, бронза и слоновая кость, пахучее дерево и мраморъ наполняли ихъ дома,—а до остальнаго имъ и дѣла нѣтъ, имъ все равно, получается ли это изъ Рима или изъ Іерусалима. Даже мысли ихъ охотнѣе обращаются къ проституткѣ, одѣтой въ тонкое полотно и въ пестрыя матеріи, убранной жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и они только и думаютъ о томъ, чтобы пасть къ ея ногамъ, въ надеждѣ, что имъ взамѣнъ того дозволено будетъ испить изъ чаши наслажденій. Я должна сказать тебѣ, Ревекка, что даже изъ числа нашихъ друзей болѣе нежели одинъ открываетъ свой умъ вѣянію рабства. Іоаннъ Гишала, Филонъ и др. начинаютъ уже колебаться и прислушиваться къ рѣчамъ первосвященника Матвѣя-бенъ-Руэты, интригующаго вмѣстѣ съ Іосифомъ Флавіемъ и сносящагося съ римлянами *.

Елисавета замолчала; ей какъ будто стоило нѣкоторыхъ усилій продолжать. Ревекка замѣтила ея колебаніе и спросила ее:

— Неужели, Елисавета, ты боишься быть со мною вполнѣ откровенной. Напрасно. Быть можетъ, дѣло идетъ объ отцѣ моемъ и о моей бабушкѣ, оставшихся въ Іерусалимѣ? Мы должны походить на камень, брошенный въ извѣстную цѣль: намъ нечего смотрѣть на то, что находится на пути полета этого камня.

При этихъ словахъ, лицо молодой дѣвушки озарилось лучомъ героизма; Елисавета же почувствовала внутреннюю дрожь

* Флавій, кн. V, гл. 33.

отъ радости. Хотя она ни на одну минуту и не сомнѣвалась въ мужествѣ молодой дѣвушки, но все-же она счастлива была тѣмъ, что ея ожиданія вполнѣ сбылись.

— Іосифъ интригуетъ,—продолжала она, какъ бы опасаясь, чтобы слова ея на этотъ разъ не дошли до слуха Бенъ-Адира; хотя она знала, что на него можно положиться, но все-же настоящее сообщеніе ея показалось ей самой слишкомъ важнымъ; — онъ дѣйствуетъ сообща съ первосвященникомъ Матвѣемъ. Ихъ обоихъ поддерживаетъ все, что̀ осталось въ городѣ изъ партіи саддуккеевъ и фарисеевъ, всѣ, которымъ улыбается жизнь и которые видятъ въ ней ничто иное, какъ веселое пиршество, а равно, какъ я тебѣ только что говорила, и нѣкоторые изъ нашихъ, сердце которыхъ не находится на одинаковомъ уровнѣ съ ихъ умомъ и которые тоже жаждутъ испить изъ чаши житейскихъ наслажденій. Правда, они еще не рѣшаются открыто выступать въ совѣтѣ съ своими гнусными мнѣніями; но за то они тѣмъ усерднѣе подкапываются втихомолку подъ твердыню защиты; они стараются поколебать мужество гражданъ, ослабить сопротивленіе, и, громко объявляя, что они ни за что не подчинятся, въ тайнѣ хлопочутъ о томъ, чтобы сдѣлать сдачу города неизбѣжною.

— Неужели это правда?—воскликнула Ревекка.

— Увы, къ сожалѣнію, все это слишкомъ печальная правда! Но дѣло въ томъ, что хотя фактъ несомнѣненъ, однако доказательствъ мы не имѣемъ въ рукахъ, и мы разсчитываемъ на тебя, чтобы доставить намъ ихъ. Необходимо, чтобы ты, во что́ бы то ни стало, добыла ихъ отъ самого Іосифа Флавія.

— Іосифъ — человѣкъ ловкій; его нелегко повести туда, куда онъ не желаетъ идти. Онъ чуетъ ловушку даже еще раньше, чѣмъ она поставлена.

— Мнѣ лучше, чѣмъ кому-либо, извѣстна его ловкость, его осторожность, его предусмотрительность. Змѣя пустынь не можетъ быть лукавѣе, а дикая серна не можетъ быть ловчѣе его; онъ чуетъ издали врага не хуже любаго во̀рона. Но орелъ,

изъ выси небесъ, разглядѣлъ змѣю, іерихонскій песъ напалъ на слѣдъ серны, коршунъ уже намѣтилъ ворона. Симонъ соединяетъ мужество льва съ мудростью змія. Вотъ что онъ придумалъ: что ты, Ревекка, сказала бы о томъ, еслибъ оказалось возможнымъ склонить Іосифа къ какому-нибудь рѣшенію, которое можно бы было обратить противъ Матвѣя, подъ тѣмъ условіемъ, понятно, чтобъ объ этомъ рѣшеніи можно было возвѣстить заранѣе и представить его результатомъ соглашенія между обоими сообщниками? При такихъ условіяхъ, въ случаѣ удачи этой комбинаціи, сообщничество и заговоръ обоихъ участниковъ могъ бы считаться доказаннымъ. А послѣдствія нетрудно понять: раздраженный народъ не сталъ бы сомнѣваться въ столь ясно обнаруженной измѣнѣ, а положеніе благомыслящей части совѣта, колеблющейся нынѣ изъ страха смерти, было бы упрочено; она не стала бы рисковать на возбужденіе народной ярости и сторонники мира уже не могли бы болѣе разсчитывать на нее.

— Я понимаю,—сказала Ревекка, съ величайшимъ вниманіемъ слушавшая изложеніе плана Елисаветы. — Народу можно будетъ сказать: первосвященникъ Матвѣй и Іосифъ Флавій держатъ сторону римлянъ; они сговорились между собою въ томъ смыслѣ, что Іосифъ выступитъ съ мирными предложеніями отъ имени Тита. Весьма понятно, что если нѣсколько дней спустя Іосифъ дѣйствительно сдѣлаетъ то, о чемъ было возвѣщено уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ, то для народа не будетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ дѣйствуетъ сообща съ Матвѣемъ; послѣдній явится измѣнникомъ, будутъ требовать его смерти и онъ по меньшей мѣрѣ будетъ свергнутъ; паденіе же его напугаетъ тѣхъ, которые стоятъ за миръ, а умѣренная часть совѣта сдѣлается осторожнѣе и не посмѣетъ настаивать на заключеніи мира. Изо всего этого вытекаетъ то, что нужно убѣдить Іосифа, чтобъ онъ отправился въ Ерусалимъ и сдѣлалъ, отъ имени римлянъ, мирныя предложенія.

— Именно такъ!—воскликнула Елисавета, обрадованная тѣмъ, что ее такъ хорошо поняли.

И дѣйствительно, Ревекка съ разу же поняла все значеніе того плана, который былъ только что изложенъ ей. Поэтому рѣшеніе ея было тотчасъ же принято и она ни на одну минуту не колебалась въ томъ, чтобъ оказать свое содѣйствіе осуществленію его. Однако уму ея все-же представлялись нѣкоторыя сомнѣнія. Такъ, напр., она не могла понять, какимъ образомъ Матвѣй, бывшій другомъ Симона, могъ отдѣлиться отъ него? Да и основаны ли возводимыя противъ него обвиненія на достаточно вѣскихъ доказательствахъ? Она попросила у Елисаветы разъясненій по поводу этихъ двухъ пунктовъ.

— Да,—отвѣтила Елисавета, – дѣйствительно Матвѣй былъ другомъ Симона, и онъ даже призвалъ его въ Іерусалимъ *, но впослѣдствіи отношенія ихъ измѣнились. Бываютъ такіе люди, вѣра и мужество которыхъ падаютъ передъ призракомъ смерти. Матвѣй принадлежитъ къ ихъ числу, и онъ настолько болѣе виновенъ, что имѣетъ право говорить отъ имени Іеговы. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Симона, который не придерживается того правила, что дружбу слѣдуетъ ставить выше долга. Что касается доказательствъ, Ревекка, то они совершенно безполезны: измѣна не можетъ подлежать сомнѣнію; о ней сообщилъ намъ отецъ твой, который, въ свою очередь, узналъ это отъ твоей матери..

— Хорошо,—сказала Ревекка, удовлетворенная этими объясненіями,—отнынѣ я вся къ твоимъ услугамъ. Впрочемъ, я должна еще предупредить тебя, что Флавій, хотя и приходится мнѣ дядей, не любитъ меня и не довѣряетъ мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, у Береники, у которой я осталась, повидимому, для того, чтобы сдѣлать угодное моему дѣду, а въ дѣйствительности затѣмъ, чтобъ успѣшнѣе служить дѣлу Іеговы и Симона, онъ слѣдитъ за мною съ какимъ-то безпо-

---

* Флавій, кн. V, гл. 33.

койнымъ вниманіемъ, онъ старается подслушивать меня, слѣдить за всѣми моими дѣйствіями и движеніями. Онъ и теперь уже не довѣряетъ искренности моего обращенія. Какимъ же образомъ мнѣ объяснить его ему? Сказать ему, что въ сердцѣ моемъ наконецъ одержало верхъ чувство жалости, что я не могу долѣе видѣть безъ ужаса страданія народа Божьяго? Онъ мнѣ не повѣритъ; я отсюда вижу на его тонкихъ губахъ недовѣрчивую, насмѣшливую улыбку. Даже болѣе: я опасаюсь, что такое мое обращеніе къ нему можетъ оказаться не только безполезнымъ, но даже опаснымъ и компрометирующимъ. Онъ, безъ сомнѣнія, постарается самъ себѣ объяснить истинныя причины его, и, не будучи въ состояніи приписать его той причинѣ, которую я приведу, онъ заподозритъ западню.

— Все равно, Ревекка, нужно, чтобы ты сдѣлала эту попытку. Если ты потерпишь неудачу, то мы вмѣстѣ съ тобою постараемся придумать что-нибудь другое. Я даже откровенно скажу тебѣ, что не столько важно, чтобы ты успѣла обойти Іосифа, сколько то, чтобы мнѣ удалось переговорить съ нимъ, при чемъ ты должна только присутствовать при нашей бесѣдѣ. Это, впрочемъ, требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій.

Старуха замолчала. Большіе, черные глаза ея сверкнули зловѣщимъ блескомъ, брови ея нахмурились. По всему было видно, что ее вдругъ обуяли невеселыя мысли.

— Того, что я тебѣ сейчасъ скажу, Ревекка, никто не слышалъ изъ моихъ устъ. Я дѣлаю это только потому, что безусловно довѣряю тебѣ. Но сердце сердцу вѣсть подаетъ, и никто не можетъ быть болѣе тебя достоинъ дружбы Елисаветы, ибо ты не страшишься никакихъ опасностей, лишь бы только служить святому дѣлу.—И такъ, знай, что Іосифъ Флавій не всегда былъ другомъ римлянъ. Онъ даже упорно боролся противъ нихъ до самаго взятія Іотапаты, который онъ защищалъ съ истиннымъ мужествомъ, съ геройской стойкостью. Какъ подумаешь, дитя мое, на сколько люди могутъ измѣняться!

По сухимъ и морщинистымъ щекамъ старухи скатилась слеза. Она продолжала:

— Послѣ паденія Іотапаты, спасаясь отъ римлянъ, онъ спрятался въ одной пещерѣ, въ которой и пробылъ нѣсколько дней. Онъ утверждаетъ, будто въ этомъ его убѣжищѣ его открыла женщина, которая и выдала его римлянамъ. Да, это вѣрно! Но за то онъ умалчиваетъ о томъ, что женщина же спасла его отъ преслѣдованія его враговъ и отыскала ему убѣжище, что у этой женщины была дочь, которую, нѣсколько времени спустя, онъ же соблазнилъ и обманулъ, и что если впослѣдствіи онъ и былъ выданъ, то былъ выданъ не этой женщиной и не дочерью ея, а соперницей соблазненной и обманутой дочери, которая отмстила за измѣну измѣной-же. Вотъ вся истина, изъ которой онъ разсказалъ только частицу, какъ ты сама теперь можешь убѣдиться въ томъ, Ревекка. Ну, такъ знай же, дитя мое, что женщина, которая спасла его,—это была я; молодая дѣвушка, которую онъ обманулъ,—это была дочь моя, что онъ нарушилъ одновременно и законы благодарности, и законы гостепріимства; онъ даже нарушилъ, быть можетъ, нѣчто еще болѣе священное,—онъ разорвалъ узы, связывающія людей, преслѣдующихъ одно общее дѣло, ибо онъ зналъ, что мы обѣ, дочь моя и я, поклялись въ вѣчной ненависти къ римлянамъ, что враги ихъ были нашими друзьями, и что онъ, въ то время самый непримиримый врагъ ихъ, являлся въ глазахъ нашихъ въ ореолѣ Маккавеевъ, Давида, Саула. Вѣдь онъ, подобно этимъ героямъ, съ честью и славой боролся противъ преслѣдователей евреевъ. Правда, что уже вскорѣ послѣ того онъ самъ постарался порвать эти узы, которыя связывали насъ, и совершить еще болѣе гнусный поступокъ, нежели тотъ, въ который онъ совершилъ относительно насъ.

Я до сихъ поръ хранила въ тайнѣ этотъ позорный поступокъ его, Ревекка, изъ чувства уваженія не къ нему, а къ тебѣ, къ твоей матери, къ твоему благородному отцу, наконецъ. Но нынѣ

всякія иныя соображенія должны быть отброшены въ сторону, если онъ не исполнитъ того, чего мы отъ него требуемъ. Я надѣюсь склонить его къ тому, ибо онъ чувствителенъ къ общественному мнѣнію, и въ особенности къ мнѣнію римлянъ и Береники. Онъ желаетъ, чтобы его считали честнымъ и справедливымъ человѣкомъ. Уже въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ онъ хлопочетъ о томъ, чтобы составить себѣ такую репутацію. Ну, такъ если онъ откажется оказать Іерусалиму ту услугу, которой мы отъ него потребуемъ, то я сорву съ него его фарисейскую маску, я растопчу ногами его вѣнецъ. Полагаешь-ли ты, что, въ виду этой перспективы, въ виду угрозы моей открыть все Береникѣ, Титу, Іерусалиму, изобличить его въ измѣнѣ и въ подлости, онъ въ состояніи будетъ не исполнить нашего требованія? Быть можетъ, онъ и въ состояніи былъ бы сдѣлать это, еслибы моихъ угрозъ никто не услышалъ, еслибы мои обличенія сдѣланы были съ глазу на глазъ. Да къ тому же, я его хорошо знаю: ничто не въ состояніи удержать его, когда затронуты его честолюбіе или его тщеславіе; онъ въ состояніи былъ бы избавиться отъ угрожающей ему опасности устраненіемъ меня съ своего пути, онъ велѣлъ бы заключить меня въ тюрьму и даже распять меня въ качествѣ шпіонки. Вотъ почему, Ревекка, мнѣ необходимо твое содѣйствіе. Если мнѣ придется обращаться къ нему съ угрозами въ твоемъ присутствіи, то послѣднія подѣйствуютъ сильнѣе; но я полагаю, что въ такомъ случаѣ мнѣ не придется даже прибѣгать къ этой крайности. Онъ просто исполнитъ наши желанія и, быть можетъ, даже въ умѣ его не возникнетъ никакихъ подозрѣній. Вѣдь вполнѣ же естественно, что женское сердце сильнѣе страдаетъ при видѣ настоящихъ нашихъ бѣдствій и въ предчувствіи еще горшихъ въ будущемъ.

— Ну, такъ идемъ же къ нему!—воскликнула Ревекка, поднимаясь съ своего мѣста. — Я уже сказала тебѣ, что онъ меня не любитъ, хотя бы мнѣ стоило только пожелать того,—

и онъ бы полюбилъ меня. Но за то онъ боится меня, а когда въ дѣлѣ не замѣшано его честолюбіе, онъ довольно охотно исполняетъ капризы леопарда, какъ онъ меня называетъ. Онъ знаетъ, что я его презираю, и, вѣроятно, поэтому-то онъ и боится меня. Но на сегодняшній день я постараюсь сдержаться; леопардъ постарается убрать свои когти, смягчить свой голосъ и усвоить себѣ взглядъ газели, хотя я и не вполнѣ увѣрена въ томъ, удастся ли это мнѣ, ибо какъ только я вспомню объ его отступничествѣ, меня разбираетъ охота кинуться на него, исцарапать и искусать его. Въ дѣтствѣ моемъ я ставила его имя наряду съ именемъ Симона-бенъ-Гіоры. Теперь я тѣмъ болѣе зла на него, что онъ не оправдалъ моего довѣрія, обманулъ мои надежды и запятналъ имя, которое онъ могъ бы прославить.

Іосифъ Флавій во многихъ отношеніяхъ вполнѣ заслуживалъ той ненависти и того презрѣнія, съ которыми относилась къ нему его племянница. Онъ былъ самымъ лучшимъ и полнымъ типомъ и представителемъ той фарисейской партіи, которая такъ легко сжилась съ римской тиранніей. Въ немъ преобладали двѣ отличительныя потребности: потребность повелѣвать и потребность рисоваться; а умъ его и сердце были созданы какъ разъ такимъ образомъ, чтобы выдвигать на первый планъ обѣ эти страсти и находить средства для удовлетворенія ихъ. Онъ былъ ловокъ, гибокъ, храбръ, краснорѣчивъ, скрытенъ и къ тому же имѣлъ достаточно растяжимую совѣсть. Онъ родился царедворцемъ, и въ то же время демагогомъ; онъ обладалъ даромъ слова и умѣлъ нравиться и сильнымъ міра сего, и простымъ смертнымъ. Въ довершеніе всего онъ обладалъ въ высшей степени способностью нравиться женщинамъ. Будучи отправленъ въ Римъ съ довольно щекотливымъ и труднымъ порученіемъ, онъ успѣлъ добиться аудіенціи у императрицы Поппеи и достигнуть съ ея помощью всего, чего ему нужно было достигнуть. Теперь онъ пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ Береники. Вся его біографія можетъ слу-

жить неопровержимымъ доказательствомъ его ловкости и находчивости.

Одна изъ господствовавшихъ страстей Флавія, честолюбіе, заставила его сблизиться съ партіей, желавшей войны съ римлянами, причемъ онъ, какъ уже сказано выше, выказалъ немало храбрости, энергіи и находчивости; другая превратила его въ друга римлянъ. Разъ прійдя, послѣ своего пораженія, къ убѣжденію въ безполезности сопротивленія и увидѣвъ себя въ необходимости выбирать между безполезнымъ сопротивленіемъ и прибыльной покорностью, онъ, подъ предлогомъ благодарности, тѣломъ и душою предался Веспасіану и сталъ служить римлянамъ съ тѣмъ же рвеніемъ, съ которымъ онъ когда-то боролся противъ нихъ. Его умъ, его репутація ученаго и философа (и дѣйствительно онъ былъ и тѣмъ и другимъ), его ловкость, слава, которою онъ успѣлъ покрыть себя во время предъидущей войны, столь высоко цѣнившееся въ тѣ времена умѣніе предсказывать будущее, являвшееся въ сущности только результатомъ инстинкта или политической предъусмотрительности, — это самое умѣніе, давшее ему возможность предсказать Веспасіану, что его ожидаетъ императорская корона,—все это упрочило за нимъ весьма солидное и почетное положеніе при дворѣ Тита и Береники, на-ряду съ Максимомъ Галломъ. Мы увидимъ ниже, — онъ, впрочемъ и самъ сообщилъ о томъ въ своей лѣтописи, — какія выгоды онъ съумѣлъ извлечь изъ своего положенія для самого себя и для друзей своихъ. Въ настоящее время онъ пользовался имъ противъ враговъ своихъ, въ числѣ которыхъ онъ ставилъ на первомъ планѣ такъ называемыхъ «непримиримыхъ». Изъ написанной имъ впослѣдствіи исторіи іудеевъ видно, до какой степени онъ ихъ ненавидѣлъ: онъ преслѣдовалъ даже самую память ихъ, послѣ того какъ они были уже давнымъ давно истреблены, съ безпощадной злобою; а между тѣмъ патріотическое чувство, хотя отчасти и безсознательное, какой-то внутренній голосъ заставляли его отдавать справедливость ихъ ге-

роизму, ихъ любви къ независимости. Это-то и придаетъ немалую цѣнность его исторіи, хотя онъ и не могъ постигнуть истинной причины ихъ величія, болѣе глубокаго мотива ихъ сопротивленія: дѣло въ томъ, что его пониманію недоступны были господствующая идея ихъ ученія, то сильное чувство человѣка, какъ существа разумнаго и свободнаго, который способенъ ставить выше своихъ личныхъ интересовъ и взглядовъ провиденціальный порядокъ мірозданія. Флавій сравниваетъ въ своей исторіи фарисеевъ со стоиками; но въ словахъ этихъ заключается клевета относительно послѣднихъ и лесть относительно первыхъ. Напротивъ, стоики іудаизма—это враги Флавія и фарисеевъ.

Іосифъ, не смотря на то, что онъ былъ философъ и стоикъ, не смотря на то, что въ первомъ порывѣ религіознаго энтузіазма онъ провелъ въ молодости своей цѣлыхъ три года въ уединеніи и среди поста и всяческихъ лишеній, одѣтый лишь въ древесную кору и питаясь только корнями и плодами, купаясь, для обузданія плотскихъ вожделѣній, днемъ и ночью въ холодной водѣ,—не смотря на все это, Іосифъ Флавій очень любилъ удовольствія, среди которыхъ любовныя занимали не послѣднее мѣсто, и въ этомъ отношеніи пребываніе въ пустынѣ принесло ему мало пользы. Изъ его же лѣтописи мы узнаемъ, что онъ былъ женатъ три раза: въ первый разъ на молодой дѣвушкѣ изъ Цезареи, плѣнницѣ Веспасіана, на которой онъ женился лишь для того, чтобы сдѣлать угодное императору и съ которой онъ вскорѣ же развелся; затѣмъ на какой-то уроженкѣ Александріи, отъ которой онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей, но съ которою онъ опять-таки развелся вслѣдствіе ея безпутнаго образа жизни, и наконецъ въ третій разъ на молодой критянкѣ, еврейкѣ по происхожденію, дѣвушкѣ добродѣтельной и принадлежавшей къ благородному семейству. Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, первая жена его только что его покинула, и онъ искалъ въ удовольствіяхъ и въ разгульной жизни двора Береники утѣшенія

своему несчастію. Достаточно было бы одного взгляда Ревекки, чтобы заставить его пасть къ ногамъ ея; но ихъ раздѣляла цѣлая бездна, и хотя ему и неизвѣстна была вся глубина ея, однако онъ не обманывалъ себя относительно ея чувствъ, или, говоря точнѣе, даже мысль его едва смѣла останавливаться на его племянницѣ, которую онъ скорѣе боялся, нежели любилъ.

Обѣ женщины застали Іосифа въ павильонѣ, который былъ отведенъ ему для житья. Комната, въ которой онъ принялъ ихъ, наполнена была астрологическими инструментами. Онъ принялъ ихъ со всѣми проявленіями римской вѣжливости, которой онъ любилъ подражать.

— Береника сказала мнѣ, что ты устала, Ревекка,—произнесъ онъ съ ласковой улыбкой, не лишенной однако слегка ироническаго оттѣнка.—Вотъ что̀ значитъ, дитя мое, гоняться за рукоплесканіями и исполнять за одинъ вечеръ роли Деборы и Суламиѳи! И одной изъ нихъ достаточно. Повѣрь моей опытности: нельзя служить разомъ двумъ господамъ, Богу и Мамонѣ. Это, кажется, сказалъ тотъ отщепенецъ-Назареянинъ, но это не мѣшаетъ словамъ этимъ быть справедливыми. А кстати, приходъ твой напомнилъ мнѣ, что я еще не успѣлъ похвалить тебя за твой талантъ. Ты просто сама превзошла себя третьяго дня. Титъ и Береника были въ восторгѣ, — и совершенно основательно. Я и въ Римѣ не видывалъ лучшей актрисы. Въ твоей особѣ соединились красота Поппеи и талантъ Нереи.

Дядя и племянница не могли встрѣчаться, не наговоривъ другъ другу колкостей. Ревекка отлично сознавала это, и поэтому дала себѣ слово быть на этотъ разъ спокойной, не давать воли своимъ чувствамъ и не выказывать того непріятнаго впечатлѣнія, которое производили на нее слова ея дяди. Но съ первыхъ же словъ послѣдняго она почувствовала, что эта рѣшимость ея начинаетъ слабѣть. Этотъ намекъ на событіе, которое она желала бы забыть и которое привело уже къ столь

непріятнымъ для нея послѣдствіямъ, раздражилъ ее и заставилъ ее потерять изъ виду цѣль свиданія и то, чего она желала достигнуть. Ее особенно оскорбило, не столько насмѣшливый и ироническій тонъ, которымъ были высказаны эти похвалы, сколько сквозившее въ нихъ худо скрытое презрѣніе къ тѣмъ вещамъ, которыя для нея были священны и которыя наполняли все ея сердце.

— Флавій,—произнесла она серьезнымъ тономъ,—мнѣ кажется, что тѣ обстоятельства, въ которыхъ находится священный городъ, городъ твоихъ и моихъ предковъ, вовсе не такого рода, чтобы вызывать разныя шуточки. Я, по крайней мѣрѣ, смертельно опечалена и я съ трудомъ могу удерживать слезы, когда вспомню о тѣхъ страданіяхъ, которыя приходится выносить нашимъ согражданамъ.

— А я, Ревекка, полагалъ, что ты, наконецъ, образумилась и что какъ въ воинственной, такъ и въ любовной пѣсни твоей (таково мнѣніе и Береники) сказались только артистическое вдохновеніе или дѣвичій порывъ, что ты просто желала блеснуть своими талантами передъ могущественными друзьями.

— И что я желала идти по стопамъ моего дядюшки, не такъ-ли?

— Ну, полно, Ревекка, я былъ далекъ отъ мысли оскорбить тебя, я тебя искренно люблю, — сказалъ Іосифъ ласковымъ голосомъ.—Неужели же преступленіе — сказать, что ты была больна и что ты исцѣлилась, какъ полагаетъ Береника?

— Да, это преступленіе, если болѣзнь, отъ которой, какъ ты полагаешь, я выздоровѣла, называется состраданіемъ къ несчастнымъ моимъ согражданамъ и любовь къ городу, въ которомъ живетъ и твоя мать, Іосифъ Флавій!

— Они сами виноваты въ своемъ несчастіи, и счастіе ихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Впрочемъ я отличаю слабыхъ и заблуждающихся отъ разбойниковъ и преступниковъ. Если состраданіе твое распространяется на всѣхъ, даже на разбойниковъ, то я, понятно, расхожусь съ тобою въ мнѣніяхъ.

Слова эти переполнили чашу терпѣнія Ревекки. Услышавъ, что друзей ея, тѣхъ, которые страдали за дѣло, считаемое ею святымъ, за Божье дѣло, называли разбойниками и преступниками, Ревекка вышла изъ себя и совершенно забыла и о Елисаветѣ, и о томъ дѣлѣ, ради котораго она пришла къ Іосифу.

— Флавій! — воскликнула она торжественнымъ и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, — ты заставляешь меня дѣлать не особенно выгодныя для тебя сравненія! Ты называешь разбойниками людей, которые ежедневно жертвуютъ своей жизнью для защиты своего домашняго очага и своего Бога противъ деспотизма и невѣрія! Ты называешь преступниками тѣхъ людей, за которыми съ восторгомъ идетъ цѣлый народъ! Но въ такомъ случаѣ что же такое всѣ остальные? Что же такое ты самъ, Флавій, и родня твоя? Ты, значитъ, желаешь, чтобы я объяснила тебѣ, кто хорошъ и кто дуренъ, кто овцы и кто козлища, кто сыны Божьи и кто сыны Ваала, и чѣмъ можно отличить истинныхъ евреевъ отъ ложныхъ.

— Истинные евреи, — сказалъ Іосифъ, сохранившій все свое хладнокровіе въ виду вспышки Ревекки,—это тѣ, которые слушаются голоса мудрости, а ложные евреи — тѣ, которыхъ увлекаетъ за собою голосъ безумія.

— Вотъ какъ!—произнесла Ревекка, съ выраженіемъ горькой ироніи и глубокаго презрѣнія.—Значитъ, по твоему, мудрецами слѣдуетъ считать тѣхъ косолапыхъ «нильзфи», которые расхаживаютъ по улицамъ, волоча ноги и спотыкаясь о булыжники, и тѣхъ «ризаевъ», съ окровавленными лбами, которые ходятъ по улицамъ съ зажмуренными глазами для того, чтобы не видать женщинъ, и стукаются поэтому головами объ стѣны, и которымъ тѣмъ не менѣе частенько-таки приходится удаляться въ пустыни для того, чтобы лечиться отъ послѣдствій своей развратной жизни, или «мадухіевъ», которыхъ нельзя увидѣть иначе, какъ перегнутыхъ пополамъ, или широкоплечихъ «сеикме», которые ходятъ со сгорбленными спинами, какъ

будто они носятъ на плечахъ своихъ все тяжелое бремя «Торы», и фарисеевъ, этихъ нарумяненныхъ фарисеевъ, лица которыхъ покрыты лакомъ лицемѣрія*. А ложными евреями, по твоему, слѣдуетъ считать тѣхъ, которые стремятся не къ одной только внѣшней, а къ дѣйствительной мудрости и добродѣтели, которые не кричатъ и не спорятъ, голоса которыхъ не услышишь на улицахъ, которые не стараются совсѣмъ обломить надломанную вѣтвь, которые не заливаютъ тлѣющійся еще огонь, которые желаютъ, чтобъ у Божьихъ дѣтей было мѣсто, въ которомъ они могли бы преклонить голову, подобно тому какъ лисицы имѣютъ свои логовища, а птицы поднебесныя— свои гнѣзда, наконецъ тѣ, которые жаждутъ справедливости и терпятъ за это преслѣдованія, которые не признаютъ другаго Господа, кромѣ Іеговы, которые умѣютъ умирать за Него и за свободу?

Въ то время, пока она говорила, на устахъ Іосифа не разъ появлялась улыбка и онъ вполнѣ овладѣлъ собою.

— Милая Ревекка,—сказалъ онъ ей спокойнымъ тономъ,— ты говоришь такъ, какъ говоритъ мудрецъ или тотъ проповѣдникъ изъ Назарета; если я не ошибаюсь, ты даже, кажется, буквально повторяешь его слова; а между тѣмъ я полагалъ, что ты принадлежишь не столько къ его сектѣ, сколько къ сектѣ ревнителей или сикаріевъ. Ты вдалась гораздо дальше, чѣмъ я предполагалъ, въ новшества и химеры.

— Ревнители стремятся къ справедливости; они видятъ въ своихъ ближнихъ братьевъ своихъ; имъ не нужно проходить Тору для того, чтобы найти истину. Іегова первый сказалъ устами своихъ пророковъ:—«Если врагъ твой голоденъ— накорми его; если онъ жаждетъ—напои его. Богъ возвратитъ тебѣ это сторицею»**.

— Однако, что же это такое, Ревекка? Неужели ты по-

---

* Ренанъ, „Жизнь Іисуса“.

** Изреченія Соломоновы, гл. XXV, 21.

звала меня для того, чтобы приводить мнѣ тексты и склонять меня къ твоему толку?

Эти слова сразу заставили Ревекку успокоиться, напомнивъ ей о цѣли ея посѣщенія.

— Ты правъ,—сказала она болѣе мягкимъ голосомъ;—теперь не время разсуждать, и я не позволила бы себѣ прійти мѣшать тебѣ въ этомъ помѣщеніи науки и размышленій лишь для того, чтобы спорить съ тобою. Я люблю хорошія слова, но я еще болѣе люблю хорошіе поступки, а я желала предложить тебѣ сдѣлать хорошій поступокъ.

— Ну, такъ садись возлѣ этой халдейской астролябіи, — отвѣтилъ Іосифъ, улыбаясь;—самое лучшее средство для того, чтобъ успокоить нашъ умъ,—это смотрѣть на небо или прикасаться къ тому, съ помощью чего мы его изслѣдуемъ. Въ этомъ-то я и почерпаю ясность мыслей и забываю о суетѣ мірской.

Ревекка усѣлась подлѣ своего дяди на указанное имъ мѣсто. Елисавета, не приподнимая своего покрывала, осталась стоять въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея. Іосифъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія, принимая ее за прислугу.

— Тебѣ лучше чѣмъ мнѣ извѣстно, что происходитъ въ Іерусалимѣ; извѣстно, конечно, и то, что извѣстно всѣмъ и каждому,—что въ городѣ свирѣпствуетъ голодъ, что женщины и дѣти ежедневно умираютъ тысячами, что дома и даже улицы завалены трупами. Не пора-ли положить конецъ этимъ бѣдствіямъ?

— Да, конечно; но только я-то тутъ при чемъ? Не въ моей власти внушить разумъ безумцамъ, сдѣлать людей экзальтированныхъ умѣренными, точно также, какъ не въ моей власти отнять свирѣпость у тигра или когти у льва.

— Нѣтъ, ты можешь сдѣлать больше, чѣмъ ты говоришь, Флавій. Іегова одарилъ тебя даромъ краснорѣчія. Ты могъ бы, еслибы ты пожелалъ этого, убѣдить этихъ, доведенныхъ до отчаянія, людей. Твое слово, смотря по желанію твоему, мо-

жетъ сдѣлаться или Кедронскимъ потокомъ, который все увлекаетъ, или Силоамскимъ ручьемъ, который орошаетъ и утоляетъ жажду.

Іосифъ не привыкъ выслушивать комплименты отъ своей племянницы, и поэтому онъ тѣмъ болѣе былъ польщенъ ея словами. Въ виду этого онъ готовъ былъ сдѣлать что-нибудь пріятное для нея; но вопросъ былъ въ томъ, какъ приступить къ этому? Зная, до какой степени онъ непопуляренъ въ Іерусалимѣ, онъ не безъ основанія опасался, какъ бы шагъ, котораго отъ него требовали, не повелъ къ результатамъ совершенно противуположнымъ тѣмъ, которыхъ ждала Ревекка. Наконецъ, самой его жизни могла угрожать опасность, и хотя онъ и не былъ трусливаго десятка, однако эта перспектива ему весьма мало улыбалась. Наконецъ, это внезапное обращеніе Ревекки къ мыслямъ, совершенно противуположнымъ тѣмъ, которыя она высказывала до сихъ поръ, не могло не возбуждать его подозрительности. И онъ рѣшилъ отказаться отъ ея предложенія, скрывая однако истинныя причины своего отказа. И какъ ловкій фарисей, онъ придалъ лицу своему вдохновенный видъ и сказалъ:

— Ревекка, я справлялся у рока, и вслѣдствіе откровеній его не могу исполнить того, чего ты отъ меня требуешь. Противъ Іеговы бороться невозможно, а Онъ осудилъ Іерусалимъ.

— Іегова не можетъ противорѣчить самому себѣ. Богъ не можетъ измѣнить слова Божьяго!

— Но какимъ же образомъ ты объяснишь, Ревекка, всѣ небесныя и земныя знаменія, безпрерывно повторяющіяся съ самаго начала нашего возстанія противъ Римской имперіи? Надъ Іерусалимомъ въ теченіи цѣлаго года виднѣлась комета въ формѣ меча съ огненной рукояткой. До начала войны народъ собрался 8-го апрѣля для празднованія Пасхи; вдругъ, въ девятомъ часу ночи, въ теченіи цѣлаго получаса, вокругъ храма засіялъ такой яркій свѣтъ, что было свѣтло, точно

днемъ, между тѣмъ какъ за священной оградой царилъ глубокій мракъ. Около того же самаго времени, во время тѣхъ же праздниковъ, корова, которую вели для жертвоприношенія, родила ягненка въ самомъ храмѣ. Восточныя двери храма, какъ тебѣ извѣстно, сдѣланы изъ мѣди и они такъ тяжелы, что двадцать человѣкъ, напрягая всѣ свои силы, едва въ состояніи открыть ихъ; а между тѣмъ однажды, въ шестомъ часу дня, ко всеобщему изумленію онѣ распахнулись сами собою, не смотря на то, что онѣ были заперты громадными замками, желѣзными засовами и крѣпкими задвижками, державщимися въ выдолбленныхъ въ плитахъ глубокихъ углубленіяхъ.

Во время этой рѣчи Ревекка не скрывала своего нетерпѣнія; очевидно было, что она не придавала всѣмъ этимъ знаменіямъ такое же важное значеніе, какъ собесѣдникъ ея.

— Флавій,—сказала она, наконецъ, перебивая его,—я конечно не позволю себѣ сомнѣваться въ вмѣшательствѣ Іеговы въ дѣла человѣческія; но мнѣ кажется, что для тѣхъ необычайныхъ явленій, о которыхъ ты только что напомнилъ, можно бы подъискать другое объясненіе. Поразительное сіяніе надъ храмомъ, тяжелыя двери, отворяющіяся точно подъ дуновеніемъ Іеговы, двойная жертва вмѣсто простой жертвы,— во всемъ этомъ я не вижу ничего особенно страшнаго для избраннаго народа.

— Да, то же самое говорили и лже-пророки для того, чтобы ввести въ заблужденіе нашъ несчастный народъ; они даже выводили изъ этого благопріятныя предзнаменованія. Но есть еще и другія предвѣстія, еще болѣе несомнѣнныя, въ которыхъ нельзя не найти указаній на неминуемую гибель Іерусалима.

— А какія же это предвѣстія?—холодно спросила Ревекка.

— Вскорѣ послѣ праздниковъ вокругъ всего города можно было видѣть воздушныя полчища, какъ бы направлявшіяся къ городу и собиравшіяся осадить его. Въ ночь на пятидесятницу священники были въ храмѣ и отправляли богослуженіе; вдругъ

раздался какой-то непонятный шумъ и подъ священными сводами раздался голосъ, повторившій нѣсколько разъ къ ряду:— «Выйдемте отсюда».—За четыре года до начала войны, когда Іерусалимъ наслаждался еще глубочайшимъ миромъ и полнѣйшимъ благополучіемъ, Іисусъ-бенъ-Ананія, простой крестьянинъ, приблизившись къ вратамъ скиніи, воскликнулъ: — «Взгляни на востокъ, взгляни на западъ, взгляни на всѣ четыре стороны, взгляни на Іерусалимъ и на храмъ, взгляни на новобрачныхъ, взгляни на весь народъ!» — И онъ не переставалъ бѣгать и днемъ, и ночью, по всему городу, повторяя все одинъ и тотъ же возгласъ. Нѣсколько знатныхъ гражданъ, которымъ надоѣли его зловѣщіе возгласы, велѣли высѣчь его розгами, причемъ онъ не испустилъ ни одного крика, не сказалъ ни единаго слова въ свою защиту, и только повторялъ свои жалобные возгласы. Наконецъ власти, прійдя къ убѣжденію, что во всемъ этомъ есть нѣчто сверхъестественное и божественное, повели его къ губернатору Іудеи, Альбину, который велѣлъ бичевать его до крови. Но и это истязаніе не въ состояніи было извлечь изъ него ни одной слезы, ни одной мольбы; при каждомъ наносимомъ ему ударѣ онъ повторялъ только: — «Горе, горе Іерусалиму!» А на вопросы Альбина о томъ, кто онъ такой, откуда онъ родомъ и что побуждаетъ его произносить подобныя рѣчи, онъ ничего не отвѣчалъ.

— Да, все это мнѣ извѣстно; мнѣ извѣстно также и то, что послѣ всего этого Альбинъ прогналъ его, какъ безумца. Ему бы съ этого и слѣдовало начать. Пророкъ твой — никто иной, какъ безумецъ Зеведей, который, какъ говорятъ, не перестаетъ юродствовать такимъ образомъ въ теченіи семи лѣтъ и пяти мѣсяцевъ, безъ малѣйшей устали и даже безъ малѣйшаго ущерба для своего здоровья и своего голоса. Повѣрь мнѣ, Флавій, еслибы предсказаніе твое относительно Веспасіана не имѣло инаго основанія, ни ты, ни онъ, вы не пользовались бы теперь такимъ вліяніемъ и такою властью. Право, досадно

видѣть, какъ люди, подобные тебѣ, окружаютъ лучезарнымъ сіяніемъ пророковъ поврежденныя головы и принимаютъ за откровенія неба бредъ больныхъ и омраченныхъ страхомъ умовъ.

— Ты, Ревекка,—дѣвушка ужасно невѣрующая. Неужели ты станешь отвергать и то, что̀ написано въ священныхъ книгахъ, — что когда храмъ превратится въ четырехъугольникъ, и храмъ, и городъ подпадутъ подъ власть непріятеля?

— Этого я не отрицаю. Я замѣчу тебѣ только, что это означаетъ лишь то, что городъ и храмъ будутъ во власти непріятеля лишь тогда, когда непріятелю удастся овладѣть ими. И къ этому я прибавлю еще слѣдующее: мы читаемъ въ св. писаніи, что приблизительно около нашей эпохи среди насъ долженъ появиться человѣкъ, который будетъ повелѣвать надъ всѣмъ міромъ. Ты увидѣлъ этого человѣка въ Веспасіанѣ*. Всякій воленъ толковать явленія по своему. Для насъ же истина заключается только въ Торѣ, словѣ Іеговы, и въ мудрыхъ рѣчахъ истинныхъ служителей его. Іегова же не допускаетъ на землѣ иной верховной власти, кромѣ своей. Всякое толкованіе Его слова въ смыслѣ раболѣпства передъ иной волей—есть ничто иное какъ ложь, какъ клевета на Него.

Эти смѣлыя слова Ревекки, имѣвшія смыслъ укора и оскорбленія Іосифа, не могли произвести на послѣдняго инаго впечатлѣнія, кромѣ желанія настоять на своемъ отказѣ.

— Ревекка, — сказалъ онъ, съ трудомъ сдерживая свое раздраженіе,—ты повторяешь то, что̀ говорятъ дорогіе твоему сердцу «непримиримые». Но все же ты не права. Что̀ бы ты ни говорила, дѣло ихъ—дѣло безнадежное, а ихъ ослѣпленіе не поведетъ ни къ чему иному, кромѣ гибели Іерусалима.

— Нисколько, Флавій, если ты только согласишься исполнить мою просьбу и пригласить ихъ быть благоразумными.

— Я не могу этого сдѣлать.

* Флавій, «Іудейская война», кн. VI, гл. 41.

— Ты, значитъ, забываешь, что въ Іерусалимѣ живутъ твоя мать и твой братъ? Неужели ты можешь допустить, чтобъ они умерли отъ голода и отъ жажды? Неужели ты не сдѣлаешь ничего для того, чтобы спасти отъ истребленія избранный народъ?

— Я тебѣ уже сказалъ, что я не люблю дѣйствовать зря. Я обсудилъ всѣ послѣдствія того шага, котораго ты отъ меня требуешь. Хотя мнѣ и непріятно отказать тебѣ въ твоей просьбѣ, но такъ какъ я глубоко увѣренъ въ безполезности этого моего шага, то я его не сдѣлаю.

Уже вечерѣло. Блестящая вечерняя звѣзда появилась на восточномъ небосклонѣ и озаряла своимъ блѣднымъ свѣтомъ далекія аравійскія горы. Ревекка встала и направилась къ террасѣ павильона.

— Флавій,—сказала она, — неужели наука халдеевъ, въ которой ты такъ свѣдущъ, не въ состояніи объяснить тебѣ сочетаніе этой звѣзды и звѣзды Арктуруса, которая сейчасъ взойдетъ надъ гробницами нашихъ царей?

— Нѣтъ, не въ состояніи,—отвѣтилъ Іосифъ, улыбнувшись.

— Ну, такъ я въ этомъ дѣлѣ болѣе свѣдуща, чѣмъ ты, Флавій. Звѣзда эта говоритъ мнѣ, что ты ошибаешься, увѣряя, что ты не сдѣлаешь того, чего я отъ тебя требую, и она говоритъ правду.

Ревекка произнесла слова эти твердымъ и какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ. Іосифъ не могъ понять. причины этой надменной увѣренности и продолжалъ улыбаться, какъ человѣкъ, увѣренный въ себѣ и въ безошибочности своего рѣшенія. Но улыбка его моментально исчезла, какъ только женщина, которую онъ до сихъ поръ принималъ за Дину, приблизившись къ нему медленными и размѣренными шагами, откинула свое покрывало и онъ увидѣлъ передъ собою строгое и презрительное лицо ея.

— Елисавета!—воскликнулъ онъ подавленнымъ отъ удив-

ленія голосомъ.—Кто привелъ тебя сюда? чего тебѣ отъ меня нужно?

— Я желаю, чтобы ты исполнилъ то, чего требуетъ отъ тебя Ревекка.

Елисаветѣ извѣстны были всѣ слабыя стороны Іосифа Флавія и на нихъ-то она и разсчитывала для того, чтобъ обезпечить успѣхъ своему предпріятію.

— Ты любишь славу, Флавій, — сказала она торжественнымъ голосомъ; — ты желаешь казаться человѣкомъ мудрымъ и справедливымъ. Но я сорву съ тебя эту личину, которою ты такъ долго морочилъ людей. Я скажу тебѣ все, что ты дѣлалъ въ ущельи, скрываясь отъ погони, что́ ты говорилъ Гликеріи, твоей женѣ, плѣнницѣ Веспасіана, на которой ты женился изъ желанія угодить ему, а также и причины, заставившія тебя покинуть ее. Я потребую у тебя отчета, въ присутствіи Береники и Тита, въ твоемъ недостойномъ образѣ дѣйствій относительно меня, относительно моей дочери. Я скажу имъ:—«Этотъ человѣкъ, надѣвающій на себя личину добродѣтели, нарушилъ святость семейнаго очага». — И я прибавлю еще:—«Этотъ человѣкъ, увѣрявшій, будто онъ сталъ на сторону римлянъ вслѣдствіе преклоненія передъ побѣдителемъ своимъ, императоромъ Веспасіаномъ, въ сущности руководился только своими страстями и честолюбіемъ своимъ». — До сихъ поръ я молчала ради твоей бывшей славы, ради уваженія къ твоей матери и къ брату твоему. Но нынѣ всякія иныя соображенія должны отступить на второй планъ въ виду интересовъ нашего народа и священнаго города!

Опасеніе быть разоблаченнымъ подѣйствовало на Іосифа сильнѣе, чѣмъ какія-либо иныя соображенія. Если онъ считался главой той еврейской аристократіи, которая такъ покорно мирилась съ римскимъ владычествомъ, то онъ этимъ обязанъ былъ преимущественно той прежней своей славѣ, которую Елисавета могла поколебать немногими словами. Въ виду такой перспективы ему нельзя было колебаться и его рѣшеніе

было принято сразу. Онъ только раздумывалъ о томъ, нельзя-ли было бы ему извлечь еще какую-нибудь личную выгоду изъ того, чего отъ него требовали. Вѣдь и роль примирителя или умиротворителя, въ концѣ концовъ, тоже не лишена была извѣстной прелести. Поэтому рѣшеніе его было принято по прошествіи нѣскольких мгновеній.

— Мнѣ нужно нѣсколько дней для размышленія,—сказалъ онъ,—теперь же я могу обѣщать только то, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, для того, чтобы склонить Тита къ предъявленію условій міра.

— Нѣтъ, не того я отъ тебя требую, — отвѣтила Елисавета твердымъ голосомъ.—Ты долженъ поклясться въ присутствіи Ревекки, которая, въ случаѣ надобности, можетъ явиться въ томъ свидѣтельницей, что ты лично прибудешь въ Іерусалимъ съ мирными условіями отъ имени Тита; ибо только ты въ состояніи довести это дѣло до успѣшнаго конца.

— Хорошо, я и на это согласенъ,—сказалъ онъ.—Я воспользуюсь первымъ удобнымъ къ тому случаемъ.

— Нѣтъ, это должно быть сдѣлано сегодня же,—перебила его Ревекка, отлично понимавшая, что въ этомъ дѣлѣ нельзя было медлить,—или, самое позднее, завтра. Вѣдь голодъ—не свой братъ.

Іосифъ очутился какъ-бы въ тискахъ. Онъ обѣщалъ обѣимъ женщинамъ то, чего онѣ отъ него требовали, и проводилъ ихъ съ любезностью фарисея, представляющагося, будто онъ добровольно дѣлаетъ то, что его заставили сдѣлать.

Когда Ревекка и Елисавета возвратилась въ павильонъ, занимаемый первою, Ревекка взяла листъ папируса и написала Симону, сообщая ему о замыслахъ римлянъ, о которыхъ говорилъ ей Галлъ. Затѣмъ, разспросивъ Елисавету подробнѣе о положеніи города, она передала ему о своемъ планѣ посѣтить Іерусалимъ.

Былъ еще вопросъ, который она желала бы, но не рѣшалась сдѣлать. Ее удивляло умолчаніе Симономъ въ его письмѣ

о тѣхъ чувствахъ, которыя онъ питалъ къ ней; въ его письмѣ не было ни единаго слова ласки или симпатіи, не говоря уже о любви. Она сначала сказала сама себѣ, что, по всей вѣроятности, онъ не нашелъ удобнымъ писать объ этомъ и что, быть можетъ, онъ поручилъ Елисаветѣ передать ему на словахъ что-нибудь такое, что̀ могло бы успокоить ее и дать новую пищу той надеждѣ, которую она таила въ глубинѣ своего сердца. Но видя, что Елисавета собирается уйти отъ нея, и понявъ, что ей нечего ждать въ этомъ отношеніи, она вдругъ почувствовала, что сомнѣніе, точно змѣя, заползаетъ къ ней въ сердце и ея испуганному воображенію представился призракъ измѣны.

Именно при сильной страсти, самыя мелочныя обстоятельства, самые легкіе намеки могутъ сдѣлаться исходной точкой для самыхъ важныхъ открытій. Душа въ этихъ случаяхъ дѣлается особенно ясновидящей, получаетъ какія-то таинственныя внушенія, которыя, подобно инстинктамъ, руководятъ ею съ тою же безошибочностью и съ тою же силою. Во время спора ея съ своимъ дядей по поводу пророковъ, она вспомнила о Зеведеѣ, и въ то же время, по какой-то странной ассоціаціи понятій, ей пришло на умъ, что у Зеведея есть племянница, и что эта племянница, какъ говорятъ, — писанная красавица. Ей пришло также на умъ, что этотъ предвозвѣстникъ бѣдствій, у котораго прежде среди ревнителей было немало враговъ, пользовался теперь покровительствомъ ихъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Симонъ и Силасъ пользуются имъ, какъ шпіономъ. Всѣ эти мысли, разомъ представъ уму ея, вызвали въ немъ внезапную и сильную бурю. Впрочемъ, для страсти и этого довольно, чтобы построить цѣлый рядъ гипотезъ, подозрѣній и, наконецъ, — несомнѣнностей. Туда, гдѣ скоплено много горючаго матеріала, достаточно заронить одну искру для того, чтобы вызвать сильнѣйшій пожаръ. Молчаніе Симона заставило проснуться въ ея душѣ демона ревности; а разъ обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ узнать по этому

поводу что-нибудь отъ Елисаветы, она отдалась вполнѣ этому чувству и съ жадностью уцѣпилась за первый, попавшійся ей подъ руку, предлогъ для того, чтобъ оправдать чувство это въ собственныхъ своихъ глазахъ. Души глубокія подвержены особенно сильнымъ бурямъ.

— Да, несомнѣнно, между нимъ и мною встала Эсөирь,— говорила она сама себѣ. — Я это узнаю, я это непремѣнно узнаю. И тогда... горе ей, горе имъ обоимъ!

Ревекка рѣдко отдавалась первымъ впечатлѣніямъ своимъ; она умѣла сдерживаться и сохранять хладнокровіе, подобно тѣмъ дикимъ звѣрямъ, которые подаются назадъ лишь для того, чтобъ сдѣлать тѣмъ большій скачокъ впередъ; въ ней была вся гибкость и вся энергія такого звѣря. Еслибъ она послѣдовала первому внушенію своей страсти, первому движенію своего сердца, она бы тотчасъ же, не дожидаясь того, пока Елисавета заговоритъ сама, разспросила бы ее, постаралась бы узнать отъ нея всю истину, какъ бы непріятна она ни была, разорвала бы покровъ той страшной тайны, которую она подозрѣвала. Но сознаніе собственнаго своего достоинства, которое никогда не покидало ее, удержало ее отъ этого и, вмѣсто того, чтобъ пойти прямо къ цѣли, она стала дѣйствовать обинями, стараясь не обнаруживать волновавшихъ ее чувствъ.

— А что, Зеведей въ Іерусалимѣ?—спросила она довольно твердымъ голосомъ,—и неужели ему все еще позволяютъ безпрепятственно выкрикивать свои зловѣщія предсказанія?

— Да,—отвѣтила Елисавета, нѣсколько удивившись; — впрочемъ, всѣ уже давно привыкли къ его крику. И къ тому же у насъ есть и серьезные пророки, которые проповѣдуютъ войну и которыхъ народъ слушаетъ.

— Это все, конечно, пустяки,—продолжала Ревекка равнодушнымъ тономъ;—однако, если бы я была въ Іерусалимѣ, я бы, мнѣ кажется, посовѣтовала Симону заставить его замолчать. Ты слышала, что̀ только что сказалъ Іосифъ Флавій:

«безсмысленныя предсказанія причиняютъ больше вреда, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ; ими пользуются противъ нашего святаго дѣла; эти возгласы, раздающіеся изъ бездны, приписываются самому Іеговѣ». Я прошу тебя, Елисавета, какъ женщину умную, обратить на это обстоятельство вниманіе Симона, если только у него нѣтъ какихъ-либо особыхъ причинъ, чтобъ оставлять свободно болтать этого зловѣщаго прорицателя.

Она остановилась на минуту, какъ-бы колеблясь высказать свою мысль, и наконецъ спросила:

— А что, племянница его Эсѳирь тоже въ Іерусалимѣ?

Не смотря на все свое самообладаніе, Ревекка не въ состояніи была произнести этихъ словъ, не обнаруживъ внутренняго волненія своего. Самый вопросъ не въ состояніи былъ бы удивить Елисавету, но ее поразило выраженіе, съ которымъ были произнесены эти столь простыя сами по себѣ слова. Уже и видѣнная ею наканунѣ сцена не прошла для нея незамѣченной. Она имѣла слишкомъ много случаевъ приглядѣться къ страстямъ человѣческимъ, чтобы не замѣчать проявленія ихъ даже тамъ, гдѣ люди особенно тщательно стараются скрывать ихъ. Она сразу угадала, что Ревекка любитъ, и притомъ любитъ именно одного изъ защитниковъ Іерусалима. Обѣ, пропѣтыя молодою дѣвушкой, пѣсни — пѣснь Деборы и пѣснь Суламиѳи,—дали ей возможность заглянуть въ душу Ревекки и понять, что въ сердцѣ ея таятся двѣ могучія страсти; но въ то время для нея оставалось еще неизвѣстнымъ имя того человѣка, который въ сердцѣ молодой дѣвушки занимаетъ мѣсто рядомъ съ священнымъ городомъ; да она въ то время даже и не старалась узнать это. Теперь, относительно этого предмета, для нея не могло уже существовать ни малѣйшаго сомнѣнія: Ревекка любила Бенъ-Гіору. Это открытіе опечалило ее, такъ какъ Симонъ только что женился на Эсѳири; а то, что ей было извѣстно о характерѣ Ревекки, приводило ей на умъ разныя мрачныя опасенія.

Поэтому, она не нашлась сразу, что ей отвѣтить на вопросъ Ревекки. Ей не хотѣлось сказать ничего, что могло бы повредить Симону или Ревеккѣ, которую она любила и которой она удивлялась, и въ то же время ей не хотѣлось огорчить молодую дѣвушку прямымъ отказомъ отвѣтить на ея вопросъ. Сказать ей всю правду—значило бы нанести ей смертельный ударъ. Поэтому она сдѣлала то, что дѣлаютъ обыкновенно, когда имѣютъ дѣло съ страстью, которую желаютъ щадить: она постаралась обойти вопросъ и сказала лишь одну часть правды, чтобы лучше скрыть другую.

— Кажется, что племянница Зеведея живетъ при своемъ дядѣ; впрочемъ, я въ этомъ не увѣрена. Во всякомъ случаѣ, она живетъ въ величайшемъ уединеніи, въ какой-нибудь пещерѣ въ нижней части города. Ты знаешь, что она принадлежитъ къ такъ называемой христіанской сектѣ.

— Говорятъ, что она красавица. Ты не знаешь, замужемъ-ли она?

При этомъ вопросѣ Елисавета невольно вздрогнула, однако, она не сочла удобнымъ скрыть относительно этого предмета истину.

— Да, она замужемъ, по крайней мѣрѣ, такъ говорили мнѣ. Впрочемъ, подобнаго рода вещи меня мало интересуютъ; у насъ есть дѣла поважнѣе.

— Ты права,—отвѣтила Ревекаа, вздохнувъ, — намъ теперь некогда заниматься этими вещами.

Елисавета собиралась уходить и Ревекка не удерживала ее.

— До свиданія,—сказала она. — Черезъ нѣсколько дней, если будетъ возможно, я постараюсь побывать въ Іерусалимѣ. Скажи это Симону. Я желаю еще разъ увидѣть храмъ, прежде чѣмъ онъ будетъ разрушенъ, если только ему суждено быть разрушеннымъ. Быть можетъ, мнѣ доведется быть похороненной подъ развалинами его вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ я люблю.

Отъ Ревекки не скрылось, что Елисавета вздрогнула, когда она спросила ее, замужемъ-ли Эсѳирь; и это обстоятель-

ство, при тогдашнемъ ея настроеніи, показалось ей цѣлымъ откровеніемъ. Она, впрочемъ, постаралась даже улыбнуться, стараясь скрыть то, что происходило въ душѣ ея. Но, оставшись одна, она почувствовала, что силы оставляютъ ее.

— Да, я отправлюсь въ Іерусалимъ, — проговорила она про себя, нервно смѣясь.—Я войду туда съ мыслями любви. Какъ бы мнѣ не довелось выйти оттуда съ мыслями ненависти и мщенія.

Графиня Марія Ратацци.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЕВРЕЙСКІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ КОЛОНІИ *.

XV.

Статистика, неурожай, нужда и помощь колонистамъ, увеличеніе ихъ числа, затрудненіе въ ихъ устройствѣ по недостатку помѣщенія и средствъ. — Настоянія губернаторовъ о большемъ выселеніи евреевъ въ земледѣльцы.—Отказъ въ этомъ вслѣдствіе неурожаевъ и эпидеміи, существовавшихъ въ колоніяхъ.—Недостатки построекъ, изслѣдованіе причинъ и ихъ результаты — болѣзни и смертность; переосвидѣтельствованіе домовъ и признаніе ихъ выстроенными правильно; отпускъ денегъ на ихъ исправленіе. — Отмѣна соединенія по нѣсколько семействъ въ однѣ. — Сложеніе съ колонистовъ прежнихъ долговъ.

Отъ инвентарей и инструкцій, преподавшихся съ цѣлію вставить людскую жизнь въ опредѣленную рамку, вернемся къ самой жизни, какою она была въ дѣйствительности, судя по отзывамъ компетентныхъ мѣстъ и лицъ.

По отчету Комитета за 1848 г., въ колоніяхъ было сельскихъ приказовъ: а) въ Екатеринославскихъ — 6, а въ нихъ сельскихъ начальниковъ—5, получавшихъ жалованья 1083 р. $33^1/_2$ к.; б) въ Херсонскихъ приказовъ—13, а сельскихъ начальниковъ—4, которымъ было выдано 1110 р. Начальники эти были изъ нѣмецкихъ колонистовъ, а расходъ на нихъ покрывался изъ доходовъ отъ предназначенныхъ для евреевъ свободныхъ земель. Въ колоніяхъ было ревизскихъ душъ: въ *Екатеринославскихъ*: въ Новомъ Златополѣ — 717; Красноселкѣ — 356; Межирѣчѣ—339; Веселой—299; Трудолюбовкѣ—216; Нечаевкѣ — 137; итого 2064 души; въ *Херсонскихъ*: Большой

* См. „Восходъ“ кн. 2.

Сейдеминухѣ—810; Бобровомъ Кутѣ—796; Новополтавкѣ—603; Ингульцѣ—541; Романовкѣ—456; Львовѣ—430; Эфенгарѣ—408; Большомъ Нагартавѣ—403; Израилевкѣ — 360; Новомъ Бериславѣ—356; Камянкѣ—341: Излучистой—249; Маломъ Нагартавѣ—144: Малой Сейдеминухѣ — 121; Сагайдакѣ — 58; итого 6076 душъ, а всего въ обѣихъ губерніяхъ 8.140 душъ.

Исчисленное *ревизское* только народонаселеніе и ихъ семейства существовали «скуднымъ» земледѣліемъ. — Между тѣмъ, суровая зима 1848—1849 г. вынудила Комитетъ снабдить нуждавшихся евреевъ теплыми армяками, на которые затратилъ 585 р., позаимствованныхъ изъ оброчныхъ, за излишнюю землю, суммъ. Расходъ этотъ, совсѣмъ не предусмотрѣнный, Киселевъ утвердилъ, во вниманіи къ исключительнымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Потомъ, вслѣдствіе неурожая того же 1848 — 1849 г., въ Херсонской губерніи заготовленіе соломы, половы и камыша, необходимыхъ при постройкѣ поселенческихъ домовъ, оказалось не только затруднительнымъ, но даже невозможнымъ, по недостатку названныхъ предметовъ какъ въ еврейскихъ селеніяхъ, такъ и въ окружныхъ мѣстахъ. Затѣмъ, отъ потери земледѣльцами рабочаго скота, отъ бывшаго въ тотъ же періодъ времени падежа скота, своевременная доставка въ колоніи лѣса изъ Херсона или Екатеринослава была немыслима, а постройка домовъ не изъ землянаго кирпича и перевозка лѣса при усилившейся дороговизнѣ корма скота — повлекли бы за собою издержки, далеко превышавшія опредѣленные на домъ 100 р., отчего и нельзя было устроить жилища. Комитетъ и отложилъ, до 1850 г., постройку домовъ, для тѣхъ евреевъ, водвореніе которыхъ въ Херсонской губерніи предполагалось произвести въ 1849 г., тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, проживая въ Одессѣ и зная, что евреи-колонисты *«терпѣли крайнюю нужду»* въ продовольствіи отъ происшедшаго неурожая, и опасаясь подвергнуться существовавшей, при томъ же, въ 1849 г., въ селеніяхъ *цынготной болѣзни*,—сами просили Комитетъ о дозволеніи имъ оставаться въ Одессѣ до весны 1850 г., обязуясь выслать во время, изъ своей среды, работниковъ, для производства озимыхъ посѣвовъ. Въ силу этихъ причинъ Комитетъ

снеся съ начальниками тѣхъ губерній, къ коимъ принадлежали переселявшіеся евреи, о пріостановленіи выпуска переселенцевъ до 1850 г., а чтобы въ этомъ году безостановочно устроились жилища для переселенцевъ, — Комитетъ поручилъ попечителю еврейскихъ поселеній Херсонской губерніи озаботиться благовременнымъ заготовленіемъ необходимыхъ строительныхъ матеріаловъ.

Не взирая, однако, на указанныя затрудненія, нѣкоторые изъ евреевъ, зашедшихъ въ г. Одессу въ 1845 и 1846 годахъ (приведенныхъ Комитетомъ въ извѣстность и предназначенныхъ къ водворенію), пожелали поселиться именно въ 1849 г., на предназначенномъ для нихъ участкѣ, при чемъ согласились сами устроить себѣ дома, обзавестись скотомъ и земледѣльческими орудіями, въ надеждѣ, прибавкою къ ассигнованной на водвореніе ихъ отъ казны суммѣ, собственныхъ денегъ — окончательно устроить свой бытъ въ 1849 г., но для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли,—они домогались *полученія опредѣленной* казною на обзаведеніе *суммы*, по прибытіи къ мѣсту и по начатіи построекъ частями, сообразно ихъ нуждамъ и успѣху работъ. Комитетъ, уваживъ это ходатайство евреевъ, предписалъ попечителю снабдить переселенцевъ планомъ, по которому они должны будутъ строить дома и затѣмъ тщательно наблюдать за правильностію и прочностію построекъ, но съ тѣмъ, что если онъ «замѣтитъ отступленіе кѣмъ либо отъ плана, или употребленіе матеріаловъ не надлежащаго качества, то замѣченнаго въ этомъ побуждалъ бы исправить погрѣшности, или же самъ занялся бы дальнѣйшею достройкою домовъ». Закупку земледѣльческихъ орудій и скота для этихъ переселенцевъ Комитетъ нашелъ неудобнымъ предоставлять самимъ евреямъ, «по ихъ неопытности въ новомъ родѣ жизни», а поручилъ это попечителю. Относительно же пріобрѣтенія скота, Комитетъ, для предупрежденія жалобъ и для понужденія евреевъ дорожить скотомъ, — опредѣлилъ нормальную цѣну за каждую штуку и предоставилъ самимъ евреямъ пріискивать для себя лошадей и коровъ, съ правомъ, по представленіи ихъ Попечительству и по признаніи послѣд-

нимъ совершенно годнымъ,—получить соотвѣтствовавшую назначенной цѣнѣ сумму.

Изъ числа помянутыхъ, самовольно зашедшихъ въ Одессу евреевъ, пожелали водвориться, именно въ 1849 г., 25 семействъ, но, прибывъ на мѣсто, — они не могли приступить къ устройству для себя жилищъ по указанному «недостатку половы, соломы и камыша, по чрезвычайной дороговизнѣ первѣйшихъ жизненныхъ потребностей», да вслѣдствіе «господствовавшей вокругъ цынготной болѣзни», а потому съ дозволенія мѣстнаго начальства возвратились въ Одессу, съ обязательствомъ осенью явиться для производства озимыхъ посѣвовъ.

Тѣмъ не менѣе виленскій генералъ - губернаторъ, генералъ-адъютантъ Мирковичъ, лично и письменно настаивалъ, согласно представленіямъ губернаторовъ, о возможно большемъ и скорѣйшемъ пріемѣ въ земледѣльцы всѣхъ просившихся евреевъ. Эту же мысль поддерживали сами губернаторы и даже Перовскій. Но Киселевъ оправдывалъ отказъ неурожаемъ, скотскимъ падежомъ и эпидеміею, свирѣпствовавшими на югѣ, и чтобы прекратить объ этомъ и переписку: съ одной стороны — одобрилъ всѣ мѣры, принятыя Комитетомъ, да поручилъ ему водворять лишь тѣхъ, которые прибудутъ въ маломъ числѣ и поселятся на зиму въ старыхъ колоніяхъ; послѣ же урожая, если онъ будетъ,—доставить соображеніе о числѣ семействъ, какое окажется, возможнымъ поселить въ 1850 г., а съ другой стороны убѣдилъ Перовскаго предписать губернаторамъ, чтобы они, по случаю затрудненій, встрѣченныхъ Комитетомъ къ постройкѣ домовъ для помѣщенія водворяемыхъ евреевъ, пріостановили высылку ихъ туда до весны 1850 г.; деньги же на постройку домовъ для евреевъ, изъявившихъ желаніе перейти въ земледѣльческое состояніе, приказывалось выслать немедленно Комитету.

Тѣмъ временемъ о постройкѣ Екатеринославскихъ колоній все еще продолжалась переписка. И на этотъ разъ Комитетъ, убѣдившись, что тамъ не было конюшень, — ходатайствовалъ предъ министерствомъ объ ассигнованіи на устройство ихъ при домахъ 285 еврейскихъ семействъ, не имѣвшихъ собственныхъ къ тому средствъ,—8743 р. $77^3/_4$ к., т. е., на конюшню

при домѣ, для одного семейства устроенномъ,—по 32 р. $52^3/_4$ к., а на конюшню при каждомъ изъ домовъ, устроенныхъ для двухъ семействъ—54 р. $8^1/_2$ к. Министерство нашло, что каждое семейство обязано было само заготовить земляной кирпичъ для своей постройки, отчего пріобрѣсть требовалось только необходимое количество малоцѣннаго лѣса на крыши и другія надобности, а потому расходъ представлялся министерству значительнымъ, тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи на дополнительные расходы по поселенію 285 семействъ оставалось только 4,633 р. $55^1/_2$ к., которыми предстояло удовлетворить еще другія надобности. Оно и отпустило на конюшни лишь по 10 р. на семейство. Затѣмъ, въ предупрежденіе появленія новыхъ представленій о какихъ либо еще не предусмотрѣнныхъ ассигновкахъ, министерство разъяснило Комитету, что пособіе по 100 р. на постройки опредѣлено было вообще на строенія, которыя должны были составлять дворъ еврея-земледѣльца, а какъ «евреи могли думать иначе, особенно послѣ назначенія поселеннымъ въ Екатеринославской губерніи прибавочнаго пособія на конюшни, и могли надѣяться на такія же добавки для удовлетворенія подобныхъ же расходовъ», то «въ отвращеніе такихъ ошибочныхъ разсчетовъ, которые могли и самихъ евреевъ затруднить въ удовлетворительномъ, по возможности, устройствѣ ихъ дворовъ, а начальству — навлечь затрудненіе въ споспѣшествованіи надлежащему ихъ водворенію», — министерство признало необходимымъ опредѣлить: какія именно зданія и помѣщенія нужны для евреевъ-колонистовъ при первоначальномъ ихъ водвореніи, сообразно съ ассигнуемыми суммами, а дальнѣйшее устройство—предоставить имъ самимъ, подъ руководствомъ и надзоромъ начальства, которое не допускало бы произвола.

Въ свою очередь Комитетъ, для огражденія себя отъ всякихъ случайностей, донесъ министерству, что еще при пріемѣ, въ октябрѣ 1848 г., 189 плетневыхъ мазанокъ, устроенныхъ Екатеринославскою палатою, для еврескихъ семействъ, Комитетъ замѣтилъ «ненадежность этихъ жилищъ: въ стѣнахъ ихъ виднѣлись щели, отчего нельзя было не ожидать еще большихъ поврежденій по наступленіи зимы», съ теченіемъ же времени

дома эти «пришли въ такое положеніе, что грозили разрушеніемъ: въ 83 домахъ отъ холода обмазка стѣнъ внутри и снаружи частію отвалилась; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ остались одни лишь переплеты изъ мелкой драни; въ 29 домахъ разрушились печи; въ 18 обвалились дымовыя трубы; въ 5 переломились балки; въ 3 кроквы; а въ прочихъ потолки и стѣны дали большія трещины». Оттого проживавшіе въ домахъ евреи-земледѣльцы «неизбѣжно должны были подвергнуться многимъ лишеніямъ и бѣдствіямъ отъ сырости и холода, а дома эти, по наступленіи лѣта, нужно было совершенно перестроить, дабы они могли быть годными для жилья». Министерство и разрѣшило Комитету употребить весь остатокъ ассигнованныхъ суммъ—4,633 р. 35 к., на окончательное устройство домовъ, а остававшійся въ наличности лѣсной матеріалъ, заготовленный Екатеринославскою палатою и не принятый Комитетомъ, по негодности — приказало продать.

Наконецъ, на приказаніе Киселева освидѣтельствовать хозяйство евреевъ, водворенныхъ въ 1848 г., въ Екатеринославской губерніи, Розенъ отозвался, что дома заняты евреями только съ октября 1848 г. и вторымъ годомъ ихъ водворенія слѣдовало считать 1850 г., поэтому и предположилъ съ весны того года приступить къ освидѣтельствованію хозяйства ихъ, а равно и водворенныхъ нѣсколько ранѣе и вторымъ годомъ поселенія коихъ слѣдовало-бы считать 1849 г., еслибы «совершенный неурожай, холера, цынга и скотскій падежъ, постигшіе еврейскія селенія въ 1848 г. и въ началѣ 1849 г., столько разстроившіе хозяйства земледѣльцевъ, не представляли весьма справедливыхъ основаній къ отложенію ревизіи хозяйствъ до слѣдующаго года». При этомъ Розенъ присовокупилъ, что, при посѣщеніи имъ поселеній Екатеринославской губерніи весною 1849 года, онъ «нашелъ при домахъ земледѣльцевъ огороды и имѣлъ случай удостовѣриться, что стараніями Штемпеля евреи-земледѣльцы, не смотря на постигшія ихъ бѣдствія, поставлены были въ возможность засѣять даже болѣе одной десятины на семейство.

Въ виду этого удостовѣренія Розена министерство дозволило водворить 24 семейства ковенскихъ евреевъ образовав-

шихся изъ числа принятыхъ отъ екатеринославской палаты, но позаимствованіе на водвореніе ихъ по 170 р. на семейство изъ 20,000 р., ассигнованныхъ для сего въ вѣдѣніе комитета изъ одесскихъ коробочныхъ сборовъ, на счетъ возврата отъ ковенскаго губернскаго начальства, — министерство сочло неудобнымъ, ибо со времени выбытія этихъ семействъ изъ Ковенской губерніи минуло болѣе 3-хъ лѣтъ, а предложило «расходы по водворенію означенныхъ 24 семействъ отнести, если можно, на счетъ доходовъ съ свободныхъ земель, подъ поселеніе евреевъ назначенныхъ, съ тѣмъ однако же, чтобы чрезъ это не произошло стѣсненія въ удовлетвореніи другихъ расходовъ, на покрытіе которыхъ преимущественно назначены доходы отъ этихъ земель».

Въ то-же время сами евреи-земледѣльцы Екатеринославской губерніи (въ числѣ 148 человѣкъ) прислали Киселеву прошеніе, которое приводимъ лишь съ орфографическими поправками, чтобы читатели могли судить: какъ сами просители смотрѣли на свое положеніе и чего добивались для достиженія своего благополучія.

«По неописанной къ намъ милости Государя и благодѣтельнымъ попеченіямъ правительства, мы, —говорили просители,—съ радостію и благодарностію обратились въ земледѣльческое состояніе и, отъ самыхъ прежнихъ жительствъ до прибытія на назначенныя намъ мѣста, вездѣ встрѣчали отъ начальства и гражданъ ласковую готовность и дѣйствительную помощь къ скорѣйшему прибытію на отведенныя намъ земли, но, по неготовности еще домовъ, размѣстились по окрестнымъ казеннымъ селеніямъ въ разномъ разстояніи, даже до 50 верстъ отъ урочищъ, гдѣ скитались *два года,* а это послужило главною причиною нашего раззоренія и бѣдствія. Съ первой весны занимались мы посѣвомъ разнаго хлѣба и, по милости Божіей, имѣли хорошій урожай, но по приближеніи зимы, не имѣя мѣста, куда перевозить сѣно и хлѣбъ, не успѣвъ его вымолотить, будучи отдалены квартирами отъ урочищъ,—вынуждены были оставить хлѣбъ на мѣстѣ жатвы и сѣно въ полѣ, гдѣ все отъ разныхъ причинъ погибло и потому должны были покупать хлѣбъ и кормъ для скота. На другое лѣто болѣе увеличили посѣвъ, въ предположеніи получить отъ хорошаго урожая изобильный запасъ на продовольствіе и даже на сбытъ, но въ 1848 г. случился совершенный неурожай не только хлѣба, но и корма для скота, почему лишились рабочаго скота; по впослѣдствіи намъ выданы были деньги на добавочные, каждому, по одной лошади. Въ глубокую осень того-же 1848 г., мы вошли въ оконченные палатою, но для жи-

тельства негодные дома, ибо при вступленіи — нѣкоторые изъ нихъ уже были развалленными, у многихъ отпала отъ стѣнъ глина; иные съ развалленными трубами; другіе съ надломленными сводами и кровлями и оттого въ оныхъ зимою былъ несносный холодъ. Сверхъ сего несчастія приключились разныя повальныя болѣзни: не было дома, въ которомъ не оплакивали-бы умершихъ родителей, или дѣтей; многіе, даже цѣлыя семейства въ краткое время *кончили свою жизнь отъ холода и жажды*. Мы не въ силахъ уже перенести столь горестнаго положенія—заключали просители—и потому въ крайней необходимости всенижайше просимъ по справедливымъ жалобамъ нашимъ обратить на насъ, несчастныхъ, милостивѣйшее вниманіе ваше и повелѣть улучшить жилища наши, а тогда можемъ достигнуть своего желанія по званію земледѣльцевъ, въ чемъ остаемся въ надеждѣ получить вашего милостивѣйшаго благодѣянія».

По содержанію этой жалобы Киселевъ потребовалъ объяснененія о положеніи домовъ и справку о числѣ больныхъ и умершихъ. Комитетъ доставилъ, за подписью смотрителя колоній барона Штемпеля, записку и вѣдомость. Въ запискѣ Штемпель изложилъ, что принятыя имъ, въ 1848 г., отъ екатеринославской палаты 189 плетневыхъ мазанокъ хотя и «были освидѣтельствованы, по порученію екатеринославскаго губернатора, старшимъ губернскимъ инженеромъ Рудою, но онъ не сообщилъ ему, Штемпелю, въ какомъ состояніи нашелъ эти избушки; онъ же, Штемпель, считалъ ихъ «вовсе негодными къ исправленію: деревянная работа производилась, большею частію, зимою 1846—1847 г., угловые столбы, вкопанные въ мерзлую землю, соединены были между собою сверху только 4-мя тонкими поперечными пластинами въ $1^1/_2$ вершка толщиною, отчего при сильномъ вѣтрѣ избы замѣтно наклонялись по направленію вѣтра; стѣны состояли большею частію изъ драницъ, въ большемъ или меньшемъ одна отъ другой разстояніи эти драницы, переплетающія поперечныя пластины и обмазанныя глиною, безъ связи; глина растрескалась и опадала; фундамента никакого не было, вмѣсто наружныхъ заваленокъ,—прилеплены были къ стѣнамъ валки глины, которые, высыхая, отдѣлялись отъ стѣны; потолочныя балки состояли изъ 3-хъ вершковъ кроковъ, а потолокъ изъ тонкихъ досокъ и обрѣшетка стропилъ латами была такъ рѣдка, что солома едва держалась на нихъ; крыши были измятою соломою, такъ рѣдко и тонко, что во всякомъ мѣстѣ можно было просунуть руку. Въ избахъ постав-

лены русскія печи, а въ нихъ только сводъ изборовъ изъ сырцоваго кирпича, вся же остальная масса ихъ состояла изъ набитой земли, обмазанной глиною».

Повторяя далѣе мнѣніе Комитета о необходимости перестроить избы, Штемпель подкрѣплялъ это мнѣніе тѣмъ, что въ нихъ-то большею частію и пострадали люди, заболѣвшіе цынгою: умерло изъ 1709 челов.—354 чел., а изъ нихъ 334 чел. въ 3-хъ колоніяхъ, въ которыхъ дома построены палатою, и только 20 челов. изъ остальныхъ 3-хъ колоній, выстроенныхъ колоніальнымъ вѣдомствомъ, ибо «лекарство не могло одинаково благотворно дѣйствовать на находившихся въ холодныхъ и мокрыхъ избахъ, какъ на проживавшихъ въ сухихъ и теплыхъ домахъ». Наконецъ, изъ вѣдомости о числѣ больныхъ и умершихъ съ 1 января по 1 іюля 1849 г. обнаружилось вотъ что:

№	Названіе колоній.		Народонаселеніе по 1 Январа 1849 г.		Изъ нихъ. Число душъ, отпущенныхъ по билетамъ и жившихъ внѣ колоній въ казенныхъ селеніяхъ, по недостатку помѣщеній въ самыхъ колоніяхъ.		Изъ нихъ. Число душъ, проживавшихъ въ самихъ колоніяхъ.		Заболѣло.		Умерло.		Выздоровѣло.	
			муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	м.	ж.	м.	ж.
1	Колоніи, въ которыхъ дома построены Екатериносл. Палатою.	Въ Новомъ Златополѣ . .	641	565	271	105	370	460	339	382	61	76	278	306
2		Веселой . . .	259	219	70	21	189	198	239	202	55	54	184	148
3		Межиречѣ . .	305	272	177	50	128	222	206	269	32	49	167	220
											148	179		
											327			
4	Колоніи, въ которыхъ дома построены колоніальнымъ вѣдомств.	Красноселкѣ .	326	298	102	6	224	292	20	32	9	11	11	21
5		Трудолюбовкѣ	228	197	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6		Нечаевкѣ . .	122	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
		Итого . . .	1881	1651	620	182	911	1172	804	885	164	190	640	695
											354			

Ознакомившись съ содержаніемъ вышеозначенныхъ и не довѣряя мѣстнымъ чиновникамъ, Киселевъ поручилъ камеръ-юнкеру, Струкову, произвесть подробный осмотръ домовъ и представить заключеніе въ какой мѣрѣ можетъ быть одобренъ избранный управляющимъ екат. палатою Гладкимъ, родъ постройки, а равно о самомъ исполненіи и состояніи, въ которомъ дома находились.

Между тѣмъ министерство получило отчетъ о состояніи колоній за 1849 г., съ слѣдующими данными.

Народонаселенія было въ колоніяхъ обѣихъ губерній.

	ОБЩЕЕ ЧИСЛО.					
	Душъ обоего пола.				Семействъ въ 1849 г.	
	Въ 1848 г.		Въ 1849 г.			
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жён.
Херсонской:						
Въ Большой Сейдеминухѣ . . .	808	717	929	230	218 (обѣ)	230
„ Малой „ . . .	121	101	160	140		35
„ Бобровомъ Кутѣ	791	631	480	704	183	231
„ Большомъ Нагартовѣ	398	376	378	344	125	119
„ Мазоми „	144	135	121	125	46	40
„ Ефенгарѣ	408	364	447	397	119	125
„ Игнульцѣ	541	508	515	411	118	145
„ Каманкѣ	343	310	313	320	125	84
„ Излучистой	249	235	281	264	67	71
„ Сагайдакѣ.	61	56	88	86	—	19
„ Новомъ Бериславѣ	355	295	334	273	—	92
„ Львовѣ	430	356	464	342	—	119
„ Новополтавкѣ	603	570	639	580	—	150
„ Романовкѣ	456	404	474	382	—	132
„ Ново-Витебскомъ	199	182	277	203	—	55
„ Израилевкѣ	359	296	432	351	98	92
Итого. . .	6266	5536	6692	5769	1099	1739
Екатеринославской:						
Въ Новомъ Златополѣ	504	414	551	455	—	100
„ Веселой	138	115	195	156	—	41
„ Красноселкѣ	225	213	283	264	—	51
„ Межиречьѣ	208	183	255	234	—	51
„ Трудолюбовкѣ	179	148	226	189	—	30
„ Нечаевкѣ	96	81	133	102	—	16
Итого. . .	1350	1154	1633	1400	—	289
ВСЕГО . . .	7616	6690	8325	7169	—	2028

Изъ земли, отдававшейся въ оброкъ впредь до заселенія евреями, 28 участковъ было переоброчено, а 3 съ возвышеніемъ дохода на 109 р. 70¾ к. Оклада и недоимки по платежу оброка слѣдовало поступить 13,396 р. 85½ к., а поступило 10,311 р. 33½ к., затѣмъ въ недоимкѣ осталось 3,085 р. 52 к. Изъ этой суммы 2,687 р. 40 к. числилось на Изюмскомъ купцѣ Дехтеревѣ, которому была разсрочена уплата на 3 года, съ 1850 г., а о взысканіи остальныхъ 398 р. 12 к. съ разныхъ лицъ производилась переписка.

Отъ переоброчки въ Херсонскихъ поселеніяхъ 20 мірскихъ оброчныхъ статей, доходъ уменьшился на 97 р. 49¾ к., потому что при размежеваніи земель и раздѣленіи ихъ на хозяйскіе участки, состоявшее подъ мірскими статьями пространство земли было ограничено. Оклада и недоимокъ по платежу оброка слѣдовало поступить 6,795 р. 2½ к., а поступило 6,793 р. 53½ к., да на 1850 г. 361 р. 9¼ к., такъ, что осталось въ недоимкѣ недоимокъ прежнихъ лѣтъ 1 р. 49 к.

Казенныхъ сборовъ слѣдовало поступить въ 1849 году 11,518 р. 39 к., и поступило 3,595 р. 35½ к., осталось въ недоимкѣ къ 1850 г. 129,044 р. 73 к. Причинами столь неудовлетворительнаго поступленія казенныхъ сборовъ Комитетъ признавалъ постигшія въ 1848 г. и 1849 г. еврейскія селенія эпидемическія болѣзни: холеру, цынгу, падежъ скота, неурожай хлѣба и сѣна.

Земскихъ сборовъ слѣдовало поступить: 9,147 р. 15¼ к., а поступило 1,769 р. 16½ к.; къ 1850 году осталось въ недоимкѣ 7,377 р. 98¾ к. Натуральныхъ земскихъ повинностей исполнено, въ 1849 г., евреями-земледѣльцами на 2,185 р. 5 к., да на отправленіе натуральныхъ повинностей изъ сельскихъ и общественныхъ доходовъ употреблено на наемъ подводъ 429 р. 31¾ к.

Опекъ въ Херсонскихъ поселеніяхъ состояло 115, а въ ихъ завѣдываніи находилось: сиротъ обоего пола—153, а капиталовъ—5,540 р. 72¾ к.; кромѣ того отдано въ обученіе ремесламъ 2 неимущихъ сиротъ. Увѣчныхъ и бездомныхъ въ 1849 г. въ Херсонской губерніи было: умалишенныхъ—4; глухонѣмыхъ—4; увѣчныхъ 19 и бездомныхъ 210, итого 237; изъ нихъ

состояло: на попеченіи родственниковъ и обществъ 21. Колоніальное «начальство, при всей заботливости, находилось въ невозможности устроить вдругъ въ еврейскихъ селеніяхъ бездомныхъ и нищихъ, ибо самыя общества, на которыхъ лежало попеченіе о нихъ, лишены были всякихъ способовъ оказывать имъ должное призрѣніе.

Въ каждомъ селеніи нѣсколько человѣкъ занималось обученіемъ дѣтей по договору съ родственниками. Затѣмъ насчитывалось наставниковъ 81, а учившихся 624 ч., т. е. 1 на 25 наличныхъ душъ обоего пола.

Изъ всего населенія земледѣльцевъ 8,325 душъ мужескаго и 7,169 женскаго пола душъ, въ 1849 г. подверглось тюремному заключенію за воровство и бродяжничество 12 мужчинъ. Подсудимыхъ на свободѣ было 15 м. и 3 ж. подверглось сужденію приказовъ за маловажные проступки 67 м. и 3 ж. Питейныхъ заведеній въ 16 колоніяхъ было 13, по одному заведенію на 1,234 наличныхъ души обоего пола, а употреблено на напитки 3,049 р. 30 к. Въ Екатеринославскихъ колоніяхъ питейныхъ заведеній не было ни одного.

Считалось принадлежавшихъ землевладѣльцамъ домовъ въ губерніяхъ: Херсонской — 1,613 а Екатеринославской — 237, итого 1,850. Сверхъ того въ Екатеринославскихъ селеніяхъ было устроено двойныхъ 4 дома, а въ Херсонской окончено постройкою двойныхъ же 17 домовъ. Въ еврейскихъ селеніяхъ Екатеринославской губерніи общественныхъ запасовъ не было, а въ селеніяхъ Херсонской губерніи состояло запаснаго хлѣба: на лицо 881 четв. $^{7}/_{8}$ четверика, въ ссудѣ—706 четв. $^{6}/_{8}$ четверика, итого 1,588 четв. $^{5}/_{8}$ четверика. За поступленіемъ съ общественной запашки 569 четвертей и сдѣланными ссудами, а также за употребленіемъ на посѣвъ общественныхъ полей,— осталось къ 1850 г. на лицо $601^{5}/_{8}$ четв., а въ ссудѣ $1,364^{1}/_{8}$, итого $1,965^{6}/_{8}$ четв.

Болѣзни, которымъ подвергались, въ 1849 г., земледѣльцы, были: цынга и лихорадка. Заболѣло цынгою 4,873, лихорадкою 339, а прочими болѣзнями 550, всего 5,762 челов. Изъ нихъ выздоровѣло—4,118, умерло—1,539, осталось больныхъ 105 челов. Главными причинами развитія цынги были: «недо-

статокъ въ жизненныхъ потребностяхъ хорошаго качества, особенно въ овощахъ, по малому еще заведенію огородовъ». Лечебница, на устройство которой купецъ Ефруси пожертвовалъ 3,125 р., въ 1849 г. окончена вчернѣ.

Скотскій падежъ свирѣпствовалъ только въ Херсонскихъ поселеніяхъ, но былъ продолженіемъ падежа, начавшагося въ 1848 г: Въ теченіи 1849 года:

	Заболѣло.	Пало.
Лошадей	163	161
Рогатаго скота	4,164	3,292
Мелкаго	590	590

Къ 1850 г. осталось:

	въ Херсонскихъ колоніяхъ.	въ Екатеринославскихъ колоніяхъ.
Лошадей	593	465
Рогатаго скота	2,552	247
Мелкаго	824	178

Главною причиною падежа было «изнуреніе животныхъ, для которыхъ евреи не могли заготовить корму, по случаю неурожая въ 1848 г. сѣна и соломы; разрѣшеніе же начальства помочь земледѣльцамъ покупкою корма не принесло значительной пользы»: малые запасы сѣна и соломы, бывшіе у частныхъ владѣльцевъ,—продавались по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ. Въ пособіе пострадавшимъ отъ скотскаго падежа колоніальное начальство завело рабочія упряжи во всѣхъ еврейскихъ колоніяхъ, а въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ такія уже существовали, усилило ихъ, смотря по надобности.

Комитетъ, въ виду бѣдственнаго положенія, въ которое земледѣльцы впали отъ постигшихъ ихъ болѣзней, неурожая и скотскаго падежа, нашелъ положительно невозможнымъ взыскивать съ нихъ подати, ибо «въ каждомъ изъ обществъ оставалось не болѣе 10 хозяевъ, которые въ состояніи были заплатить едва лишь за себя». Тѣмъ не менѣе Комитетъ, зная «свойственную евреямъ уклончивость отъ платежа повинностей», считалъ необходимымъ принудить ихъ къ исправному взносу податей и къ улучшенію хозяйствъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ—«отдачею неисправныхъ плательщиковъ въ

казенныя или общественныя работы, или же въ рекруты, что это допускалось закономъ не иначе, какъ по приговорамъ обществъ, а еврейскія общества, по обычаямъ своимъ, не всегда охотно произносили приговоры въ обиду своего собрата, хотя подобные приговоры и служили бы, впослѣдствіи, ко благу не только обвиняемаго, но и всего общества». Комитетъ и ходатайствовалъ о разрѣшеніи отдавать неисправныхъ плательщиковъ въ казенныя и общественныя работы, или въ рекруты, не по приговорамъ обществъ, а по усмотрѣнію мѣстнаго начальства: въ первомъ случаѣ—властію Комитета, а во второмъ—съ разрѣшенія министерства. Однако оно оставило это ходатайство безъ вниманія, потому что представленные ему доводы убѣдили его, что «участь евреевъ-земледѣльцевъ, послѣ тяжкихъ для нихъ 1848 и 1848 годовъ, не улучшилась: отъ падежа они лишились почти половины своего скота, а отъ цынготной болѣзни и лихорадки потеряли не малое число рабочихъ рукъ и не могли принять участія въ весеннихъ полевыхъ работахъ», тѣмъ не менѣе «они произвели, по возможности, яровые посѣвы и тѣмъ самымъ освободили казну отъ необходимости вновь оказывать имъ пособіе, для ихъ продовольствія министерство, напротивъ, приказало Комитету сосредоточить «все свое вниманіе на устройство евреевъ, какъ на дѣло, осуществленіе котораго возможно, если на него будетъ посвящена усиленная заботливость». Хотя результаты казались министерству еще весьма слабыми, но оно признавало, что и «обстоятельства, которыми сопровождались дѣйствія управленія, были крайне неблагопріятныя».

Выводу этому способствовало донесеніе Струкова, который осматривалъ дома совмѣстно съ Свѣтловскимъ и Штемпелемъ, причемъ, подтверждая подробности, выясненныя Штемпелемъ, Струковъ добавилъ, что «нѣкоторые дома, держась на столбахъ неравносторонниихъ и дурно врытыхъ въ землю,—видимо подались въ сторону; крыши большею частію наклонились по направленію періодическихъ восточныхъ вѣтровъ, на западъ; у всѣхъ домовъ наружная обмазка стѣнъ или отстала, или отвалилась, или въ большихъ трещинахъ, хотя въ жилыхъ домахъ она тщательно была возобновляема, какъ указывала частію

свѣжая обмазка, частію множество слоевъ глины, одинъ на другой наложенныхъ и отличавшихся цвѣтомъ отъ первоначальной обмазки; пространство между стѣнъ и отставшей обмазкой, а равно щели набиты были снѣгомъ или льдомъ. Въ домахъ внутренняя обмазка стѣнъ была болѣе или менѣе тоже въ щеляхъ, мѣстами отстала или возобновлена, но какъ стѣны промерзали и покрывались слоями инея, то обмазка не долго держалась. Во всѣхъ почти домахъ погнулись верхніе вѣнцы, на которыхъ лежали потолочныя балки и укрѣплялась кровля, при тонкости вѣнцовъ и маломъ сопротивленіи стѣнъ—дома могли разрушиться, такъ какъ при большой осадкѣ вѣнцовъ въ срединѣ—они могли переломиться или выскочить изъ пазовъ. Потолочныя балки въ домахъ согнулись, а въ одномъ держалась на подпоркѣ. Потолки были въ трещинахъ, промерзали и были покрыты толстыми слоями инея. Печныя лежанки въ нѣкоторыхъ домахъ раздвинулись, ибо печи были сбиты изъ земли и только снаружи связями землянымъ кирпичомъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ жильцы поправили печи, въ другихъ сложили еще по печкѣ, но, не смотря на это, дома такъ холодны, что въ нихъ пища мерзла; при большой топкѣ стѣны и потолокъ оттаивали на время, распространяя угаръ, а потомъ опять замерзали. Печныя трубы, будучи сложены изъ землянаго кирпича и кончаясь только кверху нѣсколькими рядами жженаго кирпича, положеннаго на глинѣ,—въ нѣкоторыхъ домахъ обвалились, большею же частію еще держались, но не представляли никакой прочности. Кровли были покрыты тонкимъ слоемъ камыша или соломы и пропускали дождь и снѣгъ. Окна и двери въ нѣкоторыхъ домахъ покривились отъ неровной осадки стѣнъ. Издали дома казались благовидными, но при ближайшемъ ихъ осмотрѣ оставалось только сожалѣніе, что строитель заботился болѣе о наружныхъ украшеніяхъ, стоившихъ весьма дорого,—а не о прочности, теплотѣ и сухости строеній».

Свѣтловскій въ свое оправданіе объяснялъ Струкову, что у крестьянъ подобные дома нерѣдки; но евреи «не умѣли ихъ содержать, а колоніальное начальство, вначалѣ еще охуждавшее постройку,—не смотрѣло за надлежащимъ ихъ содержаніемъ, а можетъ быть, и само еще способствовало ихъ разрушенію».

Струковъ не оспаривалъ, что евреи «весьма плохіе хозяева и не умѣли содержать построекъ», но доказывалъ, что евреи «поддерживали свои жилища безпрерывнымъ подновленіемъ обмазки, чѣмъ только и могли защитить себя отъ холода и вѣтра; что они «не захотѣли бы, изъ угожденія колоніальному начальству,—подвергаться всѣмъ атмосферическимъ вліяніямъ. Судя по времени, употребленному палатою на заготовку лѣса и на постройку, она, по мнѣнію Струкова, «имѣла возможность построить дома прочнѣе и теплѣе; не смотря на поспѣшность, съ какою нужно было приготовить дома; лѣсъ заготовлялся болѣе 6 мѣсяцевъ, а дома строились два года, въ продолженіи которыхъ можно было выстроить дома изъ сырцоваго кирпича, сдѣлать дома плетнетые изъ хвороста или соломы» причемъ матеріалъ обошелся бы дешевле при обширныхъ посѣвахъ красной лозы и при дешевизнѣ соломы въ 1848 г. Наконецъ, Струковъ полагалъ, что «ничто не мѣшало палатѣ принять самый простой, дешевый и общеупотребительный землебитный родъ постройки; требовавшій еще менѣе лѣснаго матеріала». Для того, чтобы основательнѣе знать качество построекъ, Струковъ велѣлъ разломать стѣны одного дома въ Межирѣчьѣ и снять соломенную кровлю, при чемъ оказалось, что «столбы, составлявшіе основу всего строенія, врыты были въ землѣ большею частію зимою и нѣкоторые покосились; подкосичи коротки, грубо врублены въ столбы и въ вѣнцы и прибиты деревянными гвоздями; продольныя въ стѣнахъ пластины состояли изъ саженныхъ тонкихъ отрубковъ и оплетенныхъ дранью и едва держались, такъ что когда отвалена была обмазка, то многія вывалились; столбы, между коими вставлены были оконныя рамы и двери, ничѣмъ не укрѣплены, а держались только отъ тяжести верхнихъ вѣнцовъ».

Изъ всего изслѣдованнаго Струковымъ, онъ вывелъ заключеніе, что 1) способъ постройки домовъ палатою былъ избранъ неудобный, ибо дома были непрочны, холодны и сыры; 2) избраніе именно этого способа не оправдывалось ни поспѣшностію, которая требовалась министерствомъ (дома строились два съ половиною года), ни утвержденіемъ плана и смѣты: выборъ рода построекъ предоставлялся вполнѣ управляющему палатою;

3) освидѣтельствованіе домовъ инженеромъ Рудою (въ октябрѣ 1848 г.) доказывало только, что дома выстроены согласно съ описью и чертежомъ, но о прочности въ актѣ ничего не упомянуто; къ тому же и о самомъ свидѣтельствованіи Руда донесъ только через годъ; 4) дома возведены дурно; нѣкоторые покривились, стѣны сбиты изъ простой земли, безъ примѣси соломы и песку; лѣсъ употребленъ тонкій, потолочныя балки и потолки погнулись; крыши подались на сторону; 5) дома обошлись дорого; наконецъ 6) дома въ такомъ положеніи, что въ нихъ по сырости, холоду и непрочности можетъ *«заставить жить одна страшная нужда, которая не боится даже смерти»*.

Напротивъ, о домахъ, выстроенныхъ въ трехъ другихъ колоніяхъ, подъ руководствомъ барона Штемпеля, Струковъ отозвался, что они «красивы, сухи, теплы, прочны и въ нихъ почти не было ни больныхъ, ни умершихъ отъ цынги въ 1849 г.». Оттого, для обезпеченія евреевъ первыхъ трехъ колоній, Струковъ полагалъ или выстроить новые дома, по образцу возведеннаго въ Златополѣ евреемъ и стоившаго только 60 р. (съ употребленіемъ, по возможности, лѣса изъ старыхъ домовъ) или разломать стѣны домовъ и вывести новыя изъ сырого кирпича, на что требовалось по разсчету: въ первомъ случаѣ—на каждый домъ въ 27 фут. длины и 20 фут. ширины—по 45 р., а во второмъ случаѣ—на домъ до 33 р. $80^1/_2$ к.

Струковъ не былъ техникомъ, потому Киселевъ остерегся принять его мнѣніе о домахъ за непреложную истину; но желая до нея добраться и не довѣряя гражданскимъ инженерамъ,— Киселевъ обратился къ графу П. А. Клейнмихелю съ «покорнѣйшею просьбою поручить правленію IX округа путей сообщенія вновь переосвидѣтельствовать всѣ дома колоній Златополя, Веселой и Межирѣчья, съ тѣмъ, чтобы командированные для того военные инженеры вошли въ подробное разсмотрѣніе: правильно-ли былъ составленъ екатеринославскою палатою проектъ на постройку мазанковыхъ 189 домовъ, или же съ упущеніями и какими именно; какого качества и достоинства были употреблены матеріалы и не было-ли допущено на ихъ заготовленіе передержки; удовлетворительно-ли произведена постройка; въ какомъ находятся положеніи дома и какіе именно

мѣстные способы могутъ быть избраны на приведеніе ихъ въ исправность, съ исчисленіемъ потребныхъ для сего издержекъ».

Клейнмихель извѣстилъ Киселева, со словъ правленія IX округа путей сообщенія, что «способъ построенія 189 домовъ оказался удовлетворительнымъ, какъ практиковавшійся обыкновенно въ южномъ краѣ»; что «дома возведены съ надлежащею прочностію и употребленіемъ матеріаловъ хорошаго качества, но, по безпечности евреевъ и ихъ неумѣнію содержать въ исправности дома,—они дѣйствительно доведены были до такого разстройства, что жить въ нихъ невозможно, безъ скораго исправленія; на приведеніе же каждаго дома въ надлежащую исправность нужно было, по мнѣнію управленія, до 30 р., но, при пониженіи мѣстныхъ цѣнъ и безплатномъ нарядѣ самихъ хозяевъ на работы, расходъ могъ бы еще уменьшиться». Со своей стороны и Клейнмихель считалъ «весьма полезнымъ посылать самихъ евреевъ работать для пріученія ихъ какъ строить дома». Въ заключеніе Клейнмихель оговорилъ, что исчислена правленіемъ сумма на поправку домовъ безъ передержки противъ смѣты и справочныхъ цѣнъ».

Спеціалисты вездѣ всегда одерживали верхъ надъ обыкновенными смертными. И въ данномъ случаѣ Киселевъ нашелся вынужденнымъ ассигновать деньги на немедленное исправленіе домовъ *. Комитетъ этимъ, впрочемъ, не удовольствовался, а донесъ, что нѣкоторыя изъ принятыхъ отъ екатеринославской палаты 45 семействъ (ковенскихъ евреевъ) заявили ему, что они слишкомъ многолюдны (болѣе 15 наличныхъ душъ и даже 6 и 7 работниковъ въ каждомъ), а потому желали поселиться отдѣльно отъ другихъ, такъ какъ въ ихъ собственныхъ семействахъ было опредѣленное закономъ число рабочихъ рукъ. Комитетъ убѣдился въ справедливости заявленія и въ томъ, что семейства эти образованы изъ соединенія 4-хъ и 5-ти отдѣльныхъ семействъ, не состоявшихъ между собою въ родствѣ, а «при безпокойномъ характерѣ этого народа и его расположеніи къ ссорамъ и распрямъ»—это соединеніе породило безконечныя жалобы и развило, среди евреевъ, различныя болѣзни. Оттого

* За плохую постройку ихъ Гладкій впослѣдствіи подвергся, впрочемъ, начету въ 5,000 р.

Комитетъ желалъ выдѣлить изъ 45 такихъ 24 семейства, которыя вполнѣ могли бы вести хозяйство самостоятельно; на устройство же этихъ семействъ Комитетъ полагалъ позаимствовать по 170 р. на семейство изъ 20,000 руб., ассигнованныхъ изъ одесскихъ коробочныхъ сборовъ, на счетъ возврата изъ ковенскаго коробочнаго сбора.

Одобривъ предположеніе объ образованіи, по видамъ хозяйственнымъ, 24 новыхъ семействъ и объ отдѣльномъ ихъ водвореніи,—Киселевъ призналъ, однако, невозможнымъ требовать на нихъ особыя деньги, вслѣдствіе истеченія 3-хъ лѣтъ со времени выбытія ихъ изъ мѣщанъ, а поручилъ комитету предварительно сознаться: нельзя-ли отнести расходы по водворенію этихъ 24 семействъ на счетъ доходовъ съ свободныхъ земель, назначенныхъ подъ поселеніе евреевъ, если при томъ же это не стѣснитъ другихъ расходовъ, покрытіе которыхъ преимущественно падало на доходы отъ этихъ земель. Комитетъ сообщилъ, что изъ этихъ доходовъ истрачено на продовольствіе нуждавшихся еврейскихъ семействъ и на прокормленіе скота 14,258 р. 94½ к., а «послѣ претерпѣнныхъ евреями бѣдствій: неурожая, падежа скота и цынготной болѣзни,—крайне разстроившихъ ихъ хозяйства», Комитетъ не надѣялся скоро «пополнить эту сумму сборомъ съ евреевъ, ибо бѣдственное ихъ положеніе не подавало никакой надежды на пріобрѣтеніе ими рабочаго скота», а такъ какъ безъ него они могли совершенно разворитъся, то комитетъ предположилъ завести. по всѣмъ колоніямъ, рабочія упряжи, а тамъ, гдѣ онѣ уже существовали,— усилить ихъ и приписать къ нимъ всѣхъ хозяевъ, не имѣвшихъ скота и способовъ къ его покупкѣ весною 1850 г. Киселевъ предоставилъ Комитету заводить для 24 семействъ новыя хозяйства *постепенно*, глядя по тому, какъ позволятъ остатки отъ выручки за отдачу въ аренду свободныхъ земель; большихъ же остатковъ мудрено было и ожидать, ибо изъ нихъ же содержались: въ Комитетѣ—отдѣленіе по еврейскимъ дѣламъ, а въ колоніяхъ—два попечительства и два сельскихъ начальника; число же послѣднихъ къ тому же еще быстро умножалось.

В. Никитинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОСТАТКИ САББАТІЯНСКОЙ СЕКТЫ ВЪ САЛОНИКАХЪ *.

Достоинство любой религіи магометане оцѣниваютъ числомъ сектъ, находящихся въ ней. Чѣмъ больше сектъ, тѣмъ лучше религія. Вотъ почему они такъ превозносятъ исламъ, превосходящій числомъ своихъ сектъ еврейство и христіанство. Подобное сужденіе далеко не такъ нелѣпо, какъ кажется. Если данное вѣроученіе внушаетъ своимъ послѣдователямъ такое крѣпкое убѣжденіе, что они, вполнѣ отдѣлившись отъ его основы, долгое время живутъ самостоятельною жизнью при наличности неблагопріятныхъ условій — значитъ, такое вѣроученіе, дающее право на существованіе многимъ отдѣльнымъ сектамъ, должно содержать въ себѣ много истинъ и по происхожденію своему должно принадлежать къ разряду высшихъ религій. Этотъ аргументъ можетъ быть въ особенности примѣненъ къ понынѣ существующей сектѣ саббатіанцевъ. Два вѣка прошло со времени ея возникновенія. Основатель этой секты, уроженецъ Смирны, *Саббатай Цеви*, принялъ исламъ, вмѣстѣ со своими послѣдователями. Позднѣйшія поколѣнія его приверженцевъ всегда слыли и понынѣ считаются магометанами. И тѣмъ не менѣе, они кое-что сохранили изъ іудейства, считаютъ себя евреями, тайно ведутъ еврейскій образъ жизни, подъ страхомъ навлечь на себя суровое наказаніе со стороны

* Въ «Восходѣ» за 1882—1883 г. помѣщены были подробные очерки о сектахъ Саббатая Цеви и Франка. Считаемъ поэтому не лишнимъ помѣстить для дополненія, предлагаемое сообщеніе профессора Г. Гретца.

Ред.

магометанскихъ властей, свѣтской и духовной, въ качествѣ маловѣровъ или отступниковъ. Не доказываетъ-ли эта цѣпкая приверженность къ іудейству превосходство послѣдняго?

Факты, касающіеся остатковъ этой секты, которыхъ турки, не смотря на ихъ мусульманскую внѣшность, прозвали невѣрными (Dönmé, Denumet), достаточно извѣстны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1876 г., Карлъ Браунъ кое-что сообщилъ объ этихъ *Dönmé*, въ своихъ воспоминаніяхъ о путешествіи по Турціи *. Но за то какъ скудны эти свѣдѣнія! Само собою разумѣется, что извѣстія о бытѣ саббатіанцевъ, который они тщательно скрываютъ отъ всѣхъ, туго проникаютъ въ печать. Этимъ объясняются, по мнѣнію Брауна, тѣ странные слухи, которые такъ распространены на ихъ счетъ. Вотъ почему ему самому удалось собрать такъ мало свѣдѣній объ этой сектѣ.

Тѣмъ интереснѣе будетъ для читателей познакомиться съ сущностью, вѣрованіями и обычаями этой секты, со словъ нѣкоторыхъ изъ ея послѣдователей. Благодаря посредничеству одного милаго француза, моего пріятеля, — фамилія котораго, равно и фамиліи саббатіанцевъ, сообщившихъ ему свѣдѣнія изъ своего быта, покрытаго глубочайшей тайной, не подлежатъ обнародованію,—я настолько счастливъ, что могу передать въ высшей степени интересныя данныя объ этомъ тайномъ сообществѣ. Могу при этомъ увѣрить читателя, что предлагаемый очеркъ отличается *полнѣйшею достовѣрностью*. Я передамъ эти данныя, большею частью, въ дословномъ переводѣ съ французскаго и въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они дошли до меня Предпошлю лишь нѣсколько самыхъ общихъ свѣдѣній, необходимыхъ для оріентировки.

Эта секта, которая сама себя величаетъ вѣрующими (Maiminim), существуетъ до сихъ поръ въ Салоникахъ. Численность ея простирается почти до 1000 семействъ, что вполнѣ согласуется съ мнѣніемъ Брауна, опредѣляющаго ея число въ 4000 душъ. Раздѣляется она на три секты, которыя, какъ увидимъ дальше, не особенно благоволятъ другъ къ другу. Первая назы-

* Сравни «Monatsschrift Греца» за 1877 г., стр. 130 и слѣд.

вается *Смирли* и ведетъ свое начало отъ самого Саббатай-Цеви. Вторая—*Якубаты*, по имени зятя, или вѣрнѣе, шурина Саббатаи, *Якова Кверидо*, который тоже выдавалъ себя за Мессію, но былъ отвергнутъ первыми саббатіанцами. Третья—носитъ названіе въ честь нѣкоего мужа, появившагося въ концѣ прошлаго столѣтія, *Османъ-Баба*, приверженцы котораго почитаютъ его какъ Мессію. Историческія свѣдѣнія объ этихъ основателяхъ трехъ сектъ выходятъ у референта чрезвычайно сбивчивыми, чтобы не сказать, совершенно ложными. Наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ гораздо основательнѣе. Историческій очеркъ объ ихъ происхожденіи я сообщу впослѣдствіи.

Исповѣданіе вѣры и обычаи салоникскихъ саббатіанцевъ я передаю въ томъ же порядкѣ и въ дословномъ переводѣ доставленнаго мнѣ реферата.

I.

1. Единъ Богъ и Саббатай Его пророкъ. Адамъ, Авраамъ, Іаковъ, Мойсей, даже Эсфирь и такъ далѣе—составляютъ лишь частицы души Саббатая. Вотъ почему «Maiminim» увѣряютъ, что Саббатай 18 разъ появлялся на свѣтъ, то подъ именемъ Адама, то Авраама, и т. д.

2. Міръ созданъ лишь для однихъ «вѣрующихъ». Мусульмане предназначены для ихъ охраны. Оттого происходитъ изреченіе Maiminim: «*Нѣтъ яйца безъ скорлупы*».

3. Не-евреи называются Kelipas *.

4. Вѣрующій не долженъ жениться на «келипѣ», ни на еврейкѣ, доколѣ евреи не признаютъ, что Саббатай былъ Мессія.

---

* Это названіе обязано своимъ происхожденіемъ воззрѣніямъ каббалистовъ. Оно часто упоминается въ книгѣ «Зогаръ», въ различномъ значеніи. Названіемъ *келипы* «скорлупы», каббала характеризуютъ грубую *матерію*, въ противоположность чисто духовнымъ силамъ «сепиротъ» огрубѣлость низшихъ «Sephira». Она-то именно и мѣшаетъ пролитію божественной благодати на вселенную. Подобно тому, какъ гностики называютъ *гиликами* или *холками* классъ людей, происхожденіе которыхъ они усматривали въ одной матеріи (безъ духа), такъ и каббалисты называютъ *келипой* скорлупу, какъ матеріальную оболочку чисто духовной сущности.

5. Рай достанется въ удѣлъ вѣрующимъ и евреямъ.

6. Души келипа исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ преисподней.

7. Евреи—не вѣрующіе. Но наступитъ день, когда они познаютъ истину, увѣровавъ, что Іаковъ, Моисей и т. д.—не болѣе, какъ частицы души Саббатая.

8. «Что касается вашихъ правъ, обязанностей и занятій — вы должны подчиниться законамъ Моисея».

9. «Не враждуйте съ евреями, ибо они скоро сдѣлаются вашими братьями».

10. «Вы будете наказаны, если заговорите о своей религіи съ keliра или съ евреемъ. Создатель вдохновитъ евреевъ (поведетъ ихъ по правому пути). Никто, однако, не обязанъ указать имъ дорогу въ рай».

11. «Ваша первая обязанность — выдавать себя за мусульманъ, внутренно оставаясь полнѣйшими евреями».

12. Не составляетъ преступленія, въ глазахъ Бога, убить «вѣрующаго», разоблачившаго тайны своего вѣроученія. Ненавидьте такого измѣнника. Убейте его даже, если онъ окажется опаснымъ для «вѣрующихъ».

13. «Вѣрующіе обязаны подчиняться правительству ислама. Мусульмане будутъ васъ защищать, изъ-за васъ воевать. Постоянно утверждайте, что вы — послѣдователи ислама. Защищайте исламизмъ, притворяйтесь, что признаете Коранъ и турецкое бѣлое духовенство (Namasz). Но никогда не прибѣгайте къ помощи мусульманскихъ судилищъ; только законы Моисеевы да служатъ вамъ руководствомъ во всѣхъ спорахъ вашихъ. Имѣйте всегда свой бесъ-динъ. Оставайтесь подданными мусульманъ, не старайтесь занять ихъ мѣсто» *.

14. Богъ возбраняетъ вѣрующимъ употребленіе спиртныхъ напитковъ.

15. «Вы должны носить *два имени*: *одно для свѣта*, *другое—для рая*».

16. Нужно вспоминать дважды въ день имя Творца.

---

* Въ подлинникѣ это гласитъ такъ: «Restez les sujets des Musulmans, ne cherchez pas à vous substituer à eux».

II.

«Вѣрующіе» обыкновенно празднуютъ два великихъ праздника: *день рожденія* и *праздникъ агнца*. Первый, такъ называемый Mische-Berach, служитъ воспоминаніемъ для смирліотовъ (Смирли)—дня рожденія Саббатая; для якуботовъ—дня рожденія Якоба, а для вѣрующихъ третьей категоріи—рожденія Османъ-Бабы. Этотъ день какъ разъ совпадаетъ съ 9 днемъ мѣсяца Абъ (Tische-Beab). Юноши и дѣвицы къ этому празднеству не допускаются. Наканунѣ праздника раздается десятина во всѣхъ 10 (?) храмахъ. Черезъ недѣлю празднуется обрѣзаніе Саббатая. Промежутки между этими двумя торжествами посвящены огульному веселью, въ которомъ участвуютъ всѣ сектанты. Собираются они по вечерамъ, воспѣвая величіе пророковъ Израиля; раввины разсказываютъ о еврейской исторіи. Музыка и танцы не допускаются.

«Второй праздникъ ведетъ свое начало отъ безпорочнаго агнца, посланнаго Саббатаемъ своимъ приверженцамъ съ приказаніемъ съѣсть его сообща. Это торжество, обыкновенно, происходитъ весною. Агнецъ—символъ жизни, какъ результатъ *соединенія* половъ». «Когда разъединитесь, говорилъ имъ Саббатай, вы будете прокляты». Присутствіе молодыхъ людей, холостыхъ, на праздникѣ агнца тоже воспрещается.

Цѣломудріе находится въ большомъ почетѣ у «вѣрующихъ». «Господь, училъ Саббатай, создалъ богатыхъ, чтобы они служили бѣднякамъ». Всѣ строго придерживаются обычая отдѣлять въ новый годъ извѣстную сумму денегъ въ пользу нуждающихся. Кромѣ того, наканунѣ каждаго праздника, собираютъ массу пожертвованій слѣдующимъ способомъ. Продается извѣстное количество яблоковъ и апельсинъ. Для покупки ихъ съ публичнаго торга образуются цѣлыя группы. Конкурренція доходитъ часто до того, что за яблоко платятъ отъ 300 до 400 піастровъ. Въ этомъ возвышеніи цѣнъ женщины въ особенности играютъ дѣятельную роль.

Передъ наступленіемъ зимы происходитъ раздача бѣднымъ топлива. Престарѣлые, неспособные къ труду содержатся на счетъ общественной благотворительности.

Всѣ процессы, происходящіе между «вѣрующими», разбираются особымъ судилищемъ, такъ называемымъ «Меджлисъ», подъ предсѣдательствомъ главы общины (Ab-beth-din). Сторона, не подчиняющаяся рѣшенію этого судилища, объявляется Afraça (отлученной, анаѳемой), и всякія сношенія съ нею прекращаются. Передъ объявленіемъ этого отлученія, виновные, какъ буяны, подвергаются уплатѣ денежнаго штрафа (Kenas): Срокъ отлученія продолжается вообще около 40 дней.

«Смертная казнь абсолютно отвергается ученіемъ Саббатая *. Никто не имѣетъ права требовать примѣненія смертной казни даже къ keliра, виновной въ убіеніи вѣрующаго. Подобный приговоръ, требующій лишенія жизни, равняется, по мнѣнію Саббатая, желанію избавить его отъ мукъ, возбудивъ къ нему состраданіе, чѣмъ оказывается ему двойное благодѣяніе. Это все равно, что приговорить его къ наказанію, не только не имѣющему карательнаго характера, но избавляющему его отъ мученій на этомъ и на томъ свѣтѣ. Оставленіемъ же его въ живыхъ достигается то, что онъ вѣчно будетъ терзаться, и послѣ смерти долженъ будетъ нести наказаніе на томъ свѣтѣ».

Запрещается трауръ, потому что вопли родныхъ, становясь между Богомъ и душою умершаго, мѣшаютъ этой послѣдней дойти до Творца.

III.

Синагоги у вѣрующихъ называются «Kal». Таковыхъ считается 5, по числу слѣдующихъ классовъ вѣрующихъ: упорныхъ фанатиковъ (Assiels), *левитовъ* (Levi), «вѣрныхъ» въ собственномъ смыслѣ (Natans), *когеновъ* (Kohanim) и свободныхъ мыслителей, вѣчныхъ каменьщиковъ (Halévas).

«Мужчины и женщины отправляются въ молельни въ бѣлыхъ одеждахъ. Супруги не должны сопровождать туда другъ друга. Въ случаѣ болѣзни жены, удерживаемой дома, вслѣд-

---

* Какъ это согласовать съ 12 п., гласящимъ, что можно убить вѣрующаго, рѣшающагося открыть тайну своей секты? *Прим. ред.*

стіе своей беременности и т. п., мужъ освобождается отъ посѣщенія молельни, а долженъ быть возлѣ жены.

Канторъ, или такъ называемый «*Paytan*», созываетъ вѣрующихъ въ обширный залъ, освѣщенный зелеными свѣчами. Всѣ соблюдаютъ молчаніе. Слышенъ лишь голосъ кантора, по временамъ прерываемый возгласомъ проповѣдника: «Аминь!» По окончаніи первой молитвы, состоящей, какъ намъ кажется, изъ славословій Творца и его Мессіи, всѣ присутствующіе громко распѣваютъ слѣдующіе стихи, на спаньольскомъ нарѣчіи:

„Sebatay Zevi, Sebatay Zewi!
„No ai a utro como a ti.
„Sebatay Zewi, Sebatay Zewi!
„Esperamos a ti!"

При наступленіи ночи, т. е. около 6 часовъ пополудни, по восточному дѣленію дня, садятся въ храмахъ за столъ. Это—агапы (?). Канторы продолжаютъ распѣвать свои гимны. Когда они произносятъ: «Beschem-Adonay», то умолкаютъ. Это сигналъ для начала трапезы, въ которой участвуютъ всѣ присутствующіе.

«Принято обниматься въ молельняхъ,—что крайне смущаетъ людей, враждующихъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тутъ лобызать человѣка, когда его терпѣть не можешь? Но, съ другой стороны, не бывать въ молельнѣ значитъ рисковать быть провозглашеннымъ ослушникомъ (Afraça). Разъ человѣкъ провозглашенъ ослушникомъ, онъ лишается всѣхъ правъ, подвергается всяческимъ оскорбленіямъ, гоненіямъ со стороны знатныхъ, насмѣшкамъ и ненависти со стороны низшихъ классовъ.

«За стѣнами моленельне слышно ни громкихъ пѣснопѣній, ни звонкаго смѣха, потому что эти сборныя мѣста обыкновенно окружены со всѣхъ сторонъ жилыми строеніями вѣрующихъ.

Прихожане отправляютъ утромъ въ молельни свои бѣлыя одежды, въ которыя они тамъ облачаются. Запрещено носить ихъ публично, чтобы keIipa не могли ихъ видѣть въ этомъ одѣяніи.

Прихожане вступаютъ въ молельни и выходятъ оттуда че-

резъ разныя двери. Съ этою цѣлью тамъ устроено множество выходовъ.

Рядомъ съ трапезной находится собственно молельня, куда входятъ по окончаніи трапезы. Тутъ-то мужчины обнимаются. Женщины удаляются въ особо для нихъ устроенную залу, откуда имъ также слышна проповѣдь, какъ и мужчинамъ. Съ книгой въ рукахъ объясняетъ имъ проповѣдникъ поводъ настоящаго праздничнаго собранія, причемъ часто цитируетъ изреченія «Рибби Абба и Рибби Шимеона» *. По окончаніи каждой проповѣди всѣ молящіеся повторяютъ тихимъ голосомъ 145 псаломъ.

«Предметъ пѣснопѣній — возвеличеніе Саббатаи и похвала усопшимъ».

«Запрещеніе траура отнюдь не мѣшаетъ живымъ оплакивать мертвыхъ. Наслѣдники умершаго обязаны, въ теченіи цѣлой недѣли, приглашать къ вечерней трапезѣ его родственниковъ, друзей, сосѣдей, проповѣдника, главу общины (Ab-beth-din), канторовъ и синагогальныхъ служекъ (Samass). Эта вечерняя седьмица называется «*Vedi*». При этомъ поютъ и молятся».

«Родственники умершаго разсылаютъ всѣмъ вѣрующимъ, черезъ синагогальныхъ служекъ, разныя сладости, въ родѣ халвы, такъ какъ всѣ должны получить вѣсточку о смерти одного изъ своихъ братьевъ. Смакуя халву, каждый произноситъ: «да будетъ благословенна память праведника!» (זכר צדיק לברכה). Бѣдный людъ, который не въ состояніи тратиться на подобныя издержки, получаетъ для этой цѣли особое вспомоществованіе изъ общественной кассы.

IV.

«Вѣрующимъ запрещается имѣть болѣе одной жены; равно имъ возбраненъ разводъ.

---

* Подъ именемъ «Рибби Шимеонъ», навѣрное, подразумѣвается Симонъ-бенъ-Іохай, котораго считаютъ авторомъ «*Зогара*». «Рибби Абба» часто упоминается въ «Зогарѣ», какъ лицо, принадлежавшее къ кружку Симона-бенъ-Іохаи. Изъ этого реферата видно, что саббатіанскіе проповѣдники читаютъ статьи изъ «Зогара», начинающіяся словами: פתח ר' אבא или פתח ר' שמעון

«Свадьба празднуется у нихъ точно также, какъ у всѣхъ восточныхъ евреевъ. При этомъ они позаимствовали у турокъ нѣкоторыя особенности, какъ напримѣръ, празднованіе четверга и пятницы вечеромъ. Первый, такъ называемый Kina Guedjesi, посвященъ женщинамъ. Невѣста оставляетъ по-полуночи отцовскій домъ, чтобы отправиться къ своему жениху, у котораго обыкновенно проводитъ пятницу вечеромъ. Послѣ заката солнца, женихъ отправляется въ мечеть, чтобы помолиться, какъ это принято въ турецкихъ свадьбахъ. При возвращеніи его изъ мечети, его встрѣчаетъ невѣста, въ сопровожденіи старухи. Когда онъ подходитъ къ порогу дома, старуха провожаетъ его въ комнату, гдѣ находится невѣста, причемъ восхваляетъ достоинства послѣдней, такъ какъ молодой человѣкъ не можетъ видѣть своей будущей жены до свадьбы, и затѣмъ удаляется во свояси. Невѣста сидитъ въ углу на стулѣ, съ покрытымъ лицомъ. Въ субботу утромъ, молодой супругъ обыкновенно отправляется къ дожидающемуся его тестю.

«Кладбища саббатіанцевъ въ Салоникахъ отдѣлены отъ мѣста успокоенія исповѣдующихъ другія религіи. Каждая изъ трехъ сектъ имѣетъ особое мѣсто для своихъ покойниковъ.

«Пѣснопѣнія и молитвы происходятъ на еврейскомъ языкѣ. Въ своихъ молельняхъ (Kal) они употребляютъ еврейскія книги, большею частью писанныя, хотя обладаютъ достаточнымъ количествомъ печатныхъ экземпляровъ библіи.

V.

Повѣствованіе о происхожденіи Саббатіанской секты, какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ своемъ вступленіи, страдаетъ въ доставленномъ намъ отчетѣ сильными погрѣшностями противъ исторіи. Оно гласитъ такъ:

«Саббатай-Цеви родился въ Смирнѣ. Вслѣдствіе шума, который произвели тамъ его проповѣди, онъ получилъ приказъ султана немедленно явиться въ Константинополь. Представъ передъ его величествомъ, онъ стойко утверждалъ, что онъ Мессія. Тогда у него потребовали, чтобы онъ доказалъ свою божественность какимъ нибудь чудомъ, напримѣръ, позволилъ себѣ всадить пулю въ лобъ. «Ибо, замѣтилъ султанъ, божественный чело-

вѣкъ неуязвимъ. Если ты останешься невредимымъ, то я тебя признаю за пророка и всѣ мои подданные увѣруютъ въ тебя, какъ и я самъ». Саббатай однако не согласился сдѣлать надъ собою этотъ опытъ и принялъ исламъ, подъ именемъ *Мохамедъ Азисъ-Эффенди*, причемъ обѣщалъ отказаться отъ своихъ проповѣдей. Вернувшись въ свой родной городъ, онъ приказалъ своимъ приверженцамъ, которыхъ евреи Смирны преслѣдовали, перебраться въ Салоники, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ слугъ и питомцевъ, по имени Якоба. Самъ же онъ отправился въ Венгрію (!), гдѣ и основалъ особую секту.

«Якобъ воспользовался отсутствіемъ своего учителя, чтобы распространить слухъ о его смерти и объявить себя его преемникомъ. Нѣсколько семействъ увѣровали въ него, признавъ его за Мессію, что̀ и вызвало расколъ. Но большинство продолжало вѣрить въ одного Саббатая.

«Между тѣмъ, пророкъ вернулся изъ Венгріи.

«Узнавъ въ Салоникахъ о дерзновенныхъ претензіяхъ Якоба, онъ проклялъ его, такъ что послѣднему не было возможности оставаться въ этомъ городѣ. Онъ дѣйствительно удалился оттуда, чтобы, какъ онъ говорилъ, отправиться въ субботу утромъ — на небо, причемъ просилъ дожидаться его на берегу моря. Этимъ объясняется обычай, существующій у якубитовъ, еженедѣльно отправлять, отъ имени общины, къ морскому берегу одну женщину съ ея дѣтьми.

«Саббатай же не остался въ Салоникахъ, а отправился въ Константинополь, гдѣ онъ опять началъ пропагандировать свое ученіе. За это нарушеніе данной имъ клятвы, его сослали въ Галлиполи, гдѣ онъ содержался семь лѣтъ въ заточеніи. Получивъ наконецъ свободу, онъ въ третій разъ отправился въ Константинополь. Тамъ онъ познакомился съ нѣкіимъ дервишемъ и турецкимъ поэтомъ, по названію «*Ніаци*», въ монастырѣ котораго (Tekié) онъ прожилъ все время своего пребыванія въ столицѣ. Онъ больше не посѣщалъ евреевъ, ненавидѣвшихъ его, а ограничилъ свой кругъ знакомства лишь одними мусульманами и христіанами.

«На вопросъ одного священника, въ чемъ собственно состоитъ его ученіе, онъ отвѣтилъ:

— Въ братствѣ и равенствѣ, достоинство которыхъ никто такъ не умѣетъ цѣнить, какъ я.

«Онъ приравнивалъ истину къ орѣхамъ. Простой народъ знаетъ лишь зеленую оболочку. Люди, старающіеся угадать корень вещей, узнаютъ въ этомъ присутствіе твердой скорлупы. Но никто не замѣчаетъ существованія третьей обертки, которую нужно устранить, чтобы усмотрѣть ядро (миндалину).

«Онъ больше не вернулся въ Салоники. По возвращеніи изъ послѣдняго путешествія по Европѣ, онъ окончательно поселился въ Дульсиньо, гдѣ вскорѣ и скончался. Его гробница, охраняемая старой женщиной, считается священной даже у мусульманъ. Существуетъ преданіе, что во время осады Дульсиньо, выскочили изъ гроба Саббатая два льва, которые обратили въ бѣгство непріятельскій флотъ.

«Въ началѣ нашего столѣтія возникъ новый расколъ въ средѣ вѣрующихъ. Когда община потеряла, въ теченіи короткаго времени, великое множество просвѣщенныхъ мужей, то былъ установленъ двухъ-дневный постъ. Двое вѣрующихъ валялись въ прахѣ, умоляя о божескомъ помилованіи. Господь внялъ ихъ мольбамъ и объявилъ имъ, черезъ посредство одного ангела, что они сподобятся узрѣть появленіе мужа, обладающаго даромъ распознавать будущность. Этотъ мужъ будетъ — *Османъ-Баба.* Но его прозорливость будетъ продолжаться дотолѣ — прибавило небесное посланіе — доколѣ онъ не будетъ знать, что такое женщина, и не станетъ смотрѣться въ зеркало. Сдѣлавшись вождемъ секты, Османъ-Баба, на перекоръ божескому велѣнію, женился. Слѣдствіемъ этого были разные раздоры, вспыхнувшіе въ средѣ вѣрующихъ, при его смерти. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ былъ настоящій Мессія; другіе же видятъ въ немъ не болѣе, какъ выдающагося человѣка».

Этими словами оканчивается сообщенный мнѣ рефератъ.

На запросъ, обращенный мною къ референту, касательно нѣкоторыхъ, не совсѣмъ ясныхъ мѣстъ въ его отчетѣ, онъ дополнилъ его слѣдующими данными, которыя я привожу.

Мой запросъ касался: во 1-хъ) отношеній двухъ партій салоникскихъ «невѣрныхъ» (Dönmé), о которыхъ говоритъ Браунъ, къ тремъ сектамъ, упоминаемымъ въ рефератѣ. По словамъ

Брауна, одна секта такъ называемыхъ «*Karajero*» состоитъ изъ знатнѣйшихъ лицъ, а другая, «*Konja*» — изъ людей низшаго класса. Эти секты до такой степени чуждаются другъ друга, что не заключаютъ между собою брачныхъ союзовъ, не ѣдятъ за однимъ столомъ, не пьютъ изъ одного стакана.

Эти свѣдѣнія, по мнѣнію референта, не совсѣмъ точны. «Невѣрные (Dönmé) распадаются не на двѣ, а какъ выше упомянуто, на три секты. Первая, *Karavejo*, (а не Karajero), тождественна съ смирнскими уроженцами, такъ называемыми *Смирли*, т. е. съ первичными Саббатіанцами. Вторая, «*Honios*» (а не *Konja*), выражающая нѣчто пренебрежительное, никогда не называется этимъ именемъ. Третья—*Якубиты*. Первыя двѣ секты исключительно занимаются торговлею. Смирли обыкновенно отличаются если не богатствомъ, то зажиточностью, за то Honios— сущіе бѣдняки. Якубиты же состоятъ на службѣ у турецкаго правительства, въ качествѣ чиновниковъ. Вѣрно то, что эти три секты не заключаютъ между собою брачныхъ союзовъ, но невѣрно, будто они не ѣдятъ за однимъ столомъ.

Во 2-хъ) Терпитъ ли правительство невѣрныхъ, какъ таковыхъ? На это послѣдовалъ такой отвѣтъ:

Публичное проявленіе ихъ культа никогда не допускается. По внѣшности, они держатъ себя настоящими мусульманами. Имъ неуклонно внушаютъ посѣщеніе мечетей, гдѣ они должны горячо молиться. Турецкое правительство частенько ихъ преслѣдуетъ. Недавно умершій салоникскій паша прославился своими притѣсненіями Саббатіанцевъ. Это былъ Гузни-паша. Какъ доказательство варварскаго обращенія этого паши, приводится тотъ фактъ, что онъ подвергъ пыткѣ трехъ женщинъ, погрузивъ ихъ въ ванны съ кипяткомъ, съ цѣлью вывѣдать у нихъ тайны своей религіи. Но эти три женщины молчали до послѣдней минуты. Онѣ испустили духъ, какъ настоящія героини.

Въ 3-хъ) Какъ развито знаніе еврейскаго языка у Саббатіанцевъ?

Только ихъ раввины понимаютъ его и употребляютъ для проповѣдей на общественныхъ собраніяхъ.

Г. Грецъ.

ДВА ВРАГА.

(Шутка).

Двухъ враговъ, какъ раввинъ Авель
И отецъ Филиппъ почтенный,
Даже днемъ съ огнемъ не сыщешь,
Хоть ищи по всей вселенной.

Черезъ улицу стояли
Ихъ дома, и море злобы
Выливали другъ на друга
Двѣ священныя особы.

Одинокій рабби Авель
Возращалъ въ тиши сыночка;
У вдовца отца Филиппа
Подростала крошка-дочка.

Но объ играхъ Мойша съ Машей
И подумать бы не смѣли —
Ихъ отцы изъ оконъ зорко
На дѣтей всегда глядѣли.

Шли года; учились дѣти
По учебнымъ заведеньямъ...

Раввинъ съ батюшкой, какъ прежде,
Все питались озлобленьемъ.

Лишь изъ оконъ другъ на друга
Поглядятъ, — и сразу оба
Отвернутся, расплюются
И кипитъ межъ ними злоба.

Такъ съ десятокъ лѣтъ промчалось;
Подростаютъ быстро дѣти:
Маша учится на курсахъ,
Мойша — въ университетѣ.

Скучно старцамъ безъ дѣтишекъ,
Одинокимъ, какъ въ пустынѣ.
Плачетъ батюшка о дочкѣ,
Раввинъ молится о сынѣ.

. . . .

Разъ противники, подъ вечеръ,
Подъ окошками сидѣли
И, какъ водится, другъ другу
Поглядѣть въ глаза не смѣли.

Но на лицахъ будто радость
Старцы грозные скрывали:
Одинаковыя письма
Въ этотъ мигъ они читали.

„Мой отецъ“, — писалъ изъ Вѣны
Мойша старому раввину:
„Поспѣши сюда на свадьбу
Къ твоему родному сыну“.

Раввинъ былъ въ нѣмомъ восторгѣ,
Мысли мчались вереницей,
Но вопросъ его тревожилъ:
„Отчего же заграницей?“

„Милый батюшка!“ — изъ Вѣны
Пишетъ Машенька двѣ строчки: —
„Поспѣши сюда скорѣе,
Пріѣзжай на свадьбу дочки“.

И отецъ Филиппъ въ восторгѣ,
Слезка виснетъ на рѣсницѣ;
Но вопросъ и въ немъ все тотъ-же:
„Отчего же заграницей?“

Вмѣстѣ раввинъ и священникъ,
Въ третьемъ классѣ, ѣдутъ въ Вѣну,
Оба мрачны, и носами
Два врага уткнулись въ стѣну.

— Знать, далече эта Вѣна,
Говоритъ священникъ глухо.
— Верстъ до тысячи осталось!
Отвѣчаетъ раввинъ сухо.

Снова грозное молчанье...
Безконечно время длится...
Тяжко батюшка вздыхаетъ
Раввинъ, видимо, томится.

— Вы зачѣмъ, спросить васъ смѣю,
Въ Вѣну? — раввинъ вопрошаетъ.
Отче съ радостной улыбкой
Объясниться разрѣшаетъ.

— Мойше! — Маша! — Дѣти! — Дѣти!
— Вотъ тебѣ и заграница!
Оба вскрикиваютъ разомъ
И вытягиваютъ лица...

На вокзалѣ Мойша съ Машей
Милыхъ батюшекъ встрѣчаютъ.
— Вотъ женихъ мой! — Вотъ невѣста!
Смѣло дѣти объявляютъ.

. . . .

Двухъ друзей, какъ рабби Авель
И отецъ Филиппъ почтенный,
Съ той поры съ огнемъ не сыщешь,
Хоть ищи по всей вселенной.

Н. Щедровъ.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ-ИНОСТРАНЦЕВЪ ВЪ РОССІИ.

Юридическое положеніе евреевъ-иностранцевъ въ Россіи находилось всегда въ зависимости отъ положенія евреевъ русско-подданныхъ въ этой странѣ. Благопріятное отношеніе правительства къ послѣднимъ отражалась благопріятно и на евреяхъ-иностранцахъ — и наоборотъ. Въ послѣдніе, напримѣръ, годы повѣяло у насъ антисемитизмомъ, который въ одинаковой мѣрѣ давитъ какъ евреевъ-подданныхъ, такъ и иностранцевъ, въ Россіи пребывающихъ.

Юридическое положеніе евреевъ-иностранцевъ въ Россіи можно раздѣлить на четыре періода: а) *Періодъ безусловной нетерпимости евреевъ въ Россіи*, который тянется до 1769 года. Въ теченіи этого времени евреи вообще считаются иностранцами, не допускаются въ Россію и изгоняются даже изъ завоеванныхъ областей, гдѣ они жили при завоеваніи. б) Періодъ *безусловнаго допущенія евреевъ, какого бы они происхожденія ни были*, къ водворенію въ опредѣленныхъ областяхъ Россійской Имперіи и принятію подданства. Этотъ періодъ, начинаясь съ 1769 г. тянется до указа 15 марта 1824 г. в) Періодъ *недопущенія къ переселенію въ Россію евреевъ-иностранцевъ и даже Царства Польскаго* за нѣкоторыми, впрочемъ, исключеніями, — начинающійся указомъ 15 марта 1824 г. и продолжающійся до царствованія Императора Александра II. И, наконецъ, г) Періодъ *ослабленія строгаго начала нетерпимости евреевъ-иностранцевъ и Царства Польскаго* въ Россіи, дальнѣйшее направленіе котораго при господствующихъ теперь вѣяніяхъ, трудно опредѣлить.

Въ настоящемъ очеркѣ мы сначала разсмотримъ въ указанномъ порядкѣ историческій ходъ развитія законодательства о евреяхъ-иностранцахъ, а засимъ изложимъ и дѣйствующія въ настоящее время по этому предмету нормы.

I.

При обширности территоріи Русской Имперіи, при рѣдкости ея населенія, при массѣ пустолежащихъ естественныхъ богатствъ и при неразвитости торговли и промышленности, русское правительство, освободившись въ императорскій періодъ отъ страховъ предъ иноземцами и иноземщиной, не могло не раскрыть гостепріимно дверей своихъ владѣній иностранцамъ. Не говоря о Петрѣ Великомъ, привлекшемъ на службу государеву много иностранцевъ, стоитъ припомнить манифестъ императрицы Екатерины II отъ 4 декабря 1762 г. о позволеніи иностранцамъ выходить и селиться въ Россіи *. Но само собою разумѣется, что эта благостыня не касалась евреевъ, въ отношеніи которыхъ русское правительство держалось особыхъ воззрѣній.

Еще въ царствованіе царя Ѳедора Алексѣевича сдѣлано было распоряженіе о незапискѣ въ Московской Большой Таможнѣ товаровъ «евреянъ», которые впредь пріѣдутъ съ товарами *утайкою* въ Москву, и объ отсылкѣ такихъ евреевъ изъ приказа Большаго прихода въ посольскій приказъ. Мотивировано же это распоряженіе тѣмъ, что «по указу Великаго Государя евреянъ съ товары и безъ товаровъ изъ Смоленска пропускать невелѣно» **. Г. Смоленскъ, какъ извѣстно, въ это время еще принадлежалъ Польшѣ. Слѣдовательно, евреи, пріѣзжавшіе изъ Смоленска въ Москву, были польско-подданные, иностранцы. То же отношеніе къ иностраннымъ евреямъ обнаруживается и въ трактатахъ, заключенныхъ въ Москвѣ съ польскими послами 3 (13) августа 1678 и 26 апрѣля 1686 г., въ которыхъ предоставлено «обоихъ великихъ государей

* П. П. С. З. Т. 16, № 11720. Всѣ цитаты изъ полнаго собранія законовъ дѣлаются здѣсь по Полному Хронологическому Сборнику Законовъ и Положеній, касающихся евреевъ, В. О. Леванды, 1874 г.

** Указъ 12 сент. 1676 г. (1-е П. С. З. Т. II, № 662).

торговымъ людемъ (*кромѣ жидовъ*)» ѣздить на обѣ стороны со всякими товарами незапрещенными, какъ въ стольные города Краковъ, въ Варшаву и Вильну, такъ въ царствующій великій градъ Москву *. Мало того, не только евреевъ-иностранцевъ не велѣно было пускать въ Россію съ товарами или безъ нихъ, но когда, по присоединеніи отъ Польши разныхъ областей, евреи, тамъ жившіе, невольно очутились въ Россіи, то сдѣлано было распоряженіе о высылкѣ ихъ за рубежъ. Не говоря о частномъ указѣ о высылкѣ изъ Россіи двухъ евреевъ Борха и Лейбова, которымъ въ дворцовомъ селѣ Звѣровичахъ, Смоленскаго уѣзда, отданы были на откупъ таможенные и кабацкіе сборы, и неотдачѣ евреямъ этихъ сборовъ на откупъ **, слѣдуетъ указать на именной, объявленный изъ верховнаго тайнаго совѣта, указъ императрицы Екатерины I, который содержалъ слѣдующее общее распоряженіе: «жидовъ, какъ мужеска, такъ и женска пола, которые обрѣтаются на Украйнѣ и въ другихъ россійскихъ городахъ, тѣхъ всѣхъ выслать вонъ изъ Россіи за рубежъ немедленно, и впредь ихъ ни подъ какими образы въ Россію не впускать и того предостерегать во всѣхъ мѣстахъ накрѣпко» ***.

Эта суровая мѣра, которая, повидимому, не была на дѣлѣ осуществлена до 1740 г., по случаю войны съ турками, и вновь подтверждена въ этомъ году †, была нѣсколько смягчена въ царствованіе императора Петра II, который, по ходатайству гетмана Апостола, разрѣшилъ евреямъ пріѣзжать въ Малороссію на ярмарки для купеческаго промысла, но съ условіемъ продажи товаровъ оптомъ, а не въ розницу на локти и фунты, и покупки на вырученныя отъ товаровъ деньги товаровъ же, а равно съ тѣмъ, чтобы денегъ золота и серебра не вывозить изъ Малороссіи за границу. При этомъ вновь было подтверждено запрещеніе евреямъ жить въ Малороссіи, и чтобы никто ихъ не принималъ ††. За симъ, сенатскимъ указомъ 10 сентября 1731 г. велѣно было пропускать

* П. П. С. З. Т. II, № 730, п. 8, и № 1186, п. 18.

** Ук. 14 марта 1727 (П. П. С. З. Т. 7, № 5302).

*** Ук. 26 апрѣля 1727, П. П. С. З. Т. 7, № 5063.

† Резолюціи 18 августа 1739 и 11 іюля 1740 (П. П. С. З. Т. X, № 7869 и т. XI, № 8169).

†† Указъ 22 августа 1728; П. П. С. З. Т. 8, № 5324, п. 14.

евреевъ для торговаго промысла и въ Смоленскъ на указанныхъ же основаніяхъ *.

Потребности действительной жизни заставили въ скорости сдѣлать еще одну уступку. Въ 1734 г., вслѣдствіе представленія генералъ-лейтенанта князя Шаховскаго о томъ, что въ Слободскихъ полкахъ «купецкихъ людей мало, и торговый промыслъ имѣютъ недовольный», императрица Анна Ивановна, для пользы въ тѣхъ полкахъ обывательской, разрѣшила евреямъ, впредь до указа, товары свои продавать врозь на локти и фунты, но только на ярмаркахъ **. Это же подтверждено 8 августа того же года въ отношеніи Малороссіи ***, причемъ въ 1736 г. кіевскому губернатору Сукину указано изъ за-границы пропускать въ Малороссію тѣхъ только евреевъ, которые поѣдутъ туда на ярмарки, другихъ же отнюдь не пропускать †.

Итакъ, до конца царствованія императрицы Анны Ивановны, относительно пребыванія евреевъ въ Россіи существовало слѣдующее общее правило: евреямъ жить въ этомъ государствѣ безусловно запрещается, но дозволенъ лишь временный изъ заграницы пріѣздъ для торговли на ярмаркахъ въ Малороссіи, Смоленской губерніи и Слободскихъ полкахъ, какъ оптомъ, такъ и въ розницу.

2 декабря 1842 г. императрица Елисавета Петровна издала слѣдующій именной указъ: такъ какъ «Намъ извѣстно учинилось, что оные жиды еще въ нашей имперіи, а наипаче въ Малороссіи подъ разными видами, яко то торгами и содержаніемъ корчемъ и шинковъ жительство продолжаютъ, отъ чего не инаго какого плода, но токмо, яко отъ таковыхъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно. А понеже наше всемилостивѣйшее матернее намѣреніе есть отъ всѣхъ чаемыхъ нашимъ вѣрноподданнымъ и всей нашей имперіи случиться могущихъ худыхъ послѣдствіи крайне охранять и отвращать, того для и сего въ забвеніи оставить мы не хотя, всемилостивѣйше повелѣваемъ: изъ всей нашей имперіи, какъ изъ

* Тамъ же, № 5852.
** Ук. 31 іюля 1734; П. П. С. З. Т. 9, № 6610, п. 21.
*** Тамъ же, № 6614, п. 14.
† Ук. 16 фев. 1736 г., П. П. С. З. Т. 9, № 6898.

великороссійскихъ, такъ и изъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень, всѣхъ мужеска и женска пола жидовъ, какого бы кто званія и достоинства ни былъ, со объявленія сего нашего высочайшаго указа, со всѣмъ ихъ имѣніемъ немедленно выслать за границу и впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ въ нашу имперію ни для чего не впускать; развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ греческаго исповѣданія, таковыхъ крестя въ нашей имперіи, жить имъ позволить; а некрещеныхъ, какъ и выше показано, ни подъ какимъ протекстомъ ни кому не держать» *.

Указъ этотъ, какъ видно изъ предыдущаго, ничего новаго собою не представляетъ. Если въ немъ есть нѣкоторыя особенности сравнительно съ указомъ 26 апрѣля 1727 г., то лишь въ томъ отношеніи, что въ немъ ясно изложены мотивы, вызвавшіе его, а именно, что *отъ евреевъ, какъ ненавистниковъ имени Христа Спасителя, должно ожидать лишь крайняго вреда для вѣрноподданныхъ*. Слѣдовательно, мотивы чисто вѣроисповѣднаго характера, при наличности которыхъ трудно было предположить, чтобы обывательская польза отъ торговой дѣятельности евреевъ была принята въ соображеніе этой императрицей.

И дѣйствительно, по изданіи этого указа, изъ разныхъ мѣстъ стали поступать ходатайства, основанныя на обывательской пользѣ. Такъ, малороссійская генеральная войсковая канцелярія ходатайствовала о дозволеніи евреямъ пріѣзжать на ярмарки по силѣ прежнихъ указовъ. Лифляндская губернская и регирунгсъ-канцелярія, также генералъ-фельдмаршалъ фонъ-Лессій и рижскій магистратъ въ свою очередь ходатайствовали о допущеніи пріѣзда евреевъ изъ Литвы и Польши съ товарами въ Ригу, указывая на то, что запрещеніе пріѣзда евреевъ не только повлечетъ за собою ущербы для казеннаго интереса, но и поведетъ къ разоренію торгующаго христіанскаго купечества. Власти эти, въ подкрѣпленіе своихъ ходатайствъ, указывали на то: 1) что едвали не всѣ польскіе паны и купцы употребляютъ евреевъ въ качествѣ посредниковъ и управителей, заключая черезъ нихъ съ мѣстными купцами контракты, принимая деньги, присылая товары и покупая таковые въ Ригѣ, и что все это прекратится, если евреямъ запрещено

* П. П. С. З. Т. XI, № 8763.

будетъ пріѣзжать въ Ригу; 2) евреи, за которыми рижское купечество имѣетъ болѣе 100,000 ефимковъ задаточныхъ денегъ, по случаю запрещенія пріѣзда въ русскіе предѣлы, поѣдутъ въ чужестранныя сосѣднія мѣста, тамъ распродадутъ товары и тамъ же будутъ покупать мѣстные товары для вывоза, а слѣдовательно, какъ выражаются власти, «торгъ въ Ригѣ весьма пропадетъ, и рижскіе купцы ни съ чѣмъ не останутся... и коммерція совсѣмъ рушиться можетъ». Прав. сенатъ тоже былъ того мнѣнія, что для приращенія казенныхъ интересовъ и распространенія коммерціи слѣдуетъ евреямъ дозволить пріѣздъ въ Россію на ярмарки для купеческаго торга.

Но на всѣ эти резоны послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли» *. Ясно, слѣдовательно, что императрицѣ Елисаветѣ мало было дѣла до дѣйствительной обывательской пользы.

Въ виду такой категорической резолюціи, прав. сенатъ подтвердилъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ: «обрѣтающихся въ Малой Россіи, въ Ригѣ и въ прочихъ великороссійскихъ и завоеванныхъ городахъ жидовъ всѣхъ выслать заграницу, и впредь оныхъ ни подъ какимъ видомъ, ни для чего, такожъ и въ ярманочныя времена на ярманки, ни на малое время въ Россію отнюдь не впускать, да и о впускѣ ихъ никакихъ ни откуда представленій въ прав. сенатъ не присылать; а всѣ ль оные понынѣ высланы, о томъ въ прав. сенатъ рапортовать» **.

II.

Этотъ сенатскій указъ, запретившій дѣлать представленія о впускѣ евреевъ въ Россію, преградилъ, такимъ образомъ, путь мѣстнымъ по этому предмету ходатайствамъ. Но нельзя сказать, чтобы такимъ способомъ былъ рѣшенъ еврейскій вопросъ. Вопросъ о евреяхъ былъ поставленъ въ первые же дни царствованія императрицы Екатерины II. Объ этомъ сохранился слѣдующій разсказъ самой императрицы: «На пятый или шестой день по вос-

* Высоч. резолюція 16 дек. 1743. П. П. С. З. Т. XI, № 8840.

** Сен. указъ 25 января 1744; П. П. С. З. Т. 12, № 8867.

шествіи своемъ на престолъ, Екатерина II прибыла въ сенатъ... Случилось, что въ это засѣданіе пришла очередь обсуждать дѣло о допущеніи евреевъ въ Россію. *Всѣ единогласно признали полезнымъ это допущеніе.* Но Екатерина по тогдашнимъ обстоятельствамъ затруднялась изъявить свое согласіе. Ей помогъ сенаторъ князь Одоевскій; онъ всталъ и сказалъ: «прежде чѣмъ рѣшиться, не угодно ли будетъ вашему величеству посмотрѣть собственноручное рѣшеніе, которое въ подобномъ случаѣ дала императрица Елисавета?» Екатерина приказала достать списки и нашла, что императрица Елисавета на поляхъ дѣла, по своему благочестію, написала: «отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли». Надо замѣтить, что еще не прошло недѣли со вступленія на престолъ Екатерины; она возведена была на оный для обороны православнаго закона; ей приходилось имѣть дѣло съ народомъ благочестивымъ, съ духовенствомъ, которому еще не возвращены были его имѣнія и которое вслѣдствіе этой дурно приноровленной мѣры не знало, чѣмъ ему пробавляться. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота столь великаго, находились въ сильномъ волненіи. Начать свое царствованіе допущеніемъ евреевъ вовсе не было средствомъ къ успокоенію умовъ; объявить оное вреднымъ было также невозможно. Екатерина поступила просто: когда генералъ-прокуроръ собралъ голоса и подходилъ къ ней за ея рѣшеніемъ, она сказала ему: «Я желаю, чтобы дѣло это было отложено до другаго времени». «Такъ-то, говоритъ императрица, нерѣдко случается, что недостаточно быть преосвѣщенну, имѣть лучшія намѣренія и даже власть исполнять ихъ. И тѣмъ не менѣе умное поведеніе часто подвергается безразсуднымъ толкамъ» *.

Въ виду этого разсказа самой императрицы, становится понятнымъ, почему она въ манифестѣ отъ 4 декабря 1762 года о дозволеніи иностранцамъ выходить и селиться въ Россіи сдѣлала исключеніе для евреевъ **.

Съ 1769 года начинается отступленіе отъ традиціонной поли-

---

* Разсказъ Екатерины II о своемъ царствованіи въ «Русскомъ Архивѣ» 1865 года, стр. 492 (Оршанскій Русское законодательство о евреяхъ, стр. 247—248).

** П. П. С. З. Т. 16, № 11720.

тики Екатерины I и Елисаветы. Во 1-хъ, присланнымъ изъ дѣйствующей противъ Турціи арміи *плѣннымъ* евреямъ дозволено селиться въ Новороссійской губ. *. Во 2-хъ, изъ присоединенныхъ Бѣлорусскихъ губ. евреевъ уже не высылаютъ вонъ за рубежъ, а, напротивъ, велѣно было положить ихъ въ поголовный окладъ, съ припискою къ кагаламъ **. Въ 3-хъ, по просьбѣ евреевъ, жительствовавшихъ въ Могилевской и Полоцкой губ., имъ, въ 1780 г., разрѣшено было записываться въ купечество ***. Такое же дозволеніе послѣдовало въ 1785 и по просьбѣ жительствовавшихъ въ Митавѣ еврейскихъ купцовъ о запискѣ въ россійское купечество посада Шлока. Дозволеніе это мотивировано тѣмъ, что если всѣмъ *иностранцамъ* безъ различія народа и закона дозволено указомъ записываться въ мѣщанство и купечество этого посада, равно какъ и другихъ городовъ, на которые онъ простирается, и пользоваться выгодами, правами и свободою въ отправленіи торговъ, промысловъ и ремеслъ, кои вообще купечеству и мѣщанству россійскимъ по законамъ присвоены, то и ничто не препятствуетъ удовлетворить требованію помянутыхъ еврейскихъ купцовъ (Им. ук. 4 фев. 1785; П. П. С. З., т. 22, № 16146). Въ четвертыхъ, право мѣщанства и гражданства евреевъ распространено было въ 1791 г. и на Екатеринославское намѣстничество и область Таврическую. Эта льгота послѣдовала вслѣдствіе поданныхъ отъ евреевъ прошеній касательно незаписки ихъ въ Смоленское и Московское купечество. Императрица, сообразивъ это ходатайство съ законами, нашла, что евреи не имѣютъ никакого права записываться въ купечество во внутреннихъ россійскихъ городахъ и портахъ, а по указамъ дозволено имъ лишь пользоваться правомъ гражданства и мѣщанства въ Бѣлоруссіи. Подтерждая о точномъ соблюденіи изданныхъ по этому предмету постановленій, она признала за благо распространить право гражданства, сверхъ Бѣлорусскихъ губерній, на Екатеринославское намѣстничество и область Таврическую †.

---

* Имен. ук. 16 нояб. 1769 г.; тамъ же. т. 18, № 13,383.

** Высоч. утв. докладъ 13 сент. 1772 (П. П. С. З. Т. 19, № 13,865, п. 1) и сеп. ук. 17 октяб. 1776 г. (Тамъ же, т. 20, № 14522);

*** Имен. ук. 7 янв. 1780 г. (П. П. С. З. Т. 20 № 14,962).

† Им. ук. 23 дек. 1791 г. (П. П. С. З., т. 23, № 17006).

Дальнѣйшее опредѣленіе мѣстностей, въ которыхъ евреямъ дозволено отправленіе купеческихъ и мѣщанскихъ промысловъ, содержится въ указахъ 23 іюня 1794 и 23 іюня 1797 г. Мѣста эти слѣдующія: губерніи — Минская, Изяславская, Брацлавская, Полоцкая, Могилевская, Кіевская, Черниговская, Новгородско-Сѣверская, Екатеринославская и область Таврическая. Но при этомъ оговорено, что тѣ изъ евреевъ, которые пожелаютъ воспользоваться такимъ дозволеніемъ, должны уплачивать установленныя подати вдвое противъ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона. Тѣмъ же, которые не захотятъ остаться, дать свободу, на основаніи положенія о городахъ, по заплатѣ трехлѣтней подати, выѣхать изъ Имперіи *.

Изъ этого краткаго обзора видно, такимъ образомъ, что прежнее отношеніе къ евреямъ, какъ иновѣрцамъ, нетерпимымъ въ Россіи и подлежащимъ удаленію за рубежъ, измѣнилось въ томъ смыслѣ, что евреямъ предоставлено гражданство въ опредѣленныхъ губерніяхъ, и право заниматься купеческими и мѣщанскими промыслами, съ платежемъ налоговъ вдвое противъ христіанъ. При чемъ для инстранныхъ евреевъ никакихъ ограниченій въ отношеніи пріѣзда въ Россію, поселенія и промысловъ не было сдѣлано.

Такихъ ограниченій не установлено и положеніемъ 9 декабря 1804 г. Напротивъ, въ ст. 42 этого положенія выражено, что всѣ евреи, въ Россіи обитающіе, *вновь поселяющіеся, или по коммерческимъ дѣламъ изъ другихъ странъ прибывающіе*, суть свободны и состоятъ подъ точнымъ покровительствомъ законовъ наравнѣ со всѣми другими россійскими подданными **.

III.

Сравнительно льготное положеніе евреевъ-иностранцевъ измѣняется къ худшему въ концѣ царствованія императора Александра I. Наступившая во второй половинѣ этого царствованія реакція отразилась, какъ это всегда бываетъ, прежде всего, на

* П. П. С. З., т. 23, № 17224, и т. 24, № 18015).
** П. П. С. З., т. 28, № 21547, ст. 42.

евреяхъ. Наряду съ принятыми противъ евреевъ русскихъ подданныхъ мѣрами идутъ мѣропріятія противъ евреевъ-иностранцевъ. Но запрещеніе переселенія ихъ въ Россію мотивируется уже не религіозными соображеніями, какъ это дѣлалось прежде, а экономическими, именно вредоносностью евреевъ вообще для мѣстнаго населенія.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Министръ финансовъ внесъ 19 января 1824 г. въ комитетъ министровъ записку *о запрещеніи выходящимъ изъ за-границы евреямъ постоянно водворяться въ Россіи*. Въ запискѣ этой изъяснено, что изъ доходящихъ до министерства финансовъ представленій отъ подчиненныхъ ему мѣстъ усматриваемо было, что въ пограничныхъ губерніяхъ, гдѣ дозволено евреямъ имѣть постоянное водвореніе, число ихъ весьма умножается и единовѣрцы ихъ, частію избѣгая рекрутской повинности, которой они подлежатъ въ нѣкоторыхъ иноземныхъ державахъ, частію же увлекаясь льготой отъ платежа государственныхъ податей, которою они пользуются въ Россіи въ первое десятилѣтіе наравнѣ съ прочими иностранными выходцами, переходятъ изъ заграницы во множествѣ на жительство въ Россійскую имперію. Эти новые поселенцы по роду ихъ промысловъ, состоящихъ большею частію въ мелочной внутренней торговлѣ и въ тѣхъ вѣтвяхъ промышленности, которыя наиболѣе сродны съ контрабандой, или въ содержаніи арендъ и шинковъ на правилахъ разорительныхъ и для вѣрителей ихъ и для поселянъ, не могутъ приносить существенной пользы государству. Укоризны, которыя всегда и вездѣ дѣлаемы были евреямъ въ образѣ отправленія ихъ промысловъ и въ способахъ ихъ обогащенія, безъ сомнѣнія, были первою причиною мѣръ правительства къ пресѣченію переселеній ихъ во внутреннія губерніи. Такимъ образомъ, не восходя уже къ древнимъ строгимъ постановленіямъ, достаточно упомянуть, что и въ манифестѣ 4 декабря 1762 г., коимъ отверсто было иностранцамъ свободное водвореніе въ предѣлахъ Россіи, евреи одни изъяты были отъ подобнаго права. Запрещеніе это впослѣдствіи возобновляемо было въ той же силѣ указами 23 декабря 1791 и 23 іюня 1794 г. и позднѣйшими узаконеніями, и въ тѣхъ даже губерніяхъ, гдѣ евреи терпимы, они обложены были до 1807 г. двойными податьми противъ людей

равныхъ съ ними званій. Самыя мѣры, которыя принимало правительство къ извлеченію изъ этого племени пользу для государства, составленіемъ для управленія онаго особаго положенія и изысканіемъ средствъ къ переведенію евреевъ изъ селеній въ города не могли имѣть доселѣ желаемаго успѣха; а повторительныя постановленія, изданныя для облегченія ихъ въ уплатѣ значительныхъ недоимокъ, или къ устраненію утайки душъ въ ревизіи, доказываютъ, что и со стороны увеличенія казенныхъ доходовъ евреи не приносятъ той пользы, которую слѣдовало бы ожидать по ихъ числу и промышленности и которую имѣетъ государство отъ прочихъ жителей. Между тѣмъ число евреевъ мужескаго пола, по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1804 году, составлявшее всего не болѣе 175,000 душъ, нынѣ возрасло слишкомъ до 400.000, не включая множества пропущенныхъ по ревизіи, доселѣ безпрестанно обнаруживаемыхъ, ни прибывшихъ послѣ оной, которые для избѣжанія податей укрываются отъ переписи. Такое непомѣрное приращеніе въ теченіи 20 лѣтъ нельзя, по мнѣнію министра финансовъ, не приписать, по всей вѣроятности, значительному переходу въ предѣлы имперіи заграничныхъ евреевъ, въ числѣ которыхъ съ послѣдней ревизіи до 1822 г. только въ Подольской губ. однихъ не избравшихъ постояннаго жительства и не причисленныхъ въ окладъ оказалось 127 чел. (!). Выходцы эти обыкновенно бѣдные, (а эксплуатація-то гдѣ?) въ желаніи приписаться къ какому либо состоянію, нерѣдко встрѣчаютъ препятствія, ибо общества уклоняются отъ ихъ пріема. Въ избѣжаніе отвѣтственности въ платежѣ податей за такихъ людей, отъ которыхъ не могутъ ожидать себѣ никакой пользы, и которые, переходя съ мѣста на мѣсто, теряются изъ вида мѣстнаго начальства, а потомъ отлучками своими даютъ поводъ къ накопленію на еврейскихъ обществахъ значительныхъ недоимокъ и къ постепенному ихъ оскудѣнію, не упоминая уже о пристрастной перепискѣ, возникающей отъ этого для губернскихъ начальствъ, казенныхъ палатъ и полицейскихъ мѣстъ. Между тѣмъ казна остается безъ всякаго обезпеченія въ сборѣ отъ нихъ податей; а сами они либо скитаются по мѣстечкамъ и селеніямъ, снискивая себѣ пропитаніе презрѣнными и часто непозволительными способами, либо, подавъ лично о себѣ ревизскія сказки, уходятъ опять за границу.

По этимъ соображеніямъ и дабы положить предѣлъ чрезвычайному размноженію еврейскаго племени въ Россіи, министръ финансовъ призналъ полезнымъ воспретить евреямъ, самовольно отлучившимся, возвратъ, а прочимъ—переселеніе изъ заграницы, даже и въ тѣ губерніи, гдѣ имъ не возбранено имѣть постоянную осѣдлость.

Къ исполненію же этого онъ полагалъ учинить слѣдующее: 1) Начальству пограничной стражи вмѣнить въ строжайшую обязанность, дабы евреямъ, являющимся изъ заграницы для водворенія въ Россію, равно какъ и возвращающимся оттуда изъ самовольныхъ отлучекъ, было въ этомъ отказываемо и отнюдь не выдавалось установленныхъ для пріѣзда въ имперію кордонныхъ свидѣтельствъ. 2) Изъ правила этого допускать изъятіе только: а) для евреевъ, которые, имѣя уже въ Россіи постоянную осѣдлость и отлучась по узаконеннымъ паспортамъ заграницу для торговыхъ своихъ промысловъ или по частнымъ надобностямъ, будутъ возвращаться оттуда съ установленными видами здѣшнихъ начальствъ, или министерствъ и русскихъ агентовъ при иностранныхъ дворахъ; б) для тѣхъ, которые прибываютъ въ Россію на временное жительство по своимъ дѣламъ. Лица эти, на основаніи указа 13 февраля 1817 г., должны имѣть подобные же паспорты отъ россійскихъ министровъ и агентовъ, а пріѣзжающіе изъ городовъ, гдѣ нѣтъ русскихъ миссій или консульствъ,—отъ губернаторовъ или главныхъ начальствъ тѣхъ мѣстъ. 3) Въ наблюденіи за этими послѣдними губернскимъ начальствамъ руководствоваться общими правилами объ иностранцахъ, временно пребывающихъ въ имперіи. 4) Засимъ вышедшихъ уже въ Россію на жительство евреевъ, которые не причислены еще ни къ какому состоянію, и коихъ общества принять не пожелаютъ, распредѣлить не медля въ рабочіе люди по уѣзднымъ городамъ съ обложеніемъ ихъ мѣщанскимъ окладомъ. Эти мѣры получили высочайшее утвержденіе 15 марта 1824 г. *.

Узаконеніе это было вновь подтверждено въ 1825, 1826 г. и въ 1827 г. въ томъ отношеніи: а) чтобы впредь выходящіе изъ-за границы евреи и живущіе по паспортамъ миссій не были приводимы къ присягѣ на подданство, ни допускаемы къ постоянному

* П. П. С. З., т. 39, № 30,004.

жительству въ Россійской Имперіи *; в) чтобы казенныя палаты въ представленіяхъ своихъ объ утвержденіи въ податномъ состояніи евреевъ, изъ-за границы вышедшихъ, непремѣнно означили: когда именно они прибыли изъ-за границы и когда приведены къ присягѣ на подданство Россіи, дабы, сообразно выше приведеннымъ постанновленіямъ, прав. сенатъ могъ дѣлать свои распоряженія и о самомъ ихъ перечисленіи въ просимыя званія **; и с) чтобы на евреевъ-иностранцевъ не только не распространять тѣхъ выгодъ, которыя узаконеніями предоставляются переселяющимся въ Россію иностранцамъ, но напротивъ вновь подтверждено, дабы евреевъ вообще къ переселенію въ Россію не допускать ***.

Усердіе, обнаружившееся въ административныхъ сферахъ къ преграждепію доступа иностранныхъ евревъ въ Россію, дошло до того, что когда кіевская казенная палата испрашивала разрѣшеніе министерства финансовъ по вопросу о томъ, могутъ ли быть причисляемы въ Россіи и на какомъ основаніи выходящіе изъ Царства Польскаго евреи, то и этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ; другими словами, Царство Польское, составлявшее нераздѣльную часть Россійской имперіи, приравнено къ иностранной державѣ. Министерство финансовъ разсуждало въ этомъ случаѣ такъ: хотя и нѣтъ постановленія, преграждающаго переходъ евреевъ изъ Царства Польскаго въ Россію, но какъ положеніемъ комитета министровъ 15 марта (29 іюля) 1824 г. воспрещено евреямъ переселеніе изъ-за границы въ Россію и водвореніе ихъ въ оной, на тотъ конецъ, дабы преградить чрезвычайное размноженіе въ Россіи сихъ людей, болѣе вредныхъ нежели полезныхъ для государства, то онъ, министръ финансовъ, полагалъ по этимъ же самымъ причинамъ распространить силу означеннаго положенія и на евреевъ Царства Польскаго, т. е. воспретить выходящимъ изъ онаго евреямъ водворяться въ Россіи и имѣть въ ней постоянное пребываніе. Какъ и слѣдовало ожидать, мнѣніе это, съ которымъ согласился и комитетъ министровъ, получилъ высочайшую санкцію †.

* Сен. ук. 27 Авг. 1825 П. П. С. З. т. 40, № 30,465.
** Сен. ук. 18 мая 1826; В. П. С. З. т. I, № 347.
*** Выс. утв. Мн. Госуд. Сов. 5 октяб. 1827; В. П. С. З., т. II № 1443.
† Сен. ук. 28 декабря 1828 г. В. П. С. З. т. 3, № 2558.

Законъ 15 марта 1824 г., должно быть, не преминулъ подвергнуться обходу, какъ это вообще бываетъ съ распоряженіями, не соотвѣтствующими требованіямъ дѣйствительной жизни. Въ этомъ отношеніи евреи, повидимому, находили поддержку въ мѣстныхъ властяхъ. Такъ, въ прав. сенатъ стали поступать представленія мѣстныхъ начальствъ о причисленіи въ окладъ такихъ евреевъ изъ иностранныхъ выходцевъ, которые якобы учинили присягу на подданство Россіи до воспослѣдованія закона 15 марта 1824 г., но остались по 10 и болѣе лѣтъ безъ избранія рода жизни и записываются въ городахъ потому, что представляютъ свидѣтельства о принятіи присяги до 1824 г. Министръ финансовъ, дѣлая объ этомъ представленіе въ комитетъ министровъ, полагалъ необходимымъ, въ видахъ окончательнаго устройства этого дѣла и отвращенія могущихъ быть подлоговъ: а) назначить 4-мѣсячный срокъ, послѣ котораго никакихъ евреевъ, подъ видомъ принятія до 1824 г. присяги, болѣе нигдѣ не записывать; б) предписать гражданскимъ губернаторамъ о тѣхъ, которые въ теченіи этого срока явятся, производить удостовѣренія въ томъ, что ими дѣйствительно принята до 1824 г. присяга, и что причины, по которымъ они не были приписаны и оставались безъ платежа податей, заслуживаютъ уваженія. И это мнѣніе одобрено было комитетомъ министровъ и получило надлежащую санкцію **.

Повидимому и эти мѣры не считались правительствомъ достаточными для преграждения доступа иностранныхъ евреевъ въ Россію, такъ какъ въ 1833 г. изданы были особыя правила о *мѣрахъ къ отвращенію подложной записки евреевъ въ торговыя сословія тамъ, гдѣ это имъ воспрещено*. Этими правилами, Высочайше утвержденными 4 іюля 1833 г., предписывалось: 1) отъ всѣхъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію для поступленія въ торговые разряды, цеха и прочія податныя званія, безъ вступленія въ подданство, или вообще и со вступленіемъ въ оное, при выдачѣ имъ надлежащаго на это свидѣтельства, требовать предварительно предъявленія свидѣтельства заграничной консисторіи, или другаго высшаго духовнаго начальства, что они и пріѣхавшія съ ними семейства ихъ суть христіане; 2) это требованіе

** Сен. ук. 16 іюля 1830 г.; В. П. С. З. т. 5, № 3797.

отнесено и къ пріѣзжающимъ изъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, записывающимся въ торговые разряды, на правилахъ, для нихъ установленныхъ; 3) тѣ иностранцы, въ 1 пунктѣ поименованные, которые уже ко времени изданія этого закона состояли записанными въ торговые разряды, но поступили въ нихъ до изданія положенія комитета министровъ 15 марта (29 іюля) 1824 г., при возобновленіи торговыхъ свидѣтельствъ, обязаны были равнымъ образомъ представить удостовѣренія иностранныхъ, или россійскихъ духовныхъ вѣдомствъ, что они и семейства ихъ христіане; 4) такъ какъ иностранные евреи, временно въ Россію пріѣзжающіе, могутъ имѣть жительство и записываться въ торговые разряды только въ губерніяхъ, для общей осѣдлости евреевъ открытыхъ, въ прочія же губерніи допускаются не иначе, какъ на правилахъ, для евреевъ русско-подданныхъ постановленныхъ, то мѣстнымъ начальствамъ вмѣнено было въ обязанность строго наблюдать, чтобы иностранные евреи отнюдь не проживали въ недозволенныхъ для пребыванія ихъ мѣстахъ подъ именемъ христіанъ; еслибъ же таковые открылись, то предписывалось дѣйствительныхъ иностранцевъ, а также выѣхавшихъ изъ Царства Польскаго и Финляндіи, высылать немедленно изъ Россіи, а состоящихъ въ подданствѣ—въ губерніи, для жительства ихъ открытыя. Но еслибъ при этомъ оказались евреи, вступившіе въ подданство послѣ обнародованія положенія комитета министровъ 15 марта (29 іюля) 1824 г., то таковыхъ равномѣрно выслать за границу; 5) поэтому вообще вмѣнялось властямъ, при допущеніи иностранцевъ къ присягѣ на подданство, въ точности удостовѣряться, что они не суть евреи; 6) но всѣ эти правила не должны были относиться къ пріѣзжающимъ въ Россію азіатскимъ евреямъ, которые, по существовавшимъ въ то время положеніямъ, могли поступать въ гильдіи въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ евреямъ постоянное пребываніе не дозволено; 7) о строгомъ исполненіи этихъ правилъ предписано гуоернскимъ правленіямъ, казеннымъ палатамъ, а отъ нихъ городскимъ думамъ, съ тѣмъ, что если предъявляемыя иностранцами свидѣтельства будутъ писаны на иностранныхъ языкахъ то принимать основаніемъ переводъ на русскій языкъ, засвидѣтельствованный штатнымъ переводчикомъ губернскаго мѣста, или маклеромъ, съ предоставле-

ніемъ впрочемъ самымъ думамъ удостовѣряться и по подлиннымъ свидѣтельствамъ, если не встрѣтятъ въ томъ затрудненія *.

Изъ 4 п. только что приведеннаго узаконенія видно, что составители его въ своемъ рвеніи къ искорененію евреевъ совсѣмъ запутались: за евреями - иностранцами признано вдругъ право имѣть жительство и записываться въ торговые разряды въ губерніяхъ черты осѣдлости евреевъ. Повидимому, этотъ пунктъ, совершенно ясный, долженъ былъ скоро возбудить недоумѣніе. И дѣйствительно въ слѣдующемъ же 1834 г. возникъ вопросъ о томъ, могутъ ли иностранные евреи быть допускаемы въ этихъ губерніяхъ къ запискѣ въ торговые разряды, т. е. и въ званіи иностранныхъ гостей, постоянно производящихъ торговлю.

При томъ направленіи, котораго держалось правительство по отношенію къ евреямъ, вопросъ этотъ не могъ, конечно, быть разрѣшенъ въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. И дѣйствительно, министръ финансовъ полагалъ подтвердить циркулярно подлежащимъ властямъ, что, по точной силѣ вышеозначеннаго 4 пункта, иностранные евреи, временно въ Россію пріѣзжающіе, могутъ имѣть жительство только въ тѣхъ губерніяхъ, которыя для осѣдлости евреевъ назначены, и производить въ нихъ *въ теченіе годичнаго времени торговлю* на правахъ временно заѣзжихъ купцовъ въ портовыхъ и пограничныхъ городахъ, при биржѣ или въ чертѣ таможенной, въ первые шесть мѣсяцевъ года, считая со дня пріѣзда, безъ платежа городскихъ повинностей и безъ взятія свидѣтельства, а въ остальные шесть мѣсяцевъ со взятіемъ свидѣтельства 2-й гильдіи и съ платежемъ городскихъ и земскихъ повинностей; къ запискѣ же въ званіе иностраннаго гостя и въ прочіе торговые разряды иностранные евреи вовсе допускаемы быть не должны.

Комитетъ министровъ, разсматривая это представленіе министра финансовъ, съ своей стороны нашелъ, что предполагаемое послѣднимъ распоряженіе есть ничто иное, какъ подтвержденіе существующихъ уже учрежденій, и что возникшій вопросъ можетъ быть относимъ только къ мѣстному недоразумѣнію. А потому и

* В. П. С. З., т. 8, № 6304.

предоставилъ министру финансовъ привести означенное распоряженіе въ надлежащее исполненіе *.

Положеніе о евреяхъ 13 апрѣля 1835 г., регулируя юридическое положеніе евреевъ въ Россіи вообще, не могло не коснуться и евреевъ-иностранцевъ, о которыхъ оно говоритъ въ §§ 118—121. Иностранные евреи, имѣющіе надобность по дѣламъ торговли или исковымъ и тяжебнымъ пріѣзжать въ Россію, гласитъ § 118, обязаны предъявлять тѣ же заграничные паспорты, какіе требуются отъ другихъ иностранцевъ, въ одномъ съ ними подданствѣ состоящихъ **. Статья 119 содержитъ въ себѣ правило, изложенное въ цитированномъ выше положеніи комитета министровъ 23 января 1834 г., т. е., что евреи-иностранцы могутъ имѣть пребываніе лишь въ мѣстахъ общей осѣдлости евреевъ, и притомъ въ теченіе одного только года. Слѣдующій § 120 говоритъ, что иностранные евреи, получающіе въ Россіи недвижимыя имѣнія по наслѣдству, подвергаются правилу, предписанному для евреевъ подданныхъ.

Не отмѣняя засимъ доселѣ изданныхъ законовъ о воспрещеніи иностраннымъ евреямъ постояннаго водворенія въ Россіи и принятія подданства, положеніе 1835 г. дѣлаетъ слѣдующее отступленіе: изъ числа иностранныхъ евреевъ допускаются къ постоянному водворенію въ чертѣ осѣдлости евреевъ нижеслѣдующія лица: 1) тѣ, коихъ правительство признаетъ нужнымъ выписать для занятія должности раввиновъ; 2) медики, выписываемые по усмотрѣнію правительства для вѣдомствъ военнаго и морскаго †; 3) тѣ, которые будутъ пріѣзжать съ намѣреніемъ учредить фаб-

---

* Полож. комитета мин. 23 янв. 1834; В. П. С. З., т. 9, № 6736.

** Ст. 118; В. П. С. З., т. X, № 8054.

† Но къ слушанію лекцій и экзамену на полученіе ученыхъ или медицинскихъ степеней въ русскихъ университетахъ евреи-иностранцы не допускались. Такъ, когда въ правленіи дерптскаго университета возникъ вопросъ о томъ, могутъ ли быть выдаваемы дипломы на ученыя степени евреямъ-иностранцамъ, то сенатъ нашелъ, что такихъ иностранцевъ не слѣдуетъ допускать ни къ слушанію лекцій, ни къ экзамену на полученіе означенныхъ степеней на томъ основаніи, что имъ 893 ст. IX т. Св. Зак. запрещено переселяться въ Россію и вступать въ россійское подданство (Ук. сен. 1 февраля 1840 г.; В. П. С. З., т. 15, № 13136). Евреямъ же, уроженцамъ Царства Польскаго, дозволено было въ 1844 г. обучаться и держать экзамены на ученыя и медицинскія званія въ

рики и заводы, кромѣ винокуренныхъ, и для этого предъявятъ капиталъ не менѣе 50,000 р. Такіе евреи, при самомъ пріѣздѣ въ Россію, даютъ подписку въ томъ, что учредятъ помянутыя заведенія непремѣнно въ теченіи трехлѣтняго срока. При неисполненіи сего они высылаются заграницу, по исполненіи же могутъ быть приняты въ подданство и должны избрать узаконенное состояніе; 4) мастера, выписанные фабрикантами изъ евреевъ для производства мануфактурныхъ работъ. Они допускаются по предъявленіи узаконеннаго паспорта и свидѣтельства отъ россійскихъ миссій или консульствъ о своемъ состояніи, родѣ прежнихъ занятій, мастерствѣ и о томъ, кѣмъ и для чего они выписаны. Мастера эти допускаются къ постоянному водворенію и къ принятію присяги на подданство не иначе, какъ послѣ пятилѣтняго пребыванія ихъ на фабрикахъ, когда при томъ будутъ имѣть отъ хозяевъ и мѣстнаго начальства свидѣтельства о своемъ искусствѣ и безпорочномъ поведеніи *.

Другое отступленіе было сдѣлано въ 1839 г. въ отношеніи пріѣзда иностранныхъ евреевъ во внутренія губерніи Россіи. Именно министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ предоставлено было право, по взаимному ихъ сношенію, разрѣшать прошенія иностранныхъ евреевъ, особенно коммиссіонеровъ значительныхъ заграничныхъ купеческихъ домовъ, о дозволеніи имъ посѣщать извѣстныя въ Россіи мануфактурныя и торговыя мѣста и оставаться тамъ извѣстное, по усмотрѣнію, время **.

Наконецъ, исключеніе изъ общаго правила сдѣлано также въ отношеніи среднеазіатскихъ евреевъ и караимовъ.

Среднеазіатскіе евреи, какъ мы видѣли уже выше, находились

университетахъ и академіяхъ имперіи, съ тѣмъ однакоже, чтобы существующее воспрещеніе допускать ихъ къ переселенію въ имперію оставалось въ силѣ. А для этого предписывалось наблюдать, чтобы въ свидѣтельствахъ и паспортахъ, выдаваемыхъ тѣмъ евреямъ, при увольненіи ихъ изъ Царства, для означеннаго обученія и держанія экзамена, а равно и въ дипломахъ и патентахъ на ученыя степени, было именно обозначаемо, что они происходятъ изъ евреевъ уроженцевъ Царства Польскаго (Выс. утв. Мн. Гос. Сов. 17 апрѣля 1844 г.; В. П. С. З., т. 19, № 17825).

** Тамъ же, ст. 121.

*** Выс. утв. пол. Ком. Мин. 7 фев. 1839 г.; В. П. С. З., т. 14, № 12005.

на особенномъ положеніи: они могли вступать въ гильдіи въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ евреямъ постоянное пребываніе не дозволено. Но, повидимому, не всѣмъ азіятскимъ евреямъ дозволялось торговать въ Россіи, что видно изъ того, что въ 1843 г. оренбургскій военный губернаторъ ходатайствовалъ о дозволеніи евреямъ, постоянно жительствующимъ въ Бухаріи, привозить на оренбургскую линію свои товары для сбыта ихъ на мѣновыхъ дворахъ наравнѣ съ бухарцами и хивинцами. Объ этомъ ходатайствѣ тогдашній вице-канцлеръ, графъ Нессельроде, входилъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ, который нашелъ, что существующее въ законахъ воспрещеніе иностраннымъ евреямъ пріѣзжать по дѣламъ торговли въ тѣ губерніи, въ которыхъ жительство евреямъ вообще не разрѣшено, должно относиться главнѣйше къ европейскимъ евреямъ и не можетъ быть вполнѣ распространено на евреевъ, пріѣзжающихъ на оренбургскую линію по дѣламъ торговымъ собственно изъ Средней Азіи. Поэтому комитетъ министровъ полагалъ: разрѣшить евреямъ изъ Средней Азіи пріѣзжать вообще на оренбургскую линію для дѣлъ торговыхъ, дозволить имъ производить тамъ таковыя наравнѣ съ хивинцами и бухарцами съ тѣмъ только, чтобы, при выѣздѣ ихъ изъ оренбургской во внутреннія губерніи, соблюдаемы были въ отношеніи ихъ общія правила о евреяхъ».

Что касается *караимовъ*, то, въ виду установившагося въ правительственныхъ сферахъ взгляда на нихъ, какъ на людей, рѣзко отличающихся отъ такъ называемыхъ евреевъ-раввинистовъ по своимъ занятіямъ и образу жизни, на нихъ не распространяли ограниченій, установленныхъ для этихъ послѣднихъ, и, сообразно этому, пріѣзжающимъ изъ за-границы караимамъ разрѣшено было въ 1839 г. вступать въ россійское подданство, на основаніи общихъ по сему предмету правилъ *.

М. Мышъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

* Выс. утв. 29 дек. 1842 г. Полож. Ком. Мин.; В. П. С. З., т. 17, № 16385.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ВЕНГРІИ Д-РА К. САМУЕЛЯ.

A zsidók története Magyarországon. Irta Dr. Kohn. Sámuel. I-sö kötet. Budapest. 1884.

Книга главнаго буда-пештскаго раввина обращаетъ на себя въ Венгріи всеобщее вниманіе. Содержаніе ея столь богато и въ то же время подчасъ столь поразительно, что въ тѣсныхъ рамкахъ рецензіи едва-ли можно дать даже приблизительное о немъ представленіе. Книга эта есть плодъ многолѣтнихъ трудовъ изслѣдователя, неутомимаго и интеллигентнаго. Авторъ ея—ученый и богословъ; но его воззрѣнія до такой степени отличаются исторической объективностью, его изложеніе до такой степени изящное, что его сочиненіе должно найти себѣ читателей далеко за предѣлами ученыхъ кружковъ, равно какъ и далеко за предѣлами еврейства.

И дѣйствительно, книга ученаго пештскаго раввина написана не для одной только еврейской науки. Кто хочетъ писать и понимать политическую и экономическую исторію Венгріи, тотъ неминуемо долженъ справляться съ этой книгой. Для исторіи нравовъ и господствующихъ понятій далекаго прошлаго мы находимъ здѣсь богатѣйшій матеріалъ, который, будучи изслѣдованъ съ добросовѣстною серьезностью, распредѣленъ ясно и симетрично и обработанъ безъ претензіи и педантства, въ то же время проходитъ предъ нашими глазами точно въ живыхъ образахъ.

Уже при первомъ вступленіи поражаютъ насъ картины первыхъ поселеній евреевъ въ Венгріи. Объ этихъ поселеніяхъ мы получаемъ здѣсь если и не первыя, то во всякомъ случаѣ самыя

подробныя свѣдѣнія. Мы остановимся на нихъ нѣсколько, выбирая при этомъ, впрочемъ, лишь самое существенное.

Евреевъ первой эпохи венгерской исторіи авторъ дѣлитъ на три категоріи. Первую категорію составляютъ тѣ евреи, которые жили въ странѣ еще до появленія въ ней венгерцевъ и которые поэтому раздѣляли участь всѣхъ остальныхъ покоренныхъ племенъ. Второй слой образуютъ тѣ евреи, совершенно отличные отъ только что упомянутыхъ, которые вмѣстѣ съ венгерцами пришли сюда изъ Азіи и въ языкѣ и нравахъ ничѣмъ не отличались отъ другихъ завоевателей, и были связаны съ послѣдними даже узами крови. Они живутъ съ христіанами въ брачныхъ союзахъ, пока наконецъ Сцаболоскій синодъ, въ 1092 году, не запрещаетъ этихъ смѣшанныхъ браковъ. Но такъ какъ запрещеніе очень часто повторяется и впослѣдствіи, то это доказываетъ, что ему слѣдовали не съ особенной охотой и не очень строго его выполняли. Рядомъ съ этими евреями, какъ мы уже сказали, находимъ мы уже давно живущихъ въ странѣ евреевъ, которые, подобно всѣмъ другимъ европейскимъ евреямъ того времени, уже давно перестали предаваться воинственнымъ упражненіямъ и которые занимались торговлею и отчасти ремеслами и сельскимъ хозяйствомъ. Между ними и ихъ единовѣрцами, пришедшими вмѣстѣ съ завоевателями, существуетъ самый рѣзкій контрастъ. Они — осѣдлые, а тѣ имѣютъ характеръ номадовъ. Они и по крови евреи, между тѣмъ какъ тѣ, азіатскіе, только приняли и усвоили себѣ нѣкоторыя положенія еврейской религіи. И такимъ образомъ, мы въ теченіи многихъ столѣтій послѣ этого находимъ въ Венгріи евреевъ, преданныхъ военнымъ нравамъ, почитающихъ такъ называемыя рыцарскія добродѣтели и пользующихся рыцарскими почестями. Третью и новѣйшую категорію образуютъ тѣ евреи, которые, въ правленіе Стефана Святаго, прибыли въ Венгрію вмѣстѣ съ другими иностранцами, преимущественно изъ Германіи, и они-то главнымъ образомъ упрочили въ Венгріи еврейское вѣроисповѣданіе. Иностранные евреи въ это время ведутъ въ Венгріи обширную торговлю, и они же положили тамъ начало обширнымъ транзитнымъ сношеніямъ. Громадные еврейскіе караваны въ 1050 году проходятъ чрезъ Венгрію и отправляются да-

леко, до самаго Аугсбурга и Нюренберга, гдѣ они продаютъ свои товары.

Такимъ образомъ, отчасти въ привиллегированномъ положеніи, отчасти же въ качествѣ охотно-терпимыхъ жителей или гостей, евреи живутъ въ Венгріи, и строгіе законы Стефана Святаго, направленные противъ иновѣрцевъ, объ нихъ вовсе не упоминаютъ.

Законныхъ постановленій, которыя прямо были бы направлены противъ евреевъ, мы не находимъ вплоть до эпохи Владислава Святаго. Лишь въ послѣдніе годы царствованія Владислава, именно въ 1092 году, мы наталкиваемся на первый законъ, стремящійся къ притѣсненію евреевъ. Соотвѣтственно этому благопріятному положенію венгерскіе евреи и въ одеждѣ, нравахъ, языкѣ и именахъ собственныхъ—совершенные мадьяры. Они владѣютъ землею, нерѣдко цѣлыми деревнями и даже укрѣпленными городами, и ихъ работы исполняются рабами. Это положеніе остается нетронутымъ до тѣхъ поръ, пока христіанство вынуждено еще продолжать борьбу съ язычествомъ. Духовная и свѣтская власть обращаетъ всѣ свои оружія исключительно противъ этого врага. Но лишь только язычники побѣждены, мы тотчасъ же встрѣчаемъ уже первые законы, клонящіеся къ тому, чтобы поставить евреевъ въ исключительное положеніе. Къ этому присоединяются еще преслѣдованія, которымъ они подвергаются со стороны крестоносцевъ. При всемъ томъ положеніе евреевъ въ Венгріи въ то время все-таки лучше, чѣмъ въ Австріи, такъ что къ концу одиннадцатаго столѣтія мы замѣчаемъ значительное переселеніе евреевъ изъ Австріи въ Венгрію.

Но съ этого момента уже начинаются всякаго рода преслѣдованія евреевъ. Преслѣдованія огнемъ и мечомъ встрѣчаются, правда, рѣдко, преслѣдованія синодальными рѣшеніями—уже чаще, но клонящіяся къ этому королевскія повелѣнія становятся дѣломъ обыкновеннымъ, а выжиманія денегъ посредствомъ податей и всяческихъ налоговъ—совершаются ежедневно! Король требуетъ своихъ налоговъ, такъ какъ евреи вѣдь его собственность; города съ своей стороны требуютъ своихъ, такъ какъ подъ ихъ покровительствомъ евреямъ вѣдь живется такъ хорошо; епископы опять требуютъ своихъ, и они охотно потребовали бы себѣ всѣхъ

евреевъ, не для того именно, чтобы ихъ истребить, а для того, чтобы эксплоатировать ихъ платежную способность. Не смотря на это, Андрей II въ 1222 году снова считаетъ нужнымъ обнародовать декретъ, исключающій евреевъ изъ всѣхъ высшихъ государственныхъ должностей. Вслѣдствіе этого декрета, нѣкоторые евреи отрекаются отъ своей вѣры, и многіе изъ нихъ совершенно оставляютъ Венгрію. Между тѣми, которые избрали первый путь, былъ и камеръ-графъ Самуилъ, который, для того, чтобы сохранить свой постъ, хотя и перешелъ въ христіанство, но впослѣдствіи подвергся анаѳемѣ, потому что приверженность его новой вѣрѣ подверглась сильному сомнѣнію. Весьма интересную фигуру представляетъ собою рыцарь Тега, или Тека, который оставилъ страну, чтобы оставаться вѣрнымъ религіи отцовъ. Происходя, по всей вѣроятности, изъ какой-нибудь хазарской фамиліи, онъ уже отъ предковъ своихъ наслѣдовалъ почетныя должности и богатства. Король Белла III подарилъ отцу его, обладавшему уже и другими помѣстьями, еще городъ Бессеніо. Въ 1225 году, при заключеніи мира между Леопольдомъ австрійскимъ и королемъ Андреемъ, Тека играетъ роль посредника и принимаетъ на себя гарантію въ уплатѣ 2,000 серебрянныхъ марокъ; гарантія эта принимается королемъ Андреемъ, и если при этомъ случаѣ Тека является пока только въ качествѣ «еврея Тека», то, чрезъ нѣсколько лѣтъ, король Андрей называетъ его уже «графъ Тека», такъ какъ онъ за это время былъ назначенъ Comes Camerae. Вмѣстѣ со многими другими единовѣрцами и Тека въ 1233 году оставляетъ Венгрію, но вскорѣ, при нашествіи монголовъ, призывается обратно, оказываетъ странѣ большія услуги, за что король снова дѣлаетъ ему значительные подарки, но затѣмъ окончательно исчезаетъ со сцены во время страшнаго опустошенія, произведеннаго монголами.

Послѣ этой страшной катастрофы, евреи опять появляются на сценѣ въ почетной роли. Вездѣ, гдѣ король хочетъ приступить къ обновленію, ему нужны евреи. Онъ надѣляетъ ихъ такими вольностями и привиллегіями, которыми они и раньше никогда не обладали, и они оказываются за это весьма благодарными. Одинъ изъ нихъ, именно еврей Генукъ, камеръ-графъ, получаетъ въ подарокъ крѣпость Комморнъ со всѣмъ ея округомъ.

Когда камеръ-графъ Генукъ умеръ въ 1256 году, то онъ остался долженъ королю довольно значительную сумму. Король такъ искусно спекулировалъ этимъ долгомъ въ 800 марокъ, что сыновья Генука должны были отдать ему всѣ свои владѣнія. Король самъ сознается при этомъ, что онъ за три года насчиталъ сыновьямъ Генука больше процентовъ, чѣмъ та сумма, которая составляла первоначальный капиталъ. Изъ этого признанія можно заключить—что, впрочемъ, и такъ довольно извѣстно—о господствовавшихъ въ средніе вѣка взглядахъ на ростовщичество и что не одни только евреи занимались этого рода промысломъ, а всѣ тѣ, кому только представлялись для этого случай и удобная почва.

Такъ-то мѣняется положеніе евреевъ, хотя оно большею частью довольно сносное, а по временамъ даже и привиллегированное—до Лудвига Великаго. Его миссіонерское рвеніе вскорѣ обращается и противъ евреевъ; но это рвеніе, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно относилось къ вѣрѣ, а не къ имуществу евреевъ, и послѣдніе всѣ свои движимости могли взять съ собою при оставленіи страны. Иногда, правда, король выказываетъ и нѣкоторое великодушіе тѣмъ, что *онъ прощаетъ* должникамъ тѣ долги, которые *они должны евреямъ*; но это уже до такой степени соотвѣтствуетъ правовымъ понятіямъ того времени, что въ концѣ концовъ въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Часть изгнанныхъ евреевъ находитъ себѣ мѣстожительство въ Австріи, между тѣмъ какъ бо́льшая часть направляется въ Польшу.

Правда, изгнаніе продолжается не болѣе четырехъ лѣтъ — но этотъ короткій промежутокъ времени произвелъ страшную и роковую перемѣну въ положеніи и во всемъ существѣ евреевъ! Бывшіе мадьяры, исповѣдывавшіе еврейскую вѣру, превратились въ «придворныхъ рабовъ», въ томъ гуманномъ смыслѣ, который подразумѣвается подъ нѣмецкимъ словомъ: Kammerknechte. Тѣ, которые еще столь недавно составляли съ своими согражданами одно цѣлое, по происхожденію, языку, нравамъ и даже кровнымъ узамъ, теперь превратились въ изолированныхъ чужестранцевъ. Изъ равноправныхъ они сдѣлались предметомъ для выжиманія; изъ рабочихъ и крестьянъ дѣлаются торгашами, ибо, кромѣ торгашества, никакимъ другимъ ремесломъ имъ не позволяется зани-

маться; изъ гражданъ они превратились въ людей, стоящихъ внѣ закона тѣмъ, что нѣмцы называютъ vogelfrei... Враги могли, ихъ убивать, а друзья безнаказанно грабить; для нихъ не существуетъ общаго права и общихъ законовъ, а однѣ деньги сдѣлались всѣмъ, единственнымъ источникомъ, изъ котораго они могли почерпать свое право и единственную возможность сохранить свою жизнь и добыть себѣ терпимость. Но и для этого положенія они должны имѣть еще особенное покровительство, особую защиту. И такая защита дается имъ во вновь созданной должности «Judex Judacorum totius regni», т. е. «судьи всѣхъ евреевъ во всемъ государствѣ». Эту, повидимому, весьма прибыльную должность часто принимаетъ на себя венгерскій палатинъ; иногда же ее занимаютъ другіе важные и высокопоставленные сановники, и во всякомъ случаѣ должность эта составляетъ предметъ искательства для многихъ. Но уже королева Елисавета вынуждена защищать евреевъ противъ ихъ признаннаго защитника, такъ какъ этотъ послѣдній обираетъ и грабитъ ихъ всевозможными способами. Часто евреи платятъ этому своему защитнику извѣстную дань, и на это не только не смотрятъ какъ на взятку или даже тайну, а это обусловливается даже договорами. Все это вынуждаетъ евреевъ выбирать и изъ среды себя главу и представителя, который отъ ихъ имени сносился бы съ государственною властью. Вслѣдствіе этого возникла должность «еврейскаго префекта». Но должность «верховнаго судьи евреевъ» вскорѣ уничтожается, между тѣмъ какъ должность еврейскаго префекта существуетъ еще долго. И такъ какъ этотъ сановникъ доставляетъ казнѣ столь много отъ своихъ единовѣрцевъ, то ему удѣляется почетъ и уваженіе въ то время, какъ всѣ другіе его единовѣрцы стонутъ подъ страшнымъ гнетомъ. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ является среди другихъ сановниковъ страны, верхомъ на конѣ, въ великолѣпномъ одѣяніи, и его повсюду встрѣчаютъ высокій почетъ и особенныя отличія.

Все время, въ теченіе котораго существовала эта должность, она находилась въ рукахъ семейства *Мендель*. На нихъ лежала тяжелая обязанность распредѣлять подчасъ невыносимые налоги на всѣ еврейскія общины, которыя и безъ того были обираемы со всѣхъ сторонъ. Подъ этимъ страшнымъ гнетомъ, значитель-

ная часть евреевъ въ конецъ разоряется, и вслѣдствіе этого мы впослѣдствіи видимъ ихъ фигурирующими въ кредитныхъ вѣдомостяхъ государства, но только — въ качествѣ должниковъ. Такъ, между прочимъ до насъ доходитъ извѣстіе о приговорѣ короля Матія, которымъ послѣдній, по поводу жалобы раабскаго епископа Болташа на крещеннаго еврея Михеля Кремницера, постановляетъ: такъ какъ долгъ Михеля происходитъ еще съ того времени, когда онъ былъ евреемъ, некрещеннымъ, то новообращенный ничего не долженъ платить, въ виду того, что вмѣстѣ съ переходомъ въ христіанство Михель сложилъ съ себя все, чѣмъ когда-то обладалъ, въ томъ числѣ и—свои долги. Но такъ какъ переходъ въ христіанство доставлялъ еще и многія другія весьма значительныя выгоды, то мы въ это время встрѣчаемъ многихъ евреевъ, которые вслѣдъ за крещеніемъ тотчасъ призываются къ занятію высокихъ государственныхъ должностей. Такъ, крестникъ короля, крещенный еврей *Іоаннъ Тусъ*, назначается баномъ Кроатіи и начальникомъ владѣній Чакторнія, Капронча, Ст. Георгія, Крапина и Штриго. *Освальдъ Тусъ*, братъ бана, также переходитъ въ христіанство и назначается епископомъ загребскимъ. Еще болѣе высокое положеніе, чѣмъ фамилія Тусъ, занимаетъ семейство швабскаго еврея *Гампо*. Гампо перешелъ въ христіанство, вѣроятно, для того, чтобы получить возможность арендовать богатые мѣдные рудники, и принялъ имя *Іоаннъ Эрнустъ*. Король Матій называетъ его въ письмѣ своемъ «кумомъ», производитъ его въ рыцари, назначаетъ верховнымъ начальникомъ по взиманію пошлинъ, даритъ ему помѣстье Скалбинія и наконецъ дѣлаетъ обергешпаномъ (генералъ-губернаторомъ) Туроча, выражая ему при этомъ свою особенную милость и довѣріе. Его старшій сынъ *Сигизмундъ Эрнустъ* назначается епископомъ въ Фюнфкирхенѣ; младшій — начальникомъ Чакторнія. Съ правнукомъ послѣдняго, Гаспаромъ, фамилія Гампо-Эрнустъ окончательно вымираетъ.

Тѣ, которые остались въ странѣ въ качествѣ «придворныхъ рабовъ», даже въ самыя лучшія для нихъ эпохи, находились въ невыносимомъ положеніи. «Ихъ имущество — пишетъ авторъ цитируемой нами книги—короли раздариваютъ, чтобъ пріобрѣтать себѣ вѣрныхъ приверженцевъ; деньгами евреевъ короли оплачи-

вали оказанныя имъ со стороны другихъ услуги и выказанную имъ приверженность; долговыя обязательства, имѣвшіяся въ рукахъ евреевъ, объявлены были недѣйствительными; должники евреевъ освобождались отъ платежа не только процентовъ, но даже нерѣдко и капитала. Выходя изъ того же принципа, что евреи составляютъ собственность короля, короли также выводили впослѣдствіи свое право и свою обязанность,—защищать евреевъ и ихъ имущество противъ городовъ, такъ какъ преслѣдованія евреевъ «влекутъ за собою очевидный вредъ для государственной казны». Евреи, такимъ образомъ, меньше могутъ жаловаться на королей, чѣмъ на города. Нѣкоторые города до сихъ поръ остаются вѣрными своимъ прежнимъ традиціямъ. Но и евреи защищаются, какъ только могутъ. Сорокъ лѣтъ послѣ сраженія при Могачѣ, они осмѣливаются писать королевскому намѣстнику, что граждане (Пресбурга) суть худшіе ростовщики, чѣмъ евреи, и тутъ же изъявляютъ готовность представить доказательства, «что граждане, не желая открыто заниматься ростовщичествомъ, пользуются для этого евреями—(точь въ точь современные русскіе полковники, открывающіе на имя евреевъ кассы ссудъ) — и дѣлаютъ это при ихъ посредствѣ». На сеймѣ 1524 г., когда чернь, подъ какимъ-то выдуманнымъ предлогомъ, хочетъ грабить и для этого взять приступомъ еврейскій кварталъ, офенскіе евреи удаляются за свои стѣны и долгое время храбро защищаютъ ихъ. Когда, послѣ сраженія при Могачѣ, войска Сулеймана достигли Офена, офенскіе евреи опять сражались съ отмѣнною храбростью. Современный нѣмецкій лѣтописецъ сообщаетъ о нихъ, что еврейскій кварталъ былъ снабженъ (евреями) прочными стѣнами и укрѣпленіями и что турки при приступѣ его «потеряли почти двѣ съ половиною тысячи человѣкъ». Правда, евреи были не одни, но «имѣли среди себя и нѣкоторыхъ воиновъ».

Съ владычествомъ турокъ, для венгерскихъ евреевъ начинается совершенно новая эпоха, ибо обращеніе съ ними турокъ было также совершенно новое—и поэтому здѣсь авторъ заключаетъ первый томъ своего сочиненія.

Путь, который мы прошли здѣсь вмѣстѣ въ авторомъ — путь довольно длинный, и не только относительно, такъ сказать, про-

странства времени. Боже мой, какъ далеко отъ гордыхъ и воинственныхъ еврейскихъ хазаръ, которые явились въ страну вмѣстѣ съ Арпадомъ въ качествѣ свободныхъ людей и завоевателей, до бѣдственнаго и унизительнаго положенія «придворныхъ рабовъ», у которыхъ едва ли даже тамъ и сямъ можно встрѣтить венгерское имя и которые ничего не знаютъ, кромѣ ростовщичества и мелкаго торгашества! Всѣ фазисы этой метаморфозы объяснены въ этой книгѣ, и притомъ съ почти натуралистическою вѣрностью. Ученый авторъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя изъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ исторической школы Тэна. Онъ никого не хочетъ обращать, онъ желаетъ только излагать предъ читателями то, что было. Изъ тысячи данныхъ онъ составляетъ свою картину. Ничто не забыто имъ и ничто не признается слишкомъ мелочнымъ, начиная отъ важныхъ дипломатическихъ актовъ и кончая документомъ о разводѣ бѣдной еврейки, отъ обширныхъ финансовыхъ операцій королей до мелкихъ заемныхъ писемъ самаго послѣдняго человѣка «еврейской улицы». Въ каждомъ изъ этихъ документовъ находится кое-что важное и интересное для характеристики эпохи. Для человѣка въ томъ положеніи, въ какомъ находится авторъ, т. е. для человѣка, занимающаго постъ главнаго раввина, онъ обнаруживаетъ поистинѣ удивительную объективность. Ничто не показываетъ въ немъ еврейскаго богослова, кромѣ развѣ того громаднаго знакомства съ такими историческими источниками, которые для другихъ историковъ остаются совершенно закрытыми. Съ глубокою серьезностью и свободною безстрастностью изслѣдователя, научившагося понимать задачи государства и общества, рисуетъ онъ и недостатки своего народа, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и естественныя причины этихъ недостатковъ. Трагическій ходъ развитія отъ свободныхъ еврейскихъ переселенцевъ до гонимыхъ и травленныхъ жителей «еврейской улицы»—ясно развертывается предъ нашими глазами. Читатель закрываетъ книгу въ глубокомъ волненіи и серьезномъ раздумьѣ. Кто изъ этой книги не вынесетъ для себя никакого поученія и никакой пользы — для того исторія вообще напрасно написана, а истина для него — совершенно закрытая книга...

Объ одномъ лишь приходится сожалѣть: именно о томъ, что у насъ въ Россіи пока еще нѣтъ ничего подобнаго этой книгѣ по части исторіи русскихъ евреевъ!

И неужели же мы еще долго будемъ ждать этой исторіи русскихъ евреевъ?!

А. Л.

ВЪ ГОДОВЩИНУ РОСТОВСКАГО ПОГРОМА.

(Изъ записной книжки не-еврея).

Наконецъ-то я пріѣхалъ въ Новочеркасскъ, мою родину, отдохнуть въ тишинѣ отъ житейскихъ дрязгъ. Май обаятельно хорошъ; Донъ широко разлился и его воды смѣшались съ рѣченками, протекающими у подножія кряжа, на которомъ расположены Новочеркасскъ, Аксай, Нахичевань, Ростовъ. Разливъ кажется широкимъ моремъ, тихимъ и спокойнымъ, какъ степная природа юга Россіи. Въ этой тишинѣ дѣйствительно казалось возможнымъ отдохнуть, но...

10-го мая день былъ особенно тихъ и ясенъ, а разливъ такъ и манилъ своими алмазными искрами... Я сидѣлъ у окна и любовался этой чудной картиной мира и покоя; было около 6-ти часовъ вечера. Вдругъ въ комнату вбѣгаетъ моя крошечная кузина и таинственно шепчетъ мнѣ:

— Ты знаешь, бьютъ жидовъ...

— Гдѣ? Что ты, малютка!

— Да, да, тамъ ужъ, всѣ говорятъ, казаки поѣхали и съ ружьями...

— Но гдѣ бьютъ?

— Въ Ростовѣ... знаешь, это тамъ часто бываетъ.

Въ послѣднее время я не слышалъ о какихъ нибудь натянутыхъ отношеніяхъ между ростовскими евреями и христіанами; но зналъ, что тамъ прежде бывали вспышки.

Я вышелъ узнать въ чемъ дѣло. На улицѣ и во дворѣ уже говорили объ этомъ. Новочеркасскъ отстоитъ отъ Ростова всего въ

двухчасовомъ разстояніи, вѣсти оттуда могутъ приходить очень скоро.

Въ качествѣ корреспондента отъ двухъ газетъ я долженъ былъ тотчасъ же разузнать все дѣло обстоятельно и немедленно телеграфировать. Спѣшу къ мѣстному землевладѣльцу, богатому, еврею Л., чуть ли не единственному еврею въ Новочеркасскѣ, гдѣ, какъ извѣстно, въ послѣднее время воздвигнуто было гоненіе противъ евреевъ, вслѣдствіе чего нѣсколько мастеровыхъ, пріютившихся въ этомъ городѣ, принуждены были его покинуть. Удержался только г. Л., у котораго одна дочь, дѣвушка высокообразованная, вышла замужъ за мѣстнаго товарища прокурора. Быть можетъ, эти узы послужили въ пользу г-ну Л.

Г. Л. встрѣтилъ меня съ тревогой въ лицѣ. Одна изъ его дочерей, замужемъ за адвокатомъ, жила въ Ростовѣ. Онъ имѣлъ уже телеграфныя свѣдѣнія самаго тревожнаго характера. Я рѣшилъ немедленно отправиться въ Ростовъ; туда влекли меня не столько обязанности корреспондента, сколько желаніе видѣть эту бурю; причины которой для меня были совершенной terra incognita.

Оказалось, что, въ 4 часа пополудни, отправлена сотня пѣшихъ казаковъ изъ Новочеркасска на мѣсто побоища, но уже въ 6 часовъ, другой телеграммой, ростовскій полиціймейстеръ просилъ подкрѣпленія. Никакихъ войскъ, однако, въ Новочеркасскѣ не было, а вблизи его въ лагерномъ сборѣ, на станціи Персіановкѣ, были расположены артиллеристы. Команда въ полтораста человѣкъ конныхъ артиллеристовъ безъ пушекъ, но съ револьверами и нагайками, была немедленно вызвана въ Новочеркасскъ, для посадки на желѣзную дорогу и отправки въ Ростовъ.

Пока явилась команда, было уже часовъ около 10 вечера. Никакого поѣзда въ Ростовъ въ это время не шло; между тѣмъ въ поѣздахъ, прибывавшихъ изъ Ростова, пріѣзжала цѣлая масса перепуганныхъ еврейскихъ семействъ, въ большинствѣ случаевъ богатыхъ; вскорѣ всѣ новочеркасскія гостинницы были переполнены евреями—женщины и дѣти составляли преобладающій элементъ.

— Казаки выбиты изъ города!—говорили они, — много изъ толпы убито и ранено; два пѣхотинца изъ мѣстной ростовской

команды убиты наповалъ... Въ такомъ родѣ были свѣдѣнія, которыя привозили бѣглецы.

Въ 11 часовъ генералъ Мартыновъ, начальникъ штаба войска Донскаго, явившійся проводить команду казаковъ, здѣсь же на станціи получилъ телеграмму, гласившую, что городъ совершенно успокоился, банды разогнаны пѣшими казаками, и все пришло въ порядокъ. Тѣмъ не менѣе подкрѣпленіе требовалось.

Полковникъ Костинъ, начальникъ этой, внезапно сформированной команды, объяснилъ казакамъ цѣль и значеніе ихъ командировки.

— Если я замѣчу, что кто нибудь изъ васъ потакаетъ разной сволочи, которая теперь производитъ дебошъ въ Ростовѣ,— говорилъ полковникъ простымъ народнымъ языкомъ, — я не пощажу и не помилую. Мы идемъ предупреждать грабежъ и разбой, устроенные разными пьяницами въ домахъ жидовъ, да и у православныхъ—мы должны разогнать эти пьяныя шайки и арестовать виновниковъ—вотъ зачѣмъ мы идемъ въ Ростовъ.

Казаки слушали молча, отвѣчая только казеннымъ: постараемся!

Вскорѣ и лошади и люди очутились въ вагонахъ, а я, въ качествѣ контрабанды, пробрался въ офицерскій вагонъ. Мнѣ нельзя было иначе.

Мы ѣхали берегомъ широкаго разлива. Ночь стояла тихая, лунная—такая ночь, въ которую говорить и думать о чемъ нибудь житейскомъ, просто стыдно. Но офицеры молчали—у всякаго было скверно на душѣ, и казаки не пѣли, какъ это всегда бываетъ во время обыкновенныхъ воинскихъ поѣздовъ. Нашъ поѣздъ двигался молчаливо, какъ погребальное шествіе — только везли насъ скоро. И лунная тихая ночь казалась исполненной какой-то кровавой тайны.

Со встрѣчныхъ поѣздовъ намъ кричали пассажиры, что въ Ростовѣ все благополучно. Мы немного ободрились, но всѣ глядѣли, точно сердитые, другъ на друга.

Наконецъ, вотъ и Ростовъ. Было около часу полуночи. Нашъ поѣздъ остановился гдѣ-то далеко отъ станціи, и мнѣ пришлось долго пробираться по запаснымъ путямъ, подъ вагонами, прежде чѣмъ я достигъ зданія станціи. Вокругъ было тихо, только въ

лавкѣ около вокзала свѣтился огонь, да у дверей его стояла молчаливая группа человѣческихъ фигуръ.

Признаюсь, морозъ по кожѣ пробѣгалъ, когда я подходилъ къ этимъ людямъ. Кругомъ было все мертво, на станціи не горѣло огней, издали глядѣлъ молчаливый каменный городъ, точно кладбище; я зналъ, сколько невинной крови пролито сегодня на этомъ кладбищѣ, и мнѣ невольно становилось жутко. Никакого оружія со мной не было — я думалъ и такъ проникнуть вездѣ. Съ первыхъ же словъ оказалось, что темныя фигуры были двое евреевъ — жертвы погрома и три человѣка, если и не громившихъ, то во всякомъ случаѣ такихъ, которые не прочь разгромить кого и что угодно. Они всѣ сразу предложили мнѣ свои услуги въ качествѣ проводниковъ по городу, замѣтивъ мнѣ, чтобъ я снялъ кокарду съ фуражки, такъ какъ меня могутъ принять за полицейскаго чиновника и, чего добраго, приколотить. Я взялъ одного изъ погромщиковъ, екатеринославскаго мѣщанина Никиту, и хромоногаго еврея, жаловавшагося мнѣ на то, какъ ихъ портняжный магазинъ былъ разграбленъ ихъ же подмастерьями, при чемъ пускался въ подробности о томъ, какъ самъ онъ, Берка Кауфманъ, замѣтилъ два пиджака новыхъ на подмастерьи и четверо штановъ, надѣтыхъ одни на другіе, какъ поссорился съ подмастерьемъ и какъ тотъ пообѣщалъ его уходить.

Мы направились съ Никитой и Беркой по главной улицѣ Ростова, Большой Садовой, къ мѣстамъ, гдѣ происходили побоища. Ни души не попадалось намъ по дорогѣ; весь городъ какъ будто вымеръ, и даже у традиціонной сторожевой будки (Ростовъ сохранилъ этотъ остатокъ патріархальности прежней полиціи) не стояло будочника. Только у Новаго Базара мы наткнулись на казачій патруль, недовѣрчиво выслушавшій мои оправданія. По дорогѣ, на Б. Садовой я уже видѣлъ слѣды разгрома. Маленькій ресторанъ съ плоской крышей стоялъ безъ ставень, безъ дверей и безъ признаковъ стеколъ въ оконныхъ рамахъ. Я пробовалъ крикнуть въ окно, позвать хозяина, но никто мнѣ не отозвался.

При лунномъ освѣщеніи площадь базара казалась запушенной снѣгомъ, но едва мы вступали въ эти бѣлыя полосы, какъ вокругъ насъ подымался пухъ. И здѣсь полнѣйшая тишина и спокойствіе—множество маленькихъ нищенскихъ ларей лежали опро-

кинутыми и совершенно разбитыми. Исторія этихъ ларей чрезвычайно занимательна. Дѣло въ томъ, что лари эти принадлежатъ въ большинствѣ случаевъ наиболѣе бѣднымъ людямъ, и продается въ нихъ грошовый товаръ, барыши съ котораго едва-едва достаточны для того, чтобы удержать владѣльца ларя отъ протягиванія руки за милостыней. Но такъ какъ рядомъ съ ларями евреевъ торгуютъ въ ларяхъ же и христіане, то послѣдніе прибѣгали къ слѣдующей хитрости, что бы избавиться отъ сосѣда конкуррента.

Проходитъ пьяная толпа—обыкновенно впереди идетъ одинъ, около него его сподручные—всего человѣкъ пять, шесть, и затѣмъ уже совершенно случайная толпа ребятишекъ, чуекъ, армяковъ—словомъ, все, что какъ къ снѣжному кому пристало по пути къ двумъ, тремъ негодяямъ. Владѣльцы ларей-христіане — при видѣ этой толпы начинаютъ кричать:

— Бейте ихъ, братцы, проклятыхъ, жисти черезъ нихъ нѣту...

Евреи поспѣшаютъ закрывать лари, какой нибудь прохожій потянетъ съ ларя еврейскую тряпку... Еврей вступается за собственность.

— Бей жидовскіе лари! раздается крикъ христіанъ-торговцевъ.

И сразу подъ этотъ авторитетный крикъ ватага бросается на лари. Не разъ ватаги бунтарей проходили по базару, повидимому, безъ намѣренія что нибудь дѣлать съ такой негодной рухлядью какъ еврейскіе лари, но всякій разъ призывъ со стороны владѣтелей-христіанъ заставлялъ разыгрываться вакханалію.

Мнѣ непремѣнно хотѣлось увидѣть мѣсто, откуда началось побоище, откуда вышелъ весь погромъ; намъ пришлось свернуть въ сторону и мы вошли въ узенькій, грязный переулокъ. Эта дырка называется Казанской улицей; на углу ея и базарной площади ютится маленькій деревянный, совершенно ветхій домишка—скорѣе изба съ двумя окнами и съ дверью между ними. При лунномъ свѣтѣ я разглядѣлъ на немъ № 93. Дверь была заколочена, какъ и окна, извнѣ. Сюда вчера, въ ночь съ 9-го на 10-е мая, явился вмѣстѣ съ проституткой одинъ изъ мѣстныхъ кутилъ низшаго разбора, еще молодой человѣкъ, но уже извѣстный своей жуликоватостью — сынъ какого-то мелкаго подрядчика. Изрядно покутивъ, онъ здѣсь же и заопочилъ вмѣстѣ

съ проституткой въ отдѣльномъ помѣщеніи. Часовъ около 5—6 утра счастливая чета проснулась. Но *она* потребовала съ кутилы свой гонораръ. Кутила, неимѣвшій денегъ, объявляетъ ей, что онъ отдалъ деньги на сохраненіе хозяину, и дѣйствительно начинаетъ требовать отъ хозяевъ будто бы отданные 30 рублей. Удивленные кабатчики только руки опустили—оказывалось, что кутила не только не платилъ имъ за съѣденное, выпитое и за ночлегъ, но даже еще и съ нихъ требовалъ. Здѣсь же въ кабакѣ былъ въ это время городовой. Онъ принялъ (такъ мнѣ разсказывали) сторону хозяевъ. Ободренные этимъ, супруги-евреи стали требовать свои деньги, кутила—свои, и вотъ начинаетъ разгораться ссора, вскорѣ перешедшая въ драку. Бывшіе въ это время въ кабакѣ, выйдя изъ него, сказали уже собравшейся на крики толпѣ, что *нашего* бьютъ и что полиція за жидовъ. Толпа немедленно ворвалась въ кабакъ—избила кабатчика и его жену до полусмерти, разнесла все, что можно было разнести, а водка, конечно, была вся выпита. Съ базарной площади, между тѣмъ, бѣжалъ уже народъ съ криками *бей жидовъ!* Тамъ уже говорили, что христіанина убили, христіанская кровь пролита!

Съ быстротой молніи эта вѣсть разнеслась по городу и на вокзалъ потянулись извощичьи экипажи съ перепуганными еврейскими семействами. Въ Ростовѣ богатые евреи нанимаютъ христіанскіе дома и, въ виду погромовъ, по большей части съ хозяйской мебелью; всѣ живутъ, слѣдовательно, какъ на бивакѣ; что-жъ—à la guerre comme à la guerre.

Масса семействъ, не имѣвшихъ возможности тотчасъ же оставить Ростовъ, хлынула въ гостинницы.

А толпа на углу базарной площади и Казанской улицы росла и росла. Отвезли ли еврея съ еврейкой въ больницу, или они просто убѣжали изъ собственнаго кабака — неизвѣстно, но вотъ распространяется слухъ, что полиція скрываетъ евреевъ, что кабатчика съ женой увели заднею дверью. Крикамъ негодованія не было конца. Началось безцѣльное швыряніе камней въ окна ближайшихъ еврейскихъ домовъ, и вскорѣ толпа, раздѣлившись на кучки, пошла по тремъ направленіямъ въ городъ...

Недалеко отъ дома полиціймейстера, въ Казанскомъ переулкѣ, появилась одна изъ этихъ трехъ партій и камни полетѣли въ

окна синагоги. Въ то же время появилась и рота солдатъ, которыхъ однако толпа ни мало не испугалась, а только смѣшалась съ ними. Появился и самъ полицiймейстеръ и началъ говорить какую-то рѣчь, но толпа его не слушала и, если вѣрить молвѣ, здѣсь произошелъ съ начальникомъ города casus belli... Кто-то изъ толпы прервалъ его рѣчь, разорвавъ надъ его головой подушку съ пухомъ. Я допускаю, что это вымыселъ, а впрочемъ—всяко бываетъ! Одно только можно съ увѣренностью сказать, что увѣщанія полицiймейстера не подѣйствовали, и его смѣнили два священника. Но толпа и священниковъ не послушала.

— Идите себѣ съ Богомъ, батюшки,—говорили имъ расходившіеся вожаки бунта, — тутъ не ваше, не божественное дѣло.— И священники принуждены были ретироваться.

Затрещали кабаки, лавки и публичные дома. Уже разгорѣлся майскій полдень, и вмѣстѣ съ нимъ разгоралась вакханалія. Небольшой отрядъ изъ мѣстнаго караула маршировалъ изъ улицы въ улицу, но совершенно безуспѣшно. Наконецъ солдатамъ удалось добраться до толпы, и началась рукопашная. Солдаты били прикладами, въ нихъ летѣли камни. Раздался залпъ холостыми зарядами — толпа расхохоталась, и въ отвѣтъ снова посыпались каменья; снова поднялась рукопашная и стали слышаться отдѣльные выстрѣлы... Эти выстрѣлы были уже страшнѣе; толпа разбѣгалась, и на мостовой оставались съ крикомъ и въ корчахъ раненые.

А майское солнце между тѣмъ свѣтило такъ ярко и тепло!...

Что было вплоть до 7 часовъ вечера когда изъ Новочеркаска явилась первая команда пѣшихъ казаковъ—трудно разсказать. Городъ былъ какъ въ чаду—на окнахъ выставляли иконы съ зажженными лампадками, на воротахъ рисовали огромные кресты мѣломъ, на штукатуркѣ домовъ углемъ писали: здѣсь христіане. Евреи прятались въ христіанскихъ домахъ и дворахъ; бѣдняки же, не имѣвшіе друзей между христіанами, забравъ свои пожитки, съ женами и дѣтьми бѣжали изъ города въ поле, за р. Темернакъ. Тамъ они оставались нѣсколько дней холодные и голодные, валяясь во рвахъ, на голой землѣ.

Удивительное дѣло! Солдаты, въ числѣ около 500 человѣкъ, въ теченіи цѣлаго дня не могли остановить движеніе, будучи однако

вооружены берданками со штыками. Является отрядъ въ 100 человѣкъ пѣшихъ казаковъ со штуцерами безъ штыковъ, съ неотпущенными шашками и даже безъ пресловутыхъ нагаекъ, такъ какъ пѣшимъ онѣ и ненужны — и толпа разбѣгается отъ этой горсти!

— А, казачки, казачки! ну, давайте, братцы, удирать! кричатъ вожаки и удираютъ; но не смотря и на это, казаки успѣваютъ арестовать до 200 человѣкъ. Съ 10 часовъ все было тихо и луна освѣтила притаившійся въ страхѣ городъ...

— Ведите меня, братцы, туда, гдѣ есть разбитые дома,—сказалъ я моимъ проводникамъ и они, подержавъ совѣтъ между собой, какъ лучше направить наше путешествіе, повели меня въ широкую, совершенно мертвую улицу... Это улица публичныхъ домовъ. Всѣ разбитые дома отличались мрачной молчаливостью. Черныя дыры вмѣсто оконъ глядѣли угрюмо. Около каждаго изъ такихъ домовъ я останавливался, прислушивался, иногда звалъ хозяина, но никто мнѣ не откликался. Наконецъ, около одного изъ такихъ домовъ я замѣтилъ какую-то тѣнь;—она при нашемъ приближеніи поднялась съ деревяннаго крылечка, выступавшаго на улицу, и шмыгнула въ калитку...

— Эй вы, кто тамъ! подите сюда!—кричалъ я.

Гробовое молчаніе.

Я снова зову—все безуспѣшно. Наконецъ еврей начинаетъ по своему кричать...

Тѣнь снова появилась у калитки и быстро спряталась.

— Чортъ васъ дери,—кричу я,—да выйдите же, наконецъ, не съѣдимъ мы васъ.

Показалась женщина въ бѣлой юбкѣ, съ накинутымъ на плечи платкомъ.

— А вамъ што надо!—спрашиваетъ она бойкимъ, но хриплымъ голосомъ.

— Васъ разгромили? спрашиваю я...

— А то какъ же! Черти проклятые—все чисто обкрали...—Это оказалась русская проститутка въ домѣ еврейки-содержательницы публичнаго дома. Она разсказала намъ, какъ ворвались къ нимъ въ домъ, какъ хозяйка отъ двухъ партій откупилась, а отъ третьей уже нечѣмъ было откупиться, ну, и разбили ихъ. По ея словамъ, небольшія кучки, проходя мимо домовъ терпимости, останавлива-

лись предъ ними и бросали въ окна каменья. Тогда хозяйка выходила и дала первой кучкѣ 25 рублей, а второй тринадцать—все что имѣла. А какъ третья кучка подошла, тутъ ужъ и плохо пришлось.

— Всѣ мои юбки чисто на ленточки порвали... Совсѣмъ не въ чемъ показаться... Денегъ четыре рубля, на пашпортъ приготовлены были—то-жъ взяли... Молила Христомъ-Богомъ... и знаю кто взялъ—Аксенька рябой, проклятый!

Въ хрипломъ голосѣ женщины слышались слезы...

— Дайте, баринъ, папироску!—обратилась она беззаботно.

Мы продолжали нашъ путь, окруженные все той же мертвой тишиною.

Въ концѣ этой улицы мы подошли къ совершенно разнесенной лачугѣ и усѣлись на крылечкѣ отдохнуть. Не успѣли мы закурить папиросъ, какъ до нашего слуха долетѣлъ протяжный человѣческій стонъ, похожій скорѣе на вой. Мы невольно вздрогнули; стонъ выходилъ изъ двора, гдѣ виднѣлась какая то дряхлая постройка, что-то въ родѣ сарая. Я сталъ звать—кто тамъ? отвѣта не послѣдовало. Мы прошли черезъ дворъ, на которомъ валялись обломки какой-то рухляди, и подошли къ сараю; стонъ снова повторился—ужасный, раздирающій душу стонъ, точно сдавили кого-то тиски, и ноющая боль слышалась въ этомъ, очевидно, женскомъ воплѣ...

— Да кто же тамъ? отворите!—кричу я, дергая покосившуюся дверь. Она отворилась сама собой; внутренность сарая была совершенно темна, только сквозь широкія щели виденъ былъ лунный свѣтъ. Стонъ повторился съ ужасающей силой, а между тѣмъ никого не было видно.

— Да кто здѣсь стонетъ?

Одинъ изъ моихъ вожаковъ зажегъ спичку, и глазамъ нашимъ представилась страшная картина.

Молодая женщина съ помертвѣвшимъ лицомъ лежала на земляномъ полу между кучами мелкихъ щепокъ, кизяка и каменнаго угля; вокругъ нея была лужа крови — она мучилась въ родахъ. Ноги ея то скрючивались, то вытягивались, все тѣло то подымалось, то безпомощно падало на куски угля и щепки... Растерянные, мы сперва не знали что дѣлать—бросились въ сосѣдніе дома, но

нигдѣ нам не отперли; мы стучали, кричали, я грозилъ самъ учинить погромъ, но намъ никто не отзывался. Тогда мы рѣшили сами изобразить изъ себя воспріемныхъ бабушекъ... но всѣ нами заботы на этотъ счетъ ограничились только тѣмъ, что мы разыскали какія-то лохмотья, изъ которыхъ сдѣлали постель для больной; однако, едва мы взялись переносить роженицу на эту постель, какъ стоны ея раздались такъ громко, что у насъ и руки опустились... Я выскочилъ на улицу и сталъ изо всей мочи звать на помощь. Въ это время показался казачій патруль. Казаки бѣгомъ пустились на мой крикъ.—Я объяснилъ имъ дѣло. Немедленно одинъ изъ нихъ отправился за извозчикомъ — мы рѣшили везти роженицу въ больницу.

Не стану описывать тягостной сцены, когда казаки укладывали несчастную на дроги,—эти вопли способны были вытянуть душу. Когда поѣздъ тронулся, я закрылъ глаза, заткнулъ уши и скорѣй направился въ противоположную сторону.

Намъ долго еще пришлось идти до извощика; ноги у меня подламывались отъ усталости... Но вотъ наконецъ и извощикъ былъ найденъ; на дворѣ уже почти разсвѣло, и я приказалъ везти себя въ гостинницу. Но на бѣду ни въ одной гостинницѣ свободной комнаты не было—все было переполнено евреями; не только комнаты были заняты, но въ нѣкоторыхъ гостинницахъ народъ лежалъ въ корридорахъ, прямо на голомъ полу. Только, когда солнышко уже показалось, мнѣ удалось найти нѣчто въ родѣ комнаты въ какомъ-то захолустьи.

Даже и не впечатлительному человѣку плохо спится при такихъ обстоятельствахъ; я не сомкнулъ глазъ, и въ 7 часовъ утра уже снова катилъ на извощикѣ по улицѣ, гдѣ вчера былъ погромъ. Народъ суетился какъ ни въ чемъ не бывало, на лицахъ не отражалось ровно ничего, только еврейское населеніе суетилось особенно тревожно и на лицахъ замѣчалась нѣсколько торжественная серьезность. Разбитые дома, смотрѣвшіе на меня при лунномъ освѣщеніи своими мрачными дырками вмѣсто оконъ, теперь имѣли видъ какъ послѣ войны—свѣжесть погрома чувствовалась во всемъ. Внутренность разрушенныхъ домовъ представляла невообразимую картину, не поддающуюся описанію—до того перемѣшаны были изломанные и изорванные предметы. Пухъ вездѣ за-

нималъ первое мѣсто—онъ покрывалъ грязныя горы тряпокъ, обломковъ мебели и черепковъ утвари; вмѣстѣ со шляпой со страусовымъ перомъ лежитъ кусокъ тарелки, тутъ же маленькій кусочекъ отъ совершенно разщепленныхъ досокъ комода, изъ-подъ этого виднѣется красная юбка, порванная въ клочья, тамъ торчатъ кусокъ ножки отъ стула и затертый въ землѣ кусокъ ковра—какіе-то объѣдки, стекло отъ зеркала, лохань, разбитая въ дребезги, ручка отъ чайника... Словомъ—самый невообразимый хаосъ. Въ одномъ изъ домишекъ, неизвѣстно почему-то расколоченныхъ, хотя хозяинъ этой лачуги не кабатчикъ, и не содержатель притона—я видѣлъ очень трогательную картину. На грудѣ разбитыхъ и порванныхъ вещей сидѣлъ ребенокъ, дѣвочка не болѣе трехъ лѣтъ, почти голая—вся рубашонка на ней была въ грязи и въ клочьяхъ; она горько рыдала, прижимая къ груди расплющенную грошовую куклу, которую ей подарилъ отецъ. Вокругъ дѣвочки молча стоялъ народъ, всѣмъ точно стыдно было...

— Чего ты плачешь?—спрашиваю я у ребенка.

— Побылы куклу,—говоритъ она малороссійскимъ нарѣчіемъ.

— За что-жъ ее побили?—спрашиваетъ кто-то изъ толпы.

— За жидівъ!—принимаясь горько рыдать, отвѣчаетъ дѣвочка...

— Дывысь-воно вже зна!—идутъ замѣчанія въ толпѣ.

Вездѣ въ домахъ, гдѣ произошли разгромы, слонялась молчаливая толпа—хозяевъ было не видно; но если мнѣ удавалась встрѣтить кого нибудь изъ потерпѣвшихъ, то всѣ они имѣли до того потерянный видъ, что разговориться съ ними не было возможности. Въ одномъ домѣ сѣдой старикъ еврей, не обращая ни на кого вниманія, молчаливо ходилъ вокругъ кучи рухляди, растрепанной и пересыпаной грязью и пухомъ. Онъ то вынималъ отломанную ножку стула и, подержавъ ее, снова бросалъ въ кучу, то вдругъ изъ всѣхъ силъ вытягивалъ какую-то одежду, стряхивалъ ее, обчищалъ рукавомъ и снова бросалъ въ кучу хлама.

— Дѣдушка! зачѣмъ же ты бросаешь назадъ свой кунтушъ? спрашивали его изъ толпы.

Онъ ничего не отвѣчалъ и принимался выправлять стѣнки измятаго кофейника или чайника или прикладывалъ кусокъ разбитой тарелки къ куску неизвѣстно какой другой посуды и долго, долго возился съ этими кусками.

Въ бѣломъ каменномъ домѣ, гдѣ не осталось въ окнахъ и признака стеколъ, двѣ молодыя дѣвушки сидѣли на подоконникѣ, обнявшись, поминутно склоняя головы другъ къ дружкѣ и какъ-то онотонно безпрерывно взвизгивая... Передъ ними на полу была набросана таже безформенная масса, изъ которой выглядывали то кусочекъ розовой ленточки, то цвѣтокъ, то согнутая и раздавленная мѣдная брошка... Сколько ни старался я выпытать у нихъ что нибудь о вчерашней исторіи—онѣ ничего не отвѣчали, а только громче начинали взвизгивать. Впрочемъ и отвѣчать было нечего; картина говорила сама за себя.

Въ двухъ-этажномъ кирпичномъ домѣ казачьяго полковника Филенкова всѣ окна были выбиты. Весь нижній этажъ, гдѣ помѣщались еврейская мелочная лавочка и булочная, представлялъ какую-то казарму, гдѣ все было изломано, побито, изуродовано. Еврейское семейство—старуха, мужчина лѣтъ за сорокъ и дѣти—все это слонялось изъ угла въ уголъ ошалѣлое, измученное и безмолвное.

— Что-жъ теперь дѣлать? Чѣмъ вы будете заниматься, куда дѣнетесь? спрашивалъ я хозяина. Онъ стоялъ передо мной растерянный, съ поникшей головой—и ни одного слова въ отвѣтъ...

Долго я еще скитался изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, встрѣчая все ту же толпу—не то удивленную, не то сконфуженную—совершенно обезумѣвшихъ евреевъ. Наконецъ, мнѣ захотѣлось взглянуть и на самихъ погромщиковъ. Отправляюсь къ острогу; передъ самимъ зданіемъ—группы мѣстныхъ солдатъ, стоящихъ и лежащихъ, ружья, сложенныя въ козлы и веселые разговоры. Въ острогъ меня однако, не пустили—привезите, говорятъ, разрѣшеніе отъ полицій-мейстера. Отправляюсь къ полиціймейстеру—но его невозможно видѣть; какой то чиновникъ съ тревогою въ лицѣ началъ меня упрашивать побывать здѣсь дня черезъ три, и лучше черезъ недѣльку—когда все успокоится.

— Знаете, время теперь не такое...

— Да что-же, нездоровъ, что-ли полиціймейстеръ или очень занятъ?

— Да, знаете—и нездоровъ и занятъ...

— Что-же, развѣ что нибудь случилось съ нимъ, когда онъ уговаривалъ толпу? (я предложилъ этотъ вопросъ потому, что въ толпѣ носились слухи, будто полиціймейстеръ пострадалъ).

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... отвѣчалъ съ испугомъ чиновникъ,—какъ это можно!

Отправляюсь узнать въ полицейскомъ участкѣ о количествѣ арестованныхъ; мнѣ любезно предлагаютъ услуги, но оказывается, что цифры далеко неточны—сама полиція не знаетъ всѣхъ; однако же списки около полутораста именъ уже составлены.. Между этими молодцами большая часть пришлыхъ мѣщанъ и крестьянъ, являющихся въ Ростовъ на заработки; есть даже одинъ дворянинъ, и почетные граждане, и купеческія дѣти. Но большинство—пришлое. Это тѣ оборвыши, которые въ Ростовѣ извѣстны подъ именемъ *босого батальона* или *босой команды*. Въ участкѣ ихъ было нѣсколько человѣкъ—они приготовлялись отправиться въ острогъ. Я вступилъ съ ними въ разговоръ. Всѣ забожились и заклялись, что и не думали трогать жидовъ, и просили меня помиловать ихъ—ибо совсѣмъ за напраслину терпятъ. Всѣ они пойманы съ краденными вещами. Собственно и большинство арестованныхъ подозрѣвалось не въ самомъ разгромѣ, а только въ кражѣ... Кстати, теперь я воочію могъ убѣдиться, что разсказы о безкорыстіи погромщиковъ по меньшей мѣрѣ преувеличены.

Въ другомъ полицейскомъ участкѣ, куда я отправился, чтобы пополнить свѣдѣнія о количествѣ арестованныхъ—таковыхъ не оказалось...

— Помилуйте,—говорилъ мнѣ одинъ изъ чиновниковъ, повидимому смирнѣйшій смертный,—къ намъ привели-было двоихъ, мы и тѣхъ отпустили съ Богомъ на всѣ четыре стороны; у насъ и сажать ихъ некуда, да и караулить некому.

Городъ былъ совершенно спокоенъ въ этотъ день. По улицамъ разъѣзжали конные патрули артиллерійской команды; всѣ магазины отперлись, заперты были только лавки, потерпѣвшія вчера отъ погрома. Это были не все еврейскія лавки—нѣкоторые русскіе купцы также поплатились.

Я телеграфировалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ „Восходъ", но, увы, моимъ телеграмамъ не суждено было появиться на свѣтъ Божій.

Черезъ нѣсколько дней въ Ростовъ стали стекаться батальоны пѣхотныхъ полковъ, но они были уже тамъ безполезны—сотня казаковъ умиротворила все...

И. Щедровъ.

10 мая 1884 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

